

ДИАНА УИНН ДЖОНС

трашная Тайна

Впервые на русском!
От автора всемирного бестселлера «Ходячий замок»!

ДИАНА УИНН ДЖОНС

трашная Тайна

Впервые на русском!
От автора всемирного бестселлера «Ходячий замок»!

Диана Уинн Джонс

Страшная тайна

*Эти секретные материалы были получены от
магида Руперта Венейблза в 3413 году К. И. и по
личному распоряжению императора помещены в
новый архив в Ифорионе.*

Wynne Jones
DEEP SECRET

Copyright © Diana Wynne Jones 1997
All rights reserved

This edition is published by arrangement with Laura Cecil and The Van
Lear Agency

Перевод с английского Анастасии Бродоцкой
Иллюстрации в тексте Ирины Горбуновой
Иллюстрация на обложке Антона Ломаева

© А. Бродоцкая, перевод, 2017

© И. Горбунова, иллюстрации, 2017

© А. Сагалова, перевод стихов, 2017

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2017

Издательство АЗБУКА®

Глава первая

Начну, пожалуй, с одной из наших страшных тайн, иначе разобраться в этом отчете будет непросто.

Вечность и Бесконечность во всей множественной Вселенной обозначают одинаково – фигурой в виде опрокинутой набок восьмерки. И не случайно, поскольку такой символ точно отражает двойную природу множественных миров: они располагаются словно бы в спиральной туманности, закрученной в ленту Мёбиуса и потому бесконечной. Говорят, что и число этих миров бесконечно и что с каждым днем возникают все новые и новые. Но еще при этом говорят, что множественные миры каким-то образом создал император Корифос Великий, когда завоевал все от Да-стороны до Нет-стороны.

Можете считать, что миры множатся бесконечно или что их число постоянно, – как вам больше нравится. Лично я так и не решил.

Несомненно одно: половина этой восьмерки миров магически

отрицательна, потому и говорят «Нет-сторона», а вторая половина положительна и называется, соответственно, «Да-сторона». Империя Корифоса расположена как раз на перегибе, в середине, и символ ее и по сей день – положенная набок восьмерка-Бесконечность.

Этот символ в империи виден повсюду и встречается даже чаще, чем памятники Корифосу Великому. Я знаю, что говорю. Около года назад меня вызвали в столицу империи Ифорион на судебное разбирательство. Согласно очень древним законам, в подобных случаях требуется присутствие магида – иначе, конечно, обошлись бы и без меня, а уж я-то без них точно обошелся бы. Командировки в Корифонскую империю у меня чуть ли не самые нелюбимые. По традиции делами империи заведует самый младший магид с Земли, а я тогда как раз таким и был. И вдобавок падал с ног от усталости. Я только накануне вернулся из Америки, где мне пришлось практически в одиночку уговаривать и подзуживать нужных людей, чтобы они установили хоть какой-то мир в бывшей Югославии и Северной Ирландии. Но едва я увидел повестку в суд, как всю мою радость и гордость как ветром сдуло. Мысленно застонав, я надел полагавшуюся по протоколу мантию из кремовой шелковой парчи с лиловой лентой-столой, концы которой свисали спереди, и отправился в империю, чтобы занять свое место на закрытом судебном заседании.

Настроение у меня было прескверное, к тому же я одурел от смены часовых поясов, поэтому первым делом подумал: ну почему было не устроить заседание в каком-нибудь парадном зале? В Большом императорском дворце полно помещений, которым больше тысячи лет, и некоторые древние залы, что судебные, что бальные, просто чудесны. Но для этого заседания отвели новый зал, обшитый дубовыми панелями, от которых пахло лаком, скучный, как коробка, и начисто лишенный очарования. И деревянные скамьи были просто до ужаса неудобные. Рельефная эмблема в виде восьмерки, слишком ярко и густо позолоченная, впивалась мне в спину, сверкала на всех стенах и на огромном деревянном троне, предназначенном для императора. Помню, как я в досаде перевел взгляд на висившуюся в углу неизбежную статую Корифоса Великого. Она тоже была новая и вся в броской позолоте – но, впрочем, и сам Корифос был личность яркая, не поспоришь. Хотя все памятники ему одинаковые и идеализированные, с первого взгляда ясно, что они изображают человека, который и правда когда-то ходил по земле и обладал очень узнаваемой внешностью. У него была манера немного наклонять голову к плечу, примерно как у земного Александра Македонского, и осторожная, загадочная улыбка – Корифос словно бы говорил: «Я вас прекрасно

понимаю, но все равно поступлю по-своему». Сразу понятно, что был он упрямый, как баран.

Помнится, я еще задумался, за что в империи так любят Корифоса: он правил каких-то лет двадцать, и было это две с лишним тысячи лет назад, и к тому же почти не бывал в столице, занятый завоеваниями всего подряд, но почему-то корифонцы упорно считают его времена золотым веком. И тут я отвлекся от этих мыслей, потому что нам пришлось встать – явился нынешний император. Человек совсем иного толка – мелкий, кислый, неинтересный. Как так выходит, что императоры берут в жены прекраснейших женщин нескольких миров, а порождают потомство вроде Тимоса IX, на которого и в толпе-то не обернешься? Посмотреть на него – так просто близорукий коротышка с наглой миной. Тимос IX входил в число тех немногих жителей империи, кому требовались очки. Когда я поднялся его поприветствовать, мне от этого стало неловко. Кроме императора, я был единственным очкариком в зале, и получалось, будто я претендую на то, что я ему ровня. Вообще-то, магид во многих отношениях ровня любому самодержцу, однако на этом судебном заседании я был всего лишь независимым наблюдателем, который находился здесь по требованию закона и должен был просто подтвердить, что обвиняемый нарушил или не нарушил закон. Мне и говорить-то позволялось только после оглашения приговора.

Все эти формальности вместе с прочими юридическими тонкостями мне занудно сообщили во вступительном слове, когда мы все уселись, а заключенного ввели и поставили в центре зала. Это был симпатичный юноша лет двадцати по имени Тимотео. На вид никакой не преступник. К сожалению, из-за смены часовых поясов голова у меня отказывалась вникать в происходящее, и, как я ни напрягался, мне удалось разве что сообразить, что Тимотео – не настоящее имя и по каким-то туманным юридическим соображениям настоящее имя обвиняемого называть нельзя. Помнится, я снова углубился в размышления о Корифосе Великом. Мне подумалось, что его культ заменяет империи религию. В этом мерзком местечке религий было просто пруд пруди, больше тысячи разных божков и божулек, но кому поклоняться – это было сугубо личным делом каждого. Приведу пример, показывающий, до какой степени личным: мне тогда вспомнилось, что сам Тимос IX лет пятнадцать назад решил поклоняться какой-то на диво необаятельной богине, которая обитала в кустах на могиле покойного жреца и требовала от своих приверженцев особо безрадостного образа жизни. Возможно, именно поэтому у императора и был такой изможденный и мрачный вид. Однако больше никому в суде и в

голову не приходило принять веру императора. Всех объединял Корифос.

Тут я волей-неволей встряхнулся. Император лично зачитал обвинение, написанное выпренним юридическим языком. Но если пробиться через судебные формулировки, становилось ясно, что даже по меркам империи это не дело, а просто бред какой-то. Так называемый Тимотео был старшим сыном императора. Закон, который он якобы нарушил, требовал, чтобы никто из детей императора – будь то отпрыск «верных жен», «верховных дам» или «низших наложниц» – не знал, кто его родители. Если он это выяснит, его ждет смертная казнь. Смертная казнь полагается также всякому, кто помогал императорскому отпрыску это узнать.

Затем император спросил Тимотео, нарушил ли он этот закон.

Похоже, Тимотео знал об этом законе примерно столько же, сколько я. И потрясен и разгневан был, судя по всему, тоже не меньше моего. Я едва не заплодировал, когда он сухо ответил:

– Сир, если бы я и не нарушил его раньше, то нарушил бы сейчас, ведь вы только что зачитали мою родословную.

– Так ты нарушил закон? – повторил император.

– Да, – сказал Тимотео.

Уловка-22, подумал я. Меня трясло от злости. Ничего себе шарада!

Самое ужасное, что Тимотео был не только обаятельный, но еще и умный. Император из него получился бы куда лучше отца. Очевидно, чтобы выяснить, кто он такой, нужен был особый талант. Тимотео был одним из четырех приемных детей в доме провинциального дворянина, и по ходу заседания стало понятно, что остальные трое воспитанников и сам дворянин наверняка ему в чем-то помогали. Однако Тимотео твердо держался той версии, что всю детективную работу он проделал в одиночку и дошел до всего абсолютно самостоятельно. А узнав тайну собственного происхождения, совершил роковую ошибку – написал своей матери, первой наложнице императора, и попросил подтвердить его догадку.

– Неужели тебе не приходило в голову, что теперь, когда ты все знаешь, наши враги могут похитить тебя, чтобы шантажировать нас? – спросил его император.

– Я не собирался никому рассказывать, – возразил Тимотео. – И вообще, я взрослый самостоятельный человек.

– Значит, ты намеревался претендовать на императорский престол! – догадался император.

– Нет, не собирался! – запротестовал Тимотео. – Просто мне не нравилось, что я не знаю, кто я такой. По-моему, я имею право знать!

– Нет, не имеешь! Твои собственные слова доказывают, что ты виновен

в заговоре против короны! – Император был явно доволен собой. И поглядел на меня – я заерзал на высокой неудобной скамье. – Закон есть закон, – сказал он. – Магид, засвидетельствуйте, что этот человек нарушил закон нашей империи.

Я молча поклонился. Говорить с ним было выше моих сил.

Потом было много пустой болтовни, и другие сановники вставали, шурша парадными шелками, и тоже свидетельствовали, что закон нарушен. Как будто какой-то дурацкий торжественный танец. Я сидел и думал, как бы улучшить момент и колдовством утащить юного Тимотео подальше отсюда, – думал, но так ничего и не сделал, наверное, потому, что голова была дурная из-за часовых поясов. К этому времени лицо у Тимотео стало совсем огорошенное. Перед ним только что промаршировали шесть человек и передали ему смертный приговор, и каждый взметнул у него перед носом белой подкладкой ярко-розовой мантии. Как будто тебя приговаривает к смерти клумба с петуниями. Вот я и не сообразил, что все это всерьез. И решил, что действовать начну, когда Тимотео поведут обратно в камеру для приговоренных. В зал суда его доставили под конвоем целого отряда дворцовых гвардейцев и на всякий случай еще и в сопровождении волхва и, похоже, вообразили, будто такая охрана никому не по зубам. Поэтому я выжидал.

И довыжидался. Петунии отступили. Император безо всякого выражения проронил:

– Приговор можно привести в исполнение немедленно.

И поднял руку, всю унизанную перстнями. Видимо, в один из камней был встроен этот их миниатюрный лазер. Тимотео тихонько охнул и повалился на бок, изо рта у него потекла кровь.

Все произошло ужасно быстро – во мне даже вспыхнула надежда, что это какой-то фокус. Я вообразить не мог, чтобы император – император чего угодно, пусть даже Корифонской империи, – не захотел оставить в живых своего старшего сына. И когда я на негнущихся ногах ковылял по лакированным деревянным ступеням к центру зала, то был уверен, что все это какой-то спектакль, чтобы враги императора решили, будто Тимотео погиб. Но это был никакой не фокус. Я потрогал Тимотео. Он был еще теплый, как живой, но пальцы сказали мне, что в теле больше нет души.

Я встал и поспешно зашагал прочь от трупа, не желая скрывать своих чувств.

Мне было тошно и от себя, и от императора. По дороге домой я мысленно твердил, что империя на то и империя и в таких местах нечего и рассчитывать на сострадание или даже уважение к человеческой жизни.

Времени, чтобы клясть себя на чем свет стоит, у меня было предостаточно. Земля находится по Нет-сторону от империи, поэтому всю дорогу мне пришлось словно бы подниматься по отлогому склону и как будто подтягиваться на кристаллической решетке между мирами, так что когда я добрался до дому, то ненавидел уже не только империю, но и дурацкий наряд, который меня заставили напялить и который не давал нормально двигаться. Как раз когда я, оказавшись наконец в собственной гостиной, срывал с себя эту мерзость, зазвонил телефон.

Я только и мечтал, как сяду и выпью свежесваренного кофе, а потом позвоню старосте магидов и подам на императора официальную жалобу. Поэтому выругался. И схватил трубку.

– Ну что?!

Оказалось, что это мой старший брат Уилл.

– День не задался? – спросил он.

– Не то слово, – отозвался я. – Был в Корифонской империи.

– Тогда точно не задался, – ответил Уилл. – Какое счастье, что я за нее больше не отвечаю. – (Уилл тоже магид.) – К сожалению, мой звонок тебя точно не утешит, у меня печальный повод. Я у Стэна Чарнинга. Он болен. И зовет тебя.

– О господи! – выдохнул я. – Ну почему беда не приходит одна?

– Не знаю. Так уж повелось, – сказал Уилл. – К страшным тайнам это не относится, а жаль. Руперт, я думаю, Стэн умирает. Он тоже так считает. Мы хотели позвать и Сая, но его нигде не найти. Когда сможешь прибыть?

– Через полчаса, – сказал я. Стэн живет на окраине Ньюмаркета. А я – в Уиверс-Энде, это сразу за Кембриджем.

– Хорошо, – ответил Уилл. – Тогда я пока посижу с ним и дождусь тебя.

Уилл имел в виду: «И, если понадобится, обеспечу, чтобы он дотянул до твоего прихода». Если Стэн и правда умирает, значит ему надо передать мне какие-то магидские дела.

– До скорого. – И Уилл повесил трубку.

Я задержался дома ненадолго – только чтобы сварить кофе и отправить старосте магидов факс, что я собираюсь подать жалобу на империю, если понадобится – в Верхнюю палату. Староста магидов живет за несколько миров от Земли в Нет-сторону, и обычно с меня семь потов сходит, пока я пропихну туда факс. Но в тот день мне хватило нескольких секунд. Пять гневных отточенных фраз – и все в мгновение ока. Просто я ни о чем не мог думать, кроме Стэна. И когда сел за руль, то думал только о нем. Обычно, усевшись в машину, я делаю паузу и наслаждаюсь моментом,

особенно если только недавно откуда-то вернулся. Машина у меня просто невозможно прекрасная, я с детства о такой мечтал. И всякий раз замираю и радуюсь, как же хорошо, что доходы позволяют мне водить подобную машину. Но в тот день все было иначе. Я просто сел и поехал, прихлебывая кофе из термоса, а в голове моей были только мысли о Стэне.

Это Стэн добился, чтобы сначала Уилла, потом нашего брата Саймона, а потом и меня приняли в Содружество магидов. Это он научил меня почти всему, что я знаю. По-моему, я тогда не представлял себе, как буду жить без него. И все молился – вот бы кто-нибудь из них ошибся, или он, или Уилл, вот бы на самом деле Стэн не умер. Да только магида в подобных вещах не ошибаются, вот беда.

– Зараза! – сказал я вслух.

Мне все время приходилось смаргивать. Я толком не видел всех тех дорог, по которым ехал, пока машина не запрыгала по заросшему ухабистому проселку, который вел к бунгалу Стэна.

Не бунгалу, а гадость. Клякса на пейзаже. Будто шмякнули на плоскую пустошь огромный куб стилтонского сыра. Мы частенько подшучивали над Стэном, что оно такое страшненькое, но он всегда говорил, что ему там очень неплохо живется. Мои знакомые – особенно те, кто знал всех трех братьев Венейблз в кембриджский период нашей биографии, – не могли взять в толк, что мы нашли в убогом мелкотравчатом Стэне, бывшем жокее. И спрашивали, как нам удастся заставить себя подолгу торчать в его жуткой лачуге – а мы оттуда не вылезали.

Дело в том, что все магида живут двойной жизнью. Нам надо как-то зарабатывать на хлеб. Стэн зарабатывал тем, что давал шейхам и прочим богатым советы насчет скаковых лошадей. А я программист, в основном пишу компьютерные игры.

Я поставил машину возле драндулета Уилла. В сумерках и против света он сойдет за «лендровер». Но на ярком солнце, как тогда, волей-неволей отведешь глаза и подумаешь – чего только не померещится. Я пробрался между машинами, и Уилл открыл мне бутыльно-зеленую дверь бунгалу.

– Доброе утро, – сказал он. – Мне пора коз доить. Он в левой передней комнате.

– Он еще... – начал было я.

– Да, – кивнул Уилл. – Я уже попрощался. Жаль, что Сая так и не разыскали. Он уже сто лет пропадает где-то в Да-стороне, и у кого я ни спрашивал, никто не поддерживает с ним связь. Стэн написал ему письмо. Ну, ты мне скажешь, как и что, да? – И он с сосредоточенным видом прошел мимо меня и забрался в свой жуткий драндулет.

А я двинулся в бунгало. Стэн лежал на узкой кровати у окна, вытянувшись во все свои пять футов^[1]. Кривоватые ноги были в джинсах детского размера, один носок протерся на большом пальце. На первый взгляд и не заподозришь, что Стэну совсем худо, если не знать, что обычно-то он постоянно чем-то занят, ни минуты на месте не сидит. Но когда я посмотрел в лицо – а я посмотрел почти сразу, – то заметил, что кожа как-то странно натянута на черепе, а глаза, словно кошачьи, таращатся из-под высокого лба, который казался еще выше из-за поредевших седых кудрей, и лихорадочно блестят.

– Где ты пропадал, Руперт? – одышливо пошутил он. – Уилл тебе уже минут пять как позвонил!

– Да в Корифонской империи, – ответил я. – Пришлось писать жалобу старосте магидов.

– А, этой! – пропыхтел Стэн. – Да ее завалили жалобами все магида, кто туда хоть раз совался. Злоупотребление властью. Нарушение прав человека. Манипуляции магадами. Прогнившая система. Мне давно кажется, что она просто складывает их все в папку с надписью «К. И.», а потом ее теряет.

– Принести тебе чего-нибудь? – спросил я.

– А смысл? – ответил он. – Мне осталось примерно с час, переварить ничего не успею. Но от водички, пожалуй, не откажусь.

Я принес ему стакан воды из кухни и помог приподняться, чтобы удобно было пить. Стэн совсем ослабел, и от него пахло. Чем именно – не описать, но так пахнут только безнадежно больные, и если знаешь этот запах, его уже ни с чем не спутаешь. Я его помню, потому что от дедушки так пахло.

– Может, доктору позвонить? – спросил я Стэна.

– Рано. – Он откинулся на подушки, слегка отдуваясь. – Мне еще многое надо сказать.

– Спешить нам некуда, – заметил я.

– Не смешно! – буркнул он. – Ну... Ладно. В общем, так. Ты, Руперт, младший магид на Земле, поэтому на тебя ложится обязанность найти мне преемника и поручиться за него... Но это ты, надеюсь, и без меня знаешь.

Я кивнул. Количество магидов неизменно. Когда кто-то умирает, мы стараемся заполнить пустоту как можно скорее, потому что у нас очень много работы. Именно таким образом Стэн и поручился и за меня, и за братьев. Тогда трое магидов умерли с промежутком меньше полугода, и случилось это задолго до того, как Уилл успел подготовиться к тому, чтобы претендовать на место. До этого Стэн был младшим магидом на

Земле почти десять лет. Как я говорил своему брату Уиллу, беда не приходит одна.

– Так вот, я тебе должен тут кое-что объяснить, – продолжал Стэн. – Во-первых, я составил для тебя список кандидатур. Он в левом верхнем ящике письменного стола, вон там, лежит поверх завещания. Будь паинькой, убери его с глаз долой, пока никто не увидел.

– Что? Прямо сейчас? – спросил я.

– А что плохого в «прямо сейчас»? – поинтересовался он.

Суеверие, подумал я и двинулся к столу. Мне не хотелось вести себя так, будто Стэн уже умер, пока он жив. Но ящик я выдвинул, увидел там сложенный листок, взял его и развернул:

– Такой короткий?!

– Не нравится – дополни! – ответил Стэн. – Но сначала разберись с этими. Я весь последний месяц старался, чтобы у тебя были хорошие, сильные кандидаты. Двое даже успели побывать магадами – в прошлой жизни.

– А это хорошо? – спросил я.

Стэн очень увлекался идеей переселения душ. С моей точки зрения, это был его большой недостаток. Он был готов верить всему, что только ни расскажут про реинкарнацию. И ему, похоже, и в голову не приходило, что, когда люди вспоминают прошлые жизни, почему-то никто не говорит, что его прошлая жизнь была самая обычная. Сплошные короли, королевы да верховные жрицы.

Стэн усмехнулся, отчего его странно перекошенное лицо перекосилось еще больше. Мое мнение было ему известно.

– Ну, если они взяли на себя труд переродиться, уже одно это значит, что они ребята неглупые. Сам поймешь, сколько пользы, если у кого-то от рождения в подсознании половина всего, что нужно, да еще и таланта ему не занимать. Правда, у всех в моем списке хорошие, крепкие таланты. Перспективней не найдешь. – Он помолчал. Ему все время не хватало дыхания. – Только рассмотри их как следует, – продолжил он. – Знаю, нам не положено с этим делом затягивать, но все-таки оно не то чтобы прямо горит. Бери пример с меня: я оставил вас в покое почти на год. Мне и самому не верилось, что у трех братьев в одной семье могут быть способности магидов. А потом думаю – а что такого? Может, это наследственное. Только я тебе никогда не говорил, из-за чего принял окончательное решение по поводу тебя.

– Потому что мое превосходство было очевидно? – предположил я.

Стэн хохотнул:

– Нет. Потому что ты был магидом по меньшей мере в двух прошлых жизнях.

Будь это обычный разговор, я бы страшно разозлился.

– У меня нет никаких воспоминаний о прошлых жизнях, – отчеканил я, – и я никогда не говорил тебе ничего такого, из чего следовало, что я о них помню.

– Об этом можно и по-другому узнать, – самодовольно ухмыльнулся Стэн.

Возражать я не стал. Не время спорить.

– Хорошо. Я тщательно рассмотрю всех из этого списка.

– И не обязательно выбирать того, кто больше всех хочет. Испытай их, – сказал Стэн. – А когда все-таки выберешь, прежде чем приступить к обучению, обязательно возьми кандидата с собой на какое-нибудь большое серьезное задание. Погляди, как у них дело пойдет, – как я испытывал тебя в истории Да-сторонней порнографией, а Уилла – с нефтяным кризисом...

– А у Саймона что было? – спросил я. Мне никто не рассказывал.

– Моя большая ошибка, – признался Стэн. – Кто-то наладил торговлю рабынями и невестами, переправлял девушек с Нет-стороны через Землю и дальше до самой Корифонской империи. Я поручил Саймону работать с отрядом полиции, который прислали из империи, чтобы я помог им разобраться с этим делом. И оказалось, что половина из полицейских кентавры. Не мог же я сказать ему, что они с Земли! А после этого уже пришлось утвердить Саймона в должности магида: он слишком много видел. Повезло мне, что магид из него вышел хороший. Но ты не волнуйся, ты так не оплошаешь.

– Да уж надеюсь! – сказал я.

– Не оплошаешь, – заверил меня Стэн. – А если вдруг попробуешь, я подстрахую.

– Э-э-э... – начал было я, не зная, как подать ему горькую правду.

– Я буду поблизости, – заявил Стэн. – Я договорился, что задержусь здесь. Магид вполне может работать и в развоплощенном виде, и именно этим я и планирую заняться, пока ты все не уладишь.

Я ушам своим не поверил и полушутя спросил:

– Значит, ты мне не доверяешь и считаешь, что я провалю все дело?

– Доверяю, – ответил Стэн. – Но ты ходишь в магидах всего года два с небольшим. А всем магидам-новичкам полагается дисциплинарный советник, я это вычитал в отчетах. Вот я и спросил у Верхней палаты позволения остаться и присмотреть за тобой, и там, похоже, решили, что в этом есть здоровое зерно. Так что я тут побуду. Можешь на это

рассчитывать.

Он вздохнул и уставился куда-то в пространство, за облупившийся грязно-белый потолок.

Я тоже вздохнул, а сам подумал: «Стэн, давай по-честному. Ты просто не хочешь уходить навсегда. И я тоже не хочу, чтобы ты уходил».

– Правда, в основном мне просто жуть как не хочется уходить, – добавил Стэн. – Мне всего-то восемьдесят девять. Совсем немного для магида.

Я-то думал, ему едва за шестьдесят, и так и сказал.

– А, да-да, – отозвался он. – Я старался держать форму. Мы все стараемся. А потом в один прекрасный день тебе говорят: «Ну все, дружок. Завтра помирать», и ты понимаешь, что таки да. Мне разрешили протянуть до заката.

Я невольно глянул в окно. Стоял ноябрь. Тени уже удлинялись.

– Когда солнце сядет, вызовешь врача, – велел Стэн и надолго умолк.

Я дал ему воды, сварил себе еще кофе и стал ждать. Через некоторое время он снова заговорил – на сей раз не так чтобы совсем о делах: пустился в воспоминания.

– Я частенько видел, как меняется этот мир, – рассказывал он. – Помогал разгребать разные политические завалы, накопившиеся за наше столетие. Теперь мы расчистили место под перемены, которые принесет грядущий век. Но больше всего меня радует, знаешь ли, что мы сумели сдвинуть этот мир в Да-сторону. Помаленьку. Украдкой. Когда я был молодой, никто даже не задумывался, что могут быть и другие вселенные, а уж о том, чтобы туда попасть, и речи не было. А теперь об этом пишут целые книги, все говорят, как творить волшебство и что у всех есть прошлая жизнь, и когда об этом упомянешь, никто не сочтет тебя психом ненормальным. И это, по-моему, сделал именно я. Я. Это я подтолкнул нас назад по спирали. Вернул на место. Ты, наверное, знаешь – то есть точно знаешь, – что Земля из первых миров и на самом деле нам положено быть гораздо дальше в Да-сторону, чем сейчас.

– Знаю. – Я нервно поглядывал на тень от своей машины, которая уже вовсю напозла на заросшую сорняками лужайку.

– Подтолкни нас еще чуть-чуть, – проговорил он.

– Мы отчасти для этого и нужны, – ответил я.

Потом, когда в комнате потемнело, Стэн вдруг сказал:

– А знаешь, я ведь вернулся только из-за ностальгии.

– Ты о чем? – спросил я.

– Я начинал работать магидом далеко в Да-стороне, – прошептал он.

Голос у него слабел. – Сам выбрал. Примерно как Саймон. Но я выбрал те края из-за кентавров. Всегда любил кентавров, всегда хотел с ними работать. И когда узнал, что кентавры есть в половине миров по Дасторону от нас, сразу помчался туда. И ты знаешь, наверное, не вернулся бы. Кентаврам нужна волшебная среда – это ты и сам понимаешь, – и когда мы сместились в Нет-сторону, здесь они все вымерли. Три года я был совершенно счастлив – работал с кентаврами, изучал их. Наверное, я знаю про кентавров и их обычаи все на свете. А потом меня одолела ностальгия. Раз – и все. Даже не могу объяснить, по чему именно я тосковал. Такое было всеохватное чувство. Просто мир, в котором я жил, не был Землей. Пахло неправильно. Ветер дул не так, как здесь. Трава была не того зеленого цвета. Какие-то мелочи – вода на вкус слишком чистая... Потому-то и пришлось вернуться.

– И работать жокеем, – сказал я.

– Ну, это почти что быть кентавром, – ответил Стэн. И добавил после долгого молчания: – Хочу в следующей жизни быть кентавром. Надеюсь, это можно устроить. – И после еще более долгого молчания: – Позвони-ка доктору, пора.

Телефон был в кухне. Я пошел туда и обнаружил, что возле телефона лежит блокнот, в котором аккуратно записан номер врача. Помню, когда я набирал номер, то подумал, что поступаю нехорошо по отношению к юному Тимотео. Ведь я был одним из тех немногих, кто мог бы горевать по нему, но горевал я только по Стэну. В следующий миг я опять начисто забыл о Тимотео. Стэн все очень тщательно организовал. К моему изумлению, врач сам подошел к телефону и пообещал, что приедет через пять минут. Я повесил трубку и вернулся в спальню.

– Стэн... – позвал я.

Никто мне не ответил. Похоже, Стэн хотел испустить последний вздох в одиночестве, без посторонних глаз. Умирая, он наполовину свесился с кровати. Я осторожно поднял его и положил обратно на постель.

– Стэн! – снова окликнул я мертвый сумрак.

Ничего. Я ничего не чувствовал.

– А ведь кто-то обещал тут задержаться, – сказал я вслух.

И все равно ничего.

Глава вторая

Ближе к Рождеству, более или менее уладив всякие крупные и мелкие дела, связанные со смертью Стэна, я всерьез взялся за список, который он мне оставил. Там было пять человек, из них две женщины. Судя по адресам, одна женщина была англичанка, другая американка. Мужчины были из Англии, Голландии и – тут мне пришлось заглянуть в атлас – да, из Хорватии. Я вздохнул и попытался настроиться на то, как будет интересно поехать по миру, познакомиться со всеми кандидатами под разными выдуманскими предложениями. По крайней мере трое из них говорили со мной на одном языке. Наверное, надо считать, что мне повезло. Еще Стэн указал даты рождения всех кандидатов, кроме хорвата. Девушка-англичанка и голландец были молоды. Ей – двадцать, ему – двадцать четыре. С моей точки зрения, это было преимущество. Остальным кандидатам перевалило за сорок. Меня это несколько пугало. Самому-то мне только что исполнилось двадцать шесть, и брать в ученики человека

настолько старше я робел.

Но я все равно поставил себе цель разыскать всех.

Мне бы не хотелось подробно рассказывать, как это было мучительно. Поскольку меня постоянно отвлекал сосед, о котором речь впереди, а у мамы возникло понятное и естественное желание, чтобы хотя бы один из ее сыновей приехал домой на Рождество, на все прорицания, разъезды и расспросы у меня ушло полтора месяца без перерыва.

Я слетал в Амстердам разыскать голландца – его звали Корнелиус Пунт, – но самого его не нашел, а только узнал, что он получил какой-то там грант, который дал ему возможность повидать мир. И Пунт этой возможности не упустил. Я помчался в Авиньон, где его видели в последний раз, и обнаружил, что он собирался в Рим, в Афины, а оттуда в Иерусалим. За следующие четыре дня я едва умом не тронулся от общения с сотрудницами греческих и итальянских телефонных компаний, но потом вернулся домой и обнаружил факс, в котором один магид, побывавший в Израиле, сообщал мне, что Пунт улетел в Австралию. Я махнул рукой и решил подождать, когда он вернется.

Вскоре после этого мои американские информанты выследили ту женщину, что постарше, Тэнси-Энн Фиск. Я уже собрался лететь в Огайо, как все мои источники прислали срочные сообщения, что этого делать не стоит. Фиск уехала в какой-то особенный женский санаторий, куда мужчин вообще не допускают. Я справился в магидских хрониках, что это за санаторий, и несколько встревожился, обнаружив пометку «крайне сомнительная эзотерика». Впрочем, возможно, Тэнси-Энн обратилась туда безо всякой задней мысли – просто хотела отдохнуть. Оставалось только дожидаться, когда она вернется.

Разыскать англичанина Мервина Тарлесса было ничуть не легче. В конце концов оказалось, что он уехал в Японию с лекционным турне. Что же касается хорвата по фамилии Габрелисович, мне нет нужды напоминать, что там шла война. Мои источники в НАТО с сожалением сообщали, что он числится без вести пропавшим.

Тогда я с некоторым облегчением отправился на поиски девушки-англичанки. По крайней мере, мы с ней находились в одной и той же стране. Кроме того, она была моложе меня и, судя по списку Стэна, обладала самым ярким талантом, хотя никогда ничему не училась. В глубине души я надеялся, что именно ее и выберу. И даже позволял себе представлять ее в крайне притягательном виде – как девушку хорошенькую и умненькую, учить которую будет одно удовольствие. Так и видел, как излагаю ей все магидские законы. Мечтал, как она будет внимать каждому

моему слову. Прямо предвкушал, как мы познакомимся.

Найти ее тоже оказалось непросто.

У нее была довольно затейливая семейная история. Оказалось, что адрес, который у меня был, – это адрес ее бристольской тетки, сестры отца. Мари, судя по всему, поехала в Бристоль учиться. На теткинм пороге я очутился в проливной дождь, и мимо меня туда-сюда шныряли мокрые дети. Миг – и дети, вопя и размахивая кулаками, повалились в кучу за спиной у тетки. А она, перекрывая гвалт, прокричала мне, что бедняжка Мари поехала к матери в Лондон – странно, что я ничего не знаю. Родители-то у нее развелись. Печальная история. Я заорал, что мне необходим ее лондонский адрес. Тетка провизжала, что не помнит, но, если я обожду минутку, она спросит у невестки. Я простоял на крыльце под дождем еще минут пять, глядя поверх кучи детей, как тетка говорит по телефону в прихожей. Наконец она вернулась и прокричала мне неправильный адрес. Я его записал – он стал еще неправильнее из-за мокрой бумаги и шлепавшихся на чернила капель дождя – и на завтра поехал в Лондон. На завтра тоже весь день лило как из ведра.

Адрес был на юге Лондона. Это я записал верно. Но когда я наконец добрался до места, оказалось, что лавка называется не «Хлев за кручей», как я записал, а «Хлеб насущный». Это был магазин экологически чистых продуктов. Перед застекленной витриной с несметным множеством разнообразных бобов (я даже не знал, что бывает столько сортов!) стояла продавщица – высокая, тоненькая, в белом комбинезоне. Из-под белой косынки на голове выбивались светлые девичьи кудряшки. Продавщица была до того миловидна и так молодо выглядела, что я на миг понадеялся, что это и есть Мари Мэллори. Но когда я подошел поближе, то обнаружил, что она гораздо старше – ей могло быть и за сорок. Наверное, это была мать Мари. В таком случае, судя по моим расплывшимся и закапанным записям, ее звали миссис Баттл; однако на вывеске над дверью значилось: «Владельцы Л. и М. Наттел». Я не стал рисковать: ошибаться в фамилиях – последнее дело. И ограничился тем, что вежливо спросил, где я могу найти Мари Мэллори.

Продавщица всмотрелась в меня, склонив голову набок, и взгляд у нее был до того оценивающий, что мне даже стало не по себе.

– От меня помощи не ждите, – сообщила она после долгого молчания.

– Быть может, вы поясните почему? – спросил я.

– Много о себе воображаете, – заявила она. – Пижонский выговор, начищенные туфли, дорогой плащ, прическа волосок к волоску – ох, теперь я прекрасно понимаю, почему вы так обошлись с бедной девочкой.

Наверняка решили, что она недостаточно хороша для такого, как вы! А может, она вам рубашки плохо гладила?

Тут я, кажется, временно лишился дара речи. Молча стоял и чувствовал, как лицо заливают краска. Да, я и правда люблю элегантно одеваться, но тогда я поймал себя на желании возразить, что рубашки себе я глажу сам. Глупости какие-то. Я постарался взять себя в руки и сказал:

– Миссис... э-э... миссис Баттл... Наттел? Уверяю вас, я ничем и никогда не обидел вашу дочь.

– Тогда почему она так огорчена и говорит, что вы с ней плохо обошлись? – свирепо парировала она. – Мари врать не станет, не такая она. И с какой радости вы приползли ко мне? Поняли наконец, что упустили приличную девушку из наманикюренных рук, да?

– Миссис Баттл!.. – опешил я.

– Наттел, – поправила она. – Никогда не любила мужчин, которые носят шейные платки. Что плохого в простом честном галстуке? Знаете, если бы я вас увидела, когда она только начала с вами встречаться, я бы ее отговорила. Я бы сказала: шейные платки – это подозрительно. Как и макинтош с кучей пуговиц и пряжечек. Одежда много говорит о человеке!

– Миссис *Наттел*!!! – чуть ли не заорал я. – Я не видел вашу дочь ни разу в жизни!

Она недоверчиво уставилась на меня:

– Тогда что вы тут забыли и зачем натоптали в моем магазине?

– Я пришел к вам, – терпеливо объяснил я, – поскольку разыскиваю вашу дочь Мари Мэллори в связи с... в связи с тем, что ей причитается наследство.

Наследство – не самое лучшее оправдание, но я так разнервничался, что забыл все более изящные предлоги, которые придумал по дороге в Бристоль.

Похоже, это произвело на миссис Наттел должное впечатление. Теперь настал ее черед краснеть. Нежно-розовая кожа окрасилась густо-багряным, она прижала обе руки ко рту:

– Ой! Так вы, значит, не этот ее Робби?

– Мадам, меня зовут Руперт Венейблз, – представился я, рассчитывая основательно смутить ее в отместку.

– Ой, – повторила она.

Я уже ждал, что сейчас она смягчится и позовет дочку из квартиры на втором этаже или еще откуда-нибудь. Как бы не так.

– А докажите! – потребовала она, как только краска отхлынула от щек. А когда я показал ей визитную карточку, заявила: – Карточку всякий

напечатать может!

Тогда я выложил на прилавок водительские права, банковскую карту и чековую книжку. Миссис Наттел рассматривала их долго и придирчиво.

– Заграничный паспорт я с собой не взял, – сказал я не самым вежливым тоном.

На что она заметила:

– Руперт – это на самом деле немного похоже на Робби.

– Ничего подобного, это совсем разные имена, – сказал я.

Она снова взяла мою визитную карточку и задумчиво уставилась на нее.

– Тут написано – разработчик программного обеспечения. Это вы?

Я кивнул.

– А этот Робби говорил, что учиться на ветеринара. Да, это разные вещи, – рассудила она. – Но если вы по делу о наследстве, почему вы не юрист?

– Потому что я душеприказчик, – процедил я. – Покойный – Стэнли Чарнинг – указал меня в своем завещании как душеприказчика. Миссис Наттел, ваша осторожность и предусмотрительность выше всяких похвал, но я был бы признателен, если бы вы позволили мне поговорить с Мари.

– Похоже, мне придется вам поверить, – неохотно признала она. – Только Мари здесь нет.

Сердце у меня упало.

– Где она?

– Она поехала к отцу, когда у него обнаружили рак, – сообщила миссис Наттел. – Сама так решила. Я не виновата, что ее здесь нет.

– Быть может, вы дадите мне ее адрес, если не возражаете?

Она возражала. Все это казалось ей крайне подозрительным. Я восхищался ее интуицией, но еле сдерживался, чтобы не скрипеть зубами. В конце концов она проговорила: «Ну, если речь идет о наследстве...» и все-таки дала мне адрес к северу от Илинга.

Я поблагодарил ее и поехал туда. На это ушло полдня. А когда я приехал, то обнаружил, что дом заперт и окна первого этажа забраны ставнями. Соседка сказала, что хозяин в больнице – где-то очень далеко, а где именно, она не помнит, – а его дочка заперла дом и уехала.

Я покатил домой и всю дорогу молча бесился. На шоссе М-25 были страшные пробки. Я свернул и попытался срезать по проселкам – и там каждые полмили были дорожные работы. А объезд через газовый завод!.. Очутившись наконец в собственном дворе, я злобно хлопнул водительской дверцей. Пнул заднюю дверь дома и с грохотом захлопнул ее за собой.

Сорвал мокрый макинтош. Обшарил, гремя посудой, кухонные полки в поисках стакана. Вломился, топоча, в свою тихую, опрятную гостиную, налил себе неразбавленного виски и рухнул в кресло. После первого глотка меня осенило. Я выругался, сорвал шейный платок и бросил в камин.

– Если бы я только знал, во что ты меня втянул, Стэн! – воскликнул я. – Если бы я только знал! Все, я сдаюсь. С этой минуты...

– А что? В чем дело, сынок? – спросил голос Стэна.

Я застыл на месте, не донеся до губ стакан:

– Стэн?!

– Я здесь, Руперт, – отозвался со стороны моего огромного окна его голос, приглушенный и виноватый. – Извини, что не сразу. Понимаешь... в общем, вернуться оказалось не так просто, как я думал. Рассчитываешь, что все будет иначе. А надо соблюдать условия. Мне пришлось обращаться с просьбой не только в Верхнюю палату, но еще и к Владыкам кармы, а Владыки кармы – ребята несговорчивые. Некоторые и вовсе не люди. Так что ты имеешь полное право сердиться. Ну, в чем загвоздка?

Наверное, появившись Стэн в другой момент, я бы отнесся к нему недоверчиво. От присутствия бестелесного духа меня аж мороз продрал – притом, что я страшно злился. Но все это так мне надоело, что я одним глотком допил виски и рассказал Стэну, в чем загвоздка. А в заключение рявкнул:

– А все ты, чтоб тебя!

– Полегче! Полегче! – просипел бестелесный голос. Примерно так же Стэн разговаривал с норовистыми лошадьми, я слышал. – Не то чтобы все я. Не я же придумал, что надо подыскать нового магида. А ты в корне неправильно подошел к делу.

– Неправильно? – удивился я. – Что значит неправильно?!

– Есть у тебя такая склонность, – сказал он. – Делаешь все как обычный человек и забываешь, что ты магид. Сынок, у тебя колоссальные волшебные способности. Ну так и применяй их. Ищи кандидатов по-магидски.

– А, – сказал я. – Ладно. Но сначала мне надо плотно поесть, выпить еще стакан виски и пинту^[2] кофе. Твое нынешнее состояние еще помнит о телесных потребностях? Сможешь подождать или для тебя это долго?

– Те, Наверху, дали мне год, – ответил Стэн. – Успеешь, наверное.

Да, это был тот Стэн, которого я знал. Я засмеялся. У меня сразу отлегло от сердца.

Через час я снял пиджак. Хотел было аккуратно, как всегда, повесить его на спинку стула – но тут вспомнил про миссис Наттел и швырнул его

вслед за шейным платком. Потом закатал рукава и принялся за работу, а голос Стэна время от времени сипло давал мне полезные советы. Это был долгий вечер. И полный досадных неудач. Тарлесс подумывал навсегда остаться в Японии. Корнелиус Пунт решил поехать в Новую Зеландию. Выследить хорвата и Мари Мэллори по-прежнему не удавалось...

– А чему удивляться? – заметил голос Стэна. – Они не хотят, чтобы их нашли. У них особенно сильные таланты.

– А у мисс Фиск, похоже, нервный срыв, – добавил я.

– Опять же все сходится, – сказал Стэн. – Такова расплата за то, что ты странный, когда почти все кругом нормальные. Если бы нас с тобой не выбрали в маги, нас ждало бы то же самое.

– За других не говори! – рявкнул я. Мне надоело постоянно заходить в тупики, и настроение опять испортилось. – Лично я считаю, что у меня достаточно устойчивая психика.

– До сих пор считаешь? – спросил Стэн. – Ты все забыл. Я-то знал тебя еще школьником. Что касается Мари: я с тобой согласен, она самый вероятный кандидат. Разведай-ка, где ее отец. Он знает, где она. Говорят, у отцов с дочерьми особая связь.

Я последовал его совету – и получилось просто превосходно. Через неделю я приехал в больницу в Кенте и поговорил с усталым, обмякшим, уже почти безволосым человечком в кресле-каталке. Мне было видно, что он еще совсем недавно был таким толстячком-жизнелюбом. И как мне тоже было видно. Врачи ничего не смогли поделать. Мне было отчаянно жалко этого человечка. Я дал раку хорошего щелчка и велел убираться вон. Бывший толстячок ахнул и согнулся пополам, бедняга.

– Уй! – прокряхтел он. – Сначала Мари, теперь вот вы. Что это вы сделали?

– Велел болезни уйти, – ответил я. – Вам бы тоже надо так делать, но вы почему-то цепляетесь за нее – я правильно догадался?

– Слушайте, это же точь-в-точь слова Мари! – сказал он. – Пожалуй, да, я и правда за нее цепляюсь... как будто она часть меня. Не могу объяснить. Так что же я должен делать?

– Говорить этой гадости, что она здесь чужая и ей не рады, – предположил я. – Что вы не желаете иметь с ней дела. По-моему, вы еще не получили от жизни все, что хотели, и не доделали дела.

– И верно, – печально согласился он. – Сначала разводиться пришлось, теперь еще и заболел. Я не то что брат, знаете ли, он-то книги одну за другой выпускает, как из пулемета, а у меня изобретение только одно. Я бы хотел запатентовать его, но...

– Ну так запатентуйте, – сказал я. – А где сейчас Мари?

– В Бристоле, – ответил он.

– Но я был у ее тетушки и...

– А, так она перебралась к другой тетке, по соседству. Я ее уговорил вернуться – подумаешь, любовь, подумаешь, деньги. Она же учится на ветеринара, а это, вы же понимаете, с бухты-барахты не бросишь.

– К сожалению, ничего об этом не знаю, – ответил я. – Может быть, я сумею найти ее через университет?

– Или через эту ее треклятую тетку, – сказал он. – Ее зовут Жанин, она жена Тэда. Кошмарная женщина. Откровенно говоря, не пойму, зачем мой брат женился на этой стервозине. Я, конечно, тоже маху дал с женитьбой, но у Тэда все еще хуже, к тому же он уходить не собирается – наверное, ради мальчика.

Он дал мне адрес, и я едва не взбесился, когда увидел, что это на той же улице, где я уже побывал. И тут он встревоженно спросил:

– Это же неправда, что можно прогнать рак одними мыслями, да?

– При многих видах рака это помогает, – ответил я.

– Не силен я в оптимистических настроениях, – признался он убитым голосом.

Перед уходом я сделал для Дерека Мэллори все, что мог. Изгонять болезнь, когда сам он так лихорадочно за нее цеплялся, было бессмысленно, и вместо этого я затронул сразу несколько центров у него в мозгу, чтобы настроить Дерека на более радостные мысли. По-моему, он почувствовал все мои удары и уколы. Лицо у него сморщилось, словно у новорожденного. Я решил, что он сейчас заплачет, но оказалось, что это он так пытается улыбнуться.

– Помогло! – сказал он. – И правда помогло! В глубине души я целиком и полностью за могущество разума. Я с Мари много про это разговаривал. Она все это умеет, но не делает. Знай только шпильки подпускает. Веры ей не хватает, вот в чем беда.

И я опять поехал в Бристоль. Но не сразу, а только через неделю. Сначала надо было заработать на жизнь. Мне за ту неделю надо было сдать несколько проектов, и я бы сдал их даже досрочно, но едва я взялся за последние, самые неразрешимые мелкие загвоздки, как из факса донеслись приглушенные фанфары – я установил там такой сигнал на случай, если придет что-то по магидским делам. Я подошел и взял листок. Там значилось:

Ифорион, 10.2.3413. 11:00. СРОЧНО

Император убит. Немедленно прибыть в императорский дворец в Ифорионе на срочное совещание.

Отправлено по приказу генералиссимуса Дакроса, исполняющего обязанности регента.

– Отлично! – воскликнул я. – Ура!

Такова была моя первая реакция. Этот Тимос IX сам напросился – и не только из-за Тимотео. Надеюсь, убийца прикончил его не сразу и дал помучиться. Как следует. Потом я еще немного подумал и сказал:

– Вот зараза. Наследника-то нет.

Потом еще подумал и добавил:

– А я-то что могу поделать? Я им магид, а не нянька.

– Дай им от ворот поворот, – посоветовал Стэн. Судя по всему, он прочитал факс у меня из-за плеча.

Я отправил ответный факс, что прибуду завтра.

Мне прислали ответ:

Ифорион, 10.2.13. 11:04. СРОЧНО

Требуем прибыть немедленно. Дакрос

Я отправил еще один факс:

Зачем? У меня здесь много магидских обязанностей.

Дакрос (я понятия не имел, кто это) ответил:

Мы арестовали сообщников убийцы. Пытаемся справиться с народными волнениями / прочими беспорядками. Вы нужны нам, чтобы найти следующего императора. У нас очень серьезные затруднения. Преодолеть может только магид. Пожалуйста, сэр. Дакрос

«Пожалуйста, сэр» меня проняло. Исполняющие обязанности регента и генералиссимусы обычно так не говорят – будто ребенок, который о чем-то просит. Я отправил факс, что скоро буду, и начал собирать вещи на два дня, поскольку, судя по всему, проблема была из тех, на решение которых нужно время. Конечно, самое необходимое я мог бы раздобыть и на месте, но в империи было принято спать в ночных рубашках вроде больничных, с кучей завязок, и мне они не нравились, а их бритвы я прямо-таки ненавидел. Собираясь, я почувствовал, что Стэн где-то рядом и хочет что-то сказать.

– В чем дело? – спросил я.

– Ты там не слишком увлекайся в этой империи, ладно? – попросил он.

– Не бойся. Я ее терпеть не могу. А что?

– Просто магидам по поводу этой империи спущено своего рода указание, точнее, самый настоятельный совет – пустить там все на самотек и пусть рушится на здоровье.

– Полностью согласен, – сказал я. – А что за указание? Страшная тайна, которую ты забыл мне сообщить, или что?

– Нет, я это уловил уже после... пока был... пока был там и вел переговоры с Владыками кармы и вообще, – признался он. – В конце концов мне пришлось забраться еще выше. А указание спущено еще гораздо выше. Те, На Самом Верху, хотят, чтобы империю оставили в покое.

– Исполню с радостью, – буркнул я и бросил в сумку туалетные принадлежности. Застегнул молнию и пошел вниз. – Ты со мной в Ифорион?

Настало огорченное молчание. Оно длилось, пока я не прибежал с лестницы обратно в гостиную. Потом приглушенный голос Стэна произнес:

– Сынок, я, наверное, не смогу. По-моему, я никуда не могу деться с Земли. Может быть, даже из твоего дома.

– Тебе же будет очень скучно, – сказал я.

– А нигде не сказано, что жизнь – то есть загробная жизнь – обязательно должна быть интересной, – печально ответил он.

Отправляясь в империю, я чувствовал, как он тоскливо завис посреди моей гостиной. Добираться пришлось в несколько ходов от узла до узла решетки – как всегда, с ощущением, что ты пешка на шахматной доске и скачешь с клетки на клетку, – но на этот раз я двигался словно бы под гору, потому что мне надо было в Да-сторону. По пути я думал, как верно все описал Льюис Кэрролл в «Алисе в Зазеркалье». Мне никто никогда этого не говорил, но я давно подозреваю, что Кэрролл был магидом. Писать книги вроде «Алисы» – это и есть влиять на окружающий мир, а влияние – самая суть работы магида. Ненавязчивое влияние.

Глава третья

Как всегда, прибыв в императорский дворец в Ифорионе, я материализовался в камерке, которую называют Вратами магидов, и оказалось, что в ней полным-полно пыли – едкой, старой кирпичной пыли. Из глаз и из носа у меня тут же потекло. Я вытащил платок и хотел высморкаться, но потом передумал и закрыл платком нос и рот, будто медицинской маской. Не успел я бросить сумку в угол, как в камерку бочком пробрались два солдата.

– У нас приказ доставить вас к генералу Дакросу, сэр, – просипел один из них.

Такого я не ожидал – и не только потому, что они так внезапно вынырнули из пыли. Второй солдат оказался девушкой, и оба были моложе меня. По их форме, темно-синей с серым, было понятно, что это самые что ни на есть низшие чины, – раньше я видел солдат в такой форме лишь

издалека, в оцеплении, когда они оттесняли подальше простых смертных, которым было позволено находиться от императора на расстоянии крика (точнее, чуть дальше). По тому, как они двигались, по бледным лицам и темным кругам под глазами было видно, что они валятся с ног от усталости. Волосы девушки были покрыты коркой красно-серой пыли.

– Держитесь рядом с нами, сэр, – проговорила она так же сипло, как ее напарник. – Опасная зона, стены могут обвалиться.

Когда мы вышли в густое облако кирпичной пыли, я понял, что она имеет в виду. Мы почти сразу свернули в коридор, где, видимо, располагались жилые покои – низкий проход с каменным полом; я тут раньше не бывал. Когда я обернулся, чтобы посмотреть на тот коридор, по которому ходил обычно, то увидел клочки неба в просветах между искореженными, изломанными балками. Откуда-то сверху доносился грохот – похоже, рушились большие куски каменной кладки. Когда загремело в первый раз, я подпрыгнул, но солдаты и ухом не повели. Грохотало тут постоянно, видимо, они привыкли.

– Тут что, бомбили? – прохрипел я.

– Мощный взрыв в тронном зале, – ответил юноша.

– Огромная дыра в полу. Повредило несущие конструкции, – добавила девушка. – Погибли все начальники штабов и весь Совет тоже.

– И все императорские жены, – сказал юноша. – А когда обрушился административный этаж, погибло много высокопоставленных чиновников.

– И военных, – сказала девушка.

– Тронный зал окружали гвардейцы, – пояснил юноша. – Почти всех завалило.

Не говоря уже об императоре, подумал я. Он был прямо в эпицентре. Не знаю, кто ты, но время ты рассчитал идеально. Судя по всему, одним ударом удалось избавиться от всех высших эшелонов власти в империи. От этого меня одновременно пробрал мороз по коже и одолел смех. Я сделал под платком подобающее случаю скорбное лицо и опасно засеменил дальше между двумя солдатами в форме. Даже в этом коридоре, который считался безопасным, каменная плитка на полу там и сям вспучилась. А потолок кое-где провисал. В таких местах мы старались держаться поближе к стенам.

После долгих блужданий мы наконец оказались на пороге зала со сводчатым каменным потолком, под которым ярко горели лампы аварийной сигнализации, отчего завеса пыли превращалась в густой синеватый туман. К этому времени очки у меня окончательно покрылись пылью. Пришлось снять и протереть, иначе сквозь эту пелену ничего не

было видно. Пока я протирал очки скрипучим платком, мои охранники с явным усилием вытянулись по стойке смирно и вяловато отдали честь. И разом просипели:

– Магид Венейблз прибыл, сир.

Откуда-то из-за ярких ламп послышался тенорок:

– Наконец-то!

Еще кто-то сухо раскашлялся, а третий голос, низкий и гулкий, произнес:

– Великолепно. Ведите его сюда.

Я надел перемазанные очки и двинулся вперед. Учитывая все, что я узнал от солдат, мне, наверное, не стоило удивляться при виде тех, кто оказался во главе империи. Но я удивился. Их было трое, и они сидели за захламленным столом в позах, свидетельствующих о неимоверной усталости. Тенорок принадлежал волшебнику – кажется, в империи они предпочитают называть себя волхвами, – который на вид был даже моложе меня. Глаза у него так покраснели от пыли, что мне поначалу показалось, что из них идет кровь. Впрочем, кровь у него действительно шла, а если и перестала, то совсем недавно – его ранило в руку, и он благоразумно пустил на перевязь нелепый нарядный плащик, полагавшийся по имперским законам всем профессиональным волшебникам. На левом локте поблескивал золоченый значок Бесконечности. Кашляла, оказывается, женщина – очень красивая знатная дама, это было видно даже под несколькими слоями сажи и кирпичной пыли; одета она была весьма странно – в полосатые штаны вроде тренировочных и блузу, сплошь расшитую жемчугом и сапфирами. А третий, очевидно, был генерал Дакрос.

На нем была синяя с серым форма среднего военного чина, насколько я мог разглядеть. Пыльная, драная, а местами еще и прожженная. Как и рядовой, который меня привел, Дакрос уже давно не брился. Подбородок у него был иссиня-черный, короткие кудрявые волосы тоже. Видимо, он принадлежал к одной из темнокожих народностей империи; обычно таких не брали в элитные гвардейские части, и это спасло Дакросу жизнь, а взамен взвалило на его плечи неподъемное бремя ответственности за страну. Когда он посмотрел на меня, я увидел, что лицо у него затравленное, издерганное – виски запали, на синеватых щеках играли желваки. Однако глаза оценили меня вполне здраво, что радовало. Он был старше всех нас, но молод для генерала, из чего я заключил, что дело свое он знает.

Дакрос почти сразу отвернулся. В дальней стене зала была еще одна

арка, и когда я подошел к столу, оттуда показалось несколько фигур – они беззвучно, но напряженно надвинулись из облака пыли. Двое положили на стол факсы. Один – в ярко-синем с золотом гвардейском мундире, но с серым измученным лицом – подошел и почтительно зашептал что-то на ухо генералу. Такое уважение меня тоже порадовало. Это доказывало, что генерал Дакрос здесь и вправду главный. Последовал короткий серьезный разговор о захваченных Мировых вратах. Во время разговора я рассматривал стол, на котором валялись рулоны запыленных факсов и стояло несколько портативных военных компьютеров, телепатический приемник (я бы и сам от такого не отказался) и несметное множество пустых пластиковых стаканчиков из-под кофе.

Гвардейцы ушли, и Дакрос снова повернулся ко мне. К этому времени я заходил в кашле не меньше красавицы. И выдавил:

– Генерал, выбирайтесь отсюда скорее, пожалейте чужие легкие!

– Да, я понимаю, – ответил он. – Только что было очередное обрушение. Мы уйдем, как только вы поможете нам решить нашу проблему.

– Видите ли, это в подвале под тронным залом, – пояснила дама.

– А я держу потолок, как могу! – гордо и обиженно ввернул юный волхв.

И правда держит, как может, понял я, ощутив, что творится наверху. Тонны каменной кладки – и он был готов погибнуть, но не дать им обвалиться. Я стал по мере сил помогать ему. Стэн наверняка был бы против, но мне-то что. Весь полуразрушенный дворец словно бы кренился набок. Я осторожно поставил вокруг колдовских подпорок свои, и юный волхв благодарно поморщился.

– Тогда давайте поскорее, – сказал я. – В какую сторону отсюда тронный зал?

Генерал с усилием поднялся. Он был высокий и статный, хотя сейчас и сутулился от усталости.

– Мы вам покажем.

Остальные тоже встали, и тут генерал, похоже, вспомнил об этикете вчерашней империи.

– Ох. Прошу прощения. Это младший волхв Джеффрос, а это кира Александра, верховная дама. Кира Александра – единственная наложница императора, оставшаяся в живых после взрыва.

При этих словах верховная дама пристыженно улыбнулась мне, словно ее поймали на краже варенья или на чем-то вроде этого. Наверное, будешь чувствовать себя виноватым, когда погибли все, кто выше тебя рангом,

подумалось мне. Вот и волхв Джеффрос явно мучился совестью. Когда все мы торопливо шагали по очередному длинному каменному коридору, он сказал мне:

– Раз – и я просто сижу в груди щебенки. Все старшие волхвы лежат вокруг мертвые. Мне стало очень скверно. Такая нелепость, что из всех уцелел именно я.

Коридор вывел нас во что-то вроде ущелья: над головой открылась полоска синего неба, а по обе стороны от нас высилось разрушенное здание – и да, оно кренилось набок, я почувствовал, как оно кренится. И поспешно нагородил побольше подпорок. А потом поглядел на дно «ущелья» – и с трудом узнал императорский тронный зал, в основном по осколкам узорчатого пола, остаткам древней мозаики, засыпанным выпавшими из нее же цветными камешками и кусочками смальты. В дальнем конце виднелись полуразрушенные ступени трона. На месте самого трона зиял черный кратер. А больше ничего. Я присвистнул. Императора и его приближенных, видимо, пришлось собирать по клочкам, а может, и вообще не пришлось.

– Как вам удалось уцелеть? – шепнул я верховной даме.

– Отлучилась в уборную, – шепнула она в ответ.

Она говорила дерзко и с достоинством, но было видно, что и дерзости, и достоинства у нее осталось маловато. Бедная девочка, подумал я. Ей приходилось признаваться в этом несколько часов подряд, при солдатах...

– Не надо здесь разговаривать, – шепнул Джеффрос.

– И не ходите в ногу, – добавил генерал.

Он осторожно вышел на середину «ущелья», открытого до неба, и легко и проворно зашагал к ступеням. Мы стайкой засеменили следом, ступая на пустые проплешины на месте бесценных узоров из самоцветов, под ногами у нас похрустывала щебенка и битое стекло и раскатывались в стороны кусочки мозаики. Тем временем утесы из кладки по обе стороны от нас тихонько рокотали и местами внезапно оседали, поднимая клубы пыли. Лично мне было аж дурно от страха. Но на полпути я отвлекся, потому что мне подурнело еще больше. Это был запах... в общем, запах сточной канавы, мусорной кучи, мясной лавки и, наверное, пороха с сильной нотой озона. Я украдкой икнул в платок. И подумал – откуда озон? Озон часто остается в воздухе после колдовства. Я мысленно пошарил кругом, насколько мог вытерпеть эту вонь. Да, бомбу, которая все это сделала, направила и взорвала магия. Должно быть, кто-то из старших императорских чародеев решил стать террористом-смертником, догадался я. Настоящий храбрец. А может, ему просто было нечего терять.

Мы поднялись по ступеням к зияющему провалу, где вонь была прямо-таки невыносимой, и я обнаружил, что над задней частью возвышения осталась крыша и часть стены, которые почти не пострадали от взрыва. Крыша кренилась, скрипела и время от времени посыпала нас пылью, но я тут же испуганно разведал, что там к чему, и оказалось, что эта часть здания какая-то невероятно прочная и укреплена и балками, и гранитом, и волшебством. Хорошо. Можно немного расслабиться. Если бы трон стоял на два шага ближе к стене, император сейчас тоже расслабился бы.

Внизу было темно. Я видел только черный провал – дверной проем, в котором косо повисла толстенная массивная дверь. Джеффрос протянул туда здоровую руку и прикоснулся к волшебной палочке, которая была воткнута стоймя в трещину в возвышении. Волшебная палочка вспыхнула, словно факел, а следом – целая череда таких же палочек, уходившая в даль за дверью. Там я различил какую-то сложную аппаратуру. Кроме того, при свете стало видно, что дверь рифленая – вся в волнах в добрый фут глубиной, будто крыша подводного бункера.

«Ух ты!» – подумал я.

Мои спутники уже перебрались через порог в командный бункер за дверью. Я поспешил следом. Там было тихо и безопасно – и даже почти не пыльно. Я убрал платок от лица и снова протер им очки. После этого мне удалось как следует разглядеть ряды экранов, компьютеров и клавиатур, при помощи которых император следил за происходящим в подконтрольных ему одиннадцати мирах в окрестностях перегиба Бесконечности.

– Все это нам придется взорвать перед уходом, – мрачно сказал генерал. – Иначе кто-нибудь может проникнуть сюда и выкрасть данные. Кажется, нам нужна вон та машина. Джеффрос пытался колдовскими способами вызнать, для чего она, но машина его не впустила.

– А мне говорили, что император держит сведения о своих наследниках отдельно от всего прочего, – пояснила кира Александра.

Я скользнул на обитое красной кожей сиденье перед машиной, на которую указал генерал. Загрузилась она довольно быстро. В ней был какой-то аварийный аккумулятор.

– Рассказывайте, в чем у вас трудности, – сказал я, глядя, как запускается система. – Машина цела и невредима. Она сама мне только что сказала.

– Это и мы сообразили, – с долей иронии отозвался генерал.

– Дальше я его не пустил, – сказал Джеффрос. Вид у него был больной и скованный. – Здесь установлена магическая защита, сейчас сами увидите.

С такой защитой я уже сталкивался. Ничего особенно сложного в ней нет. Я ее быстренько раскидал и ввел команду поиска имен и местонахождения всех императорских детей. Ничего. Я попробовал вместо «дети» ввести «наследники». И снова ничего. А затем, вспомнив ноябрьский судебный фарс, напечатал: «Тимотео». И получил ответ.

ПОЛ МУЖСКОЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3392
УСЛОВНОЕ ИМЯ ТИМОТЕО ЛИКВИДИРОВАН 3412

– «Ликвидирован»! – фыркнул я. – Прелестно. Как его звали на самом деле?

– Мы не знаем, – ответил генерал.

Ладно, подумал я, по крайней мере это, кажется, именно та машина, в которую заложены все ответы.

– Тогда скажите, какие условные имена дали остальным детям и сколько их всего.

– Этого мы тоже не знаем, – ответил генерал. – Мы не уверены, есть ли они вообще.

– Нет, думаю, все же есть, – сказала кира Александра. – Ходили слухи по крайней мере о пяти.

Я резко развернулся на красном сиденье:

– Послушайте. Два года назад, сразу после того, как я занял должность имперского магида, мне прислали факс. Там говорилось, что у... э-э-э... у низшей наложницы по имени Джалейла родилась дочь. Так что один ребенок точно есть.

– Вас обманули, – тут же сказал генерал, а верховная дама добавила:

– К тому времени бедной Джалейлы не было на свете уже лет четырнадцать.

Генерал наградил меня взглядом, в котором иронии была уже не просто доля:

– Ну что, магид, вы начинаете осознавать масштабы нашей проблемы?

Да. Должно быть, у меня все было написано на лице. Джеффрос посмотрел на меня поверх спирального шнура, соединявшего его волшебные палочки.

– Эта империя, – сказал он, – выстроена из тонких жердинок обмана, перекинутых через самую настоящую выгребную яму. Вы, магид, можете нам этого не объяснять. Император так боялся, что его сбросят с этих жердинок, что не просто спрятал своих детей, а предпринял меры куда серьезнее.

– Скрыл их даже от самих себя и издавал фальшивые оповещения о

рождении наследников, – сказал Дакрос. – Джеффрос, не время рассуждать о морали. Вот в чем сейчас наша главная трудность. Благодаря Александре мы совершенно уверены, что наследники существуют; вопрос в том, сумеете ли вы, магид, их отыскать.

Я посмотрел ему прямо в усталое лицо:

– А вы в самом деле хотите отыскать их? Если они не знают, кто они такие, и вы тоже не знаете, может быть, лучше просто начать все сначала и основать новую императорскую династию? По-моему, вы уже сделали первые шаги в этом направлении...

С каждым моим словом Дакроса все сильнее обуревала ярость. В конце концов он сурово перебил меня:

– О боги большие и малые, магид! Неужели вы думаете, что я хочу остаток жизни разгребать эти завалы? Я хочу вернуться домой, в Талангию, на свою ферму! Но я понимаю, что такое долг. Я должен оставить империю в полном порядке, посадив на трон нужного человека. А больше мне здесь делать нечего!

– Хорошо-хорошо, – закивал я. – Так или иначе, я должен был задать этот вопрос. Будем надеяться, что у этого вашего нужного человека есть самое что ни на есть подлинное свидетельство о рождении, родимое пятно, татуировка или что-то в этом духе, а иначе, даже если мы его найдем, половина империи объявит его самозванцем. А кстати, у них есть какие-то врожденные отличительные признаки? – обратился я к кире Александре.

– Понятия не имею, – отвечала та.

– То есть, полагаю, вам не посчастливилось стать гордой матерью наследника престола?

Даже в неверном колеблющемся свете волшебных палочек я отчетливо разглядел, как она покраснела и невольным жестом смущенно стиснула руки. Дакрос сделал такое движение, будто готов меня ударить, но сдержался, поскольку Александра степенно ответила:

– Мне ни разу не выпадало чести обратить на себя внимание императора, магид. У меня сложилось впечатление, что император не очень любил женщин.

– И полагал, что будет жить вечно, – брезгливо скривился я.

– Ему было всего пятьдесят девять, – пояснила она.

– Да это просто ни в какие ворота не лезет! Вы хоть что-нибудь знаете? Тогда рассказывайте! – потребовал я.

– Как я уже говорила, мне известны только слухи, – отвечала она.

Мне стало совестно. Она держалась учтиво, она пыталась помочь, а я все больше раздражался и грубил. Просто сама атмосфера в империи

всегда меня бесила, а сейчас было еще хуже – кругом пыльные развалины, над головой нависли и готовы обрушиться тонны каменной кладки.

– Я слышала по меньшей мере о двух девочках, – продолжала кира Александра. – Также, вероятно, было еще два сына, помимо того, которого недавно казнили. Мне кажется, Джалейла успела родить сына, но я тогда еще не была наложницей и поэтому точно не знаю.

– Благодарю вас, сударыня, – сказал я и уткнулся в экран машины.

Джеффрос осторожно подобрался поближе, чтобы подсоединить провод к корпусу, – с одной рукой ему было очень неудобно. Из-за него мне тоже стало стыдно. Ему было нужно подготовиться к тому, чтобы взорвать командный центр, как только я что-нибудь найду, а я только и делаю, что шиплю на генерала и верховную даму. Надо бы поскорее что-нибудь отыскать. Больше всего меня бесило, что потолок, несмотря на все колдовские подпорки, скрипел и слегка покачивался над нами, и я это чувствовал.

С минуту я стучал по клавишам безо всякого результата. Экран твердил только одну сенсационную новость – что Тимотео ликвидирован. Я ощерился на него. Ведь подобный поворот должен был предвидеть даже такой параноик, как Тимос IX. Должен быть какой-то разумный способ найти наследника и подтвердить его права на престол. Даже если император рассчитывал, что его переживет какой-нибудь советник или волхв, который тоже знает эту тайну, все равно должен быть еще какой-то способ. Я попробовал подойти к задаче с другой стороны, и тут потолок снова закрипел. Ага. Новое сообщение.

ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ. ВВЕДЕНИЕ НЕВЕРНОГО ПАРОЛЯ
КАРАЕТСЯ ПО ВСЕЙ СТРОГОСТИ

Я попробовал значок Бесконечности, но это было слишком очевидно. Я попробовал «КОРИФОС», поскольку о нем как раз упомянули. Не повезло.

Упомянула Корифоса кира Александра. Вроде бы есть поверье, что Корифос Великий вернется на трон в тот день, когда рухнет императорский дворец.

Я попытался ввести «ТИМОС», и в это время генерал сказал:

– Глупые выдумки.

– Дворец еще не весь рухнул, – отметил Джеффрос.

Пока он говорил, машина заурчала и выдала очередное сообщение:

ТРИЖДЫ ВВЕДЕН НЕВЕРНЫЙ ПАРОЛЬ. КАРА НЕИЗБЕЖНА

Потолок скрипнул еще раз – громко.

– Найдите мне дискету, – потребовал я. – Лучше несколько. Надо уносить отсюда ноги.

Я прямо чувствовал, как с каждым словом чары наверху рвутся в клочья. Магическая защита. Стоит человеку несведущему полезть в эту машину – и все рухнет ему на голову. Императора не заботили такие мелочи. Он знал, что если это произойдет, самого его уже не будет на свете. Ах он тупой самовлюбленный...

– Скорее! – рявкнул я.

Рядом возникла кира Александра с коробкой дискет в руках. Значит, она не просто красotka, а еще и умница. Хотя я и раньше заподозрил. По другую сторону от меня возник генерал с еще двумя коробками. Я схватил дискету, сунул в паз и велел машине копировать данные.

– Думаете, она согласится? – засомневался генерал.

– Нет, но я ее заставлю! – ответил я.

Мне редко приходилось так стараться и так торопиться. Одной ментальной рукой, если можно так выразиться, я сдерживал разваливающиеся чары на потолке. А другой и всем остальным, что было в моем распоряжении, я заставлял это треклятую машину копировать всю свою память на дискеты, причем быстро – очень быстро! Я успел записать четыре дискеты и тут почувствовал, что упускаю чары над головой. Оставил пятую дискету в дисководе и соскочил с сиденья:

– Бежим отсюда. Живо!

Все испуганно глядели на потолок. Им не надо было объяснять, что происходит. Генерал бросился бежать, как спринтер, и на ходу умудрился крикнуть в рацию:

– Очистить здание! Крыша сейчас рухнет!

Мы с Джеффросом подхватили киру Александру под руки с двух сторон и очертя голову кинулись следом. Мы неслись по разбитому мозаичному полу – по обе стороны от нас, как в замедленной съемке, оползали лавины, – а потом побежали по коридору, который все никак не кончался. Я еще на середине запыхался даже сильнее Александры, так запыхался, что уже и не пытался остановить обрушение. И бежал со всех ног, слушая медленный рокот падающих стен наверху, и клялся, что, если выберусь отсюда, всерьез займусь спортом, и все бежал и бежал.

Мы выскочили на террасу со ступенями, выходившую в большой внутренний двор. Из всех дверей на террасу высыпали запыленные фигуры в форме. Генерал и все остальные благоразумно побежали дальше, вниз по лестнице во двор. Мы, отдуваясь, бросились следом, а по пятам за нами по ступеням прыгали обломки камней.

Генерал остановился посередине двора у огромной статуи Корифоса Великого. Все остальные кучкой оборванцев сгрудились вокруг – их было сотни две, не больше, даже странно: маловато рук, чтобы удержать в подчинении целую империю.

– Император недавно провел сокращения в армии, – кисло пояснил генерал, заметив мое удивление, и развернулся посмотреть на дворец.

Я-то был не способен выдать ни слова. В груди у меня пылало. Я только и мог, что с мучительным усилием втягивать в себя воздух и глядеть, как огромное здание словно складывается и оседает и в небо вздымается бурлящая пыль. Джеффросу, судя по всему, было гораздо хуже, чем мне; он покосился на меня, словно говоря «почему бы и нет», и щелкнул пальцами. Где-то в недрах рокочущей груди послышалось мрачное «бум», и бурлящая пыль, которую сдувало вбок, внезапно окрасилась оранжевым пламенем.

– Ой, ой! – вырвалось у Александры.

Здание величественно улеглось и обратилось в гору дымящейся щебенки, а генерал тем временем обнял киру Александру за плечи.

– У вас обязательно начнется новая жизнь, сударыня, – донеслось до меня сквозь неимоверный грохот. И мне пришло в голову, что в свою неведомую Талангию генерал Дакрос уедет не один.

Сколько времени мы стояли и смотрели на дворец, не знаю. Помню, мы все вроде бы хотели дожждаться, когда вслед за остальным дворцом обрушатся боковые крылья, каждое из которых состояло из цепочки массивных башен, а они так просто не поддавались. Оттуда во двор все выбегали и выбегали люди, и в конце концов во дворе образовалась довольно большая толпа трясущихся, осиротевших, запыленных придворных, и все смотрели, как рушится режим, который мы считали вечным, и я, конечно, был потрясен не меньше остальных. Империи, ненависть к которой я так лелеял, попросту больше не было.

Дыхание возвращалось медленно и постепенно. Когда у меня уже только дрожали ноги и саднило в груди, а развалины перед нами, похоже, перестали шевелиться, я повернулся к генералу Дакросу и отдал ему две из четырех дискет с копией системы.

– Возьмите. – Я каркал, как ворона. – Одна рабочая, вторая запасная. Когда с ними будут работать, предупредите, что при этом обязательно должен присутствовать профессиональный волшебник. Почти наверняка в программе заложено, что она должна стереть саму себя, если ее попытаются запустить не на той машине. – Я ткнул грязным большим пальцем в сторону развалин. – Все, что можно, я сделал, но когда вы ее

запустите, понадобится подкрепление.

Честно говоря, меня это сильно беспокоило. Все четыре дискеты я окружил несколькими слоями магической защиты, применил все, что мог придумать, но понятия не имел, от чего именно надо защищать данные – для этого надо было досконально знать методы императора.

– Что вы собираетесь делать? – спросил Дакрос.

– Заберу остальные две дискеты домой и поработаю с ними, – ответил я. – Не могли бы вы сообщать мне обо всем, что найдете на ваших дискетах? Это может быть что угодно, вы хорошо знаете местные обычаи, а я нет. Как только я что-нибудь выясню, сразу отправлю вам факс.

На это он показал пальцем на огромную грудку развалин и ехидно прищурился на меня. Тут я вспомнил, что факс, на который я был настроен, лежит где-то под завалами. И сумка с пижамой тоже.

– Я вам позвоню, – поправился я. – Дайте номер вашей рации, я введу его в свой домашний факс.

Генерал продиктовал мне номер, но вид у него был недоверчивый.

– Как вы попадете домой, если Магидские врата разрушены?

– Это был просто обычай, – ответил я. – Мне все равно, откуда отправляться.

Генерал так удивился и посмотрел на меня с таким уважением, что мне стало неловко за хвастовство, – дело в том, что я и в самом деле приврал. Есть места, откуда переход невозможен. Но внутренний двор для моих целей вполне годился.

– Надеюсь, мы скоро увидимся, – бросил я и двинулся через двор – как бы в гору, в Нет-сторону, домой.

Глава четвертая

Дома я первым делом затолкал обе дискеты в полиэтиленовый пакет с магической защитой и запер их в ящике стола. Только после этого я пошел в ванную и выкашлял там, по-моему, фунта^[3] два кирпичной пыли. Потом принял душ и переоделся. К этому времени потрясение уже немного прошло, но все же не настолько, чтобы я мог сесть за работу. Я решил сходить сдать грязную одежду в химчистку и заодно купить новую бритву. И уже на пороге вдруг услышал, как заиграло пианино. Громко. У меня в гостиной.

Я открыл дверь. Из стереосистемы неслись вариации на тему Диабелли – пожалуй, звук стоило убавить.

– Не помню, чтобы я его включал, – пробормотал я про себя и подошел, чтобы выключить проигрыватель.

– А ты и не включал, – ответил голос Стэна. Несколько пристыженный. – Ты оставил там диск, а я обнаружил, что могу... могу

взять и включить его. В моем нынешнем состоянии мне такая музыка очень кстати – несколько умственная, что ли. Ну, если ты против, я выключу...

Музыка разом утихла – какое счастье.

– Ничего-ничего, – сказал я. – Я как раз ухожу. Пока меня не будет, ни в чем себе не отказывай.

Когда я вернулся, играл тот же диск. Пока я рылся в кухне – искал, что бы поесть, – музыка кончилась и заиграла снова. Я потерпел с полчаса, а потом двинулся в гостиную.

– Хочешь, поставлю тебе другой диск? – спросил я.

– Нет-нет! – отозвался Стэн. – Мне в самый раз. Но я приглушу звук, пока ты мне будешь рассказывать, что случилось.

Вариации на тему Диабелли стихли, превратившись в далекое побрякивание. Повисла пауза – было ясно, что Стэн ждет не дожидается, когда я заговорю. Еще бы – ведь он наверняка извелся со скуки. Мне никогда не приходило в голову, что бестелесному духу тоже может быть скучно, но, в сущности, а почему нет?

– Взорвали тронный зал, – сказал я, а потом сел и выложил ему все.

– Эти дискеты сотрутся, – уверенно сказал Стэн, дослушав. – Если у императора и были дети, их никто никогда не найдет, вот и все. За ближайший год появятся шестеро самозванцев, а потом все развалится. И никакой империи не будет. Все так и задумано.

– Может быть, – кивнул я. – Но я по должности обязан помогать, даже если для этого, скорее всего, придется погубить собственный компьютер.

– Займись этим в свободное время, если хочешь, – ответил Стэн. – Не забывай, сейчас твоя главная задача – найти магида мне на смену. Поезжай-ка лучше завтра в Бристоль.

– Нет. Не могу, когда на мне висит такая компьютерная головоломка. Не сосредоточиться.

Я не стал добавлять, что сыт по горло всей этой бессмысленной охотой на магида. Поэтому привел массу других предлогов. Стэн все отметал. Мы проспорили с начала до конца вариаций на тему Диабелли. Когда они пошли на новый круг, я попытался уговорить Стэна на компромисс:

– Хорошо. Я напишу письма тем четверым, про которых мы что-то знаем, и попрошу их со мной связаться. Ну как, твоя душенька довольна?

– У меня сейчас, кроме душеньки, и нет ничего, – буркнул в ответ Стэн. – Ладно. Что ты им собираешься сказать?

– Каждому свое, – нашелся я. – Тарлесс – писатель. Притворюсь его поклонником. Мэллори – студентка. Ей нужны деньги. Я уже сказал ее

матери, что она получит наследство. Напишу об этом. Фиск, судя по всему, ищет какое-то чудодейственное лекарство, а Корнелиус Пунт...

– Что Корнелиус Пунт? – уточнил Стэн.

Мое воображение, только что такое резвое, на Пунте споткнулось.

– Он отправился путешествовать. Спроси его, может, ему будет интересно написать путеводитель, – посоветовал Стэн.

– Отличная мысль!

Дело в том, что я прекрасно понимал: пока я что-нибудь не сделаю, Стэн не даст мне вздохнуть спокойно. Поэтому я тут же сел и написал письма. Честно говоря, я гордился своей изобретательностью. Хотя я в жизни не заглядывал в книги Мервина Тарлесса, мне прекрасно удались лирические пассажи о красотах его стиля. Мэллори я написал, что ей завещали сто фунтов стерлингов. Я прикинул, что могу себе позволить такую сумму. В письме Тэнси-Энн Фиск я представился знакомым знакомых знакомых, который узнал, что она попала в клинику, и рвался поведать ей о чудотворной диете Стэнли. А Корнелиусу Пунту написал, что я владелец маленького издательства и ищу интересные книги.

– А что за диета Стэнли? – поинтересовался Стэн у меня из-за плеча.

– Совсем как ты – сплошной воздух и больше ничего, – ответил я.

– Так я и думал, – ответил он. – Валяй. Глумись на здоровье. Мне все равно.

Я отправил письма – и только тогда Стэн разрешил мне взяться за имперские дискеты. На них у меня ушли ближайшие три дня.

Начал я с того, что исследовал одну из дискет всеми положенными в таких случаях магидскими методами. Когда я решил, что знаю достаточно об устройстве программы и об инсталлированной в нее защите, то поносил все, что можно, со своего самого старого компьютера и сделал его совместимым с имперской системой. Это была та еще задача: в империи и дискеты другого формата, и напряжение в сети другое, и общий подход к программированию более рациональный. Мне пришлось превратить металл и пластик моего бедного старенького «амстрада» в кашу, а потом вылепить из него нужную форму и заставить отвердеть. И наколдовать адаптер. Потом надо было еще запрограммировать компьютер, чтобы он – насколько я мог судить – отражал природу той машины, откуда я скопировал дискеты. Это была самая трудная и кропотливая часть работы. Честно говоря, не будь я магидом, ни за что бы не справился. Помню, я еще сказал Стэну: «Хорошо, что я набил руку на таких задачках. Вообще-то, я часто применяю магидские методы, когда пишу программы. А ты пользовался магидскими штучками с лошадьми?»

Ответа не было. Из моей гостиной донеслись вариации на тему Диабелли. Опять.

– Да наверняка, – пробормотал я себе под нос.

Удержаться-то невозможно. Когда ты магид, это влияет на все, что ты делаешь. Иногда это так расплывчато, что можно принять за интуицию. А иногда, когда сталкиваешься с очень серьезными трудностями и кажется, что выхода нет и быть не может, словно бы налегаешь – вот как я налег сейчас на программу.

К концу первого рабочего дня я был готов провести испытания. Вставил имперскую дискету и велел ей копироваться на жесткий диск. Она сопротивлялась любым попыткам ее переписать, хотя я бережно снял с нее все магические защиты. Тогда я вздохнул, поставил защиты обратно и велел дискете показать, какие на ней записаны файлы. Ничего не вышло. Я налег – и очень зря.

Компьютер сгорел, причем буквально: у него все внутри расплавилось. Над процессором заиграло пламя, я едва успел спасти адаптер. Делать новый мне совсем не хотелось. Я выругался. И волей-неволей бросился разбираться, что случилось с оплавленными, искореженными останками, а они, между прочим, были еще горячие, так что радости во всем этом не было никакой. Оказалось, что программа была снабжена не меньше чем тремя магическими защитами, при попытке подправить имперское программное обеспечение я сделал по крайней мере две крупные ошибки, а когда переделывал бедный «амстрад» – еще несколько. Весь вечер я только и делал, что лихорадочно разбирался в хитросплетении программ и магии.

– Ради чего император затеял все эти игры?! Вот идиот! – раздраженно бросил я Стэну, перекрывая бряканье стереосистемы. – Если вдуматься, он как бы говорит, мол, раз уж я не могу быть императором после моей смерти, так прослежу, чтобы и никто не мог!

– Может, и так, – ответил Стэн. – Но кое-кто из тех, кто взлетел на воздух вместе с ним, наверняка что-то знал. Не исключено, что император рассчитывал на них. Какая разница? Не впутывайся в это, ни к чему.

– Разница очень большая, потому что речь о людях, – сказал я, вспомнив, какое напряженное лицо было у генерала Дакроса – как в страшном сне. – Там остался простой честный человек, который пытается навести порядок. И миллионы других простых людей, которых просто перережут, когда важные шишки из других десяти миров двинутся против Дакроса. Начнется самая настоящая гражданская война, без шуток. Может, уже началась.

– Ты принимаешь все это слишком близко к сердцу, – заявил Стэн. –

Либо шишки победят, либо твой генерал почувствует вкус к власти и оставит империю себе. Так часто бывает.

Ночью, в постели, я был вынужден признать, что он прав. Но еще я хотел все-таки решить эту... задачу.

Наутро я получил письмо от девицы Мэллори. Нищая студентка ответила с обратной почтой.

Уважаемый мистер Венейблз!

Не стану спорить, что сотня фунтов мне сейчас очень кстати. По этому адресу меня можно найти до июля, поэтому деньги пришлите, когда угодно. Если можно, сообщите, кто именно оставил мне это наследство. Я приемная. О своих настоящих родственниках я ничего не знаю и думаю, что и им ничего не известно обо мне.

Искренне Ваша

М. Мэллори

– Бесцеремонное и слегка настороженное письмо, – заметил я.

– Да. Сразу чувствуется характер, – сказал Стэн. – После такого ее узнаешь даже на той стороне улицы.

И точно. Письмо носило отчетливый отпечаток ее личности. Бумагу Мари, очевидно, одолжила или стащила у дядюшки. На листке стояла шапка готическим шрифтом: «Тэд Мэллори, автор „Сонмища демонов“», а напечатано письмо было на отвратительном матричном принтере, в котором кончались чернила. Но все прямо кричало об очень сильной личности.

– Как неудачно, что она приемная! – рассердился я. – Никого на всем белом свете – кто ей наследство-то оставил?

– А я и оставил, – нашелся Стэн. – Скажи, я изучал генеалогию и обнаружил, что я ее дядя. У меня и в самом деле было много братьев, все большие охотники до женского пола, так что это даже может оказаться правдой.

Я тут же написал этой сильной личности учтивое послание, где говорил, что в скором времени передам деньги и расскажу о ее происхождении при личной встрече, и вернулся к работе над следующим по старшинству компьютером – «тошибой», к которой я уже год не прикасался.

Работа была трудная и кропотливая. И к тому же я нервничал, поскольку понимал, что дискета у меня осталась только одна. Теперь я жалел, что оставил две дискеты Дакросу. Более того, к концу дня я так устал и задержался, что все-таки отправил на номер, который мне оставил

Дакрос, сообщение с просьбой отложить одну дискету мне. Ответный факс был скор и лаконичен:

Обе дискеты расплавились.

Вот зараза! К тому же палить еще один компьютер я совсем не хотел. Делать нечего – пришлось скрестить пальцы на удачу и сунуть в дисковод вторую дискету.

«ОБНАРУЖЕН ВИРУС», – сказала «тошиба».

Я тут же извлек дискету – зато, по крайней мере, понял, что происходит. Прищелкнул языком при мысли об императорской паранойе и стал чистить дискету от вируса. Вирус был волшебный, и это было как распускать старинное кружево.

– Ты сегодня есть собираешься? – спросил через некоторое время Стэн.

Я поднял голову и обнаружил, что уже стемнело – темнело, конечно, рано, поскольку год только начинался, но все же пора было сделать перерыв. Я сварил себе кофе и стал искать, что бы поесть. Потом будто провал – и вот я уже снова сижу перед «тошибой». Было уже за полночь. Но когда я снова сунул дискету в дисковод, никакого вируса не осталось.

– Ты, часом, не помешался на своей империи? – встревоженно спросил Стэн.

– Поправочка, – ответил я. – Я помешался на компьютерной задаче. Не каждый день сталкиваешься с волшебным вирусом.

На третий день мне все-таки удалось заставить программу скопироваться и запуститься. Это было большое облегчение – теперь я мог подправить свои дискеты и делать на них резервные копии. Однако ни к каким достижениям это не привело. Я ничего не добился, кроме того, что на экран вывелось сообщение о ликвидации Тимотео и вечное «ВВЕДИТЕ ПАРОЛЬ». От этого впору было взбеситься: ведь я уже побывал, так сказать, за кулисами, когда чистил дискету от вируса, а после этого обойти пароль, казалось бы, сущий пустяк. Но все мои попытки терпели крах. А налегать по-магидски я боялся – вдруг все снова расплавится.

Стэн услышал, как я ругаюсь, и вплыл в кабинет.

– Хочет пароль – скажи ему пароль, – посоветовал он. – Кстати, когда у тебя будет минутка, поставь мне другую запись, хорошо?

– А как же Диабелли? Наизусть выучил? – поинтересовался я.

– До последней ноты. – Стэн говорил совершенно серьезно. – Теперь Бетховен мне все равно что лучший друг.

Я поставил ему сборник хоралов – просто для разнообразия – и отправил Дакросу еще одно сообщение. Ответил мне волхв Джеффрос.

Пароли в империи обычно семибуквенные. После третьей неверной попытки дискеты плавятся, поэтому мы перебрали совсем мало вариантов. Однако кира Александра предполагает, что это, вероятно, слово из какой-то детской песенки.

Из детской песенки?! Ну что ж, кира Александра определенно не просто красotka: очень разумная догадка, поскольку речь идет о детях. Детские песенки в империи примерно такие же, как и на Земле. Ведь именно мы, магиды, пустили их в обращение – как и многое другое. Но семь букв на любом из четырнадцати официальных языков империи – это какая-то безумная партия в скрабл! Впрочем, когда я запустил еще один свой компьютер, чтобы он нашел мне все варианты, то был полон надежд. Наверное, я мог бы и сам додуматься, просто у меня в голове не укладывалось, что Тимос IX знал о существовании детских песенок.

Тут-то я и услышал, как с нового диска, который я поставил Стэну, доносится мощное «В великом граде Вавилоне!».

Меня пробила дрожь, и не от музыки. Вавилон – это одна из страшных магидских тайн. И именно поэтому о нем есть и детская песенка – «До Вавилона сколько миль?». Я бросился к «тошибе» и ввел «ВАВИЛОН».

И это оказался правильный пароль.

На экране замелькали карты миров, испещренные на имперский манер рябью из линий, похожих на изобары на метеорологических картах, карты, карты, карты, миры, миры, миры, чуть ли не половина Бесконечности. Я откинулся на спинку кресла и глядел на них, ломая себе голову, почему император выбрал именно такой пароль именно из этой песенки. Через некоторое время на экране появился движущийся рисунок – поперек монитора побежал фриз из профилей людей и кентавров. Похоже, это были портреты, нарезанные из фотографий, все разные, но было непонятно, значат они что-нибудь сами по себе или это просто показатель, что программа запустилась. Потом экран очистился. Появилось сообщение: «ВВЕДИТЕ КНАРРОС».

Я ввел «КНАРРОС».

«ТЕПЕРЬ ВВЕДИТЕ ИМЯ МОЕЙ БОГИНИ», – был ответ.

Я в панике бросился к компьютеру с базой данных по империи, понимая, что сейчас опоздаю, и закричал:

– Стэн! Стэн, как зовут эту кислую богиню, которой поклонялся император?

– Не помню! – крикнул он в ответ, перекрывая, кажется, «Аллилуйя» Генделя. – Язык сломаешь!

Я и сам вспомнил – Аглая-Юалайя, – как раз когда дискета стерлась.

– И это человек, который помнит всех скаковых лошадей с тридцать пятого года! – воскликнул я. – Ну ничего, у меня есть резервные копии.

Пришлось повторить все с самого начала. К вечеру я уже был во всеоружии – на сей раз я на всякий случай запасся перечнем всех прочих имперских богов, героев и исторических персонажей. Императорскую паранойю надо было уважать, это я уже понял. Однако имя богини было, похоже, его последней надеждой. Я вбил «КНАРРОС», потом «АГЛАЯ-ЮАЛАЙЯ» – и на экране появился список.

КНАРРОС УСЛОВНЫЙ МИР ЛИКСОС
ПОЛ ЖЕНСКИЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3390
УСЛОВНОЕ ИМЯ НАТАЛИЯ
ПОЛ ЖЕНСКИЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3390
УСЛОВНОЕ ИМЯ ФИСИЛЛА
ПОЛ ЖЕНСКИЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3400
УСЛОВНОЕ ИМЯ АНАНТЕ
ПОЛ МУЖСКОЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3401
УСЛОВНОЕ ИМЯ ЭКЛОС
ПОЛ МУЖСКОЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3402
УСЛОВНОЕ ИМЯ МАГРАКС
ПЛЮС ДВА КЕНТАВРА МУЖСКОГО ПОЛА ГОДЫ РОЖДЕНИЯ
3394 И 3396

УСЛОВНЫЙ МИР ВАВИЛОН
ПОЛ ЖЕНСКИЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3393
УСЛОВНОЕ ИМЯ ТИМЕЯ
ПОЛ МУЖСКОЙ ГОД РОЖДЕНИЯ 3399
УСЛОВНОЕ ИМЯ ДЖЕЛЬЕРО

За каждым именем следовали какие-то буквы, цифры и символы, которые мне ничего не говорили, но я решил, что это были какие-то имперские аналоги генетических данных, группы крови или чего-то в этом роде. После двух списков следовало:

КНАРРОС ВЫДАСТ МЕСТОНАХОЖДЕНИЕ НАСЛЕДНИКА
(НАСЛЕДНИКОВ) И ПОДТВЕРДИТ ИХ ЛИЧНОСТЬ ТОЛЬКО
ОФИЦИАЛЬНО УПОЛНОМОЧЕННОМУ ПОСЛАННИКУ, КОТОРЫЙ
ПРЕДСТАВИТ ДОКАЗАТЕЛЬСТВА СМЕРТИ ТИМОСА IX

– Готово! – воскликнул я. И откупорил бутылку вина, чтобы

отпраздновать успех, прежде чем браться за следующую задачу – достучаться до Дакроса по номеру его рации.

После всех развлечений последних дней переписать свой телефон, чтобы позвонить и поговорить лично, мне было проще простого. Через полчаса я услышал голос генерала – далекий, трескучий и очень усталый.

– Два списка наследников из двух миров под условными названиями, – сказал я и всех перечислил.

Никакого ответного ликования.

– Кто такой этот Кнаррос?

– Наверное, какой-то опекун, – предположил я. – Он должен был заявить о себе, когда...

– В общем, не заявил, – оборвал меня Дакрос. – И что это за миры, чтоб им пусто было, – Ликсос и Вавилон?

– Дайте поручение Имперской секретной службе, пусть разведает, – посоветовал я.

– Идея хорошая, только там одни безмозглые бандиты, – отозвался генерал. – Вчера мы почти всех казнили. Попытка переворота. И мне не нравится, что тут все упирается в этого Кнарроса. – Видимо, генерал считал, что главная трудность именно в этом. – Чтобы найти старшего сына и наследника, надо сначала разыскать Кнарроса, даже если речь идет о других мирах. А вдруг этот Кнаррос жулик? А вдруг его кто-то уже прикончил?

– Все вопросы к вашему покойному самодержцу с его глупостями, – отрезал я.

– Мне это не нравится, – повторил генерал.

– Мне тоже, – ответил я. При мысли о том, что пароль оказался «Вавилон», меня до сих пор потряхивало. – Я отправил список Джеффросу по факсу. Пусть поручит кому-нибудь его проработать, и передайте ему, чтобы сообщил, если понадобится моя помощь.

– Придется, – сказал он. – Идиотские игры в сверхсекретность!

Я со вздохом повесил трубку.

– Теперь он захочет, чтобы я отыскал ему Вавилон. Помяни мое слово.

– Ты же не можешь! – сердито отозвался Стэн.

– Думаю, Стэн, мы говорим о разных вещах, – сказал я. – То есть надеюсь. Ничего, если я выключу музыку? Голова болит.

Глава пятая

На следующее утро я покатил в Бристоль, и не один, а с пассажиром. Вообще-то, я не собирался так спешить, несмотря на все назойливые напоминания Стэна. С моей точки зрения, я заслужил денек лежания на диване. Но тут в мою дверь позвонил сосед – как раз тогда, когда я наконец утопил головную боль в вине.

Эндрю Конник – настоящий чудак: он изобретатель. В отличие от невезучего Дерека Мэллори Эндрю сумел воплотить свои творения не только в голове, но и в реальности, и у него добрая сотня патентов на всякие очень полезные приспособления. В том числе и на мою любимую кофеварку. Эндрю отдал ее мне на испытания. Он, как и я, живет один, в отдельном доме, который даже больше и роскошнее моего (а отдельных домов в Уиверс-Энде, кроме моего, всего два), и у него есть огромный сад с прудом. Из-за этого сада я иногда даже завидую Эндрю, но как подумаю, сколько приходится возиться с посадкой и прополкой, зависть сразу проходит. В третьем отдельном доме в Уиверс-Энде обитает семейство

Гиббсов: миссис Гиббс прибирает у меня, а ее дочь – у Эндрю. Миссис Гиббс поведала мне, что ее дочь считает, будто Эндрю Конник не от мира сего. Охотно верю – а еще охотно верю, что мисс Гиббс поведала Эндрю, что ее мать говорит, будто Руперт Венейблз не от мира сего.

Эндрю стоял у меня на пороге с таким видом, будто не вполне понимает, зачем пришел.

– Привет, Эндрю, – сказал я. – Заходите.

Похоже, у Стэна хватило ума помалкивать, хотя хоралы так и гремели.

– Нет-нет, заходить я не буду, – отозвался он с типичной для северянина рассеянностью.

На самом деле он, скорее всего, шотландец, но я считаю его северянином, потому что у него красивая светловолосая голова, бледная кожа и широкая кость, а такими я всегда представляю себе скандинавов. Он очень высокий. Во мне почти шесть футов, а он прямо нависал надо мной, и вид у него был неуверенный.

– Нет, заходить я не буду, – повторил он. – Я просто хотел спросить, не подвезете ли вы меня завтра.

– Опять машина сломалась? – спросил я.

Сердце у меня упало. В последние два раза, когда у Эндрю барахлила машина – это было между Рождеством и Новым годом, – я накрутил больше шестисот миль, поскольку Эндрю с разнообразными запчастями нужно было возить отсюда в Кембридж и обратно, а еще в Илай, Хантингтон и Сент-Нитс, не говоря уже о Питерборо и Кингс-Линне.

– Ага, – кивнул он. – Не ездит.

Сердце мое восстало против очередной порции разъездов туда-сюда. Я заслужил отдых. И сказал:

– К моему большому сожалению, завтра меня здесь не будет. Мне нужно в Бристоль.

Эндрю помолчал, уставившись большими голубыми глазами в даль поверх моей головы, – очевидно, обдумывал мои слова. А потом сказал:

– Тогда я тоже поеду в Бристоль.

У меня промелькнула безумная мысль, что, если бы я сказал, что собираюсь в Карлайл, Эдинбург или Кентербери, он и туда бы напросился.

– До Бристоля далеко, – сказал я, предприняв последнюю попытку его отговорить. – Я выеду очень рано.

Это он тоже обдумал:

– Я буду готов к шести.

– Боже мой, я не имел в виду, что настолько рано! Давайте в полдевятого, хорошо? – Я сдался.

– Буду здесь, – пообещал он и удалился.

Вот так и получилось, что мне пришлось поехать в Бристоль.

– Поедешь со мной? – спросил я у Стэна. – А может, сумеешь отпугнуть Эндрю?

Стэн в очередной раз погрузился в печальное молчание. А потом сказал:

– Сынок, я, наверное, не смогу. Похоже, из твоего дома мне никуда нельзя.

– Точно? – спросил я. – Ты пробовал выйти?

– За калитку. И за сарайчик на заднем дворе, – ответил он. – Дальше мне ни туда, ни туда не выбраться.

Я разозлился. Последние дни выдались утомительными.

– Какой смысл в потустороннем советчике, если ты не можешь быть рядом, когда мне понадобится совет? – сердито спросил я. – Мне нужно твое мнение о той девушке!

– Тогда для разнообразия прояви самостоятельность! – резко возразил голос Стэна. – Те, Наверху, именно этого от тебя и добиваются!

Я понимал, что обидел его. Весь вечер он со мной не разговаривал, и утром я ни слова от него не дождался, хотя наколдовал ему целую пачку летающих дисков, волшебным образом запрограммированных, – они должны были по его приказу сами ставиться в стереосистему и выскакивать оттуда. Я был очень горд своим магическим искусством. И предупредительностью. Так что обиделся на Стэна в ответ. В ледяном молчании двинулся к машине – и обнаружил, что возле нее уже стоит Эндрю.

На самом деле пассажир из Эндрю хороший. Он не заводит разговоров, не отпускает замечаний по поводу других водителей, не нервничает, что я слишком гоню (а я и в самом деле гоню). Сидит себе и сидит. Иногда это даже бесит. Когда я всерьез взбесился – в первый раз на меня накатило примерно после двух третей пути по М-25, – я спросил Эндрю, над каким изобретением он сейчас работает. И он на свой манер – обманчиво медленно и раздумчиво, но по существу – поведал мне о некоем «маховике-храповике» так обстоятельно, что я бы, пожалуй, мог сделать чертежи и сам его запатентовать. Затем Эндрю умолк.

Когда мы свернули на М-4, я снова впал в раздражение. Теперь, как мне казалось, настала моя очередь что-то рассказывать. Обычно, когда я куда-нибудь везу Эндрю, то рассказываю ему про программистские трудности, с которыми сталкивался в последнее время. Не раз и не два его медленные раздумчивые ответы наводили меня на верный путь. Однако на этот раз

мои трудности были связаны со страшной тайной. Нечего было и думать, чтобы их с кем-то обсуждать. А впрочем... В мире по Нет-сторону, вроде нашего, никто и не заподозрит, что ты говоришь о рухнувшей империи в трех вселенных отсюда.

– Скажите, Эндрю, – начал я, – что бы вы подумали, если бы обнаружили, что пароль, который вам нужен, чтобы получить доступ к чужой программе, – своего рода секретное кодовое слово, и очень странно, что программисту вообще пришло в голову сделать такой пароль? То есть представьте себе, что пароль для очень серьезной программы – скажем, по генетике – это какая-то глупость, ну, хотя бы «Шалтай-Болтай», а при этом вам известно, что на самом деле «Шалтай-Болтай» – кодовое слово, обозначающее что-то не менее серьезное, например какие-нибудь сверхсекретные военные данные. Что бы вы подумали? Списали бы все на совпадение – или нет?

Эндрю медленно, взвешенно проговорил:

– Меня учили, что совпадений не бывает.

Меня тоже так учили, более того, учили, когда готовили на магида, что придавало этой истине особое значение. Однако мне показалось, что в устах Эндрю это просто банальность. Я был разочарован.

– Не может ли быть такого, что тот, кто пользовался этим паролем, – хакер и он взломал какие-то секретные материалы? – спросил Эндрю.

– Ну, исключать такое никогда нельзя, – ответил я, чтобы замаскировать, о чем я на самом деле говорю, и добавил: – Однако вероятность очень мала, до нескольких знаков после запятой. В сущности, это невозможно.

– Если это настолько маловероятно, – отрешенно проронил Эндрю, – полагаю, вам стоит вспомнить прошлое, какой-то давний момент, когда кодовое слово было известно кому-то третьему и он сообщил его обеим сторонам – например, в вашем случае это учитель, который прочитал на уроке «Шалтая-Болтая», и оба услышали это слово от него. Именно этот учитель, возможно, внушил ученикам чувство, что в этом слове заключен какой-то особый смысл, но это уже не обязательно.

– А вот это, – сказал я, – очень и очень верно.

Всю дорогу я переваривал услышанное. Может быть, когда-то давным-давно в Корифонской империи знали тайны магидов? Едва ли они известны там сейчас, по крайней мере не больше, чем здесь, на Земле. Есть вещи, которые рановато знать даже в Да-мирах. Однако в воздухе всегда витают намеки, отголоски знаний и из прошлого, и из будущего, – магида оставляют их, чтобы в должный срок кто-то до них додумался. К числу

таких отголосков, несомненно, относился и Вавилон. Наверное, больше всего меня тревожило, что Тимос IX был не из тех, кого интересуют подобные намеки.

Тут Эндрю напугал меня, как это часто бывает.

– Подлинные тайны встречаются очень редко, – с задумчивым видом заявил он.

– Точно, – ответил я. – Тайное всегда становится явным. Вспомним хотя бы царя Мидаса и его ослиные уши.

После этого мы, похоже, промолчали до самого Бристоля, а там Эндрю попросил, чтобы я высадил его у «Гвоздей» на Корн-стрит. Пока я вез его туда, то заблудился. Когда я его уже высадил, давно перевалило за полдень.

– Когда вас забрать? – спросил я.

– А, – сказал он и задумался. Потом улыбнулся той улыбкой, от которой мне всегда становится понятно, что он не такой уж и рассеянный. Его нервное, растерянное лицо от этой улыбки совершенно меняется – и видно, что за этим выражением прячется глубокий ум. – Я сам доберусь домой, – сказал Эндрю. – Не знаю, когда освобожусь.

Это было большое облегчение. Я мог располагать своим временем. Отыскав заманчивый итальянский ресторанчик, я побаловал себя и основательно, не спеша поел. Потом я очень хвалил себя за это. Остаток дня был сплошной чередой досадных неудач. Как, впрочем, и вся охота на девицу Мэллори. Теперь-то я уверен, что это все она и подстроила, хотя до сих пор не понимаю, как ей это удалось.

Сначала я никак не мог вспомнить, где поставил машину. Когда я ее наконец отыскал, на ней была квитанция – штраф за неправильную парковку. Потом я опять заблудился, когда ехал по новому адресу девицы Мэллори, невзирая на то что уже один раз побывал на той улице, а когда я туда добрался, там было негде встать – ни на той улице, ни на соседней. Так что когда я позвонил в дверь высокого, сверкавшего свежей краской дома времен Регентства^[4], шел уже четвертый час.

Женщина, открывшая мне дверь, сверкала свежей краской не хуже самого дома. Пожалуй, если бы она трудилась над своей внешностью не так усердно, то была бы даже миловидной – на манер смуглянки-цыганки. Лицо под слоем косметики выдавало фанатичную приверженность диетам. В черных волосах проблескивали высветленные бронзовые пряди, стоическую худобу подчеркивали тугая черная юбка и дорогой фирменный свитер. Свитер меня просто заворожил. По нынешней моде он был украшен белой атласной аппликацией на одном плече, расшитой бисером.

Я в жизни не видел такого нелепого, бессмысленного украшения. От потрясения я даже не сразу сообразил, что передо мной точно не Мари Мэллори. Этой женщине было по меньшей мере лет тридцать пять.

Она постучала красным наманикюренным ногтем по косяку и нетерпеливо спросила:

– Да?

– Извините, что побеспокоил, – ответил я. – Я разыскиваю Мари Мэллори. По поводу наследства.

При слове «Мари» лицо у нее окаменело. Очевидно, она терпеть не могла Мари, а теперь и меня за компанию.

– К сожалению, моя племянница только что уехала, – сообщила женщина. Было ясно, что она только рада меня огорчить.

Я спросил:

– Не знаете ли вы, когда она вернется?

– Не имею ни малейшего представления, – с нескрываемым удовольствием ответила она. – Уж если моей племяннице приспичило уйти в загул, можно только гадать, когда она вернется. – После чего добавила самым что ни на есть трагическим тоном: – Еще и утащила с собой моего сына Ника!

Судя по ее тону, Мари прямо-таки вырвала невинного младенца из материнских объятий.

– Как печально это слышать, – ответил я на оба заявления разом. – Не знаете ли вы, куда они отправились?

– Я знаю только одно: она укатила в ту самую минуту, когда вы позвонили в дверь, – сказала хозяйка дома с глубоким удовлетворением.

Еще бы она не была довольна. Когда не удастся кого-то застать, всегда особенно обидно, если разминутся с ним совсем чуть-чуть. То есть так обычно бывает. Но для магида это не самое неприятное известие.

– Благодарю вас, – кротко проговорил я. – Если можно, передайте племяннице, что я заезжал. – И дал ей визитную карточку. Судя по тому, как она ее взяла, я понял, что мелкие клочки карточки полетят в мусорное ведро в тот самый миг, когда моя собеседница захлопнет за мной дверь. Я бросил последний зачарованный взгляд на украшение на ее свитере – у атласной аппликации были фестончатые края, а два расшитых бисером щупальца алчно тянулись к правой груди хозяйки – и ушел.

Жанин, думал я. Это наверняка была Жанин. Бедный больной мистер Мэллори очень точно подобрал слово «стервозина».

Потом я выкинул из головы Жанин вместе с ее свитером и достал письмо, которое написала мне Мари Мэллори. Всякое живое существо,

когда двигается, оставляет за собой след в воздухе. Этот след отчетливо видно минут десять, а еще минут двадцать вполне можно различить, – иногда и дольше, если у существа сильный характер. В письмах такие же следы – отпечатки личности – сохраняются иногда лет на пятьдесят. А Мари Мэллори прямо-таки пропитала письмо своим сильным характером. Оставалось только сверить ее отпечатки со всеми следами вокруг.

Эти следы начинались тут же, прямо на улице, вперемешку с синим дымом, который тянулся за машиной, срочно нуждавшейся в смене масла. Помню, что тогда следы показались мне вполне симпатичными, – очередное заблуждение. В них была отвага, боевой задор и даже юмор, словно Мари не ломается под ударами судьбы, невзирая на то что в последнее время у нее, очевидно, была черная полоса. И Жанин ничуть не преувеличивала. Девушка Мэллори очутилась в конце улицы буквально в тот самый миг, когда я свернул на ту же улицу в начале. Я пришел в восторг – опять же ошибочно. Бросился к своей машине и пустился в погоню.

Я ехал по следу битых полчаса. Он был очень запутанный, Мари металась зигзагами по разным улицам, и широким, и узким, и по туннелям, и по мостам, то в гору, то под гору, причем горы были до того крутые, что один раз у меня даже заглох двигатель, а потом по извилистым дорожкам через какой-то огромный зеленый парк. Я повидал веранды в стиле Регентства, розовые готические башни, современные офисные центры, мощенные брусчаткой переулки, железный корабль Брюнеля^[5] и шоссе М-32. Судя по карте, которую я расстелил на пассажирском сиденье, я осмотрел все уголки города к северу от порта – и при этом ни разу не приблизился к преследуемой машине на расстояние окрика. Я даже не сумел распознать эту машину среди прочих и тем более не разобрался, что у девушки Мэллори на уме, но поскольку на узких улицах неизменно витал острый бензиновый запах, я полагал, что моя цель – довольно старый автомобиль.

Никогда нельзя ничего предполагать. Надо идти по следу, и все. След примерно в этот момент резко свернул вниз, к воде. Я помчался туда – и увидел впереди облезлый «моррис» с женщиной за рулем и детским креслом на заднем сиденье. «Ага!» – подумал я. Я прибавил газу, одновременно отправляя женщине за рулем магидские призывы заехать куда-нибудь, где можно поговорить. Ответа не было. Я прогнал «моррис» через два моста туда, где из-за одностороннего движения водителям приходилось закладывать безумные петли, машин становилось все больше, и нам обоим пришлось, в сущности, ползти ползком. «Моррис» неизменно

держался в трех машинах впереди меня, и женщина за рулем наотрез отказывалась реагировать на мои призывы. С каждым ярдом^[6] я злился все больше и больше. Я бы давно бросил это дело – но она была так близко!

Потом коричневый «моррис» резко свернул в проулок, и до меня дошло, что это вообще не та машина. След девицы Мэллори пропал, как не было. Похоже, я потерял его, как только решил, будто «моррис» – ее автомобиль.

Я выругался. И решил все бросить и ехать домой. Но тут мне пришла в голову неприятная мысль о том, что скажет Стэн, и я подумал, что остается еще очевидный выход из положения – вернуться к дому ее тетки и засесть там в засаде. Я бы и вернулся – но вскоре понял, что опять заблудился.

Я пробивался сквозь пробки, которые с каждой минутой становились все сильнее, и высматривал мост, но никакого моста видно не было. Более того, я с удивлением обнаружил, что еду в крутую гору практически по проселку. Пробки были просто жуткие. Мы еле ползли. Позади меня отрастал длинный хвост из ползущих машин. Оглядев от нечего делать окрестности, я обнаружил, что еду по краю очень даже существенной лощины, а весь Бристоль простирается и громоздится на той стороне.

«Ну, все! – подумал я. – Еду домой». Придется проложить маршрут через Уэльс, не иначе.

Но именно в эту минуту машины впереди вдруг прибавили скорости, городские пейзажи скрылись за деревьями, и я прочитал на дорожном указателе, что в Бристоль надо свернуть направо через платный мост. Я с радостью повернул направо. Когда я доехал до платного моста, оказалось, что это крайне шаткий на вид подвесной мост на огромной высоте через глубокое ущелье – лента дороги, протянутая от утеса к утесу между двумя башнями в псевдоегипетском стиле. Я сунул деньги в щель автомата и опасливо покатыл по мосту, то и дело поглядывая по сторонам, на мутную глинистую реку, которая поблескивала на закатном солнце в нескольких сотнях футов внизу.

Какой-то идиот остановил машину прямо посреди дороги сразу после съезда с моста. Я едва в нее не врезался.

Я ударил по тормозам. Судя по визгу и скрежету позади, другие водители поступили так же. Мало того что машина стояла на месте – водительская дверца была распахнута настежь, перегораживая остальную часть дороги. Проехать было в принципе невозможно, поскольку по разделительной полосе шло бетонное ограждение, чтобы машины не выезжали на встречную. Машины за ограждением тоже остановились, и их водители высунулись посмотреть, что происходит. По их лицам мне сразу

стало понятно – нет, это не авария, хотя сначала я подумал именно так. Машина остановилась преднамеренно. Потом я увидел водителя.

Это была девушка. И она плясала. Плясала на пешеходной обочине возле своей машины.

Она была низенькая, невзрачная, в очочках, а ее фигура смахивала на перевязанный сноп соломы. И она плясала. Вскидывала колени, прыгала, скакала. Кружилась лоскутная юбка, разлетались растрепанные волосы, очки перекошились на еле заметном носишке. Ее пассажир тоже подпрыгивал рядом. Оба размахивали руками. Оба метались туда-сюда. Пассажир был мальчик-подросток, темноволосый и поразительно красивый, он высился над ней и плясал довольно робко. Вид у него был такой, будто он пляшет, поскольку иначе его не повезут дальше. Его я полностью оправдывал. Но она...

Я прижал палец к кнопке гудка, вдавил ее и не отпускал. И я был не одинок.

Девушка перестала кружиться – но лишь затем, чтобы рухнуть на колени и трижды резко разжать в сторону дороги кулаки, растопырив пальцы, украшенные до того длинными ногтями, что подпадали под статью о холодном оружии, – раз, раз, раз! Этот жест был полон презрения ко всему на свете. Мальчик сделал то же самое, но смущенно. Мне было видно, что они не просто выбрасывали кулаки и растопыривали пальцы, а еще и пели, а может быть, и читали заклинания. А потом преспокойно заплясали себе дальше.

От злости я подбавил волшебства в свой гудок. Он прямо-таки взревел. Мост позади меня был забит полностью, половина машин тоже гудела.

Мальчик хотя бы замечал происходящее. И явно чувствовал себя не в своей тарелке. Но девица плясала себе и плясала, а он послушно подражал ей. Они еще раз проделали свои пассы, на сей раз в сторону каменистого откоса. Потом заплясали опять. Терпение мое лопнуло.

Я снял палец с гудка. Заглушил двигатель, сунул ключи в карман и вышел из машины. Плясуны как раз принялись растопыривать пальцы, когда я подошел к их машине. Ключи она оставила внутри, они болтались в замке зажигания. Я хотел было захлопнуть дверь, но тогда плясунье, чтобы попасть внутрь, пришлось бы взламывать замок, а всем, кто собрался позади, – снова ждать. Поэтому я ограничился тем, что обошел капот и двинулся навстречу парочке, резвившейся на тротуаре.

– Убирайся с глаз! – распевали они. Раз, раз, раз.

– Будьте так любезны, перенесите свой шабаш куда-нибудь в другое место! – сказал я.

Сначала-то я собирался сказать гораздо больше, но вблизи до боли остро ощутил отпечаток ее личности. Это была девица Мэллори. Еще бы. Все это время она только и делала, что вела меня в своей пляске.

Она перестала танцевать. И повернулась ко мне с таким лицом, словно я только что вылез из сточной канавы. Потом с неописуемым отвращением поправила гигантским ногтем очки на переносице и смирла меня взглядом – с ног до головы.

В эту игру можно играть и вдвоем. Я взялся за собственные очки двумя пальцами левой руки и сосредоточился на точке у плясуньи за спиной.

– Мари Мэллори, полагаю, – презрительно процедил я, пока она не пришла в себя и не заговорила.

– Катились бы вы куда подальше, – отвечала она. Вообще-то, именно это я и делал с самого начала по ее милости – катался куда подальше. Голос у нее был неприятный: громкий, унылый, с какими-то подвсхлипами. Потом до нее с некоторым опозданием дошло, что я сказал. – Может, вы и знаете, кто я такая, но я вас не знаю и не желаю знать!

Я посмотрел на мальчика, который стоял поодаль; это наверняка был Ник Мэллори – вовсе не беспомощный младенец, на которого намекала Жанин. Вид у него был такой, словно бедняга только и мечтает забиться под машину Мари и не вылезать.

Я разозлился еще сильнее. Наверное, из-за этих всхлипов в ее голосе. И сказал – точнее, рявкнул:

– Руперт Венейблз. Я вам писал. – Выпустил очки и извлек бумажник. – Я искал вас по всему городу, чтобы вручить ваше треклятое наследство. Держите. – И я протянул ей веером десять десятифунтовых бумажек, которые приготовил, чтобы поддержать свою легенду.

Она остолбенела. И, как я и рассчитывал, первым неосознанным движением потянулась за деньгами. Я подчеркнуто церемонно – от свирепости – вложил ей в руку все десять банкнот по одной. Водители по ту сторону разделительной полосы и кое-кто из тех, кто стоял на мосту позади меня, принялись свистеть, галдеть и улюлюкать, – одни повысовывались из окон, а другие от бешенства повыскакивали из машин на дорогу. Лицо девицы Мэллори залилось тускло-красной краской ярости. Смуглое лицо ее двоюродного брата покраснело еще сильнее. Подбородок у Мэллори выпятился, рука дернулась, будто в порыве швырнуть купюры на мостовую. Но все-таки деньги слишком много значили для нее. И она решила оставить их себе.

– Десять по десять, – сказал я. – Итого сто. А теперь будьте любезны,

сядьте в свою машину, чтоб ей пусто было, и прочь у меня с дороги!

Девушка Мэллори ничего не ответила, только надменно просеменила к открытой двери своего автомобиля под гудки и улюлюканье пробки. Мальчик, согнувшись в три погибели, юркнул в машину с другой стороны с проворством героя немого кино.

– Это стоило таких денег?! – крикнул водитель машины сразу позади меня.

Я хотел ответить, что да, возможность раз и навсегда отделаться от девушки Мэллори с ее семейкой, безусловно, стоит ста фунтов, но едва ли мне удалось бы объяснить ему почему. Так что я просто пожал плечами, улыбнулся и сел за руль в тот самый миг, когда девушка Мэллори рывком тронулась с места и с ревом умчалась в облаке маслянистого сизого дыма. Машина у нее была не в пример новее коричневого «морриса». Просто совсем неухоженная.

Хорошо, что я ехал обратно один, без Эндрю. Можно было всю дорогу домой ругаться в полный голос. Когда я прибыл на место, ярость еще не утихла.

– А теперь в чем дело? – поинтересовался Стэн из моей гостиной, перекрывая беспощадный ритм фуги Баха.

– Да эта Мэллори! – Я громко щелкнул выключателем. – Если кто-то пожелает сделать из нее магида, так только через мой труп! Она... Она неопишима! И к тому же уродина. А в довершение всего еще и чокнутая. – И я, кипя от бешенства, рассказал про сегодняшние приключения.

– Гм. А способности у нее есть? – спросил Стэн.

– Не сомневаюсь, вагон и маленькая тележка! – отозвался я. – Хватило, чтобы не подпускать меня к себе весь день напролет! Не больно-то и хотелось!!! Не нужны мне те, кто тратит хотя бы каплю таланта на то, чтобы отплясывать противосолонь на дороге и не давать людям проехать в час пик! Ни стыда ни совести! Хорошо хоть у ее двоюродного брата-подростка хватило воспитания смутиться!

– Посмотри на все с другой стороны, – посоветовал Стэн. – Мэллори не в состоянии вести себя как подобает магиду. Значит, одного кандидата можно вычеркнуть. Начинай обдумывать остальных четверых.

– Обхохочешься! – взорвался я и умчался в кухню, хлопнув дверью. Распахнув холодильник, я пробурчал себе под нос: «Как прикажете рассмотреть остальные кандидатуры, когда их по всей планете раскидало? Япония, Новая Зеландия, Хорватия, Огайо... Ох, обхохочешься!»

Как видно, Стэн последовал за мной. Его голос у меня за плечом произнес:

– Я об этом уже подумал.

Я захлопнул холодильник:

– Даже не начинай!

– Я тебе расскажу, но сначала поешь и остынь немного, – сказал он.

Глава шестая

Остывал я еще два часа. И остыл, только когда признался себе, что не просто надеялся обнаружить у девицы Мэллори приличный магидский потенциал, но еще и на основании отпечатков ее личности нарисовал себе портрет отважной девушки в трудных жизненных обстоятельствах. Семья распалась, этот неизвестный Робби бросил ее, денег у нее нет, поэтому она вынуждена жить у стервозины-тетки; мало того, ее отец (очевидно, приемный) умирает от рака. Я был бы счастлив от всей души ей посочувствовать. Но все мгновенно прошло, стоило мне увидеть, как это чучело, похожее на мешок картошки, скачет по обочине. Теперь-то, после того, как она сначала игнорировала меня, а потом смирила взглядом, мне хотелось пойти и пожать руку ее бывшему и поздравить его, что выпутался из этой передраги. Лично я выпутался, и дело с концом. И это стоило сотни фунтов – я еще дешево отделался, если подумать.

– Готов поговорить? – спросил Стэн.

– Да.

– Все, что тебе нужно, это собрать четырех кандидатов в одном месте и устроить им собеседование при приеме на работу. Правильно?

Я сидел, набычившись и опустив голову. Но тут выпрямился:

– А как?

– Жесткие меры, – ответил Стэн. – Подправь им линию судьбы. Пусть они сами придут к тебе.

– Разве так можно? – удивился я.

Мне казалось, это только на крайний случай. Вмешиваться в личную жизнь человека без его разрешения можно лишь в чрезвычайных ситуациях.

– Да, при выборе нового магида это допускается. Дело важное, – сказал Стэн. – В конце концов, ты все равно вмешиваешься в жизнь человека, когда назначаешь его.

– Хорошо, но сегодня я за это не возьмусь, – сказал я.

Процедура, которую предлагал Стэн, требует немалых усилий. Я всегда считал, что это очень хорошо, что она такая сложная, иначе у магидов возникало бы искушение прибегать к ней по самым тривиальным поводам. Но если применять ее слишком часто, хаос неизбежен, причем не в одном мире, а сразу во многих. Неизбежен хаос и в жизни самого магида, который ее проводит, если он не подойдет к задаче со всей осмотрительностью и не примет надлежащие меры безопасности. Стоит ошибиться – и линия твоей собственной судьбы безнадежно перепутается с линиями тех, на кого ты собирался повлиять. А магид должен быть свободен в своих действиях. Когда становишься магидом, в числе прочего линию твоей судьбы полностью освобождают от влияния остальных линий судьбы во всей множественной Вселенной. Признаться, от этого живется довольно одиноко.

Так или иначе, я понимал, что на процедуру уйдет несколько дней, и не хотел, чтобы мне мешали. На завтра я покончил со всеми рабочими делами (сроки я сорвал, ну и пожалуйста: все Мэллори виновата), а потом отключил все телефоны – и для нашего мира, и для других. И все компьютеры, в том числе и тот, где хранились данные по магидским делам, а на него еще и повесил аналог таблички «Не беспокоить».

Правда, с утра я не без досады обнаружил, что за ночь пришла целая куча факсов от генерала Дакроса. В первом победоносно сообщалось, что специалисты расшифровали генетические коды в двух списках и теперь, если удастся найти наследников, смогут подтвердить их личность. Во втором говорилось, что следов Кнарроса пока не обнаружено, в третьем –

что Джеффрос считает, что Кнарроса спрятали при помощи какого-то волшебства. В четвертом было прямо сказано, что я должен прибыть и разыскать им Кнарроса.

Я ответил резким факсом, что не вижу причин продолжать подыгрывать императорским играм в секретность, и посоветовал дать объявление о розыске Кнарроса в прессу. Потом выдернул провод факса из розетки.

– Видишь? – сказал я Стэну. – И ничего я близко к сердцу не принимаю.

Потом я засел за работу – взял большой глобус, булавки и суровые нитки. Было важно найти в нашей стране точку, куда лучше всего создать четверых моих кандидатов. Поскольку я работал с линиями судьбы, это место должно быть средоточием волшебных сил, своего рода узлом (просто удивительно, сколько на Британских островах таких узлов), а расстояния от него до каждого из четырех соискателей следовало рассчитать по особой математической формуле. Кроме того, надо было устроить так, чтобы все четверо не удивились, что им нужно отправиться именно туда. Хотя их притянет в эту точку череда случайностей, подстроенных магидскими средствами, нельзя слишком сильно искажать законы вероятности, иначе те трое, которых я не выберу, могут это заметить.

Вот почему я сразу вычеркнул слишком примечательные узлы вроде Стоунхенджа, а также почти все средневековые замки и укромную долину в Дербишире и рассматривал в основном города и деревни, где были какие-нибудь конгресс-центры. Вскоре я уже сидел полузаваленный путеводителями и туристическими буклетами и глядел то в них, то на глобус, а потом еще на подробные карты, расстеленные на полу. Мне нужен был какой-нибудь скучный, непримечательный на вид магический узел. Стэн мне очень помогал. Когда он был жокеем, то исколесил всю страну, поскольку выступал на самых разных скачках, и знал гостиницы и узлы, о которых я даже не слышал.

Сам я надеялся собрать всех в Лондоне, но это не получалось по формулам. Самое обидное, что все бы сошлось, если бы я не изъясился из уравнения девицу Мэллори. Тут я поймал себя на том, что отвлекся от дела из-за мощной вспышки гнева на девицу Мэллори, которая совсем вывела меня из терпения. Да как она посмела втянуть меня в этот танец! Да как она смеет и дальше мной вертеть, я же ее уже вычеркнул!

Стэн напомнил мне о работе – посоветовал подумать над некоторыми узлами в Центральных графствах. Там есть несколько хороших сильных

узлов. Я хотел было выбрать Ноттингем, но опять не сходились цифры.

– Жалко, – огорчился Стэн. – Ноттингем такое место – туда всякий попадает рано или поздно. По самым разным причинам. А тебе и нужны самые разные причины. Концерты, конференции, да и скачки сгодятся.

– Есть причины поехать и в Бирмингем, – сказал я, – но узел там пустячный. А если Стратфорд-на-Эйвоне?

– Туристов многовато, – ответил Стэн. – А Уиган не пойдет?

Уиган опять не подходил по формулам. Мы несколько часов обсуждали узлы, мерили, считали, изучали буклеты и в конце концов остановились на средних размеров городке под названием Вонтчестер. Мы оба его знали. Стэн сказал, там есть по меньшей мере две приличные гостиницы – из-за скачек. Путеводитель утверждал, что там имеются также конференц-зал и оружейный завод. Вот это было что-то новенькое, мы со Стэном такого не помнили. На памяти Стэна, это был приятный сонный городок. Мне помнилось, как мы всей семьей ездили туда на летних каникулах, а самое яркое впечатление оставила река. Там проходили детские соревнования по ловле рыбы. А я тогда был одержим рыбалкой, мне было, наверное, лет девять, и, конечно, побежал и записался. И рыбачил с утра до вечера без намека на успех. Помню, как уже, наверное, в четвертый раз выпутывал леску из ветвей плакучей ивы, когда пришел мой брат Уилл и тоже захотел попытать счастья. Он с детства не любил, чтобы младшие братья его в чем-то опережали.

Наверное, у распорядителя соревнований было очень хорошее настроение. Он провел Уиллу инструктаж, Уилл позаимствовал у меня удочку, и распорядитель ушел. Уилл, привыкший всегда во всем блистать, почти сразу же поймал отличную крупную рыбку. Он ее подсек, точно выбрав нужный момент, и вытащил на берег идеальным движением. Но тут начался сплошной кошмар, потому что у Уилла не хватало духу ее убить – и у меня тоже. Мы кричали, звали распорядителя, но он был далеко и не слышал нас, и пришлось нам все делать самим. На пару нам удалось вытащить крючок у рыбы изо рта, а потом мы бросили ее обратно в реку, и она поплыла на боку, судорожно извиваясь, – было ясно, что она умирает. Уилл понял, что почти убил ее. И разрыдался, хотя ему уже исполнилось тринадцать. Мне было очень худо. Я попытался достать рыбу из реки, но не смог. В таком виде и застал нас проходивший мимо Саймон, наш старший брат. Саймон терпеть не может убивать и поэтому рыбалкой не интересуется. Он увидел нас – Уилл плачет, я весь бледный и трясусь, – просто вошел в реку, взял рыбу и разбил ей голову о камень.

– Вот, – сказал он и пошел своей дорогой.

С тех пор я не рыбачил. И Уилл больше ни разу не пробовал.

Потом-то я сообразил, что подобные воспоминания о Вонтчестере были очень скверным предзнаменованием. Вероятно, я и тогда в глубине души заподозрил неладное. Но даже если и так, я отмел все подозрения, потому что уже устал искать. Вонтчестер соответствовал нашим требованиям. Мы со Стэном там бывали. А больше ничего и не нужно.

– Вонтчестер так Вонтчестер, – сказали мы.

Теперь, разумеется, нужно было поехать туда и проверить, как и что.

– Жаль, что тебе со мной нельзя, – сказал я Стэну.

– Осмотреть город ты можешь и без моей помощи, – пробурчал Стэн тоном, не сулившим ничего хорошего. Я уже заметил, что Стэна раздражает, когда я выхожу из дома без него.

Больше я ничего не говорил.

Назавтра я поехал в Вонтчестер и обнаружил, что город по-прежнему очень симпатичный, несмотря на одностороннее движение и холодные февральские ветра. Я даже прошелся вдоль реки в память о прежних временах. Там росли ивы, по-зимнему голые, и бурлила под мостом бурая вода, в точности как мне помнилось, однако тропинка со времен тех далеких каникул стала короче, поскольку на берегу выстроили новый завод. Поэтому я пошел обратно в город, к большой гостинице, которая, как я заметил, стояла в дальнем конце главной площади. Эту гостиницу я смутно помнил, хотя мы останавливались в пансионе, но больше всего мне запомнилось, что главная площадь была похожа скорее на очень широкую улицу, на которой был рынок. К вящей моей радости, площадь (или улица) и сегодня была вся уставлена торговыми рядами, и я всю дорогу в гостиницу глазел на посуду, фрукты и одежду, точно такие же, как и тогда, когда мне было девять лет.

И сильно опешил, обнаружив, что гостиница называется «Вавилон».

Совпадений не бывает, подумал я и толкнул большие стеклянные двери. Внутри было просторно и тихо – и современный интерьер удивительным образом сочетался с традициями маленького городка. Повсюду зеркала и стойка портье на заграничный манер, но кругом полным-полно этаких любителей охоты и рыбалки, приехавших на лошадиные торги, а ленч был традиционный и сытный, и подавали его официанты с местным говорком. Пока я сидел среди зеркал и ел курицу и пирог с грибами, до меня дошло, что это здание стоит прямо на узле. Все лучше и лучше. После ленча я спросил, нельзя ли забронировать номер на пасхальные выходные. Мы со Стэном запланировали все на Пасху, поскольку это мощный временной узел.

От девицы за стойкой, на вид иностранки, я толку не добился и попросил позвать ее начальника. Звали его Альфред Дуглас, но не винить же его в этом^[7]. Пасхальные выходные? Он очень сожалеет, но все номера будут заняты, поскольку планируется большой конгресс.

Я едва не ушел. Может быть, так и следовало поступить. Несомненно, если бы я ушел, все повернулось бы совсем иначе. Я был на волосок от того, чтобы выбрать другой город, но тут мне взбрело в голову спросить, что за конгресс, – в ответ я ожидал услышать про франкмасонов, социальных работников или какой-нибудь бизнес-семинар.

Конвент любителей научной фантастики и фэнтези, сообщил мне мистер Альфред Дуглас. Кажется, это называется «литература о вымышленных мирах», есть такой термин. В общем, что-то в этом духе, сэр.

«Совпадений не бывает!» – подумал я, охваченный ощущением чуда. Мервин Тарлесс пишет научную фантастику. Фиск, согласно моим американским информантам, как-то вела курс для начинающих фантастов. Как относятся к этому жанру Пунт и Габрелисович, я не знал, но уже половина моих кандидатов, получается, могла приехать по самому что ни на есть правдоподобному поводу.

– Я же именно это и искал! – воскликнул я.

Подробные расспросы выявили, что из-за конвента гостиница будет битком набита пять дней и готова предоставлять номера только участникам. Однако мистер Альфред Дуглас был готов снабдить меня фамилией, адресом и телефоном организатора. Звали его Рик Корри. Я позвонил прямо из гостиницы.

Рик Корри был очень мил и предупредителен. Мне сразу понравился голос, ответивший: «Ответственный за размещение участников „ФантазмаКона“». Мы славно поговорили, и в ходе беседы я выяснил, что Рик, как и я, занимается компьютерами и работает дома. Конечно, мне можно поучаствовать в конвенте, сказал он и назвал скромный взнос, причем даже извинился: после Рождества сумму пришлось повысить. Все подробности и бланк для бронирования номера он обещал прислать и предупредил, чтобы я не тянул с ответом, потому что гостиница и так почти полна.

Я дал ему свой адрес.

– А что будет, если я пришлю вам бланк, а окажется, что все номера уже заняты? – спросил я.

– О, мы стараемся, чтобы всем нашлось место! – бодро ответил Рик. – Многие фанаты спят на полу, вы только Альфреду Дугласу не говорите. А

кроме того, я уже договорился с Железнодорожной гостиницей, там примут наших гостей, если понадобится. Но, конечно, лучше по возможности разместиться в «Вавилоне». Быть, так сказать, в центре событий.

Я пообещал отправить ему бланк с обратной почтой, и мы распрощались. Перед уходом я чуть-чуть подправил реальность, чтобы нам с четырьмя кандидатами точно хватило номеров в этой гостинице. И снова поймал себя на том, что меня отвлекает от дела приступ лютого гнева на девицу Мэллори – возможно, по ассоциации с обратной почтой. Поэтому, поразмыслив, я подправил еще кое-что, так, чтобы девица Мэллори не имела к тому, что произойдет, ни малейшего отношения. И отправился домой, довольный проделанной работой.

Некоторое время ушло на кропотливую работу – надо было переплести линии судьбы единственно верным образом. Общаться с внешними мирами мне пришлось, похоже, только один раз, когда я получил от Рика Корри очень странную бандероль. Вскрывая ее, я подумал, что хорошо бы Фиск, Пунт или Тарлесс тоже отвечали мне так быстро (на самом деле я не получил ответа ни от кого из них – то ли письма затерялись, то ли никто из кандидатов не принял их всерьез), – и снова меня скрутило от иррациональной злости на девицу Мэллори. Когда я разбирал содержимое бандероли, руки у меня тряслись.

Помимо прочего там лежали обещанные бланки. Тот, что касался номера в гостинице, был ничем не примечателен, кроме того, что требовалось указать, ем ли я грибы на завтрак, – но вот бланк заявки на участие в конвенте оказался полон прелюбопытных пунктов. Я прочел: «Участники, желающие участвовать в маскараде, должны заранее указать, в каком именно образе они собираются прийти – человек, животное, другое. В этом году будет три категории», а потом еще: «Участники „ФантазмаКухни“ должны зарегистрироваться по прибытии. Администрация гостиницы просит воздержаться от создания в номерах зеленой слизи и т. п.» – и в заключение: «К сожалению, мы вынуждены запретить взрывы, поскольку после прошлогодних событий слишком сильно подорожала страховка».

Мне стало любопытно, что же такое случилось в прошлом году, но тут я взял в руки нечто под названием «Известия о подготовке конвента. Выпуск III» и вытарашился на него. Ну и лицо у меня, должно быть, сделалось – картина маслом. Стэн потребовал объяснений.

– «Гэндальф собирает хоббитов, как обычно, в главном штабе, – прочитал я. – Измерение, где будет проходить „Эзотерика с Верховным

магом“, в процессе согласования. Выступления филк-исполнителей^[8] в этом году будут в Родной вселенной... Писательский семинар, по всей видимости, проведет Венди-Вербена, но, по слухам, руководителя могут сменить. Следите за объявлениями... Хопкин-Бобкин согласился вести „Настольные игры“ и мастер-класс по настольным играм... Просим в этом году воздержаться от обвинений в мошенничестве на занятиях по картам Таро – у нашей новой гадалки обостренная чувствительность... Осталось несколько мест в Торговом зале. Обращайтесь к Эйзенштейну... Безопасность обеспечивает охранное предприятие „Чингисхан энтерпрайзес“, все мечи следует сдать им до субботы...» Стэн! Кто все эти люди?!

– Думаю, простые обыватели, которые решили поразвлечься, – ответил Стэн. – Все мы ненормальные, если копнуть. Одно тебе скажу: рисовать они не умеют.

И верно. Буклет – или как его там – был изукрашен размытыми портретами всяких ведьм и волшебников, а также девиц, одетых преимущественно в драгоценности. Все они были нарисованы из рук вон плохо.

– Ох, – только и выговорил я и отправил этому Корри чек.

Через неделю он прислал квитанцию и сертификат, гласивший, что теперь я полноправный участник «ФантазмаКона», в доказательство чего мне забронирован номер в гостинице «Вавилон».

А в остальном, как я уже упоминал, я трудился не покладая рук – и в доме, и в сарайчике, и на заднем дворе. Сарайчик у меня отличный, отчасти я из-за него и дом купил. Большой, просторный, к тому же кто-то настелил в нем гладкий дощатый пол. Я добавил отопление. На этом полу очень удобно при необходимости писать мелом разные цифры и символы. Когда работаешь с линиями судьбы, помимо всего прочего требуется двойная спираль Вечности – черта с два начертишь ее правильно! Вскоре после того, как я получил сертификат, я уже ползал по полу в сарае, облачившись в старую одежду, чертил, стирал, снова чертил – а потом поднял голову и обнаружил, что на пороге стоит Эндрю.

Если ему и показалось, что я занят чем-то не вполне ординарным, он и бровью не повел. А просто сказал – как всегда, рассеянно и невозмутимо:

– Я вот подумал, может быть, вы меня подвезете...

А я уже и забыл, что у него сломалась машина. Пришлось встать, отряхнуть колени и посвятить остаток дня делам соседа. Помнится, в какой-то момент, когда я вез его то ли в Кембридж, то ли в Хантингтон, то ли обратно, я небрежно заметил:

– Я довольно часто рисую алгоритмы мелом на полу. Полезно видеть картину в целом.

Он ответил:

– Я довольно часто обдумываю изобретения во время прогулок по полям.

Я решил, что все обошлось, но все же назавтра, вернувшись к работе, предпринял некоторые меры – окружил и дом, и сарай, и задний двор, а вдобавок еще и свой участок сада перед домом мощными заградительными чарами. После чего снова принялся ползать и чертить, уверенный, что больше меня точно не побеспокоят.

Под вечер я уже был готов пройти по спирали. Для этого нужно очень сильно сосредоточиться – как-никак тянешь за собой линии судьбы сразу четырех человек, не говоря уже о своей собственной, и если ошибешься, можно навредить и им самим, и всему остальному миру в тех местах, где их жизни связаны с чьими-то еще. Я скользил между меловыми линиями, раскинув руки, чтобы удержать мировое равновесие, и тут поднял голову и обнаружил, что на дальнем конце спирали кто-то стоит, широко расставив ноги. Я не мог разглядеть, кто это, потому что он был силуэтом на фоне потока оранжевого солнечного света, который лился из окна под потолком сарая. Меловая пыль и соринки из сарая тоже поблескивали в солнечных лучах, и от неизвестной фигуры словно бы исходило сияние. Это был настоящий великан.

Всем знакомо такое чувство, когда в животе словно что-то обрывается и стоишь весь пустой и холодный. Вот оно у меня и возникло. Но остановиться я не мог. Это был бы нешуточный риск. Первая мысль у меня была – хорошо хоть это не Мэллори! От нее всего можно ожидать. Потом я подумал, что это, наверное, Стэна стало видно из-за пыли. Но фигура была очень массивная. Мне пришлось скользить по полу еще битых пять минут, пока я не очутился в месте, где солнечный свет падал на незнакомца сбоку. Тут я понял, что это Эндрю. Он стоял себе и смотрел. Вид у него был совершенно огорошенный, но глаза пристально следили за мной.

– Вам сюда нельзя, – сказал я ему, когда уже можно было чуть-чуть отвлечься.

Он улыбнулся. Меня это насторожило: очень уж умный вид сделался у него от этой улыбки. И в то же время мне показалось, что он в каком-то трансе. Я это даже почувствовал, когда подошел. Поскольку он стоял на моем чертеже, мне пришлось взять его за локти и отодвинуть в сторону. Он двигался как зомби и остался стоять там, где я его поставил. Я проскользнул мимо него по спирали и развернулся в конце, рассчитывая,

что все обойдется. Но когда я поднял голову, то обнаружил, что стоило мне забыть об Эндрю, как он снова переместился и теперь стоял, точно так же расставив ноги, на дальнем конце спирали. Теперь желтый солнечный свет заливал его бесстрастное суровое лицо.

«Зараза», – подумал я и заскользил дальше. Придется смириться с тем, что Эндрю каким-то образом впутался в линии судьбы, с которыми я работаю. Сам-то он об этом не догадывается. Наверное, хотел попросить у меня сахара или еще чего-то, просто пришел не вовремя. Закончив, я взял его за руку, перевел через задний двор и выпустил в сумерки за калиткой.

Как только он очутился за пределами моих заградительных чар, так сразу пришел в себя.

– Спасибо, – сказал он, как будто я и вправду одолжил ему сахара. – До встречи. – И двинулся вдоль живой изгороди к своему дому.

– Взгляни на все с другой стороны, – посоветовал Стэн, когда я все ему рассказал. – На его месте могла быть девица Мэллори.

– Не было печали! – воскликнул я. – Как ты думаешь, что я ему сделал?

– А кто его знает, – отозвался Стэн. – Я ни о чем таком никогда не слышал, но, может быть, магида просто не докладывают. Скорее всего, ничего серьезного. Надеюсь. Пожалуй, самое худшее – нашего Эндрю потянет назваться хоббитом и прибыть к Гэндальфу на доклад.

– Надеюсь, этим ограничится, – сказал я.

Глава седьмая

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори.
Выдержки из различных документов

[1]

Ладно. В общем, я нахамила Жанин. Когда оказалось, что мне нужно у них пожить, Жанин, как всегда, взбесилась. До того взбеленилась, что я ей и говорю: «А попробуйте сами пожить у золовки по соседству! Попробуйте писать курсовые работы, которые учитываются на защите диплома, когда вокруг орут семнадцать человек детей!» У Ирэн, папиной сестры, пятеро своих и еще двое детей последнего мужа от предыдущих браков, но она считает, что в доме как-то слишком тихо, если к каждому из них каждый день не приходит хотя бы один закадычный дружок с ночевкой. К счастью, мой толстячок-папа, прежде чем его забрали на химиотерапию, успел не

только отдать мне свою машину, но еще и дозвониться до своего брата Тэда и заставить его дать слово, что он обеспечит мне стол и дом. Поэтому я и сказала Жанин, что все претензии к дяде Тэду.

— А чем тебе не нравится в университетском общежитии? — спросила она.

— Мест нет! — ответила я. — Я снимала квартиру, но ее сдали другим без предупреждения.

На самом деле было не совсем так, но Жанин я об этом говорить не собиралась. Просто мы с Робби вместе снимали две комнаты (причем я отдала все деньги, чтобы оплатить жилье вперед), а потом он взял и привел туда свою новую девушку Давину, а меня выставил. Кажется, он сказал, что я могу спать на диване, — но тут я не уверена, потому что от злости его не слышала. Я помчалась в Лондон к маме, дав зарок никогда не возвращаться. И не собиралась возвращаться, но пришлось — из-за папы. Он заставил меня вернуться, и я была вынуждена провести прекрасный месяц в доме тети Ирэн. Ну, я и сказала папе, что больше ни за что на свете, и тогда он пристроил меня к дяде Тэду.

Жанин посмотрела на меня волком. Но перечить дяде Тэду она ни за что не станет. Иначе он, чего доброго, заметит, что она вертит им как хочет. Нет, она решила выждать время и мало-помалу убедить дядю Тэда, что со мной невозможно ужиться. Так что она ничего не сказала, только проделала этот свой любимый фокус — одернула рукава свитера, так что зазвенели золотые браслеты. Дерг. Дерг. Встряхнула безупречной стрижкой. Уходи — звяк, звяк, бряк, — дай позвонить. Звонила она тем несчастным девочкам, которые работают в ее одежном магазине в Клифтоне. Жанин их постоянно увольняет ни за что. Я слышала, как она говорит в трубку, пока я шла вверх с очередной охапкой своего барахла: «Пусть уйдет. Я сыта ей по горло!» Эти свои кошмарные свитера она берет в собственном магазине. Больше всего я ненавижу как раз тот, который был на ней тогда, — у него такой вид, будто она плюхнула себе на плечо рисовый пудинг. Ник говорит, что он больше всего ненавидит тот, что с бронзовой тушеной фасолью.

И Жанин еще думает, что я дурно влияю на Ника! Ну или краду его любовь, или еще что-то. На Ника повлиять нельзя. Это невозможно в принципе. Повлиять на Ника не в силах никто и ничто, пока он сам не захочет. Ник мальчик славный, добрый и глубоко эгоистичный. О нем многое говорит хотя бы то, что, пока я жила на той же улице у тети Ирэн, он туда носа не показывал. Когда я перетаскивала барахло к дяде Тэду, то спросила у Ника почему.

– Да там же дети! – Он будто бы удивился, что тут непонятного.

Самому Нику, должна отметить, всего четырнадцать. Он стоял, руки в карманы, и смотрел, как я выгружаю из папиной машины коробки и полиэтиленовые мешки.

– О, компьютер, – сказал он. – У меня ноутбук. А у тебя?

– Старый, с придурью и почти ни с чем не совместим – совсем как я, – говорю.

Представьте себе, он взял его и отнес на второй этаж родительского дома – расстарался ради меня. Наверное, оказал мне честь, а может, боялся, что я разобью компьютер. Он довольно низкого мнения о женщинах в целом (еще бы, при такой мамаше, как Жанин, и я бы женщин недолюбливала). Потом он спустился обратно и посмотрел на папину машину:

– А она ничего.

– Это папина, – сказала я. – То есть была. Он сказал, что подарит мне ее, когда я сдам на права.

– А когда ты сдала? – спросил Ник.

– Тс-с! – сказала я. – Экзамен в понедельник.

– Тогда как ты доставила ее в Бристоль? – поинтересовался он.

– А как ты думаешь? Само собой, села за руль да и приехала, – ответила я.

– Но... – Он осекся. – Сама, одна?

– Да, – ответила я.

Было видно, что мне удалось вызвать у мастера Ника благоговейное восхищение. Мне стало приятно. Таких, как Ник, нужно постоянно ставить на место, иначе обернуться не успеешь, как будешь стирать ему носки, пока он ходит по тебе босыми ногами. (Робби был такой же, просто мне не удавалось вызывать у него благоговейное восхищение надолго.) Ник держит в ежовых рукавицах и мать, и отца. Я была на седьмом небе и в полном восторге, когда обнаружила, что Жанин и в самом деле вручную стирает ему носки, потому что Ник ноет, что после машинной стирки носки ему трут. Дядя Тэд вручает Нику десятифунтовые купюры чуть ли не каждый раз, когда они встречаются на лестнице. И весь подвал отдан Нику в полное распоряжение. Родители не входят туда без стука. Честное слово. Он показал мне подвал, когда я перенесла все свои вещи в мансарду. Думаю, это он снова оказал мне честь. Там, внизу, прямо роскошные апартаменты – весь пол застелен ковром сливового цвета. А какая у него стереосистема! Эх! Зависть берет!

– Я сам выбирал ковер, – сообщил Ник.

– Изысканный траурный оттенок, – сказала я. – Прямо заплесневелое епископское облачение. Можно разливать черничное варенье банками, никто не заметит.

Ник засмеялся:

– А почему ты всегда такая мрачная?

– Потому что у меня крах в личной жизни! – ответила я. – Не спрашивай! Я становлюсь опасной!

– Ты всегда опасная, – заявил он. – Этим ты мне и нравишься.

Да, мы с Ником отлично ладим. Может быть, именно поэтому Жанин так возражает против моего присутствия. Похоже, нам удалось возобновить отношения с того самого места, когда мои родители развелись и переехали в Лондон. У нас с ним все началось давным-давно, еще тогда, когда Жанин платила маме, чтобы та сидела с Ником почти все время. Беда в том, что мама плохо ладит с малышами (хотя, должна сказать, с подростками у нее все просто здорово), поэтому она спихивала Ника на меня, как только я приходила из школы. Одно из первых моих воспоминаний – это как я качу огромную коляску с Ником в горку в Даунс, а потом, когда тернистый путь был позади, я вытаскивала его, и мы сидели на траве и сочиняли разные истории. Мы с Жанин в первый раз всерьез поцапались, когда мне было двенадцать, а Нику шесть и Жанин обнаружила, что Ник хочет побыть со мной, а не идти куда-то там с Жанин. Она сказала, что я забиваю Нику голову фантазиями. Я сказала, что он почти все сочиняет сам. Она сказала, что из-за меня он не отличает то, что есть, от всяких выдумок. А я сказала: еще как отличает, ведь понимает же он, что с Жанин ему будет скучно.

Наверное, возобновить отношения оказалось проще, потому что Ник по-прежнему такой же потрясающе красивый ребенок, каким он был, когда я катила его в гору и старушки останавливали меня и говорили, какой у меня прелестный братик (а я всегда отвечала: «Он мне не брат, мы двоюродные»). Просто сейчас он примерно на ярд выше, и мне приходится запрокидывать голову, чтобы заглянуть ему в лицо. Он говорит, что я тоже не изменилась. Так и есть. Я с двенадцати лет не расту. И у меня все такое же круглое лицо – как неумело нарисованное сердечко на школьной валентинке, – и нос у меня тоже не отрос, так что очки постоянно съезжают. Такая же растрепанная шевелюра мышиного цвета, такое же отсутствие фигуры. Я всю жизнь была этакой пышечкой в ямочках, а пока жила у мамы, у меня был нервный жор (ну и дура же я – думала, здоровую пищу затем и изобрели, чтобы люди не толстели), так что теперь я откровенно ТОЛСТАЯ. Перед тем как сесть это писать, я посмотрела в

зеркало и удивилась, что Робби вообще во мне нашел...

[2]

...сообщил, что экзамен на права я не сдала. На самом деле я не виновата. Улицы в Бристоле такие путаные. Вряд ли он меня завалил просто за то, что мы заблудились, хотя в конце концов я съехала задним ходом вниз по Тоттердаун (а уклон там, по-моему, градусов тридцать), поскольку, похоже, забыла, как трогаться на подъеме. Пересдать разрешат только через месяц. Тьфу.

Чтобы выпустить пар, я ворвалась в деканат ветеринарного факультета и подала заявление о переходе на философский. Мне сказали, что я хорошо учусь и неужели я серьезно. И я сказала, что да. Если они думают, что я хочу тут торчать и смотреть, как Робби Пейн строит глазки Давине Фростик, то ошибаются. Мне сказали, что это неуважительная причина для смены специальности. Я сказала, что других у меня нет. Тогда они захмыкали, заахали и сообщили, что все равно до Пасхи, а то и до осени это невозможно – очевидно, полагали, что за это время я передумаю.

НИ ЗА ЧТО. Я не стригла ногтей, пока сидела в больнице с папой. Теперь я клянусь не стричь их целый год. Никто не заставит меня работать с животными, когда у меня когти в дюйм^[9] длиной. Нате вам!

БЕСИТ!!! За пересдачу на права я отдала почти все деньги. Пришлось сказать дяде Тэду, что я буду платить ему за комнату и содержание раз в полгода. Он отнесся к этому спокойно. Ведь он и так богатый. А у Жанин, похоже, денег куры не клюют.

Но какие же они душные, господа!

Понятно, почему Ник каждый вечер ныряет в этот свой подвал. Прежде чем я поняла, что можно уходить в мансарду и притворяться, что занимаюсь, я провела несколько вечеров, сидя с ними в гостиной после ужина, и каждый вечер тянулся по сто лет. (Гм. Ужин. Между прочим, Жанин сама не готовит. У нее в холодильнике хранится так называемый «рацион» – запас диетических полуфабрикатов для желающих похудеть. Ник и дядя Тэд едят их с десятидюймовыми горами порошкового картофельного пюре. Мы с Жанин – без пюре. Я каждую ночь просыпаюсь, потому что у меня от голода бурчит в животе, но, надеюсь, страдаю не напрасно.) После ужина они никогда никуда не ходят. Насколько мне известно, как-то раз идея очередной книги посетила дядю Тэда прямо в разгар представления Валлийской национальной оперы, и им пришлось уйти, чтобы он написал первую главу. Жанин не приветствует подобные неразумные траты, поэтому теперь они сидят дома. И почти не смотрят

телевизор, поскольку он мешает дяде Тэду обдумывать идеи книг.

Вот мы и сидели. Казалось бы, раз дядя Тэд всемирно известный писатель, с ним должно быть интересно поговорить. По меньшей мере, ждешь, что он расскажет, какие гнусные козни строят демоны в его последнем сюжете (демонов дядя Тэд придумывает как никто, от них просто мороз по коже). Как бы не так. Он вообще никогда не говорит ни о работе, ни о том, что с ней связано.

Я спросила у него почему; это было на второй вечер. Жанин поглядела на меня так, будто я брякнула, что папа римский практикует вуду. А дядя Тэд объяснил, что подобные темы он оставляет для публичных выступлений.

– Писательство – такая же работа, как и любая другая, – говорит. – Хочу приходить домой из конторы и класть ноги на стол – как все.

(Само собой, он работает дома.)

– Ну что ж, тоже точка зрения, – сказала я.

На самом деле я была в полном шоке. Как можно называть просто «работой» все, что связано с воображением? Мое мнение о дяде Тэде, которого я даже любила и которым восхищалась, с визгом скатилось под гору почти до уровня моря.

А потом стало сползать еще ниже – уныло и неспешно, будто санки по очень пологому склону, поскольку дядя Тэд завел разговор о доме. И о деньгах. Явно очень довольный тем, сколько денег он заработал за последнее время, он поведал мне, какие именно украшения и улучшения в доме сделаны на гонорар от каждой книги в отдельности. Жанин с жаром кивала и напоминала ему, что подвал Ника – это результат «Проклятого особняка», а он парировал, что встроенные книжные шкафы – это «Сдавайся, дьявол», и оба сообщили мне, что после «Явления тьмы» они смогли позволить себе пригласить дизайнера по интерьерам и сделать ремонт в гостиной. Я подумала, что относиться так к книгам – это просто ужасно. Я считала, что книга – это Произведение Искусства.

– Но окна во всех комнатах мы оставили как были, – добавил дядя Тэд. – Пришлось.

Дело в том, что я очень люблю здешние оконные стекла. Помню их с детства. Они все волнистые и бугристые. Если посмотреть из окна на улицу, особенно вечером, получается такой утес с домами и деревьями, испещренный теплыми светящимися квадратами окошек, и все скользит и рябит, будто вот-вот превратится во что-то другое. Под некоторыми углами дома изгибаются и растягиваются по-всякому – прямо веришь, что они ускользают в другие измерения. И если смотреть на задний двор, так

же здорово. Там получается изумрудно-зеленая панорама города на фоне бледного заката. А когда загораются фонари, они словно дырочки, сквозь которые просвечивает оранжевое небо. Все рябит и растягивается – впору подумать, что смотришь на какое-то диковинное и очень волшебное место, прикрывшееся городом.

Я поняла, что дядя Тэд сейчас погубит эту диковинность, ляпнув о своих окнах что-нибудь скучное и унылое, и до дрожи этого испугалась. Прямо-таки молилась, чтобы он промолчал. Но он сказал. Вот что он сказал:

– Это подлинное стекло времен Второй мировой, представляешь? Сохранилось с тех пор, как Гитлер бомбил здешние доки. Дом ударило взрывной волной, все окна вылетели, пришлось стеклить их заново. Вот мы и оставили стекла, хотя весь остальной дом переделали. Это историческое стекло. Повышает ценность дома, и немало.

Слыхали? Он же фэнтези пишет! У него окна выходят в другие измерения! А думает только о том, сколько лишних денег они могут принести!

Ой, я понимаю, я ужасная и неблагодарная. Они пустили меня к себе пожить. Но все равно...

Ник хотя бы заметил про окна. Говорит, в них видно отблески великой альтернативной вселенной под названием Бристолия. А поскольку в некотором смысле он так же практичен, как и отец, то сделал карты Бристолии для настольной ролевой игры...

[3]

...скоро. У меня в груди ноет из-за Робби. Я хожу в университет, но на самом деле просто отсиживаю на занятиях. Вроде бы крах в личной жизни в принципе можно пережить. У всех получается. Ведь прошло уже несколько месяцев. Наверное, я не как все. А как кто? Не знаю. В том-то и беда, когда ты приемный и не знаешь, кто твои настоящие родители. У них есть всякие мелкие наследственные качества, о которых ты не подозреваешь и не готов к ним, а они накапливаются и бьют по тебе же. Не знаешь, чего ожидать.

А деньги у меня тают и тают, уже почти не осталось...

[4]

Ну и дела! Пришло письмо от какого-то Руперта Венейблза. Юрист, наверное. Такие имена и фамилии бывают только у юристов, больше ни у кого. Говорит, какой-то дальний родственник оставил мне сто фунтов в

наследство. Дайте, дайте скорее!

Таковы были мои первые, радостные мысли. Но тут Жанин все испортила – спросила сладким голосом:

– Какой еще дальний родственник, милая моя? Со стороны отца, со стороны матери или твой личный?

И дядя Тэд внес свою лепту:

– А какой адрес у этого юриста? Посмотри, откуда он, – вот и будет подсказка.

Опять он со своей практичностью. Этот Венейблз писал из Уиверс-Энда в Кембриджшире. Мамины родные живут на юге Лондона. Папины все бристоольские. Никто из них, насколько нам известно, за последнее время не умер, даже мой бедный толстячок-папа, который до сих пор торчит в больнице где-то в Кенте. Остаются только мои собственные настоящие, подлинные родственники – выходит, они каким-то загадочным образом меня нашли. Я едва не пришла в восторг, но потом Ник сказал, что, по его мнению, это чья-то злая шутка.

Свое мнение Ник высказал через час после того, как все остальные перестали это обсуждать. Именно столько у Ника уходит, чтобы перестать быть утренним зомби и стать нормальным дневным самим собой. Он разлепил глаза, собрался в школу, взял письмо и по пути к задней двери подверг его пристальному изучению.

– Из адреса не следует, что он юрист. В письме не говорится, кто оставил тебе деньги. Это розыгрыш, – постановил он. Бросил мне письмо обратно (промахнулся, и оно упало на пол) и ушел.

Может, и розыгрыш, но деньги мне пригодятся. Так я и написала этому Венейблзу. Ну и намекнула, что можно рассказать мне все поподробнее.

Сегодня он ответил – говорит, приедет и отдаст деньги. Но не говорит когда и так и не сказал, кто мне их завещал. Ни единому слову не верю. Ник был прав.

[5]

...и сказал, что я сдала экзамен на права! К этому времени меня одолел такой пессимизм, что я не поверила и попросила повторить. И во второй раз он сказал то же самое.

Наверное, автоинспекторы, принимающие экзамены на права, не привыкли, чтобы их целовали. Этот воспринял все стоически, а потом вылез из машины и пустился бежать. Я выскочила следом. Сорвала таблички с буквой «У», запрыгнула обратно за руль, рванула с места и укатила. Мне было немного неловко, что я оставила Вэла, друга Робби,

стоять на мостовой, но он просто подвез меня перед этим на моей машине примерно ярдов сто от его квартиры до места, где я сдавала экзамен. Кроме того, от Вэла у меня все время возникает чувство, что он считает, будто может воспользоваться моей подавленностью из-за Робби и заполучить меня, а я хочу, чтобы он усвоил, что тут ему ловить нечего. Я покатила к дяде Тэду, с визгом затормозила и припарковалась вторым рядом. У Ника почему-то отменили уроки, и я хотела, чтобы он узнал первым.

К сожалению, Жанин тоже была дома. По-моему, своим одежным магазином она руководит исключительно по телефону. Дядя Тэд в тот день уехал в Лондон, поэтому она зашла домой, чтобы покормить Ника ленчем, хотя сама никогда ничего на ленч не ест. Прямо воплощение Материнской Самоотверженности (дело в том, что Ник, если разрешить ему готовить себе ленч самостоятельно, устилает кухню несколькими фарлонгами спагетти, и я прямо вижу, что думает об этом Жанин). Когда я ворвалась в дом, она была в кухне, и Ник тоже.

– Ну что, опять не сдала, моя милая? Какая жалость! – говорит Жанин.

Как девятью простыми словами заставить человека перестать радоваться и начать злиться.

– Нет, сдала! – рычу я.

– Красотища! – говорит Ник. – Теперь ты покатаешь меня по Бристолии!

– Размечтался! – отвечаю.

А Жанин положила руку мне на плечо и говорит:

– Бедная Мари. Ужасно устала – ведь тебе это таких трудов стоило. Ник, не приставай к ней.

Тут я сообразила, что Жанин на самом деле дома только затем, чтобы не позволить мне рисковать жизнью Ника в папиной машине.

– Устала? Ни капельки! – рассвирепела я. – Да я на седьмом небе! – (Уже нет. Жанин основательно испортила мне настроение.) – Просто вы думаете, что Нику опасно со мной ездить!

– Нет, я этого не говорила, Мари, – возразила она. – Но я точно знаю, что сама по-настоящему начала учиться водить уже после того, как получила права.

– Все так говорят, но у меня по-другому, – возразила я. – Я натренировалась заранее и погубила вам все веселье.

– Мари, милая моя, – сказала она. – Я понимаю, ты обожаешь нарушать правила, но на самом деле ты такая же, как все. А ездить за рулем опасно.

Ну, в общем, мы сцепились – Жанин вся сладость и свет, аж во рту приторно, а я вот-вот начну кусаться. В этом вся Жанин. Размажет тебя по

стенке, а сама даже голоса не повысит. Только ласково улыбается, когда ты уже прыгаешь от злости. Ник просто смотрел и ждал. И в критический момент сказал:

– Мама, ты же знаешь, она водит эту машину уже несколько лет. Мари, если ты не собираешься меня катать, я запросто могу пойти к Фреду Гольбейну.

– Нет-нет. Я тебя покатаю. Уже иду, – сказала я.

– Ник, я тебе запрещаю, – сказала Жанин.

Он улыбнулся ей так, что кто угодно растает, и просто вышел за дверь и направился к машине. Вот так вот. Мастер Ник пожелал показать мне Бристолию, и невольницы сделали, как он хотел. По правде говоря, у меня было ощущение, что мне оказали честь, ведь он доверяет мне, знает, что я повезу его и при этом не буду смеяться над игрой в Бристолию. От этого настроение у меня сразу улучшилось.

– Куда? – спросила я.

Ник развернул большую, тщательно раскрашенную карту:

– Начнем, наверное, с Пещер скальных чудовищ и Замка Стража Зеленых равнин, – серьезно проговорил он.

И я отвезла его в зоопарк, а потом мимо большого красного готического здания школы поблизости. Потом мы прокатились вокруг парка Дурдхэм-Даун, доехали до Уэстбери-он-Трим и вернулись в Рэдленд. И еще долго катались, я уже не помню, где именно. Ник придумал для всего красивые новые названия и сочинил красочные легенды. Он рассказал мне, сколько в точности миль Бристолии приходится на каждую милю нашего пути по городу. Я изо всех сил старалась вдумываться и проявлять интерес, но папина машина что-то барахлила. Может, верила всему, что говорил Ник. Когда он мне сообщил, что до зоопарка мы проехали семьсот миль, машина стала скрежетать и глохнуть на подъемах. Но Ник все объяснял и объяснял, хотя я отвечала то невпопад, то с подковыркой. По-моему, он не заметил. Честно говоря, я была даже тронута, ведь в похожие игры (просто в меньшем масштабе) мы играли, когда мне было четырнадцать, а Нику восемь. И теперь я бы скорее умерла, чем обидела его.

Мы ехали в горку в сторону центра, и Ник только что сообщил мне, что мы накрутили уже две тысячи миль по дорогам Бристолии, как вдруг он сказал:

– Погоди-ка. По-моему, за нами хвост.

Я чуть не ляпнула: «Это что, тоже игра?» – и рада, что смолчала, так как вдруг мне стало яснее ясного, что он прав. Не спрашивайте как. Просто

я поняла, что за нами кто-то следует, ищет нас, твердо намерен нас найти. Чувство было не из приятных. Наверное, это Жанин послала кого-то удостовериться, что я не прикончу ее Ника. И я сказала:

– Как ты думаешь, что нам делать?

– Ехать в Бифлуменцию... то есть в Бедминстер, – сказал Ник, – а там я скажу, что дальше.

К этому времени уже начались пробки. Очень кстати было заполучить такого пассажира, как Ник, с энциклопедическими познаниями в городской топографии, чтобы подсказывал, куда свернуть. Примерно на четверть часа мы даже бросили играть в Бристолию, очень уж все было напряженно – мы въехали на холм на другом берегу реки, спустились с него другой дорогой и свернули на шоссе к подвесному мосту. По пути жутковатое ощущение, что кто-то едет за нами и ищет нас, пропало. Ник откинулся на спинку кресла и вздохнул.

– Ну все. Оторвались. Теперь мы в Дальней Бристолии, где живут все колдуны и волшебники.

– Что да, то да, только зря мы встали в очередь на подвесной мост! – практически взвыла я.

– Ничего. У меня есть деньги, чтоб заплатить за проезд, – ответил Ник.

– Да нет, это же то самое место из моих снов! – простонала я.

Вот уж куда мне не хотелось – так это туда. Настроение снова испортилось. А все Жанин. Она развеяла облако радости от того, что я сдала на права, и обнажила таящееся под ним горе, и хотя во время путешествия по экзотической Бристолии я о нем ненадолго забыла, оно никуда не делось и было по-прежнему горькое.

– А я-то думал, что повеселил тебя и ты больше не такая мрачная, – сказал Ник.

– Ничего не могу поделать. У меня крах в личной жизни, – ответила я. – И еще папа, не говоря уже про сны!

Наверное, нечего удивляться, что Ник подумал про сны что-то не то. Клифтонский подвесной мост – рекордсмен по самоубийствам.

– Тебе снится, как ты бросаешься с моста? – уточнил Ник.

– Нет! Гораздо страшнее! – сказала я.

– Ну-ка рассказывай свои сны, – приказал он.

Я и рассказала – хотя раньше не говорила этого ни одной живой душе. Я и самой себе в них не признавалась, разве что назвала этот дневник «Директория „Колючка“», просто чтобы показать, что на самом деле я про них знаю. Они очень мерзкие. От них возникает такое ужасное ощущение бессилия и подавленности. Мне они снятся уже три с лишним года, с тех

самых пор, как мы перебрались в Лондон и мама с папой разошлись, и из-за этих снов я подумываю, не сошла ли я с ума. И когда рассказывала, была уверена: Ник решит, что они безумные. Но когда ведешь машину, почему-то тянет откровенничать, как будто это такая передвижная кушетка психоаналитика, и когда нам с Ником одновременно показалось, будто за нами хвост, у меня появилось чувство, что все равно у нас мысли общие.

Во сне я всегда оказываюсь на бристольтском конце моста и поднимаюсь по крутой тропе, которая ведет по берегу к пешеходной дорожке через мост, и тут вдруг попадаю на просторную вересковую пустошь, залитую лунным светом (саму луну я не вижу, просто знаю, что это лунный свет). Иду, иду – и вижу тропинку. Иногда я чувствую, что могу упереться изо всех сил и не идти по этой тропинке. Тогда меня ждет наказание. Во сне я сбиваюсь с пути и блуждаю по этим жутким болотам, а когда просыпаюсь, вся дрожу от страха и угрызений совести. Но если я сдаюсь (то есть не упираюсь изо всех сил) и просто иду по тропе, то всегда дохожу до какого-то горизонта, где небо попросту упирается в пустошь, а посреди тропы виднеется одинокий черный куст. И куст – это старуха.

Только не спрашивайте, как так выходит. Вот Ник спросил. Я не смогла ему объяснить. Не то чтобы эта старуха сплетена из веток. Не то чтобы это небо просвечивает сквозь куст и получается она. И даже не то чтобы она вселилась в этот куст, нет. Но во сне я понимаю, что куст – это то же самое, что узколицая строгая старуха, возможно богиня. Мне она не нравится. Она меня презирает. А сюда она меня притащила, чтобы отчитать.

– Даже и не мечтай об успехе или удаче, – говорит она, – пока не перестанешь относиться к жизни так агрессивно. Настоящие леди так себя не ведут. Настоящие леди просто сидят в изящной позе и ждут, когда другие все уладят.

Это она всегда говорит, но в последнее время мне попадает еще и из-за Робби. Сначала – за то, что жить с ним аморально, а теперь, когда мы с ним расстались, она говорит:

– Тосковать по мужчине недостойно леди. Тебе не добиться успеха и достойной жизни, пока ты не бросишь университет и не выйдешь замуж за нормального, хорошего молодого человека.

– Только не вздумай сказать, что это говорит мое подсознание! – буркнула я Нику.

– Нет, конечно. Ты так никогда не говоришь и не думаешь. Это не ты, – уверенно отозвался он. – Думаю, это какая-то ведьма.

– Я называю ее Колючка, – призналась я. Только тут до меня дошло, что папин автомобиль с колоссальным трудом взбирается на холм перед

ущельем. Мы еле ползли. Двигатель пыхтел – «пунк, пунк, пунк». А когда я взглянула в зеркало (пока я рассказывала Нику сны, я забыла, что надо туда смотреть), то увидела, что за нами нетерпеливо пыхтит, ползет и тащится длинная череда машин. Всю дорогу между живыми изгородями у нас за спиной заволокло синим дымом.

– Господи! – сказала я. – Что стряслось? Мы сломались!

– Попробуй переключить передачу, – посоветовал Ник.

Я посмотрела вниз и обнаружила, что еду на четвертой. Неудивительно! Я тут же переключилась на вторую, и мы рванули с места. Машина благодарно взвыла, мы миновали последние повороты и понеслись к мосту. Ник от щедрот своих выгреб горсть мелочи и расплатился с автоматом при въезде.

– Это знамение. Ты принес мне удачу, – сказала я, когда мы вперевалочку покатали через ущелье.

– Я об этом думал, – ответил Ник. – Нам надо как-то переломить этот сон. Знаешь, а давай-ка...

Я понимала, что он хочет сказать. И мы разом завопили:

– Спляшем Ведьмин танец и снимем сглаз!

Я остановила машину сразу за мостом. И выскочила. Ник выбрался следом, раскладываясь, будто подзорная труба, и мы оба бросились на пешеходную дорожку там, где в нее упиралась тропинка, которая шла вверх по склону. Ведьмин танец – это была наша старая затея, мы его частенько плясали, когда были маленькие, и считали, что он действует, между прочим, просто сейчас подзабыли, как это делается. Я уловила ритм довольно быстро. Ник стеснялся, поэтому у него ушло больше времени. Мы уже третий раз разжимали кулаки – раз, раз, раз! – когда он наконец расслабился. А потом нас понесло – но тут все принялись на нас орать и сигналить.

– Не обращай внимания! – пропыхтела я. Раз, раз, раз. – Убирайся, сглаз! – распевали мы. – Снам конец! Убирайся, сглаз!

Гудки стали громче, но у меня было отчетливое ощущение, что Ведьмин танец помогает (Ник говорит, у него тоже), поэтому мы плясали и плясали. А потом (я не заметила, когда это произошло) из машины следом за нами выбрался человек, подошел по пешеходной дорожке прямо ко мне и заорал:

– Перенесите шабаш куда-нибудь в другое место!

Ну и злился же он. Я *поглядела* на него. *Поглядела* на его огромный серебристый автомобиль, а потом снова на него. Вот ведь хлыщ. Голова как яйцо, прическа прилизана волосок к волоску, очки в золотой оправе,

белый макинтош весь в ремешках и пряжечках – да еще и костюмчик, чтоб мне пусто было! А вместо галстука такой пижонский шелковый платок. Бизнесмен, подумала я. Из-за нас на полминуты опоздал на важную встречу. Я покосилась на Ника – а он что думает? Но Ник иногда бывает тот еще трус, прямо крысеныш. Он стоял и наспиговывал себя огромными дозами смущения со всех сторон. Стоял и корчился – да-да, крысеныш! Это не я, сэр! Это она меня заставила, офицер! Женщина, которую Ты мне дал, она дала мне от дерева, и я ел, Господи! Так и тянуло ему врезать.

Пришлось мне, как всегда, самой за себя биться – и я поправила пальцем очки на носу, чтобы нацелить на этого хлыща особенно гадостный взгляд.

К сожалению, он оказался крепким орешком, откуда что берется. Он поправил собственные очки, взявшись за оправу левой линзы, и ответил мне таким же гадостным взглядом. Колочим, как я не знаю что. Я уже хотела сменить тактику и заговорить, но хлыщ успел первым. И как рявкнет:

– Меня зовут Руперт Венейблз. Я искал вас по всему городу, чтобы вручить вот это.

Достает сотню фунтов, пересчитывает и сует мне.

Я так опешила, что даже не сообразила спросить, откуда он знает, что это я. Тут, конечно, виноваты зеваки. К этому времени на мосту в обе стороны скопилось, наверное, несколько сотен машин, и все водители таращились на нас. Когда они увидели деньги, то заулюлюкали и загудели. Правда, вряд ли они решили, что хлыщ мне платит, чтобы я передвинула машину. Ох, ну и РАССВИРЕПЕЛА же я! А Ник, едва услышав имя хлыща и увидев деньги, преисполнился искреннего смущения, и проку от него не было никакого. Поэтому мы просто забрались в папину машину, и я покатила прочь. Рывками.

Через некоторое время я проговорила – сквозь зубы:

– Надеюсь, что больше мы с этим хлыщом не встретимся – в интересах обеих сторон. Не то прольется чья-то кровь!

– Зато Ведьмин танец подействовал, – сказал Ник.

Это только подлило масла в огонь, я рассвирепела еще пуще:

– Ты это про что, крысеныш?

– У тебя теперь сто фунтов, и ты никому ничего не должна, – заявил Ник.

– Небось банкноты фальшивые, – сказала я.

– На что собираешься их потратить? – спросил Ник.

– И не спрашивай! Чего нихватишься – ничего у меня нет! – ответила

я.

Наверное, я немного оттаяла. По крайней мере, после этого мне уже было совсем не так горько.

Глава восьмая

Руперт Венейблз – для Ифорионского архива

Теперь, когда все линии судьбы двигались в нужном направлении, я мог ими управлять без особых усилий. Так что я снял блокировку со средств связи. Тут же зазвонил телефон. Автоответчик яростно замигал всеми лампочками. Два компьютера заявили, что у меня «непрочитанные сообщения», а из факса хлынули рулоны бумаги.

– Как приятно знать, что ты всем нужен, – сказал я Стэну.

Примерно половина сообщений и запросов были от компьютерных компаний и производителей игр, с которыми я сотрудничал. Два пропущенных звонка оказались от магидов из-за границы, они интересовались, как я допустил, чтобы ситуация с коровьим бешенством вышла из-под контроля. Я выругался – я и не знал, что все так плохо, а что-то предпринимать теперь уже поздно. А сейчас позвонила одна соученица по Кембриджу и поинтересовалась, почему это с самого Рождества от меня

ни слуху ни духу. Я сказал, что умер мой старый друг и оставил мне массу незавершенных дел.

– Давай-давай. Вали все на меня, – прорычал у меня за спиной голос того самого старого друга.

В одном компьютере оказалось полно обычной электронной почты. Я решил, что она подождет, и полез во второй. Это был мой канал связи по магидским делам, неотложным. Иногда магида не выходят на связь по нескольку месяцев, но если все же обращаются друг к другу, значит им нужно узнать что-то первостепенной важности.

Первое письмо было от моего брата Уилла.

«ЧТО ПРОИСХОДИТ? В УЛЬТИМА ТУЛЕ ХЛЫНУЛ ПОТОК БЕЖЕНЦЕВ ИЗ КОРИФОНСКИХ МИРОВ!»

Следующее письмо было от коллеги-магида по имени Цинка с другого конца Империи, если считать от Уилла.

«ИЗВЕСТНО ЛИ ТЕБЕ, ЧТО КОРИФОНСКИЕ МИРЫ НОМЕР 10 И 12, Т. Е. ЭРАТ И ТЕЛЬТ, ПРОВОЗГЛАСИЛИ НЕЗАВИСИМОСТЬ И ДЕЛАЮТ В МОЮ СТОРОНУ ВОИНСТВЕННЫЕ ТЕЛОДВИЖЕНИЯ?»

Третье письмо было примерно такое же, только про миры номер 7 и 9. Четвертое – от моего брата Саймона:

«ХОДЯТ СЛУХИ, ЧТО КОРИФОНСКАЯ ИМПЕРИЯ РАСПАДАЕТСЯ. ЭТО ПРЕДОПРЕДЕЛЕНИЕ? ЕСЛИ НЕТ, НЕ НАДО ЛИ ТЕБЕ ПОМОЧЬ? В ЛЮБОМ СЛУЧАЕ ЖАЛКО МИРНЫХ ЖИТЕЛЕЙ».

– Ну? – спросил я Стэна. – Это Предопределение?

– Вероятно, – отвечал он.

Я мрачно просмотрел факсы. Две трети было от генерала Дакроса. Что характерно, он ничего не писал ни о войне, ни об откалывающихся от империи мирах. Для него все это были дела армейские и магида не касались. Первые несколько факсов были ликующие. Кажется, он напал на след Кнарроса; нашел его; получил от Кнарроса наводку на вавилонских наследников. К шестому факсу он обнаружил еще двух человек, называвших себя Кнарросами, а количество предполагаемых наследников утроилось. Потом все понеслось по экспоненте. Пока я занимался другими делами, на Дакроса сотнями сыпались потерянные императоры и еще толпы Кнарросов. В последнем факсе говорилось:

Я отсеял самозванцев, и у меня осталось восемь возможных

Кнарросов.

Империя будет признательна вам за помощь в этом вопросе.

– Как ты считаешь, что мне делать? – спросил я Стэна.

– Сынок, мне полагается давать себе советы по поискам нового магада, а не по этому делу, – ответил он. – Сам-то как считаешь?

– Я... я думаю... – медленно проговорил я, пытаюсь ухватить, что подсказывает интуиция, – думаю, что распад империи Предопределен с самого начала, и именно поэтому отвечать за нее всегда должен был самый младший магид. Он неизбежно совершал ошибки. Я совершал ошибки. Я мог бы спасти этого беднягу Тимотео... ладно, ладно, Стэн. Сделанного не воротишь. Я больше не буду рвать на себе волосы по этому поводу. Но если судить по истории нашего мира, когда разваливается большая империя, обычно во главе ее стоят один-два правителя, которые либо очень слабы, либо очень молоды, и они... они...

– словно бы подталкивают ее к катастрофе? – подсказал Стэн.

– Вот именно! – сказал я. – Так что, похоже, моя задача – пойти и выбрать Кнарроса, любого Кнарроса, первого попавшегося, лишь бы обеспечить Корифонской империи слабого правителя. Стэн, это очень неприятная часть магидских обязанностей.

– Понимаю, – отозвался он. – Мне тоже приходилось марать руки.

Я повздыхал, пробился к Дакросу и получил приглашение встретиться с ним в одном отдаленном пригороде Ифориона. Он сказал, чтобы я просто вышел на дорогу. А там меня найдут.

Нашли.

Едва я шагнул на холодную, мощенную брусчаткой улицу между двумя рядами домишек, как что-то – фьюить – промелькнуло мимо моей головы и – бам! – врезалось в низкую кирпичную стену. В меня оно не попало только потому, что я оступился на брусчатке и подвернул ногу. Тут же забыв про ногу, я шустро юркнул в садик за низкой кирпичной стеной и присел там, дожидаясь, когда противник ответит. В доме, соседнем с моим садиком, взвыл этот их жуткий лучевой пистолет. Из-за трубы на той стороне улицы вывалился объятый пламенем куль и шлепнулся куда-то, где мне было не видно. До меня донесся его запах. Меня замутило. Да, я знаю, что такое сплошь и рядом происходит в моем мире, да и во всех остальных мирах, но все равно меня затошнило, все тело стало как ватное, веки защипало. А еще мне совершенно искренне сделалось интересно, кто тут за кого.

Ответом был генерал Дакрос, который выбежал из соседнего дома.

– Магид, вы там живы? – крикнул он.

На вид он был вылитый папа-медведь из сказки про трех медведей – выскочил из крошечного домика в огромной мохнатой бурке с капюшоном, непохожей на армейское обмундирование.

При виде его медвежьего наряда я выдавил улыбку. Привстал на коленях и крикнул в ответ, что цел и невредим.

– Прошу прощения. Никак не удастся окончательно решить проблему снайперов, – сказал генерал. Подошел и помог мне перебраться через стену и прохромать в дом.

Там густо пахло копотью. Я думал, что это мертвый снайпер, но потом генерал проводил меня в дальнюю комнату. Эта улица была выстроена на холме. В заднее окно должен был бы открываться прекрасный вид на город. А теперь это была панорама дымящегося пепелища: высокие здания с пустыми черными окнами, два разрушенных моста и одно величественно вздымающееся облако свежего серо-голубого дыма от пылающей посреди всего этого башни. В клубах дыма проблескивали ярко-алые вымпелы огня.

Дакрос снова набросил меховой капюшон и пояснил:

– В городе мятеж.

Он сильно похудел. Вид у него был еще более усталый и изможденный, чем в прошлый раз.

– Беднейшие слои недовольны дороговизной. – Дакрос запустил обе пятерни в черные волнистые волосы, которые заметно поредели после падения дворца. – Я сам не понимаю, как так вышло, – добавил он. – Просто деньги вдруг совсем обесценились. Мне пришлось издать приказ, что сколько должно стоить, хлеб и все такое, и назначить штрафы за повышение цен, но это не помогло. Только все товары исчезли в мгновение ока. Наверняка что-то продают тайно или по бартеру, но я не понимаю почему!

Меня охватила острая жалость к нему. Может, тут все и предрешено с самого начала, но отдуваться вечно приходится людям вроде Дакроса.

– Инфляция, так бывает в беспокойные времена, – сказал я. – Император сохранял стабильность – пусть даже только тем, что загребал себе все богатства, до каких только мог дотянуться.

– Ну так давайте найдем другого императора, и побыстрее! – сурово отчеканил он. – Магид, меня уже тошнит от самозванцев. Представляете, их было больше тысячи!

– Как вы с ними поступили? – спросил я.

Мой вопрос удивил его.

– Казнил.

– Неудачная мысль, – сказал я.

– За государственную измену и мошенничество! – ответил Дакрос. И пожал плечами: – Нельзя же, чтобы такое сходило с рук.

– Верно, – согласился я. – Но ведь есть и другие варианты. Кстати, где все остальные, что называют себя Кнарросами?

– А, я распорядился, чтобы их всех доставили сюда, они ждут вас в соседней комнате под стражей, – ответил Дакрос. – Их будут приводить к нам по одному, вы на них посмотрите. Годится?

Простой солдатский метод, подумал я. Неудивительно, что тут все разваливается. И все равно я был рад, что не придется разъезжать по здешним краям, чтобы опрашивать претендентов. Очень уж велика вероятность, что меня пристрелят. И щиколотка у меня болела, и оба колена – я разбил их, когда упал на мостовую.

– Ну, тогда ведите первого, – сказал я.

Мне бы не хотелось описывать восемь бесед с восемью обреченными. Все они были средних лет и выглядели довольно солидно. Прямо чувствовалось, как каждый из них в какой-то момент поглядел в зеркало и подумал: «А что, я похож на человека, которому император может доверять». Один был практически оборванец, один в сутане какого-то ордена странствующих монахов, один, похоже, из мелкой аристократии. Двое были школьные учителя. Кто его знает, почему они вдруг решили высунуться, разве что поглядели в зеркало, как я уже упоминал, и поняли, что воспитывают молодое поколение, так почему бы не молодое поколение императорской фамилии? Остальные трое были бакалейщик, фермер и поэт. Эти оказались сумасшедшими. Как и проповедник, как я вскоре убедился. Тот, что в лохмотьях, был хитрый мерзавец, аристократ – мерзавец бесхитростный. Большинство, когда я спрашивал, что за молодых людей они опекают, терялись либо уклонялись от ответа, хотя аристократ и распространялся о «пяти прекрасных сыновьях императора».

Чтобы понять, что все они мошенники, не потребовалось особых стараний и магидских приемов. А хуже всего то, что я не смог заставить себя солгать и объявить кого-то из них настоящим. Я посмотрел на напряженное лицо Дакроса. Посмотрел на поэта, которого выводили под конвоем. Я не мог так поступить с ним. Катись она, эта империя. Катись оно, Предопределение. С Дакросом надо по-честному, он заслужил.

Когда дверь за поэтом и его конвоем закрылась, я сказал:

– Увы. Никто из них не Кнаррос. Но вы сослужите добрую службу и самому себе, и империи, если устроите публичный судебный процесс. Да

будет явлено и да свершится правосудие. Покажите их своим гражданам. Докажите, что безумные действительно безумны. А затем здоровых отправьте за решетку, а сумасшедших в лечебницу.

Не помогло. Дакрос так мыслить не мог, он был иначе воспитан. Он снова запустил пятерню в редеющие волосы и проговорил:

– Тошнит меня уже от жестких мер.

Это не означало, что он прислушался к моим словам. Это означало, что он опять предпримет жесткие меры, а это ему уже до смерти надоело. По-моему, если он и не приказал вызвать расстрельную роту прямо на задний двор, то только потому, что решил побереечь мои нервы. Он добавил:

– Сами понимаете, я только вам говорю, больше никому нельзя. Меня от всего этого уже тошнит. Никак не могу понять, почему все свалилось именно на меня, и хочу положить этому конец.

– Понимаю, – кивнул я. – Кира Александра с вами?

– Нет, слава всем богам! – воскликнул он. – Я отправил ее в Талангию. Там хотя бы не стреляют. Я тоже хочу туда.

Конечно хочет, ведь он благородно отправил туда единственного человека, с которым мог поговорить.

– Талангия – это далеко? – спросил я.

Мне стало интересно, послушается ли он меня, если я посоветую бросить империю на произвол судьбы и поехать туда. Тяжело смотреть на человека, которому так трудно приходится, и не предлагать помощи.

– Далеко ли? – переспросил он. – Два мира в Да-сторону отсюда. И уж не сомневайтесь, у тех Мировых врат я поставил отборных гвардейцев. Знаете, эти треклятые врата такие хрупкие. Врата Тельта пали в считанные секунды. – Поймав мой вопросительный взгляд, он добавил: – Я сам из того мира, из Талангии. По имперским законам, солдаты не могут служить в своем родном мире. Мне пришлось служить здесь. Но я бы отправился домой прямо завтра, да только, чтоб меня разорвало, точно знаю: если здесь не будет железной руки, в Талангии тоже начнется ад крошечный!

– Тут вы, конечно, правы, – сдержанно заметил я. А потом, повинувшись последнему порыву устроить все так, как было Предопределено, сказал: – Вы сможете решить вопрос, если сами займете трон. Почему бы и нет?

Он ответил мне долгим, ничего не выражающим взглядом. Может быть, даже с ненавистью.

– Магид, для меня это даже не искушение. В Тельте и Аннеграме полно народу из семейств получше моего, и они захватили там власть, но никто не называет это троном и не смеет провозглашать себя императором. Они все понимают. И я понимаю. Не искушение.

– Ну ладно, – понурился я. – Ладно. Тогда вам придется и дальше искать Кнарроса.

Он глубоко вздохнул:

– Ясно. Еще восемь трупов.

– Еще восемь несчастных идиотов погибли, – сказал я Стэну, вернувшись домой с черной прорехой на штанине и перемазанными сажей руками.

– Семеро из них все равно были обречены, – ответил Стэн. – Сам знаешь, что такое империя.

Всю ту неделю он слушал клавишинные сонаты Скарлатти. Пока я работал над линиями судьбы, он переслушал всего Баха. А теперь вот Скарлатти. Тинь-тинь-тинь. Скарлатти написал больше пятисот сонат для клавишных. У меня были не все. В порядке самосохранения я под вечер пошел и купил Стэну еще три диска с ними, чтобы слушать другое «тинь-тинь», пока я по новой разбираюсь с императорскими дискетами.

Я надеялся, что там найдется какой-то намек на местонахождение Кнарроса. Ведь император все-таки заставил себя сделать эту секретную запись. Для Тимоса IX, наверное, это было все равно что крикнуть во всю глотку с крыши дворца. Так почему не сделать следующий шаг и не изложить все как есть? Должно быть, даже он понимал, что его рядом не будет и никто никому не объяснит, каков план действий. Я уповал на то, что за списками что-то таится. На диске оставалась прорва свободного места. Правда, похоже, там и впрямь ничего не было записано. А устроена эта треклятая штуковина была наподобие замкнутого цикла. Она все время возвращала тебя в начало – как сам континуум. Вавилон, с тревогой подумал я. Одно и то же – сначала тебе показывают графику, где миры расчерчены словно бы изобарами и одна конфигурация сменяется другой, а потом поверх всего этого ползут какие-то полумультипликационные изображения мужчин, женщин и кентавров обоего пола.

Как я уже говорил, все рисунки были в профиль, и складывалось впечатление, что они сделаны с настоящих фотографий. Я остановил и рассмотрел каждую до единой, но это ничего не дало. Все разные, все незнакомые, кроме двоих – девушки и юной кентаврессы, немного похожих друг на друга, но это, наверное, потому, что программист слегка нахалтурил, когда замыкал цикл, и по ошибке поставил их рядом и в начале, и в конце. И у девушки, и у кентаврессы был крупный нос с горбинкой и миндалевидные глаза, как на греческих вазах и минойских стенных росписях, но это мне ничего не говорило – разве что наводило на мысль, что фотографию графически отредактировали, чтобы она

соответствовала каким-то канонам красоты. Трудно представить себе, но Корифонская империя уже процветала, когда греки и минойцы только-только появились. Вообще-то, ей давно пора распасться.

После этого я заморозил каждую из исчерченных изобарами карт миров и прилежно сверил все с магидской базой данных. Тут тоже был замкнутый цикл, только он каждый раз начинался со случайно выбранного имперского мира, а затем перебирал все карты самой Империи и сорока одного соседнего мира и в Да-сторону, и в Нет-сторону. Кроме того, что я случайно узнал, как выглядит сеть корифонских изобар для Земли, мне это ничего не говорило.

– Сдаюсь! – объявил я Стэну.

– Наверное, так тебе и положено, – ответил он.

Тинь-тинь.

Все это привело меня в такое пессимистическое настроение, что я даже удивился, когда мои линии судьбы начали прекрасно сходиться. Они сходились до конца марта, как я и планировал. «Хоть что-то у меня получилось!» – подумал я, когда НАТО ввела войска и установила порядок в бывшей Югославии и обнаружился мой хорватский кандидат, – оказывается, он командовал пулеметным расчетом в горах. Корнелиус Пунт вернулся в Голландию. Тэнси-Энн Фиск вернулась из своего санатория (или где она там была) и, похоже, в ближайшем будущем собиралась в Англию, а оставшийся британский кандидат прилетел из Токио за неделю до Пасхи. Когда Рик Корри или кто-то из его сотрудников прислал мне пачку обновленных сведений о конвенте книголюбов, я подумал, что устроил все даже лучше, чем рассчитывал. Там уже фигурировал Мервин Тарлесс: как надеялись организаторы, он должен был «оказаться в числе гостей». Все остальное в этой пачке было до того странное, что просто в голове не укладывалось, но я рассчитывал разобраться на месте. Кроме фразы про Тарлесса, я понял, можно сказать, только одно – почетным гостем уже точно должен был стать «всемирно известный писатель Тэд Мэллори, великий магистр черного юмора». По неизвестной причине эта фамилия не показалась мне знакомой. Я поехал в Кембридж, купил дешевое издание его романа «Явление тьмы» и несколько раз заснул над ним.

В то время я был одержим одним предчувствием. Оно твердило мне, что в Вонтчестере мне понадобится Стэн, а Стэн не мог покинуть мой дом. Мы экспериментировали. За порог входной двери он вообще не мог выйти. За заднюю дверь мог – но только на шаг, не доходя до сарайчика. А по бокам дома его всасывало обратно через окна.

Мы бросили экспериментировать, только когда в один прекрасный день миссис Гиббс обнаружила, что я вывесился из окна спальни и взываю в пустоту: «Ну где ты, Стэн?» Едва ли она слышала сиплый ответ: «Да здесь я, возле твоей машины. Я просто... тьфу, пропасть!»

Больше рисковать мы не стали.

– Стэн, это чушь какая-то! – воскликнул я, когда миссис Гиббс благополучно удалилась, оставив в доме аромат хлорки и стирального порошка. – Верхняя палата послала тебя обратно именно для того, чтобы ты помог мне найти тебе замену, и при этом не позволяет тебе поехать со мной и выполнить задание! Как ты думаешь, может, тебе лучше отправиться к ним и мягко указать на эту несообразность?!

– Попробовать можно, – просипел Стэн после очередной печальной паузы. – Только, понимаешь, они же не думают в человеческих категориях... С их точки зрения, я вернулся – и все.

– Иди и объясни, – велел я. – Мне без тебя не обойтись, я точно знаю!

– Чуйка? – уточнил он.

– Угу, – ответил я. Сомнений у меня не было никаких.

– Ну, тогда ладно, – сказал он. – Но меня некоторое время не будет, предупреждаю. Может, придется прошение подавать Тем, Наверху, да и время далеко за пределами континуума ведет себя по-всякому...

И вот Стэн исчез. Ничего внезапного – словно постепенно выцвел. К вечеру Скарлатти тихонько дотинькал и смолк, и в доме стало пусто.

Остаток дня я несказанно наслаждался миром и покоем. Было большим облегчением избавиться от незримого присутствия, от того, кто постоянно глядит тебе через плечо, что бы ты ни делал. Было большим облегчением не чувствовать чьего-то безмолвного неодобрения, когда работаешь на империю. А главное, было большим облегчением не слышать все время Скарлатти. На завтра я попробовал было насладиться тем же самым чувством облегчения и даже убедил себя, что мне действительно так лучше. На следующий день – это была среда перед конвентом – у меня все из рук валилось. Я твердил себе, что просто нервничаю, потому что мне предстоит отправиться на сессию безумцев и сделать выбор, от которого зависит будущее миров. Но дело было не в этом, а в отсутствии Стэна. Утром в четверг я сидел и завтракал в полном отчаянии от одиночества. Мне казалось, что теперь-то я потерял Стэна навсегда – причем по собственной воле, сам ведь настоял. Те, Наверху, не любят, когда пытаешься повлиять на их решения (правда, нас, магидов, это никогда не останавливало, но факт остается фактом). Вечно говорят: «Не нравится – сам разбирайся» и поворачиваются к тебе спиной. Я развернул газету, но

не мог сосредоточиться.

Открылась задняя дверь. Ворвался ледяной ветер.

Я развернулся. Не знаю, чего я ждал, – наверное, что это Стэн, которому как-то удалось воплотиться, – и надеюсь, что восторженная приветственная улыбка у меня на лице не застыла слишком очевидно, когда я обнаружил, что это всего-навсего Эндрю. Да, это он стоял там, у меня на пороге, с тем же выражением легкого транса. «Зараза!» – подумал я и сказал себе, что нечего удивляться. Эндрю умудрился впутаться в чужие линии судьбы. Он непременно должен был объявиться.

– Прошу прощения, Руперт. Мне опять нужно, чтобы вы меня подвезли.

– И я прошу прощения, Эндрю, – сказал я ему. – Не могу. Сегодня не смогу. И до вторника. До тех пор меня не будет, я уезжаю сегодня прямо с утра. Но вы все равно заходите – хотите кофе?

Эндрю собрался с духом и сделал шаг, но затем остановился:

– Куда вы на сей раз?

– В Вонтчестер, – ответил я, – на конференцию... то есть на конвент.

Эндрю стоял со своим характерным видом – как будто ему приходится консультироваться с разными участками мозга, которые расположены так далеко друг от друга, что не сразу достучишься. Потом он улыбнулся, и лицо снова сделалось умное и тонкое.

– Я поеду с вами в Вонтчестер, – заявил он. – Спасибо.

– Эндрю! – Я всерьез терял терпение. – Это конвент любителей фэнтези, и место надо бронировать заранее!

– По-моему, вы не любитель подобных мероприятий, – заметил он. – Я тоже. Но мне бы хотелось посмотреть Вонтчестер. Высадите меня где-нибудь в центре. Мешать не буду.

– Хорошо, – сдался я. А что тут еще скажешь? – Я собирался выехать в полпервого.

– Буду здесь, – заверил Эндрю и ушел, закрыв за собой заднюю дверь.

Ледяной ветер наконец перестал задувать в дом, и я вздохнул с облегчением. Весна выдалась необычно холодной. Уже начался апрель, а снег еще не стаял. Я налил себе кофе – он остыл, несмотря на патентованный кофейник Эндрю, – и, давась им, бормотал всякие слова в адрес соседа.

– Вот дурак – от кофе отказался, – сказал голос Стэна. – Вкусно пахнет. Жаль, мне не попробовать.

– Стэн! – обрадовался я. – Тебя отпустили!

– С определенными условиями, Руперт. С определенными условиями, – ответил он. – Меня пустят с тобой, но я буду привязан к твоей машине,

точно так же как был привязан к дому. Когда захочешь поговорить со мной, тебе придется прийти и сесть в машину.

– Почему? Они что, боятся, что ты что-то натворишь? Что именно? – удивился я. – Будешь являться кому попало?

– Не в этом дело, сынок. Вонтчестер – не на шутку мощный узел, и они опасаются, как бы от него не случилось столько бед, что им не разгрести. Если уж на то пошло, им совсем не по душе, что ты его выбрал. Говорят, если не будешь осторожен, все пойдет против тебя. Меня крепко потрепали за то, что дал тебе его выбрать. Сказали, что я должен был напомнить тебе древнеримские обычаи, а я говорю – как же я мог напомнить, если сам их забыл? В общем, – заключил Стэн, – неприятный был разговор.

Мне бы и самому неплохо было бы вовремя вспомнить про древнеримские обычаи. Если название города кончается на «честер», значит там у римлян был военный лагерь^[11].

А римляне по возможности ставили лагерь на узлах. Это было как подключаться к розеткам земли, которую они завоевывали. Между прочим, в состав разведывательных отрядов у римлян всегда входили авгуры, а большинство из них были способны нагадать, где находится узел, не хуже любого мага. Я всегда подозревал, что начальник авгурской разведки и в самом деле был магид: очень уж точно у него получалось. И если был выбор между двумя узлами, посильнее и послабее, можно было не сомневаться, что он выберет посильнее.

– Ну, что поделаешь, – сказал я. – Поздно что-то менять. Придется быть осторожными. Хорошо, что у меня в машине есть магнитола. Заготовим тебе побольше кассет со Скарлатти.

Глава девятая

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори. Еще несколько отрывков

[1]

Снов про Колючку я не видела уже две недели.

Десятифунтовые банкноты оказались настоящие. На них я освежила свою внешность: подстриглась и купила себе кое-что из одежды. Моя старая одежда такая жуткая, что я даже не хотела относить ее в «Оксфам»^[12], где берут на продажу подержанные вещи. Но потом Ник сказал, что не одобряет, когда выбрасывают одежду, ведь на свете есть люди, которым живет еще хуже, чем мне. И предложил перемешать мои тряпки с мешком вещей, из которых Ник вырос, и сдать все вместе. Я послушалась – и была потом очень рада. В «Оксфаме» я нашла отличную кожаную куртку всего за пять фунтов! Думаю, она просто всем коротка, а

на мне смотрится прекрасно. Старые очки я оставила как запасные, хотя, когда я сделала новые, поняла, что в старых почти ничего не видела. Я и не знала, как сильно изменилось у меня зрение с шестнадцати лет.

[2]

Воздух вокруг дяди Тэда прямо звенел от страха и досады. Его, похоже, пригласили на какую-то конференцию – говорит, еще в прошлом году, но тогда все казалось каким-то ненастоящим и к тому же дядя Тэд был убежден, что скоро конец света, ведь не может же настать год с уму непостижимым номером 1996, а теперь до конференции осталась всего неделя и ехать ему не хочется. Каждый день он придумывает новую уважительную причину остаться дома, а иногда и по две. Последняя была такая: «Я им позвоню и скажу, что у Мари менингит».

– Глупости, дорогой, – говорит Жанин. Она каждый раз так говорит. – Ты же почетный гость. Если ты сейчас откажешься, то сильно всех подведешь.

Жанин очень хочет, чтобы он поехал, потому что любит красоваться в отраженных лучах его славы. Кроме того, она прикупила новых нарядов. Ник хочет, чтобы он поехал, потому что собирается в отсутствие родителей пригласить полный дом своих приятелей и устроить ролевые игры. Я единственная сохраняю нейтралитет.

– Я ничего не собираюсь отменять, – сказал дядя Тэд. – От меня требуют подтверждения, что я приеду. Постоянно спрашивают. По-моему, они что-то слишком нервничают по этому поводу, но я, конечно, никуда не смогу поехать, раз Мари больна.

– Симулировать менингит я не собираюсь, – заявила я.

– Как же ты не понимаешь! – взвыл дядя Тэд. – Это нарушение размеренного течения моей жизни! И помеха работе. Если мне придется поехать и рассказать, как именно я пишу, в конце концов я сам в это поверю и вообще работать не смогу!

– На конференциях тебе всегда нравится, надо просто взять и приехать, – уговаривала его Жанин. – Много новых знакомых. Продашь много книг.

Тут я ушла на лекцию (Робби никогда не ходит туда, где только говорят, так что я ничем не рисковала), а вечером, когда я вернулась – опять в депрессии, – выяснилось, что Жанин победила. Однако победа далась ей дорого. Дядя Тэд подтвердил, что поедет на этот конвент, но за взятку – если ему разрешат съездить на выходные в Шотландию поиграть в гольф. Как видно, гольф размеренного течения жизни не нарушает. Жанин

тоже хорошо играет в гольф. И они укатали, оставив меня «в порядке эксперимента» присматривать за Ником. Обычно, когда они уезжают, то селят Ника к какой-нибудь подруге Жанин, но теперь есть я и можно этим пользоваться. Вот так же точно Жанин пользовалась мной, когда мы были маленькие. На прощание она пришила на пробковую доску в кухне список моих обязанностей – с руку длиной. Чувствую себя Золушкой.

[3]

Полная катастрофа.

Во-первых, готовить я не умею и в любом случае не собираюсь готовить на семь человек, так что это делал Ник. Он даже не заглядывал во все списки Жанин и не обращал внимания на «рационы» в морозилке, а просто сварил центнер-другой спагетти. Во-вторых, он решил устроить генеральную репетицию следующих выходных, когда родители уедут на конвент, и пригласил всех своих друзей. В-третьих, играть в ролевые игры им надоело, и вместо этого они закатили вечеринку в гостиной. Устраивать беспорядок у себя в подвале Ник не пожелал, не из таковских он! Вот они и заняли гостиную и пригласили еще кучу друзей, и шум и гвалт поднялся куда сильнее, чем было у тети Ирэн, откуда я сбежала. Дети тети Ирэн еще не приучились любить поп-музыку. Вот уж не думала, что захочу обратно к ней! А в-четвертых и в самых худших – погода в Шотландии подкачала, и дядя Тэд и Жанин вернулись назавтра.

Они приехали примерно через час после того, как я спустилась из своей мансарды и вынесла строгое предупреждение. Всякому терпению есть предел. Даже мои однокурсники так не пьянствуют, как эти детки.

Я стояла на лестнице, изрыгая приказы, колкости и оскорбления, а громилы-старшеклассники смиренно сновали туда-сюда с пустыми бутылками, пылесосом, битыми оконными стеклами, спальными мешками, хлоркой и мебелью, которую они передвинули с мест. До сих пор не понимаю, как мне удалось так ловко их приструнить. Они все были на фут выше меня. Но я всерьез рассвирепела. Я же понимала, что в итоге окажусь во всем виновата. А Ник дал мне слово, что ничего такого не будет. А беспорядок был – то есть до того, как они начали убирать, – просто феноменальный. И даже после уборки весь дом вонял потным подростком, а хлорка, алкоголь и средство для мытья служили лишь робким аккомпанементом. Я БЫЛА В ЯРОСТИ.

Но резко осеклась, увидев в холле Жанин и дядю Тэда.

Я была уверена, что они тут же и вышвырнут меня на улицу. Клянусь, я прочла это у Жанин в глазах. Мне хватило времени, чтобы представить

себе, как я, завернувшись в одеяло, дрожу от холода на пороге какой-нибудь лавки вместе с другими бристоальскими бездомными и нет у меня даже собаки, чтобы пробудить у прохожих жалость, но тут я сообразила, что по какому-то волшебству поток оскорблений направлен по большей части мимо. Друзей Ника вытолкали практически моментально, но у них-то были дома, им было куда идти, так что ничего страшного, – а я должна была помочь Нику убрать остатки бардака, который не я устроила, – ну, тоже ничего страшного, – но свой гнев дядя Тэд обрушил не на меня, а на Ника. Я и не знала, какое у дяди Тэда чувство справедливости. Жанин сделала две-три попытки заступиться за Ника и свалить все на меня, но как-то вполсилы, а потом она зашла в кухню, обнаружила, что там все увешано макаронами, и узнала почерк Ника. Тут ее разобрало. «Ах, бедная Мари!» – разбирало ее. «Бедной Мари не по силам такая ответственность!» – разбирало ее. После чего она присоединилась к дяде Тэду и тоже стала орать на Ника.

У меня прямо гора с плеч свалилась, что я не лишилась крыши над головой, поэтому я не обратила внимания на несправедливость происходящего. Послушать Жанин – так можно подумать, будто она ни слова не слышала из моего выступления на лестнице, достойного сержанта морской пехоты. И это я еще к моменту их возвращения более или менее взяла себя в руки.

Почти сутки Нику приходилось совсем паршиво. В основном потому, что Жанин с дядей Тэдом проходу ему не давали и отпускали едкие замечания, стоило ему хоть что-то сказать или сделать, – правда, от подобных приставаний Ник в любой момент мог укрыться в своем подвале, – но отчасти потому, что дядя Тэд все подсчитывал с недовольным видом, сколько его виски выпили Ник с приятелями, и требовал, чтобы ему возместили ущерб. Почему-то Ника особенно расстроило именно это. Парнишка в жизни пороха не нюхал. Чтобы заплатить за выпивку, ему пришлось продать два CD-диска, и он из-за этого чуть не разревелся.

Я по возможности старалась не попадаться никому на глаза. Поэтому сегодня, в понедельник вечером, была несколько огорошена, когда оказалось, что меня наказали вместе с Ником. Нас с ним берут на эту пасхальную конференцию, куда едет дядя Тэд. О, Несправедливость! О, Неравенство! О, Мелочность! А все Жанин. Жанин гнет свою линию – мол, у меня кишка тонка присматривать за Ником. И она не доверяет мне даже пустой дом, пока все в отъезде. Ничего себе! Можно подумать, это я своих друзей пригласила! А дядя Тэд говорит: «Ник показал, что он еще

недостаточно ответственный и его ни с кем нельзя оставить. Он будет в Вонтчестере, у меня на глазах. А ты, Мари, нужна, чтобы Ник, пока я буду выступать, не пил, не принимал наркотики и не крушил мебель!»

Я запротестовала.

Жанин сказала:

– Ну, милая моя, ты ведь тоже не без греха.

Дядя Тэд властно заявил:

– Решение принято и не обсуждается. Жанин уже позвонила и забронировала вам места. Мари, ты едешь с нами и помогаешь держать Ника в рамках, иначе тебе придется искать другое жилье. Выбор очевиден.

Да чтоб его! А я-то рассчитывала за пасхальные праздники подработать, чтобы было хотя бы на что съездить навестить папу в больницу. Не знаю, что и думать: то ли дяде Тэду претит быть приглашенной звездой и он решил, пусть и нам будет плохо за компанию, то ли это Жанин придумала, чтобы я торчала там без гроша, скучала и возилась с Ником. Очень уж у нее был довольный вид, когда дядя Тэд выдвинул свой ультиматум. Наверное, она хочет быть царицей бала и чтобы ей не приходилось каждое утро заставлять Ника восставать из мертвых.

И еще раз чтоб его! В ночь на понедельник мне опять приснился сон про Колючку. Старуха в кусте сказала, что мне надо покопаться в себе и понять, почему мне никак не дается нормальная жизнь. Ну и наглость, скажу я вам. Сидит себе в кустах и плюет другим в душу.

[4]

КОНЕЦ СЕМЕСТРА!!! Ну, Робби, когда занятия снова начнутся, я, возможно, буду философом...

...Иногда дядя Тэд ведет себя вполне разумно. В последние несколько дней он совершенно раздавлен, сидит у себя в кабинете и сочиняет «Обращение к массам о нынешнем положении дел в нашей отрасли» – он намерен прочитать его на конвенте в ближайшее воскресенье. То и дело он выскакивает за дверь, хватая кого-нибудь из нас, кто подвернется, и требует, чтобы ему подсказали слово, которое так и вертится у него на языке, или придумали какую-нибудь шутку – любую.

Жанин просто пожимает плечами. Ник поставляет шутки. А у меня, кажется, так здорово получается догадываться, что за слово или предмет понадобились дяде Тэду, что он стал называть меня ходячей энциклопедией. Между прочим, не самая неприятная должность. Когда он в последний раз дернул меня – «Мари, выручай, у какого созвездия есть

пояс и меч, ну, ты же знаешь!» – а я сказала ему «Орион», он вдруг застыл на пороге кабинета и записал слово «Орион» на тыльной стороне ладони, чтобы снова не забыть. А потом спросил:

– Мари, у тебя деньги-то есть?

– Нет, – ответила я. Сотня фунтов уже рассосалась, а просить у Робби вернуть все, что я заплатила за квартиру, я ни за что не буду. – Только в следующем семестре будут, – добавила я поспешно, вспомнив, что мне же положено заплатить дяде Тэду за комнату.

Это была почти что правда. Вдруг еще какой-нибудь хлыщ подарит мне новые сто фунтов. Мало ли.

– Тебе нужно на расходы на конvente, – сказал он. – Там за все дерут втридорога.

И дал мне целую пачку денег. Когда я пересчитала, оказалось 75 фунтов. И он носит столько просто в заднем кармане. А потом добавил – я чуть в обморок не упала:

– Если ты поедешь туда на машине, я тебе оплачу бензин.

После чего, не успела я даже начать его благодарить, метнулся обратно в кабинет, бормоча: «Орион... Орион...»

Ну-ну. Бедный дядя Тэд. Так боится выступать, что, похоже, простил мне мелкую проказу Ника. Самого Ника он тоже простил. Нику, как всегда, щедро отсыпали на карманные расходы. Пойду куплю вторую пару джинсов. Тогда можно будет постирать те, в которых я хожу.

[5]

Бедный дядя Тэд. В четверг – когда я начинала писать, был еще четверг, но теперь уже пятница, – он был бледный, весь дрожал и постоянно бегал в уборную. Даже собирать вещи не мог, то есть в конце концов собрался, но не взял никакой одежды, кроме свитера и пижамных штанов, и Жанин упаковала чемодан за него. Свою речь он сложил аккуратной стопочкой на столе и сел в машину без нее. У Жанин было с ним столько хлопот, что она явно вздохнула с облегчением, когда я сказала, что сама поеду в Вонтчестер на папиной машине (я не упомянула, что дядя Тэд оплатил мне бензин). Ник тут же сказал, что поедет со мной. Думаю, мастер Ник рассчитывал – или подумал, – что это значит, что мы смухлюем и останемся дома, однако я не просто дала дяде Тэду слово, что ЧЕСТНО-ПРЕЧЕСТНО выслушаю всю его речь и похлопаю в конце, – мне еще и было очень любопытно. Что это за мероприятие такое? Чего он так боится?

Ну, теперь я это знаю. В некоторой степени.

Мы с Ником выехали примерно через час после его родителей. Дело в том, что я нагрестила папину машину всеми своими пожитками. Ник поинтересовался зачем.

— У кого-то любимое одеялко, а у кого-то машина, набитая всем имуществом, — пояснила я.

На самом деле, хоть мне и не хотелось ему в этом признаваться, у меня было сильное предчувствие, что после Пасхи я останусь без крыши над головой. Нет, хуже того: что после Пасхи будет конец света и мне надо таскать все с собой и хорошо бы, когда я буду прятаться в пещере после Армагеддона, иметь при себе по крайней мере компьютер и ветеринарную аптечку (и то и другое мне, конечно, очень пригодится). Откуда у меня такие мысли, не понимаю. Может, из-за снов про Колючку. Дело не в папе. Я ему звонила, он клянется, что ему становится лучше (правда, я-то понимаю — это он меня утешить старается). Просто у меня такая мрачная убежденность, неотвязная, как дождик осенью. Я даже маме позвонила пожаловаться. Она меня, как обычно, приободрила.

— Ах, Мари! — сказала она. — К подобным предчувствиям надо относиться серьезно. Я это не понаслышке знаю, у нас в семье такое было. Моя мама предсказала день и час своей смерти, а ведь когда она мне это говорила, то еще даже не заболела.

Вот спасибо, мамочка.

В общем, я загрузила в машину свои пожитки, Ник туда залез и сказал:

— Я лучше помолчу. Папа взял с меня слово, что я не буду тебя нервировать.

— Что значит «нервировать»? — уточнила я, с ревом рванув с места и заложив полицейский разворот. Очень помогает, когда чуточку раздражена.

— Он имеет в виду, как мы обычно пикируемся. Говорит, это борьба за доминирование, — мягко пояснил Ник. — Он не понимает, что мне иначе никак, а то ты будешь об меня ноги вытирать.

— Уши вянут! — сказала я.

После этой его фразочки мне пришлось полдороги успокаиваться. Несомненно, дядя Тэд хотел как лучше, и я знаю, что вчера у него с Ником был разговор один на один, но зря Ник мне все выболтал. А особенно меня бесило, что Ник сказал это нарочно, чтобы я была злая, а не мрачная. Так вот, вынуждена вас огорчить, мастер Ник. Вполне можно быть и злым, и мрачным одновременно. По-моему, сейчас это мое обычное состояние. И я ненавижу, когда мной помыкают.

По прибытии в Вонтчестер настроение мое не улучшилось. Ник

вытащил карту (ее выслали дяде Тэду организаторы, а Жанин после завтрака сделала нам ксерокс) и сказал:

– Вот она. Гостиница «Вавилон», в самом центре города. Проще простого. Как ты считаешь, почему «Вавилон»? Сериал? Пещь огненная? Висячие сады? Поехали прямо туда.

– А что такое висячие сады? – спросила я, выехав на дорогу, которую он указал. – Я всегда представляю себе ряды виселиц в парке.

– По-моему, подвешенные деревья... первый поворот направо, – сказал Ник.

– Это нам сразу в глаза бросится, – согласилась я и свернула, куда он велел. – Как и пещь. И огромная пыльная башня, ведущая трансляции на ста языках. Вавилонская башня. Забыл?

Через десять минут нам обоим бросились в глаза огромные буквы «ГОСТИНИЦА ВАВИЛОН» над домами, но в этом Вонтчестере одностороннее движение всем другим городам на зависть, поэтому нас унесло далеко мимо вывески. Я все ехала, скрежеща передачами, и через некоторое время мы снова увидели вывеску – теперь нас несло мимо нее с другой стороны. А подобраться к ней было никак. Мы видели собор, торговый квартал, городскую ратушу и реку. Переехали через реку, потому что, похоже, другого варианта не было, и тут я обнаружила, что мы заблудились на огромной площади с чередой длинных параллельных стеклянных галерей, будто туннели в никуда, но Ник с опозданием определил, что это Уинмурский автовокзал. С очень большим опозданием. К этому времени я уже вынуждена была выезжать оттуда задним ходом, бампер в бампер с двухэтажным автобусом, водитель которого был нам совсем не рад.

Чтобы прийти в себя после этого, я встала у автобусной остановки. Оттуда нам было вполне отчетливо видно вывеску гостиницы «Вавилон», до которой оставалось метров сто, сразу за стеклянными галереями. И попасть туда можно было только одной дорогой – пересечь автовокзал, рискуя столкнуться с очередным двухэтажным автобусом.

– Этот город нас туда не пускает, – сказала я. – Как будто злые чары. Может, попробовать подрулить противосолонь, против одностороннего движения?

– Тебя арестуют, – заметил Ник.

Его-то все устраивало. Он уже открыл карту Вонтчестера в своем ноутбуке и помечал там все места, которые мы проезжали. Я увидела, что автовокзал идет под названием «Стеклянный лабиринт с чудовищами».

– Ник, ты нарочно издеваешься надо мной? – грозно поинтересовалась

я.

– Что ты! Попробуй свернуть налево у следующего светофора, – посоветовал он.

Поскольку на остановку, где мы стояли, пытался въехать автобус, я покатила дальше. И после этого у меня и вправду возникло отчетливое ощущение, что некая сила мешает нам добраться до гостиницы. Так я и сказала Нику, когда мы случайно посетили небольшую фабрику и отправились в краткий обзорный тур по окраинам. К этому времени я поняла, что скоро мы вообще выедем из города. По одну сторону дороги были только поля и голые деревья.

Ник ухмыльнулся:

– Тогда давай произнесем заклинание и снимем чары!

Ну и мы, естественно, заголосили:

– До Вавилона сколько миль?

Десятков семь, ей-ей.

А хватит мне одной свечи?

Еще вернешься с ней^[13].

Тут мне заметно полегчало, я съехала на подъездную дорожку к чьему-то дому, развернулась, и мы покатали обратно в Вонтчестер с другой стороны. Прямо описать не могу, какая меня тогда переполняла восхитительно бешеная смесь хохота, горечи и гнева.

– Не было мне печали – еще и сны про Колючку снова снятся! – сказала я.

– Почему ты не говорила? – воскликнул Ник. – Мы бы с тобой сплясали. Ведьмин танец дома, в саду, и сняли бы сглаз! Надо сплясать, как только найдем, где остановиться.

– Ты уверен? – спросила я.

– Еще бы! Срочно! – ответил он. И мы с ним понимали, что так и есть – в каком-то восхитительно бешеном и чуточку сумасшедшем смысле.

Через несколько секунд после этих слов мы свернули за угол и увидели гостиницу «Вавилон»: она высилась прямо перед нами в дальнем конце широченной улицы.

– Заклинание сработало, – постановил Ник.

– И очень кстати, – сказала я. – Скоро стемнеет, а я плохо помню, как включать фары. Теперь наколдуй дорогу на стоянку – и спляшем.

– Вуаля, – сказал Ник и преспокойно закрыл свой ноутбук.

И правда – в стене у гостиницы была подворотня с вывеской «СТОЯНКА ТОЛЬКО ДЛЯ ПОСТОЯЛЬЦЕВ». Туда я и свернула, а по

пути спросила:

– Ник, а почему ты, черт возьми, такой везучий? Это вредно для личностного роста. И нечестно. Мне вот всю жизнь не везет, сколько себя помню!

– Ведьмин танец, – ответил Ник и распахнул дверь со своей стороны.

Вот мне и пришлось затормозить прямо в подворотне и тоже выскочить, и мы тут же начали Танец – шаг-верть-шаг-прыг-прыг-шаг – стоп. На каждое «стоп» мы трижды разжимали кулаки и растопыривали пальцы – раз, раз, раз! – и распевали: «Убирайся, сглаз!» Ногти у меня отросли и превратились в длинные желтые клинки, так что растопыривать пальцы было одно удовольствие.

И вот что странно. Стоянка была набита битком. Когда я прыгала и вертелась, то видела машину Жанин, припаркованную у самой гостиницы. Ни самой Жанин, ни дяди Тэда видно не было. Но вокруг других легковушек и фургонов сновали люди, они что-то выгружали – чемоданы, гитары, оборудование для видеосъемки – и при этом не обращали на нас никакого внимания. Почти что у нас под носом был старенький микроавтобус, откуда три человека с волосами по пояс и младенцем выгружали сумки, рюкзаки и кровать, даже не глядя на нас. Такое чувство, что они навидались в жизни всякого пострашнее Ведьмина танца.

Это обнадеживало.

– Убирайся, СГЛАЗ! – вопили мы с Ником, и плясали, и дергались, как дервиши.

Я, конечно, слышала, как кто-то сигналит, но искренне полагала, что это на улице, – вообще-то, так и было, поскольку гудел автомобиль, заехавший в подворотню до середины и обнаруживший, что я перегородила путь папиной машиной, – но я ничего не замечала, пока водитель не вылез и не завизжал на нас:

– А ну убери у меня с дороги это ведро с гайками, дура!

«Завизжал» – это я не для красного словца написала. У него был пронзительный тенор. И острая борода. Лицо было сизое, а нос тоже острый и скукоженный от злости, так что у крыльев то появлялись, то пропадали белые пятна.

Кто назовет меня душой, тот сильно пожалеет. Даже Робби попробовал только однажды. Я преспокойно разжала кулаки прямо ему в сизую рожу – раз! – и обернулась поглядеть на его машину. Жуткая старая колымага, вся ржавая, и она тоже перегородила дорогу на стоянку. Я видела, как по крайней мере одна машина за ней сердито отъезжала задним ходом. Посмотрела на папину машину. Да, из-за нее и правда не проехать, и вид у

нее потрепанный – но уж куда получше, чем у его рухляди.

– От такого же и слышу, – сказала я. – По всем пунктам. Сам дурак и машина – ведро с гайками.

– Убери тачку! – заорал этот, с кудрявой бородкой. – У меня приглашение на конвент!

– У меня тоже, – ответила я. – За грехи.

– Я Мервин Тарлесс! – визжал он.

– Тогда подайте заявление о смене имени, – говорю. – Я вам ничем помочь не могу.

Он снова завизжал, что я дура. Я сказала:

– Еще раз так меня назовете, любезнейший, и я слеплю вас из воска и проткну булавками, а то и что похуже. Я бы прямо сейчас это сделала, да еще и прокляла бы вас в придачу, но у меня крах в личной жизни и нет сил. Так что это вы убирайтесь у меня с дороги.

Я протолкалась мимо него, села в свою машину и с величайшим достоинством проехала к свободному месту, где теперь стоял Ник и махал мне рукой. Ник – он такой. Чуть запахло паленым – и поминай как звали. Он показывал мне, куда ехать, широкими суматошными жестами, чтобы скрыть, что по щекам у него струятся слезы от смеха.

– Ну почему так получается каждый раз, когда мы пляшем Ведьмин танец? – спросила я.

– Этот забыл тебе заплатить, – проговорил Ник сквозь хохот.

– Зато гораздо лучше разговор сложился, – ответила я. – Мне даже удалось вставить словечко – и не одно.

Оказалось, что мы заняли последнее свободное место. Умница Ник. Сизый мистер Тарлесс был вынужден задним ходом выехать из подворотни и укатить. Это меня очень порадовало. Я поглядела ему вслед из-под мышки, пока выгружала из багажника сумки с нашей одеждой.

Глава десятая

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори.
Файл номер двадцать три

Мы вошли в большое помещение, полное чемоданов и суматохи. Кругом бегали люди в джинсах и футболках и перекрикивались: «Скажите Рокеру, пусть идет прямо в конференц-зал!» и: «Джедда уже скопировала эти чертовы файлы?» или просто: «Слизистое чудовище!» – а еще обнимались, и мужчины, и женщины, без разбору.

– Ну-ну, – сказала я Нику. – А тут и вправду вавилонское столпотворение.

Мы протолкались до стойки портье в дальнем конце зала. Я перепрыгнула последнюю баррикаду из чемоданов и обнаружила, что Ник говорит задержанной девушке за стойкой:

– Мы Ник и Мари Мэллори. Для нас должны быть забронированы номера.

Ника перебил рев у нас за спиной:

– Я же говорю, машинка для значков опять сломалась!

Из-за этого девушка, кажется, неправильно расслышала Ника.

У девушки был значок с надписью «Одиль» и неизбывный ужас на лице. Она побарабанила по клавиатуре.

– Извините, – сказала она с иностранным акцентом. – Номер уже занят.

– Не может быть! – заверещала я, перекрывая шум. – И вообще, номер был не один, а два!

Ужаса на лице у Одиль еще прибавилось, и она снова побарабанила по клавиатуре.

– Мистер и миссис Мэллори, – сказала она. – Один двухместный номер, уже занят. Все в компьютере. Двухместных больше нет. Извините.

– Мы – не мистер и миссис Мэллори, – попытался объяснить Ник.

А я, кажется, сделала только хуже – добавила:

– Мы двоюродные. Те Мэллори – это его мама и папа. Нам нужно каждому по одноместному номеру.

– Извините, – старательно пропела Одиль. – Все номера забронированы для участников конвента.

Очевидно, она сама не понимала ни слова из того, что говорила, но мы все-таки старались держаться так, словно перед нами разумный человек, и разом воскликнули:

– Мы знаем!

А Ник – громко и раздельно – произнес:

– Из них два номера забронированы для нас!

Одиль тупо посмотрела на нас. Нажала еще несколько кнопок.

– Один двухместный номер для мистера и миссис Мэллори уже занят участниками конвента. Извините.

К этому времени мы оба уже навалились на стойку в полном отчаянии, будто думали, что если доберемся до Одиль, то сумеем ей все втолковать. Ник сказал:

– Посмотрите. Посмотрите на нас. Мы похожи на мужа и жену?

Одиль ответила тупым затравленным взглядом. Наверное, там, откуда она родом, в возрасте Ника уже можно жениться. Так или иначе, она сказала:

– Все в компьютере.

Тогда вступила я:

– Послушайте, Одиль. Посмотрите, нет ли одноместных номеров на

фамилию Мэллори. Пожалуйста. Не в службу, а в дружбу.

Одиль, все так же тупо и затравленно, снова застучала по клавишам. Нам было трудно вынести такое напряжение. Мы отвернулись, и Ник прошептал:

– По-моему, она робот.

– Андроид – точно, – шепнула я в ответ.

Тут я обнаружила, что потолок в фойе гостиницы весь облицован зеркалами, большими и маленькими. И вся эта мельтешащая толпа отражалась в них вверх ногами, и все крутились и вертелись, будто подвешенные вперемешку с деревьями в кадрах и штабелями чемоданов. Там снова были те трое с младенцем, они передавали детское креслице друг другу, чтобы обнять какого-нибудь нового знакомого. Я увидела и нас с Ником. Когда я двигала головой, мы словно подергивались рябью и мелькали то в одном, то в другом зеркале – высокий, темноволосый, красивый подросток и низенькая девица, на удивление похожая на нормального человека. От этого мне стало как-то жутко – будто я читаю будущее в небесах. И у меня мелькнула неприятная мысль.

– Ник... – сказала я.

По отражению в потолке мне было видно, что он смотрит на троицу с младенцем, осторожно, искоса, – пытается понять, кто там мужчина, а кто женщина. Сразу и не разберешь. Двое из трех могли быть кем угодно. Я ткнула Ника в локоть самым длинным ногтем.

– Ник, а кто именно бронировал нам номера? Жанин или дядя Тэд?

– Э... мама, – ответил он.

При этих его словах лицо Одиль стало чуть-чуть не таким тупым. Мы сразу увидели это в потолке и нетерпеливо повернулись к ней.

– Мэллори, – сказала она. – В компьютере один одноместный номер на имя Ник Мэллори.

– Обхохочешься! – проговорила я. – Обожаю Жанин.

– Посмотрите еще, – сказал Ник Одиль. – Должен быть еще номер на имя Мари Мэллори.

Лицо Одиль снова заволокло тупостью, но она еще понажимала кнопки. Я вдруг поняла, что не могу смотреть на нее. И испугалась, что сейчас разревусь. То есть я, конечно, знаю, что Жанин меня ненавидит, но демонстрировать свою нелюбовь вот так, при всех, это немного слишком – а перспектива ехать в темноте обратно в Бристоль показалась мне очень даже слишком. Я сурово уставилась в потолок, где человек, которого недавно обнимали трое с младенцем, двигался теперь вниз головой через фойе, здороваясь со всеми направо и налево. Он выделялся белоснежной

футболкой с несколькими большими плоскими значками в ряд, а к поясу у него было пристегнуто какое-то устройство. Правда, пояс было плохо видно из-за солидного брюшка. А потом этот человек весь расплылся у меня перед глазами. Чтобы не расплакаться, я снова посмотрела на Одиль. Она качала головой.

– Да послушайте меня! – сказала я. Получилось очень громко. – Если есть номер для Ника, значит и для меня должен быть! Мой дядя – почетный гость на этом конвенте! Ему обещали забронировать номера для всей семьи!

Тут человек в белой футболке подошел к нам.

– Какие-то накладки? – спросил он.

Мы с Ником подскочили. Было так странно, что он настоящий, а не только перевернутый на потолке рядом с моей маленькой взъерошенной фигуркой. На одном его значке было написано «Оргкомитет», а когда я поправила очки на носу, то разглядела и имя с фамилией: «Рик Корри». На остальных значках было, например: «Кто знает песню про кастрюлечку?» и «Дислихсия рулит», а к обширной талии был прицеплен, оказывается, радиотелефон. У него была черная борода с проседью и симпатичная круглая физиономия.

– Эта женщина-робот говорит мне, что для меня не забронировали номер, – сказала я ему. Мне стало стыдно – в голосе прозвучал громкий злой всхлип.

– Случается сплошь и рядом, – весело отозвался Рик Корри. – Я тут вроде бы аж ответственный за размещение.

Он деликатно отодвинул меня в сторону и зашебетал с Одиль на каком-то иностранном языке. Лицо у Одиль тут же стало не как у встревоженного робота, а как у нормального человека, и она в очередной раз забарабанила по клавишам, но уже по собственной воле.

Рик Корри повернулся к Нику:

– Скажите, пожалуйста, как вас зовут? Мы хотим подыскать вашей сестре соседний с вами номер.

– Двоюродной сестре, – поправил его Ник. – Я Ник Мэллори. А это Мари.

В бороде у Рика прорезалась широченная улыбка:

– Так вы родные этого титана! Ну, в таком случае мы определенно обязаны немного пожонглировать номерами.

Он снова перегнулся через стойку и обменялся с Одиль еще несколькими фразами на иностранном языке. Не прошло и минуты, как он повернулся к нам и вручил каждому по ключу:

– Прошу. Номера пятьсот тридцать четыре и пятьсот тридцать пять. Подпишите эти бланки, а потом идемте со мной, я вас зарегистрирую на конвент.

Мы подписали – не знаю, как Ник, а я просто млела от благодарности, – взяли сумки и двинулись вслед за Риком по ближайшей лестнице. Я бросила последний взгляд на потолок – у нас там был взволнованный и обрадованный вид, а я, когда спешила за Риком, была похожа на растрепанный клубок на мельтешащих ножках.

– Как вам это удалось? – спросила я.

– Проще простого, – ответил он. – Я велел ей дать вам номер, забронированный для одного человека, который все равно не приехал вовремя.

– Но он же будет недоволен! – пропыхтела я.

Лестница была короткая, но крутая.

Рик пожал пухлыми плечами:

– Сам виноват. Обещал приехать и не приехал, а церемония открытия через полчаса. Многие пункты программы уже начались. Он опоздал. Или решил не приезжать и не подумал, что надо отменить бронь.

Дальняя стена широкой площадки, на которую выходила лестница, тоже была вся в зеркалах. Мы смотрели на свои приближающиеся отражения, и тут Ник спросил:

– А на каком языке вы говорили с той девушкой-роботом?

– На финском, – ответил Рик. – На самом деле она скорее андроид. Нанялась работать в гостиницу за умеренную плату, поскольку хочет перепрограммироваться по-английски.

– Так это и вправду вавилонское столпотворение, – сказала я.

– О да! – с чувством отозвался он.

Мы смешались с толпой на площадке, пришлось подождать, когда настанет наша очередь подойти к длинному столу.

Рик сказал:

– Из-за этого уже куча накладок. Румынские фанаты приехали без багажа, русские не могут найти переводчика, немцам не нравится сантехника. Хорошо хоть американцы говорят по-английски, хотя у них путаница с номерами – не вы одни такие.

Тут мы пробились к длинному столу с большой, нарисованной от руки табличкой: «РЕГИСТРАЦИЯ НА ФАНТАЗМАКОН». За столом сидело несколько человек, едва видных из-за горы коробок, к которым были прислонены плюшевые мишки. Рик Корри подвел нас к голубому мишке с большой буквой «М» под ним. На шее у мишки висела большая табличка:

«Меня зовут Сократ. Я ♥ конвенты». Я заглянула в его скорбные глазопуговицы и горько пожалела об этом. На том этапе выходных я едва ли пометила бы сердечком хоть что-то.

– Мэллори, – сказал Рик Корри полной девушке за коробкой. На значке у нее стояло «Вербена», но Рик называл ее Венди. – Члены семьи нашего почетного гостя, Венди.

Венди торопливо улыбнулась – щеки у нее надулись, словно теннисные мячики, – а потом сдула мячики, чтобы сказать Рикку Корри зычным обиженным голосом:

– Рик, надеюсь, меня придут сменить! Мне надо переодеться в костюм для церемонии!

– Это не ко мне, – весело отозвался Рик. – Спроси Магнуса или Параболу.

Венди что-то пробормотала и порылась в полиэтиленовых мешках – их в коробках были сотни. На это ушло много времени, потому что длинные волосы Венди постоянно падали ей на массивные плечи и ей приходилось прерываться и отбрасывать их за спину. Когда она наконец откопала два пакета и подалась вперед, снова улыбаясь во все свои теннисные мячики, чтобы передать их нам по обе стороны от Сократа, ее обширный бюст растекся по коробкам, будто две круглые подушки. Я увидела, как Ник поскорее отвел глаза. Наверное, он решил, что у нее какая-то болезнь.

– Вот, возьмите, – сказала Венди. – Программа, талоны на завтрак, счастливый номер и значок. Пожалуйста, наденьте значок и не снимайте. А то у нас тут вечно норовят пролезть посторонние.

Ник взял свой пакет – как-то бочком. Я взяла свой.

– Хорошо, – сказал Рик Корри. – Теперь я отведу вас наверх, в ваши...

Радиотелефон у него завопил. Рик отстегнул его и стал слушать взволнованное кваканье динамика, все больше раздражаясь.

– Мы не ждем никого из Хорватии! – сказал он в телефон. – Ладно. Спускаюсь через две секунды. Отбой. – Он уже согнул одну ногу, готовый бежать. – Эй, послушайте, – сказал он бледному юноше, который слонялся у торца стола. – Отведите этих двух гостей в номера пятьсот тридцать четыре и пятьсот тридцать пять, ладно? Мне надо идти, – сказал он нам. – До встречи на церемонии. – И он рванул с места и умчался, перескакивая через три ступеньки.

Бледный юноша торжественно протянул руку и взял мою сумку.

– Лифты здесь недалеко, – сообщил он.

У него были светлые-светлые, прямо зеленоватые волосы, почти что в тон футболке, на которой было что-то написано на незнакомом языке.

«Финский?» – подумала я, пока юноша нажимал за нас кнопку лифта.

Я хотела спросить, но тут за спиной у нас раздался оглушительный гвалт. Пронзительный тенор визжал:

– Я требую возмещения морального ущерба! У меня приглашение на этот конвент!

Доносились и другие голоса, пытавшиеся его урезонить.

К счастью, в этот момент подъехал лифт. Мы с Ником юркнули в него и испуганно смотрели наружу, пока дверь не закрылась. И точно – над длинным столом нависал Мервин Тарлесс, борода торчком, лицо опять сизое от гнева.

– Спорим, я знаю, что произошло? – шепнула я Нику.

– Ты не виновата, – шепнул он в ответ, и лифт поехал вверх.

– Я голландец, – сообщил юноша. – Меня зовут Кейс. Пишется «К-е-й-с» – сокращенное от Корнелиус.

Как пишется «Корнелиус», он тоже сообщил.

– О, – сказала я.

– А, – сказал Ник.

В лифте тоже было зеркало. В нем отражалось, как мы оба настороженно смотрим на голландца Кейса.

– Меня зовут Мари, – сказала я. – Это Ник.

– Приятно познакомиться, – сказал Кейс. – Вы Ник, но не шутник, я Кейс, но не чемодан. Про вас есть голландская шуточная пословица.

– А, – сказала я.

– О, – сказал Ник.

Мы с Ником очень обрадовались, когда лифт остановился, дверь отъехала в сторону, и за ней показалась табличка со стрелками. Она гласила:

← НОМЕРА 501–556 НОМЕРА 557–501→

– Кажется, мы нашли наши... Пстой! – сказал Ник. И всмотрелся на табличку.

– Вот именно, – самодовольно заметил Кейс. – Все не так просто. К тому же член оргкомитета велел мне отвести вас, а я должен делать, как он говорит. Я – тыба.

– Тыба?! – разом спросили мы с Ником, когда Кейс повел нас налево.

– Ой, поняла! – сказала я. – Тыба – это потому что...

Но Кейс все равно пустился в объяснения. Такой уж он был.

– Пишется «т-ы-б-а» и означает человека, который за всем ходит и все приносит и без которого конвенту не обойтись.

Мы прошли через вертящиеся двери и двинулись по длинному-длинному коридору.

– Человек, исполняющий мелкие поручения, – продолжал Кейс. – Сначала, несомненно, это была шутка – «Ты бы сходил», «Ты бы принес», – но теперь на конвенте так официально принято говорить.

Мы снова свернули налево и двинулись по следующему коридору. Кейс сказал:

– Кроме того, на конвенте официально принято считать, что тыбы – это хоббиты.

Мы опять свернули налево. На каждом углу были зеркала. Они создавали диковинный оптический эффект – краткую иллюзию, словно мы то ли приближаемся, то ли уходим, то ли куда-то катимся.

Когда мы укатились за четвертый левый поворот, я оторвала глаза от зеркал и вежливо сказала:

– Вы прекрасно говорите по-английски.

– Спасибо, – сказал Кейс. – Я этим немного горжусь.

Мимо мелькали таблички «523», «524», «525».

– Наверное, уже недалеко? – предположил Ник.

– Возможно, вы ошибаетесь, – сказал Кейс. – Это крайне необычная гостиница. Думаю, идея позаимствована у Эшера. Понимаете, Эшер – это такой голландский художник, и на его рисунках то, что ведет вниз, на самом деле ведет вверх, но если приглядеться, то и туда и сюда, и разобраться невозможно.

– Э-э-э... да, – сказал Ник.

На табличках были уже какие-то пятьсот сороковые номера. А потом – представьте себе! – мы еще раз повернули налево, и я до сих пор уверена, что углов было пять. Ник робко спросил:

– Такими темпами мы, наверное, вернемся обратно к лифту?

– Думаю, нет, – ответил Кейс. – В большинстве гостиниц – да. Но здесь можно пять раз свернуть за угол и все равно не получится квадрата.

И знаете, так и оказалось! Ник все бурчал, что это здание, наверное, в плане похоже на меандр^[14] и что такого просто быть не может, но вот она я – и я заверяю, что очень даже может. Мы еще раз повернули налево и прошли почти весь длинный-длинный коридор, выстланный красной ковровой дорожкой, и только тогда очутились наконец у номера пятьсот тридцать четыре. Мне пришло в голову, что нам еще повезло, что он рядом с пятьсот тридцать пятым. При таком развитии событий он мог оказаться где угодно. И все равно мы с Ником были уверены, что Кейс провел нас долгой круглой дорогой и лифты, наверное, прямо за следующим углом с

зеркалами. Мы подозревали, что это тоже такая голландская шутка, и, не сговариваясь, решили пойти на церемонию открытия коротким путем.

А пока Ник попытался поквитаться с Кейсом. Кейс объявил, что, в общем, рад был познакомиться, но ему пора, и тут Ник на пороге придержал дверь своего номера ногой, изогнулся назад и говорит:

– Извините, надеюсь, я вас не обижу вопросом, что написано у вас на футболке?

Кейс самодовольно оглядел свою тщедушную грудь:

– Тут написано: «Я ХОББИТ». – Он поклонился и зашагал прочь, бросив на ходу: – По-эльфийски.

Один – ноль в пользу Кейса, никаких вопросов.

Мы не задержались в номерах надолго – я только и успела, что заглянуть в полиэтиленовый пакет, который мне выдали. На нем был смайлик и надпись «ФантазмаКон» снаружи, а внутри – куча каких-то бумажек, в том числе целый глянцевый журнал с рассказом дяди Тэда, а еще – листовки о сборе средств для больных СПИДом, реклама какой-то фирмы под названием «Мечи и мундиры», а еще... В общем, я раскопала значок со своим именем, а все остальное забросила подальше. Не самый разумный поступок. У мастера Ника хватило здравого смысла понять, что самая занюханная бумажонка – программа этого дурдома. Все было расписано по колонкам с названиями вроде «Параллельная вселенная-один», «Мир Мэллори», «Родная вселенная» и так далее, и все это было для меня так же непонятно, как и гостиничные коридоры. Но Ник во всем разобрался. Он так сказал. Он сказал, что церемония открытия будет в Родной вселенной и это на первом этаже в большом банкетном зале. Вот мы и попробовали туда попасть.

Мы пошли в сторону, противоположную той, откуда пришли, рассчитывая вот-вот оказаться у лифтов. Как бы не так. Я сбилась со счета, сколько поворотов мы сделали, но помню, как Ник говорил, что это все прямые углы и мы уже наверняка описали два с половиной квадрата и это какая-то чушь. Я сказала, что мы должны были встретить сами себя или там выйти в другое измерение, но вместо этого мы просто вырулили к лифтам. Наконец-то.

Мы думали, внизу все будет просто. Там даже висели объявления со стрелками – «Родная вселенная», – но мы сами не знали, что ищем, в этом-то, по-моему, и беда. А все уже, похоже, ушли, и спросить было не у кого. В общем, мы потыкались туда-сюда, а потом заметили официального вида дверь, открыли ее и заглянули внутрь.

И обнаружили маленькую, довольно темную комнату, где с десятков

человек толпились у доски, как в школе. Все до единого были в длинных плащах с клобуками, точь-в-точь безумные монахи. Ни у кого не было видно лиц, в том числе и у того, кто писал на доске и оборачивался, чтобы объяснить что-то остальным. Писал он какие-то символы, от которых у меня с первого взгляда в животе стало нехорошо. По-настоящему нехорошо. Когда мы заглянули, тот, у доски, как раз сказал:

– Чтобы достичь максимального эффекта, нужно визуализировать все это в виде огненных букв позади пляшущего пламени.

Мы с Ником, не сговариваясь, попятились и закрыли дверь – тихо-тихо. После этого я мощно рыгнула – потому что живот у меня взбунтовался.

– А это что за вселенная была, как ты думаешь? – шепнула я.

– Очень нечеловеческая, – твердо ответил Ник.

Мы продолжили поиски – подошли к следующей двери и открыли ее. Я как раз говорила:

– Если дядя Тэд хотел нас наказать, по-моему, он достиг цели.

Ник со мной соглашался:

– Правда, не совсем так, как он...

И тут мы обнаружили, что попали в огромный зал, и все лица повернулись к нам. Мы пришли. Прямо как в страшном сне – но это точно была церемония открытия. Сгорая со стыда, мы скользнули в последний ряд и сели.

Все только начиналось. Дядя Тэд еще усаживался на сцене вдаль, и с ним человек десять, которых мы не знали, а Жанин провожали к ее месту в первом ряду. Когда мы сели, со стула на сцене поднялся моложавый мужчина с потным лицом, объемистой копной светлых кудрей и в футболке и стал приветствовать всех на конвенте «ФантазмаКон». Но он успел только добраться до «В качестве почетного гостя мы рады...», когда дверь с противоположного конца распахнулась и тоненький тенорок провизжал:

– Простите, простите! Я знаю, вы только начали, а я ненадолго!

И в зал ворвался Мервин Тарлесс и выбежал на сцену.

– Я только хотел сказать, что это безобразие! – заявил он. – Я приглашен на конвент, а меня селят в Железнодорожной гостинице!

Половина людей на сцене повскакали с мест. Рик Корри тоже вскочил – он сидел в зрительном зале. Он запрыгнул на сцену, взял Тарлесса под локоть и оттащил в сторону, а там что-то напряженно ему зашептал. Тарлесс не смирился. В конце концов Рик выволок его наружу, и дверь захлопнулась на крике Тарлесса: «Меня это не касается! Я требую предоставить мне такси!»

– Это был Мервин Тарлесс, – сурово проговорил потный блондин.

К моему удивлению, зрители захлопали и заулюлюкали. Многие рассмеялись. Вот такие они были, гости на конвенте, – добродушные, настроенные по-праздничному, как будто приехали не только послушать, как писатели рассказывают про книги, но и повеселиться от души. Остаток церемонии, которая была очень скучной, я рассматривала зрителей.

Первым делом мне пришло в голову, что, если тут произойдет преступление, полиции с трудом удастся получить описание подозреваемых. Примерно девяносто процентов мужчин были с бородами и в очках. А в остальном здесь были люди всех возрастов, от эксцентричного старичка со слуховым аппаратом до младенца тех длинноволосых (которого примерно тогда и пришлось вынести из зала, потому что он раскричался); детей вообще было довольно много. Было также довольно много невероятно гламурных девиц. Но было и больше обычного вендиобразных толстушек и толстяков. Они занимали целый ряд – как раз тот, где сидели мы с Ником, – и я замороженно глядела на их огромные, туго натянутые футболки с надписями, то остроумными, то чудаческими. Рядом с ними я для разнообразия почувствовала себя стройняшкой. Мужчины все как один, и худые, и толстые, были герои не моего романа. Не люблю бород и очков. Правда, попадались и ничего – один-двое тонких и звонких в полувоенной одежде или тот темноволосый в черной коже и зеркальных очках, что сидел на сцене рядом с дядей Тэдом. Но я поняла, что меня на самом деле поразило: в этом зале было полно людей, с которыми я хотела бы познакомиться. Для меня – унылой одиночки – это было непривычное чувство. Особенно оно распространялось на обширную популяцию застенчивых дам средних лет (такого я точно не ожидала). Я поймала себя на том, что то и дело поглядываю на ближайшую – худенькую, сидящую – и думаю: не знаю, кем она работает, но на службе ей явно неинтересно, и с сотрудниками она не ладит, вот она и сочинила себе бурную жизнь среди книг. И мне бы хотелось поговорить с ней про кое-какие книги, которые мы обе читали.

К концу церемонии я подумала, что наказание на самом деле вовсе не наказание. Ха-ха. Недолго я радовалась – вскоре Жанин набросилась на Ника: «Пойдем скорее, зайчик! Нас приглашают на банкет!» – и утащила его прочь.

А я до конца вечера осталась одна.

Это было примерно как первый день в школе или колледже. Я никого не знала и не представляла себе, что делать, а все кругом сновали туда-сюда и точно знали, куда пойти и с кем. Ну, я поправила очки на носу,

распрямила плечи и потопала к машине – перенести в номер самое дорогое, что у меня есть. Первую ходку я сделала без помех, если не считать устрашающего оптического эффекта зеркал в углах. Углы были прямые, и их было пять. Я считала. Туда и обратно, и той и другой дорогой к лифтам. И я стояла и ждала лифта, чтобы спуститься за следующей порцией, и тут случайно обернулась и посмотрела в ближайший угол. И увидела там МУЖЧИНУ СВОЕЙ МЕЧТЫ. Высокий, стройный, скандинавского типа, с глубоко посаженными глазами, ни очков, ни бороды – просто красавчик. Умереть не встать, как сказала бы Давина, новая девушка Робби.

Он стоял себе на углу, отражаясь во всех зеркалах, так что я могла рассмотреть мужчину своей мечты со всех ракурсов, и сначала я подумала, что он идет ко мне, к лифтам. При мысли, что мы вместе поедem в лифте, у меня коленки задрожали. Но оказалось, что ему в другую сторону. Четыре его отражения покатались вправо – то есть я думаю, что вправо, – и пропали из зеркал. Его вид так поразил меня, что я побежала на тот угол, чтобы поглядеть, как он уходит, – у него была самая обалденная походка на свете, – но он, похоже, скрылся в ближайшем номере, потому что, когда я досеменила до угла, в коридоре было уже пусто. Я видела только россыпь собственных отражений, маленьких и потерянных.

Потом лифт подъехал, я бросилась обратно и вскочила в него. Опять зеркало, и в нем Мари – мрачная и раздосадованная. Ну, ничего, мы с ним еще обязательно встретимся. К тому же я спрашиваю себя, что сделалось с моими чувствами к Робби, если меня так вышиб из колеи совершенно незнакомый человек. Но все оказалось в порядке. Заглянув в себя, я увидела, что на том месте, откуда выдрали Робби, зияет прежняя рана. Правда, стоит мне подумать о том шикарном скандинаве, как у меня подкашиваются колени. Наверное, я совсем чокнутая.

Я возвращалась через фойе с очередной порцией пожитков и смотрела на свое отражение в потолке – вся обвешана сумками, компьютерный монитор прижат к животу, – и тут меня окликнул голландец Кейс.

– Дайте Кейсу ваши кейсы! Это моя обязанность! – крикнул он и выхватил у меня из онемевших пальцев ветеринарную аптечку. – Вам куда? – И он, не дослушав, зашагал к лифту.

Я, пыхтя, засеменила следом. Ветеринарную аптечку мне подарил папа, и, к великому моему счастью, до сих пор она мне ни разу не пригодилась, но доверять ее Кейсу я не хотела. Когда мы зашли в лифт, Кейс едва не отнял у меня и монитор тоже, но я держала его крепко, так что голландцу удалось отобрать у меня только пакет с кабелями.

– Отдайте мне все. Я прекрасное выючное животное, – заявил Кейс.

Я сказала – нет, спасибо, остальное донесу сама. Так мы и ехали в лифте вверх, препираясь, а потом Кейс спросил, не хакер ли я. Я сказала, что нет, компьютер мне просто для работы.

– А я настоящий хакер и вообще повернут на этом деле, – сообщил Кейс. Я ему охотно поверила. – Я могу делать всякие фокусы с вирусами, – похвастался он. – Однажды сделал так, что все компьютеры в Роттердаме ровно в полдень вывели на экран один и тот же шуточный стишок.

Он прочитал стишок по-голландски. Стишка хватило на четыре этажа.

– Очень остроумно, – сказала я.

Мы вышли из лифта и потопали по коридорам через все пять углов.

– Сейчас подключим ваш компьютер, а потом вы со мной поужинаете, – сообщил Кейс.

– Нет, спасибо, – сказала я.

– Ну что вы, это обязательно! По-голландски, каждый за свой счет, – посулил он. – Голландская шутка.

– У меня нет денег, – отрезала я.

– У меня тоже нет денег! – воскликнул он. – Тогда давайте устроим Бармецидов пир^[15] и вместе попьем теплой воды!

– Мне надо работать, – соврала я.

Когда мы пришли в номер, Кейс попытался застрять и подключить компьютер. Я твердо решила, что он этого не сделает. Я ему не доверяю и не хочу, чтобы он наспиговал мои программы голландскими шутками. То есть я ему не доверяю – и точка. И более или менее выставила его за дверь. На пороге он обернулся с обезоруживающей улыбкой:

– Какая вы решительная! Позвоните, если передумаете. Я в номере триста первом.

– Вон, – сказала я.

Когда я подключила компьютер, то поняла, что хочу есть. Нашла служебную лестницу на случай, если Кейс ошивается возле лифтов и ждет меня, – лучше бы носил кейсы еще кому-нибудь... тьфу, ну и приставучие эти голландские шутки! Не нравится он мне, и все, а почему – сама не знаю (ну или знаю), и вообще, у меня крах в личной жизни, а Кейс – это все-таки второй сорт после того шикарного скандинава, – и поэтому я спустилась по лестнице и нашла столовую. От цен, указанных в меню у входа, у меня волосы встали дыбом. Так что я пошла в бар, уповая на то, что там дают бутерброды. Мне стало страшно, что придется голодать до завтрака.

Там тоже были зеркала – и не только за барной стойкой, но и целая зеркальная стена в торце, так что зал казался очень просторным. Я в жизни

не ела таких дорогущих ветчинных рулетов. Взяла себе стаканчик апельсинового сока и нашла где сесть.

Разговоры в баре велись самые диковинные. Американцы за соседним столиком жарко обсуждали какие-то «общие вселенные» (я решила, что это когда ты вынужден делить мир еще с кем-то и никто не спрашивает, хочешь ты этого или нет), а сзади кто-то повторял: «Не могу же я его филк перефилкнуть за здорово живешь!» Жутко заросший бородач передо мной ныл: «Ему постоянно не везет с контуровщиками!» Потом от зеркальной стены донесся девичий визг: «Все на тыбовскую оргию! Чур, я вода!», на что сразу несколько голосов отозвалось: «Ой, замолчи уже, Таллула!»

Я оглянулась посмотреть, кто это визжал, и увидела не кого-нибудь, а этого хлыща – Венейблза!

То есть это не он визжал. Он как раз держался скромно. Сидел на высоком барном табурете и болтал с тем потным блондином. Поскольку там тоже было зеркало, я видела Венейблза и спереди, и сзади и не могла ошибиться. Сзади было видно узкий гладкий затылок, а в зеркале – узкое гладкое лицо с очками в золотой оправе, и это лицо отворачивалось от меня с тем же ужасом, какой охватил меня при виде его. Хорошо хоть на сей раз он был не в костюмчике, зато нарядился в шикарный замшевый пиджак и новенький свитер с воротником поло. Было видно, что Венейблз тут совершенно не к месту. Я была готова спорить на крупную сумму, что джинсы на нем глаженные.

– Ох ты! – сказала я и резко отвернулась. И очень удачно, потому что в зеркале я увидела Рика Корри – он стоял и с сомнением глядел на меня сверху вниз. – А, привет, – сказала я ему.

– Привет. Вы одна, без взрослых? – удивился он. – Хотите, угощу вас коктейлем?

Я сказала: да, пожалуйста, только, если можно, не коктейль, а водку. Он так растерялся, что я поняла – он решил, что мы с Ником ровесники. Так многие считают.

– Мне двадцать, – сказала я ему. – Честно. Хотите, свидетельство о рождении покажу?

– Наверное, мне не стоит доводить вас до того, чтобы вы вот так поправляли очки на носу и смотрели на меня, – проговорил он. – Я понимаю, что это пророчит беду.

Потом он принес себе внушительную кружку пива, а мне водки. И мы немного поболтали. Ему тоже нравятся демоны дяди Тэда. Я сказала, что мой любимый – голубой трехногий, который просовывает морду сквозь стены спален, чтобы подсмотреть, чем люди занимаются в постели. Его

любимый – тот, который с виду просто плевочек, но если на него наступить, с лодыжек облезет вся кожа. И мы с Риком были согласны в том, что демон, который нападает на тебя из унитаза, – это чуточку слишком близко к настоящим страхам и потому не радует. Потом у Рика запищал радиотелефон. Рик бросил пиво и помчался улаживать острые вопросы. Я огорчилась. Но я же понимаю, что в обычной жизни Рик Корри тоже подстроил бы, чтобы его вовремя вызывали по разным там радиотелефонам. Он из тех, кому трудно подолгу разговаривать с одним и тем же человеком. Наверное, здесь таких очень много.

И все-таки жаль, что он убежал, поскольку я очутилась целиком во власти жуткой женщины, которая была устроена как раз наоборот. Пока мы с Риком говорили, я заметила, как она бочком подваливает к американцам на соседних местах, а они разом сказали «Привет, Тэнси-Энн» и отвернулись от нее. Теперь понятно почему. Едва Рик ушел, как это страшное чудовище Тэнси-Энн набросилось на меня.

– Расскажите мне все!!! – потребовала она. – Меня зовут Тэнси-Энн, я целительница!

Когда я вытаращилась на нее в полном недоумении, она добавила:

– Ваша аура – сплошная серая туча психозов. Дайте помассирую вам спину. Тогда вы больше не будете такой грустной и зажатой.

И она подвинула меня вперед вместе со стулом и начала прямо-таки месить мне плечи. Мне не понравилось. И сама она тоже не понравилась. Если уж на то пошло, она сама была сплошная серая туча психозов. Крупноватая, полноватая, а лицо словно не может поспеть за большим, не в меру любопытным носом. Еще и нарядилась во что-то оранжевое, бесформенное, все покрытое миллионами мелких холодных свисающих штучек из желтого металла, которые звякали, когда она набрасывалась на людей, и это мне тоже не нравилось. Я дернулась, высвободилась из ее не в меру любопытных холодных рук и сказала, что сейчас у меня нет настроения для массажа спины.

– Тогда давайте помассирую руки! – воскликнула она, поднырнула, зазвякала и оказалась прямо передо мной. – Я просто мастерица массировать руки. Лучшее на свете успокоительное средство! Вам обязательно понравится!

И – чтоб мне провалиться! – схватила меня за руки и ну их мять и крутить.

Я отняла руки и села на них. И сказала, что у меня все прекрасно. Спасибо, Тэнси-Энн.

– Вам надо наладить сексуальную жизнь! – заорала она. – Вы

англичанка. В этом-то и беда. Я знаю! Дайте-ка я вам все объясню!

После чего подалась ко мне всем телом и заговорила. И говорила, говорила, говорила... Через некоторое время я перестала слушать. Там было что-то про тантрический секс, про карму и про ауры. Но потом она каким-то образом вырулила на разговоры о пауке черная вдова и о наслаждении, которое испытывает крыса, когда бежит по лабиринту. А я просто сидела и думала, что, наверное, дело не в том, что нос у нее такой уж большой. Дело в том, что он словно бы с любопытством принюхивается к тебе, когда она говорит. Как будто алчно нашаривает что-то, что бы у меня отобрать. Может, она вампир? Или просто чокнутая. Но я, так или иначе, не обязана ее любить. Несколько раз я пыталась встать и уйти. А она просто вдавливала меня обратно и говорила, говорила... В какой-то момент она завела речь про карты Таро. Она сказала, что вот погадает и тогда все мне объяснит.

Меня вызволила прелестнейшая дама. Она была низенькая, пухленькая, темненькая, с таким розовым-розовым невинным личиком, и ей оказалось достаточно взять и подойти к Тэнси-Энн со спины и что-то ей шепнуть.

Тэнси-Энн отпрянула от меня с воплем «Не может быть!» – и промчалась через весь бар, будто оранжевый джаггернаут, задевая столы, расплескивая напитки и вопя:

– Прошу прощения! Мне нужно срочно взглянуть на свой выставочный стенд!

Дама улыбнулась мне. На ней было длинное свободное бордовое платье и много бус – казалось бы, должно выглядеть так же выпендрежно, как оранжевая хламида Тэнси-Энн, но нет. Совсем другое дело. Бордовое платье почему-то смотрелось естественно, как будто дама заслужила право его носить и теперь обычно и носит. Мне стало интересно, кто она такая.

(Позднее: я узнала, что ее зовут Цинка Фирон, и все, кого я спрашивала, говорят, что она чудо.)

Едва затихли вдали вопли Тэнси-Энн, как я бросилась в свой номер и села это писать. «Черная вдова! – думала я, поднимаясь в лифте. – Крысы! Массаж! Да кто ей вообще сказал, что крысам нравятся лабиринты? И при чем здесь Таро?»

Некоторое время назад, уже после полуночи, в дверь постучали и вошел Ник. И мы разом, в один и тот же миг воскликнули:

– Где тебя носило?!

Отчего оба расхохотались. Потом он сказал, что я ничего не пропустила, когда не пошла на банкет с гостями, – скука была смертная, а среди гостей затесался какой-то Как-его-там Уайт, которого Ник терпеть не

может. Вот Ник и сбежал, не дождавшись окончания, и пошел искать меня, потому что во «Вселенной-три» показывают «Принцессу-невесту» и он хотел посмотреть ее со мной.

– Ты же уже три раза смотрел «Принцессу-невесту», я точно знаю! – сказала я.

– Все равно захотелось посмотреть, – сказал Ник. – Пришлось идти одному. Но я пришел сказать не это. Тот хлыщ в серебряном авто, который дал тебе денег, – так вот, он здесь.

– Ага, я тоже видела! – с чувством ответила я. – А вдруг это мы его вызвали, когда сплясали Ведьмин танец? Чтобы он объявился не где-нибудь, а здесь – это как-то совсем невероятно.

– Ну, может, так и есть. – Лицо у Ника стало очень странное. – Я тебе говорю – выхожу я сейчас из лифта, а он стоит в конце коридора, где зеркала...

– И десять отражений. Ага-ага, – сказала я, вспомнив того шикарного скандинава.

– Нет, – сказал Ник. – Нет, и это тоже было непонятно. Только он – и все. Никаких отражений. А потом стены и зеркала вдруг стали поворачиваться вокруг него. Будто колесо. То есть я видел ребра зеркал, когда они крутились вокруг него. Честное слово.

Мы осторожно покосились друг на друга. Ник такого зря не скажет. И мне было ясно, что он меня не разыгрывает.

– Напомни мне, пожалуйста, чтобы я больше никогда не плясала Ведьмин танец, – проговорила я.

– Наверное, все эта гостиница, – сказал Ник. – Кошмарнейшее место.

– И битком набита кошмарными людьми, – согласилась я.

Это было по меньшей мере час с лишним назад. Я все стучу по клавиатуре, потому что внизу дискотека. Еще одна жуткая черта этой гостиницы: кто бы тут ни шастал, ни шороха не слышно, зато дискотека доносится во всех подробностях через четыре этажа. Но вот она, кажется, кончилась. Если повезет, может, удастся поспать.

Глава одиннадцатая

[1]

Из отчета Руперта Венейблза

Всю дорогу до Вонтчестера в моей машине играл Скарлатти. Я терпел. И даже сам менял кассеты, чтобы Эндрю, невозмутимо сидевший рядом, не заметил, что нас трое. Эндрю был на удивление оживлен. Смотрел на унылый пейзаж и улыбался, словно за окном был ясный летний денек, а не тянулись голые поля под набрякшими серыми снеговыми тучами. Эндрю только что изобрел идеальный пылесос – он так сказал. Принципиально новый. Продержится на рынке весь двадцать первый век. Эндрю попросил меня посадить его в Вонтчестере у кафедрального собора. Я так и

поступил. Он пригнулся и решительно вылез из машины. А потом опять пригнулся, засунулся обратно и сурово посмотрел на меня:

– В этой машине ощущается присутствие потусторонних сил. Вас это не смущает?

– Нет, – ответил я, несколько ошеломленный. – Они вполне дружелюбные.

– Ничего себе! – воскликнул Стэн, когда я вырулил на пустынную торговую улицу. – Он же ясновидящий!

– Да уж наверняка, – отозвался я, притормаживая у въезда на стоянку при гостинице. – Иначе он не попал бы в тот вечер в сарайчик. Но я едва ли... Это еще что такое?!

Подворотню перегородил ужасный ржавый драндулет. Едва я свернул следом за ним, как его водитель распахнул дверь и, бешено размахивая руками, бросился к машине, которая остановилась прямо у дальнего выезда из подворотни. На фоне этой машины покачивались две головы – одна повыше и темноволосая, другая пониже и с прической вроде львиной гривы (то есть, конечно, если льва только что протащили по кустам). Я сразу понял, что передо мной, – еще до того, как увидел две руки с когтями-кинжалами, проделывающие незабываемое «раз-раз-раз».

– Глазам своим не верю! – сказал я, с ревом сдавая назад и поспешно разворачиваясь.

– Что случилось? Что происходит? – допытывался Стэн.

– Девушка Мэллори! – процедил я сквозь зубы. Машина еле ползла – я въехал в очередную пробку. – Снова учинила свои туземные пляски прямо на автостоянке. Что она здесь делает? После того как Эндрю вмешался в мою работу, я наложил ограждающие чары, я точно помню! И на девушку Мэллори особо!

На противоположной стороне улицы была другая подворотня, гораздо меньше, я запомнил ее с прошлого приезда. Вот как полезно изучить местность, прежде чем начинать там работу. Табличка у маленькой подворотни гласила: «Только для сотрудников гостиницы». Я влетел туда пулей. Там, как я и рассчитывал, была парковка поменьше, заполненная лишь наполовину.

– Скажем, что я шеф-повар, – сказал я и с ревом зарулил в дальний угол.

– Полегче, полегче! – Стэн снова обращался со мной как с лошадью. И добавил умиротворяющим тоном: – В программе указан этот, ну, писатель – так его фамилия Мэллори. Родственник, наверное. Скорее всего, его уже несколько месяцев как пригласили. Вряд ли это имеет отношение к твоей

работе.

Я уткнулся подбородком в руль – чтобы прочувствовать собственный зубовой скрежет.

– Совпадений не бывает, Стэн. Факт остается фактом: она не должна была здесь появиться!

– Однако же появилась, смирись, – посоветовал Стэн. – Не попадайся ей на глаза, и все. Если собираешься оставить здесь машину, наложи на нее заклятье «Не смотри на меня». Не хватало еще, чтобы рядом со мной шныряли какие-нибудь управляющие.

Я окутал машину покрывалом скромности и выгрузил багаж. С расстояния в несколько шагов даже мне самому она теперь казалась скучной, заурядной, слегка обшарпанной машиной вроде автомобиля Мэллори, совсем как соседние. Я юркнул в гостиницу через служебный вход. Мне хотелось укрыться в номере до того, как девица Мэллори закончит свое фанданго. Я просто поверить не мог, что она тоже здесь. Думал – может, я ошибся и в подворотне пляшет кто-то другой?

Я вошел в фойе. Тихий величественный зал, который я помнил по прошлому приезду, теперь превратился в настоящий сумасшедший дом. Бороды. Объятия. Груды рюкзаков. Все в футболках. Приветственный рев. Единственный, кроме меня, человек в костюме был еще и в мантии до полу. Дожидаясь, когда финка за стойкой портье отыщет мой ключ – она была до того медленная, что я едва не взбесился, – я смотрел, как вверх ногами в зеркальном потолке прошествовала сквозь толпу процессия в рясах с клобуками. От них все шарахались и оттаскивали чемоданы у них с дороги, но при этом никому не удавалось посмотреть на них. И я понимал почему. Даже в зеркале, даже вверх ногами от них – как бы так выразиться – сильно разило мощью, причем мощью несправедливой.

Впрочем, ко мне они отношения не имели. Получив наконец ключ, я снова посмотрел в зеркала. Мэллори со своим юным родственником как раз появились в стеклянных дверях главного входа. Это были точно они. «Зараза», – подумал я и помчался вверх по лестнице. Тут меня снова задержали – на этот раз шеренга людей, раздававших значки участников. Девушка, заведовавшая буквой «В», прижимала к себе плюшевого медведя и допытывалась, как писать мои имя и фамилию на значке. Пара крепких молодых людей, истекая потом, сражалась с машинкой, которая эти значки штамповала. Они подняли головы и выжидательно посмотрели на меня.

– Меня зовут Руперт... – начал я.

– Ой, прямо как Мишка Руперт из детских комиксов! – воскликнула девушка с медведем. – Какая прелесть!

– Он больше похож на Руперта Пфальцского, – заявил один из здоровяков, боровшихся с машинкой.

Только тут до меня дошло, что это женщина.

– Нет, он слишком симпатичный! – сказала медведеносица.

– Видно, что любит приключения, – твердо возразила та, что боролась с машинкой.

– У Мишки Руперта тоже было много приключений! – обиделась медведеносица.

На препирательства ушло некоторое время. Я настолько не привык, чтобы меня обсуждали в подобной манере, что стоял и тупо переводил взгляд с одной на другую, но тут на лестнице у меня за спиной раздался громкий низкий голос с характерным подвсхлипом, который мог принадлежать только девице Мэллори. Я взял себя в руки.

– Вы обе ошибаетесь, – сказал я. – Неужели вы никогда не слышали о Руперте Маге?

Нет, не слышали, и неудивительно, поскольку я сам его только что выдумал.

– Кто такой этот Руперт Маг? – спросила та, что с медведем, надписывая имя на чистом значке.

– Самый доблестный рыцарь среди магов, – ответил я. – Книги о нем выходили в двадцатые годы, возможно, они вам просто не попадались.

– А-а! Такой волшебный Берти Вустер! – пропыхтела та, что с машинкой. Они с напарником из всех сил надавили на машинку, чтобы та выдала мне значок.

Я вспомнил про Стэна:

– С невидимым камердинером. Благодарю.

Едва я успел взять значок, как к столу подошла Мэллори за своим. Я убежал к лифту и, пока ехал на верхний этаж в компании элегантного юноши, одетого девушкой, все думал, где же допустил оплошность в работе и как впутал в дело девицу Мэллори, вместо того чтобы отгородиться от нее. Вспомнил, какие приливы ярости на нее у меня случались. Вот в них-то, видимо, и таилась разгадка: я слишком много думал о ней. А теперь, похоже, придется смириться с тем, что из-за меня линия судьбы Мэллори перепуталась с моей, Эндрю и четверых моих кандидатов. Хорошенькое дельце!

Когда мы доехали до верхнего этажа, элегантный юноша сурово поклонился мне. Я поклонился в ответ. Он зашагал на шпильках в одну сторону, я – в другую. Поразительно, но мы не встретились на противоположной стороне. По пути в номер я свернул за несколько

прямых углов, обшитых зеркалами. За семь. Номер был у самого лифта с другой стороны. Правда, тогда я был поглощен мыслями о том, что я натворил с линиями судьбы, и не отдавал себе отчета, как все это странно. Просто закинул сумки на вешалку, заметил, что номер просторный, уютный, с мини-баром и большой кроватью, да и интерьер на удивление изысканный для гостиницы, – и переоделся в самую непритязательную одежду, какая только нашлась. Я и раньше опасался, что мне будет тяжело пережить этот конвент со всеми его безумствами. А теперь, когда тут оказалась еще и девица Мэллори, мне захотелось все бросить и уехать домой.

Но у меня были важные дела. Я прицепил значок, чтобы никто не подумал, будто я тут посторонний, изучил буклет в стиле «Алисы в Стране чудес», на котором значилось «Прочитай меня» под портретом угрюмого дракона, и обнаружил, что на церемонию открытия в Родной вселенной я уже опоздал. И побежал обратно вниз.

Я пропустил какое-то непредвиденное происшествие в самом начале церемонии. Когда я скользнул на свободное место в огромном зале, ведущий, некто Максим Хаук, у которого были светлые кудри, подстриженные на манер древнеегипетского парика, как раз извинялся неизвестно за что. В остальном мероприятие было невероятно скучное. Я изучал президиум на сцене и зрителей в зале – и те и другие вызывали у меня одинаковые опасения. Хотя сколько-нибудь нормальный на вид был только Тэд Мэллори. Он был увеличенной и поздоровевшей копией несчастного больного, с которым я познакомился в Кенте, так что, несомненно, и правда состоял в родстве с Мари Мэллори, как предположил Стэн. В подтверждение этого я заметил и ту самую миссис Мэллори, которая открыла мне дверь в Бристол – она сидела в первом ряду и всячески показывала, что внимательно слушает. Свитер у нее на этот раз был с букетом розовых атласных роз, распластанным по всей левой стороне. Меня так и подмывало похлопать ее по плечу и шепнуть, что на нее напали сахарные мыши-людоеды.

Я бы, конечно, никогда ничего подобного не сказал, даже не признался бы в подобных мыслях третьим лицам. Но на конвентах такое говорят запросто. Я был удивлен и очень обрадован, когда одна крайне симпатичная американка, с которой я познакомился за ужином, выразила мнение, что у миссис Мэллори произошла какая-то авария с клубничным мороженым.

– Нет-нет, – возразил ее супруг. – Ты просто не видела их вблизи. Это морские анемоны-паразиты.

Мы еще много о чем беседовали. Когда мы все очутились в баре, где я наконец лично познакомился с Риком Корри, а через него – с Максимом Хауком, мне уже стало прямо-таки весело и интересно. Думаю, что невольно ввел всех в некоторое заблуждение. Максим, похоже, был убежден, что я какая-то знаменитость инкогнито, и мои новые друзья, с которыми я познакомился за ужином, тоже, очевидно, так считали, но я не уверен, что это сыграло роль. В основном меня тогда одолевала досада на самого себя – обида, что я до сих пор жил, настолько отгородившись от мира. До того вечера я уже долгое время не вспоминал о том, как ценно общество людей, близких по духу. Конечно, для магидской работы нужно уединение, но становиться отшельником вовсе не обязательно.

Рик Корри, которому пришлось умчаться, примчался обратно, совсем запыхавшийся и озабоченный.

– Опять этот Тарлесс, – сказал он.

– Ох. Что на сей раз? – спросил Максим.

– Кажется, все устроилось, – ответил Корри, – но это обошлось конвенту в сорок фунтов.

– Уже? Так скоро?! – допытывался Максим. – Этот олух царя небесного пробыл здесь всего четыре часа! Рик, десять фунтов в час!

– Ну, понимаете, я поселил в номере Тарлесса Мари Мэллори, – объяснил Корри. – Ее тетка, дура этакая, забыла забронировать ей номер. Когда я увидел Мари, она чуть не плакала. А Тарлесс опоздал, поэтому мне пришлось найти ему номер в Железнодорожной гостинице, потому что все остальные свободные места нужны для издателей (кстати, ни один еще не приехал), и я сам отвез Тарлесса туда на такси вместе с тем неожиданно приехавшим хорватом и еще одним – кажется, русским. И я пошел и своими глазами осмотрел все эти номера, чтоб им пусто было, и там все нормально. Ничего лучше все равно нет. И тут мне говорят, что Тарлесс вернулся сюда, снова на такси, и скандалит, что у него душ не работает, и требует, чтобы мы оплатили ему такси. Я с этим разобрался, и он поехал обратно, опять на такси...

– Пойдите, – сказал я. – Отсюда до Железнодорожной гостиницы ярдов сто.

– При одностороннем движении получается дальше, – уточнил Максим. – Но все-таки – сорок фунтов, Рик! Сколько раз он гонял такси туда-сюда?!

– К тому же у Тарлесса есть своя машина, – сказал Корри. – Это все за то, что я отдал его номер. Я как-то застеснялся слишком уж с ним спорить и, честно говоря, сбился со счета, сколько раз он приезжал на такси. С

десяток. Что-то в этом роде. В конце концов я просто выписал шоферу чек. А теперь вот Тарлесс приехал сообщить, что опоздал на Эзотерику и хочет, чтобы такси дожидалось его целый час, и я решил, что это лучше пресечь.

– Если он захочет такси на обратную дорогу, отправь его ко мне, – сказал Максим. – Передай, что я найду ему велосипед.

Корри кивнул и снова умчался. Я лениво поглядел ему вслед в зеркало на дальней стене бара. И там опять была Мари Мэллори. Она тоже меня видела. Надо воздать ей должное: она ужаснулась. Чувства у нас взаимные. Я демонстративно отвернулся. Лицо у нее было довольно мрачное – подозреваю, что это ее обычное выражение, как и препротивная манера всхлипывать при разговоре, – но в остальном заметно, что она привела себя в порядок и уже не похожа на ту ведьму с фигурой снопом, которую я повстречал в Бристоле. На ней была красивая кожаная куртка и джинсы, и с прической она тоже явно попыталась что-то сделать. По-прежнему куст, но куст довольно стильный – и, кажется, еще и новые очки. Очевидно, моя сотня фунтов обеспечила перемены к лучшему. Мари стала похожа на человека. Я видел, как Рик Корри подскочил к ней, поболтал немного, снова умчался и вернулся с бокалами. У меня сложилось впечатление, что Рик она понравилась и он попытался даже приударить за ней – по-своему, застенчиво. На вкус и цвет товарищей нет.

– А что, из-за Тарлесса всегда столько хлопот? – спросил я Максима без тревоги.

– Почти всегда, – ответил он. – Беда в том, что и писатель из него неважный, но он думает иначе. Правда, в таком жутком состоянии я его еще не видел. Наверное, его грызет что-то еще. Попрошу кого-нибудь... О, Цинка! Вот вы-то нам и нужны! Вы слышали про Мервина Тарлесса?

Цинка – не самое распространенное имя. Я ушам своим не поверил и окостенело развернулся на табурете. И точно – там, примерно мне по пояс, виднелась знакомая милая толстененькая фигурка Цинки Фирон в бордовом платье. Коллега-магид. Давняя возлюбленная. В последний раз мы общались, когда она прислала мне сообщение о Корифонской империи из-за нескольких миров в Да-сторону. Я понятия не имел, что она здесь делает. Пока Максим заказывал ей пинту ее любимого сидра, я нагнулся и спросил об этом.

– Руперт, я тоже тебя люблю, – сказала она. – Я здесь на отдыхе. Я всегда приезжаю на «ФантазмаКон» отдохнуть. Закрываю лавочку. Бросаю все дела и отдыхаю. Неотложные дела будет улаживать твой брат Сай. У тебя тут работа? Вижу, что да. Непривычные для тебя декорации, верно?

– Мне тут даже начинает нравиться, – признался я.

– Вот и славно, – сказала она. – Если кому из моих знакомых и надо расслабиться и снять шоры... Только не проси меня помочь по работе, не буду. У меня отпуск. Я серьезно.

Тут вернулся Максим с ее сидром, и мы снова обсудили сагу о Тарлессе с самого начала, в том числе и то, как он опозорился на церемонии открытия.

– Мужской климакс, – уверенно определила Цинка. – Разберусь.

Я искренне надеялся, что у нее получится, иначе у меня станет на одного кандидата меньше. При этой мысли я поднял глаза к зеркалу и увидел, что Мари Мэллори вжалась в спинку стула, пытаясь увернуться от отвратительной женщины, которая совала ей прямо в лицо огромный крючковатый нос и все говорила, говорила – а одета была, очевидно, в оранжевую палатку.

– Что это за жуткое создание в оранжевом? – спросил я.

Цинка тоже поглядела в зеркало. И с досадой стукнула кружкой о стойку:

– Проклятье! Тэнси-Энн опять поймала неофита! Сейчас вернусь.

И вернулась. Женщина в оранжевом умчалась, истошно вопя, Мэллори тоже исчезла, а Цинка как ни в чем не бывало снова сидела рядом со мной.

– Тэнси-Энн? – с тяжелым предчувствием спросил я.

– Фиск. Американка, – ответила она. – Не то чтобы злобная, просто всем известная надоеда. Не одолжишь мне десять фунтов?

– Пожалуй, – согласился я. Похоже, придется списать и второго кандидата. – А что случилось?

Она огляделась по сторонам, удостоверилась, что Максим на безопасном расстоянии говорит с кем-то другим (и правда – он орал в слуховой аппарат), и торопливо зашептала:

– У меня почти нет земных денег, будут, только когда продам кое-что в Торговом зале, а я не успела!

Так что я дал ей десятку. С подобными трудностями магида сталкиваются сплошь и рядом. В целом вечер выдался очень приятный, если не считать, что у меня стало на двух кандидатов меньше. Я ехал в лифте вверх, понимая, что дух мой восстает против перспективы взять эту Фиск в ученицы, если, конечно, не выяснится, что она процентов на сто разумнее, чем кажется на первый взгляд. Если выбирать из двух женщин, так я бы, может быть, даже предпочел Мэллори. А это кое о чем говорит. Я уповал на то, что Мервин Тарлесс все же не безнадежен, если предположить, что его вывели из равновесия те самые таланты, которые делают человека потенциальным магидом. Плохо, когда наделен такими

талантами и сам о том не догадываешься. Я-то знаю, что именно поэтому был совершенно невыносимым, когда учился. Мой братец Уилл тогда сухо называл меня «маленький паршивец», и, наверное, заслуженно. Но тогда, мрачно подумал я, то же самое в равной мере относится и к этой Фиск, которой я так боялся.

Я свернул по крайней мере за один зеркальный угол на кратчайшей дороге к своему номеру, когда понял, что его там нет. То есть его в самом прямом смысле не было там, где я видел его в последний раз. Он должен был быть сразу за лифтами. Однако, если верить табличкам на стенах, номера 555–587 располагались где-то за следующим поворотом. Мой номер был пятьсот пятьдесят пятый.

Я остановился. И подумал. Потом повернулся и прошел в обратную сторону, след в след, к углу сразу за лифтами. Это было невероятно трудно, потому что теперь я шел по часовой стрелке, а тот, кто пользовался этим узлом раньше, запустил его против часовой стрелки, противосолонь, как принято в черной магии. Это мне было совсем не по душе. К тому же лифты я увидел, только когда с усилием преодолел еще один поворот. Кто-то запустил механизм и не подумал, что его надо остановить. Халтурщики. Этак может засосать в воронку. Узел был мощнейший. Я стоял на углу и раздумывал над этим.

Эпицентр узла был в гостинице. Он распространялся и на город, но главная сила была сосредоточена примерно там, где я сейчас стоял. Это могло означать, что здесь все относительно спокойно, как в «глазе бури», но кто-то побывал тут и грубо все растревожил. На самом деле растревоживших было два. С моего места были отчетливо видны две независимые последовательности действий. А поскольку узел был настолько – просто необычайно – мощный, он ответил на насилие насилием. У Верхней палаты были все причины для беспокойства.

Я постарался привести все в порядок и умиротворить. А потом лег спать.

[2]

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори.
Файл номер двадцать четыре

Опять приснился сон про Колючку. Лунный свет и ядовитые замечания о том, как я не умею ладить с людьми. Почему мне никогда не снится, что я беру с собой спички и поджигаю этот ее треклятый куст?

Встала в плохом настроении, пошла поглядеть, как там Ник. Я так делаю каждое утро, особенно в будни, перед школой. Обычно Жанин только рада свалить его на меня. Примерно час после пробуждения Ник – самый настоящий, неподдельный зомби-лунатик. Тяжелый случай, я больше таких не встречала. Одеться он еще худо-бедно может – но на этом все. Я даже не спрашиваю, умывается ли он и чистит ли зубы.

Когда я пришла к нему в номер, он натыкался на стены, как лунатик, в свитере, надетом задом наперед. Я повернула на нем свитер, нашла ключ от номера и вывела Ника к лифту. До первого этажа он даже глаз не открыл. У этого были свои преимущества. Я не могла найти, где тут подают завтрак, зато Ник сумел. Почуяв тосты и бекон, он раздул ноздри и зашаркал в ту сторону, а меня потащил за собой.

У входа нас встретил улыбчивый молоденький официант и говорит:

– Два места, мисс? У нас сейчас, к сожалению, довольно людно. Прошу.

Выдал нам по меню, и Ник свое тут же уронил. Это заставило официанта обратить внимание на то, в каком Ник состоянии. Он вгляделся ему в лицо. Потом отобрал у него меню и отдал мне, и снова заглянул Нику в лицо – этак уважительно, притихнув, словно при покойнике. Он провел нас мимо столиков, где уже всюду ели почти все толстяки и некоторые застенчивые дамы средних лет – было ясно, что этих дам с малолетства приучили завтракать ровно в восемь, – и усадил за стол у окна. Это был единственный стол во всем зале, где еще оставались свободные места.

«Глазам своим не верю!» – подумала я.

Во главе стола сидел этот хлыщ Венейблз, читал газету и пил кофе. Когда я усадила Ника, он сложил газету, увидел, что это мы, и тут же снова загородился ей, будто щитом. Фу-ты ну-ты. Я стала как ни в чем не бывало заказывать нам завтрак.

– С чего начнем? – Официант поднял блокнот на изготовку.

– Нии... йорр! – сказал Ник.

– Он имеет в виду, что только не йогурт, – сказала я. – Нам, пожалуйста, по порции кукурузных хлопьев. А потом...

– Ични-бек-без фа-а-а! – заявил Ник.

– Он не любит фасоль, но яичницу с беконом съест, – перевела я.

– А сосиски? Помидоры? Грибы? – предупредительно поинтересовался официант. Готова спорить, что это он экспериментировал – ему было интересно, какими звуками Ник все это обозначит. И был вознагражден.

– Грб, грб, грб... – забурчал Ник.

– Грибы – да, а сосисок не надо, – объяснила я. – И он хочет помидоров.

Хлеба тебе поджарить, Ник? Или будешь тосты?

– Спсиии... – сказал Ник.

– Он говорит, тосты – да, а жарить хлеб не нужно, – сказала я. – А пить...

– ВУУРФЕФФФ! – провозгласил Ник.

– Да, самый большой кофейник кофе, – поспешно пояснила я. – И срочно. Понимаете, с головой у него все в порядке, просто он ничего не видит и не может говорить, пока не выпьет по крайней мере четыре чашки кофе.

Официант снова с уважением поглядел Нику в лицо. Глаза у Ника были все так же закрыты и даже заплыли.

– А вам, мисс?

– То же самое, – говорю.

Он все записал и упорхнул, после чего Ник выпалил:

– Болянггги!

– Не было печали, – сказала я и подняла край скатерти, чтобы посмотреть, что у него с ногами.

– Пальцындомбно! – пожаловался Ник.

– Да все нормально, дурачок, – сказала я. – Просто надел ботинки не на ту ногу.

Я залезла под стол и передела ему ботинки. Когда я опустилась на колени, то, кажется, услышала шорох газеты. А когда выбралась из-под стола и сбросила с головы скатерть, то успела заметить, как один глаз за стеклом в золотой оправе торопливо прячется обратно за «Телеграф». Хлыщу, как и официанту, было до смерти интересно, просто он не подавал виду.

Только я снова устроилась на стуле, как подскочил официант с кофейником размером с газовый баллон и с почтительным любопытством налил нам по чашке.

– Молока, мисс?

– Спасибо, – кивнула я. – Нет-нет, ему не надо, он первые четыре чашки пьет безо всего.

Официант постоял, посмотрел, налил еще, посмотрел – и так все время, пока Ник, так и не открывая глаз, не осушил четыре чашки, без которых он не может. Газета перед Хлыщом заметно сдвинулась, чтобы ему тоже было видно.

Судя по всему, официант насплетничал про Ника коллегам. Пришла официантка с двумя порциями хлопьев. Они с официантом и Хлыщом (он нарочно отогнул краешек газеты) завороченно глядели, как Ник вслепую

умял целую миску и осушил еще две чашки кофе. К этому времени глаза у него приоткрылись, как щелочки, но пока что он мог только глядеть в пустоту, и тут к нам подбежала другая официантка с двумя тарелками горячего. Потом подоспел еще официант с тостами в проволочной хлебнице, и все четверо стояли и смотрели, как я вкладываю Нику в одну руку нож, в другую – вилку и команду:

– Ешь.

Ник повиновался. Все с любопытством наблюдали, как Ник непостижимым образом накалывает на вилку упругий скользкий гриб, даже не зная, где он лежит, и отправляет в рот. Потом наблюдали, как он отрезает бекон и ест. Потом уставились на глазунью. Мне стало интересно – может, они поспорили, сможет ли Ник съесть глазунью, не измазавшись. Если так, они проиграли. Ник засунул яичницу в рот целиком, подцепив ее за край вилкой, – рискованный шаг! И ни капельки мимо.

Тут уж Хлыщ перестал притворяться, будто не смотрит. Он сложил газету и спросил меня:

– А что будет, если вы поставите перед ним еще одну тарелку, когда он доест? Он тоже все съест и не заметит?

Официанты и официантки благодарно посмотрели на него. Было видно, что они просто сгорают от любопытства.

– Да, съест, как зомби. Я пробовала, – сказала я им.

– Дагдалс пафсоли, – добавил Ник.

Все посмотрели на меня – ждали, когда я переведу.

– Он говорит, что заметил, что я сделала, когда обнаружил, что ест фасоль во второй раз, – объяснила я.

– Ивпервый нхотел, – согласился Ник.

Прежде чем я успела перевести, меня прямо-таки смели с дороги Жанин и дядя Тэд. То есть буквально смели с дороги.

– Ах, мой бедный Ник! – завопила Жанин и спихнула меня на соседний стул, так что я очутилась напротив Хлыща, а дядя Тэд сказал:

– Доброе утро, доброе утро. – И сел прядом с Ником, и обе официантки и один официант тут же ретировались. Первый официант, заметно огорчившись, взял свой блокнот.

– Закажи мне что-нибудь, Тэд, – велела Жанин. – Бедный Ник по утрам такой беспомощный. – И начала нежно и заботливо намазывать Нику тост маслом.

Сегодня на ней был новый свитер. То плечо, которое ближе ко мне, украшала золотая клякса, будто кто-то разбил туда яйцо. Жалко, что не настоящему.

Хлыщ огорчился не меньше официанта. Однако учтиво пододвинул Жанин мармелад и сказал мне:

– Наверное, он уже в состоянии сам себе намазать тост.

– Обычно я даю ему попробовать, – ответила я. – Иногда он мажет маслом тарелку и пытается откусить.

– Похоже, он уже достиг этой стадии, – заметил Хлыщ.

А он проницательный. Самые ужасные свои ошибки Ник совершает именно тогда, когда уже почти проснулся.

Этот обмен репликами заставил Жанин обратить внимание на Хлыща. Она подалась вперед и прочитала, что написано у него на значке. Я тоже. Там было написано «РУПЕРТ МАГ».

– Руперт Маг, – произнесла Жанин. – Наверное, вы из эзотерического кружка Грэма Уайта во «Вселенной-Три»?

– Я совершенно независим, – отвечал он. – Полагаю, мы недавно встречались в Бристоле, миссис Мэллори.

Мне не довелось услышать, как развивался этот весьма многообещающий диалог и развивался ли он вообще, потому что дядя Тэд, сидевший по другую сторону от Ника, громко взмолился, обращаясь ко мне:

– Мари! Мари! Мое выступление на круглом столе назначено сегодня на двенадцать. Что мне сказать?!

– Зависит от того, какая тема, – умиротворяющим тоном ответила я. – Про что там?

– А кто его знает! – Дядя Тэд был воплощенное отчаяние. – Дай слово, что придешь и будешь с умным видом кивать мне из первого ряда!

– Скрехр фэнзи, – сказал Ник.

– А? – спросил дядя Тэд. Он никогда не понимает Ника по утрам.

– Он говорит про круглый стол, – перевела я. – Тема там...

Тут нас снова перебили. На сей раз это был тощий верзила, одетый в военную форму, – он подошел и навис над дядей Тэдом. Его резкие скулы тоже нависли над впалыми щеками.

Он сказал:

– Мистер Мэллори! Сэр!

После этого из-под жгуче-черных усов блеснули зубы. Думаю, это была улыбка. Надеюсь, что да, иначе впору было бы испугаться за дядю Тэда. Дядя Тэд тоже явно на это надеялся и вжался в спинку стула.

– Чем могу служить? – пролепетал он.

– Я пришел обнять вас, – заявил верзила. (Дядю Тэда передернуло.) – Меня зовут... – Тут верзила назвал какое-то заграничное имя, которое

никто из нас не разобрал.

Он был такой высокий, что никому не было видно значок. Потом он продолжил:

– Прежде чем приехать сюда, я сражался за свою страну. За Хорватию. Я пришел сказать, сэр, что вы спасли мне жизнь и рассудок. Оружие могло убить во мне разум. Но благодаря тому, что я ежедневно читал вашу великую книгу, я сохранял отвагу и мог сражаться за свою страну.

– Рад это слышать, – сказал мой дядя. – Э-э-э... а какую именно книгу?

– Вашу величайшую историю о короле Артуре, его рыцарях и о священном Граале, – сообщил верзила.

– Э-э-э... – сказал дядя Тэд. – Думаю, вы ошиблись, ее написал другой Мэлори, с одной «л». К сожалению, он умер уже довольно давно.

Мог бы ничего и не говорить. Хорват, глядя в пространство – совсем как Ник, только у верзилы глаза были вытаращены и безумны, – продолжал:

– Это книга, которая вдохновляет сердце на великие дела. На служение. На борьбу, невзирая ни на что. На то, чтобы сокрушать врага. Бить его так, чтобы кровь брызгала из носа и ушей. Когда я иду на войну, то беру с собой две английские книги, которые вдохновляют на великие дела. Обе я храню на груди. Обе остановили несколько пуль. Это ваша книга и книга великого Толкина. Но мне сказали, Толкина здесь нет. И вот я пришел к вам поблагодарить вас. – Он кивнул дяде Тэду, коротко склонив свой узкий, обтянутый кожей череп, и промаршировал прочь.

– Наверное, это и есть посттравматический синдром, – скорбно проговорил дядя Тэд. – Как там его зовут? Я расслышал только какую-то балканскую тарабарщину.

– Миллион Говорилисович, – сказал Ник почти нормальным голосом. – Вавилонское столпотворение. Голландская шутка.

– А? – спросил дядя Тэд. Шутки Ника он тоже не понимает.

Что-то заставило меня посмотреть на Хлыща. Тот глядел вслед шагавшему прочь верзиле-хорвату с таким видом, как будто был глубоко разочарован, как будто был сыт по горло, как будто хорват ужасно его подвел.

Глава двенадцатая

[1]

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори. Файл номер двадцать пять

Ник, крысеныш этакий, бросил меня на произвол судьбы еще до полудня, но до этого мы успели довольно много разведать. Мы попытались разобраться, где граница между «Вселенной Мэллори», «Родной вселенной» и всеми остальными. Это оказалось невозможно. Гостиница «Вавилон» не зря так называется – здесь надо, чтобы ты был на всю голову чокнутый или, по крайней мере, чтобы кругом было настоящее вавилонское столпотворение, особенно последнее, особенно с участием русских и немцев. Их наверху, в так называемом конференц-зале, была огромная толпа, и они изливали друг на друга потоки ломаного английского. Конференц-зал отвели для того, чтобы решать возникающие острые вопросы. Очевидно, у русских и немцев вопрос был острый, но

никто в зале не мог понять, это один двойной острый вопрос или два независимых.

Это все нам постоянно объясняли со всех сторон. А если никаких острых вопросов не было, с нами просто болтали или дружески улыбались. Похоже, все и так знали, кто мы такие, безо всяких значков (на значки все равно никто не смотрит). Когда мы болтались по коридору, нам все время улыбались трое длинноволосых с младенцем – все, даже младенец. Ник отметил, что родители не могли придумать нам более ненаказывательного наказания, а я твердила, какие тут все милые. Но это было до того, как мы нашли комнату с табличкой «Пресса», где люди в особенно многословных футболках готовили сегодняшний утренний выпуск новостей «ФантазмаКона». Похоже, они делают несколько выпусков в день. Они дали нам по новостному листку, и мы вышли и сели в главном лобби почитать.

В главном лобби сидят все. Оно и само по себе очень просторное, а кажется просто неимоверно огромным, потому что одна стена обшита зеркалами, в которых отражаются большие окна напротив. Тут везде кресла, столы и маленькие дети, которые шастают туда-сюда в крошечных плащиках и доспехах Бэтменов, а все взрослые сидят компаниями там и сям. В тот момент в лобби было довольнолюдно, поскольку только что приехала целая толпа. В основном это люди в деловых костюмах и с такими собранными, напряженными лицами профессионалов за работой, причем многие из них явно считали, что это ставит их на ступень выше нас всех.

– Не надо их презирать, – посоветовала толстушка Венди, плюхнувшись рядом с нами. Нику снова пришлось отвести глаза. – Это все издатели. Они вечером устраивают большие приемы.

Вот я и не стала их презирать, а вместо этого развернула новостной листок. Однако Нику было и вправду трудно находиться рядом с человеком таких габаритов, как Венди. Он вскочил и заявил:

– Мне пора. Сейчас открывается «Вселенная игр». Встретимся перед ленчем – или тут, или у тебя в номере.

Это была наглая ложь. Я прекрасно знала, что «Игры» еще не открылись, видела, как Ник слоняется у дальней двери, и факт остается фактом – он меня бросил, бросил меня как раз в тот миг, когда на глаза мне попался вот такой абзац в новостях: «Фанаты, обратите внимание на Мари, племянницу Тэда Мэллори. У этой миниатюрной, сиротливого вида девушки разбито сердце. Фанаты! Будьте ласковы с Мари!»

От злости и стыда у меня слезы навернулись на глаза. Лицо словно

раскалилось до синевы. Венди мне что-то сказала, но я ничего не слышала, не ответила и даже не посмотрела на нее. Наверное, она обратилась ко мне, потому что в новостном листке было так велено. Я, кажется, тихонько взвыла.

– Я говорю – там, в новостях, есть что-нибудь интересное? – повторила Венди. – Я еще не читала.

Тут я возненавидела себя за мнительность. Выпрямилась, поправила на носу съехавшие очки. И подумать только! Чудо чудное и диво дивное! Через главное лобби шагал высокий скандинав, которого я видела накануне вечером! И был он в точности так же прекрасен, как мне помнилось, и даже лучше, хотя в это трудно поверить. Чудесные узкие бедра – а какая походка! Но вот какая жалость – он просто решительно прошагал через лобби, мимо кресел, мимо столов, уставленных чашками, мимо детишек в развевающихся плащиках, мимо людей, рассеявшихся на полу, мимо группок издателей, и вышел с другого конца, ни на кого не посмотрев, а я любовалась каждым его шагом.

И не я одна. Элегантно одетая дама-издатель так усердно следила за ним, что закрутила ноги штопором и чуть не упала. Венди рядом со мной ахнула:

– Ничего себе! Только взгляните! Только взгляните на него! Вы когда-нибудь видели такого красавца?!

Когда мне удалось оторвать глаза от прохода, где исчез мужчина моей мечты, я обнаружила, что Венди тоже на него смотрит. Руки у нее были стиснуты под исполинским бюстом, а лицо пошло разноцветными пятнами.

– Роскошный, – согласилась я. Ноги у меня сделались как желе.

Тут я увидела, что на меня мчится Тэнси-Энн, размахивая новостным листком. Я громко взвизгнула, собралась с силами, вскочила и побежала – несмотря на слабость в коленках. К этому времени все уже потянулись в большой зал на круглый стол с дядей Тэдом, и я пошла со всеми, а там плюхнулась на место у самой двери и прикинула, правда ли мне удастся понемногу забыть о Робби. Раньше я и представить себе не могла, что смогу о нем забыть.

После этого мне на выручку пришло некоторое количество здравого смысла, и до меня дошло, что подобное чувствуешь к разным поп-звездам и знаменитостям, с которыми на самом деле даже не рассчитываешь познакомиться, и тогда меня понемногу перестало трясти, и я задумалась, кто же он такой, этот скандинав. Потом я разозлилась на новостной листок и задумалась, кто мог мне такое подстроить. Я была склонна винить дядю

Тэда. Он не хотел меня наказывать, просто это на него похоже – небрежно ляпнуть что-нибудь про меня за ужином при всех. Но еще больше это похоже на Жанин. Или это даже мог быть и голландец Кейс, и Рик Корри – из наилучших побуждений. Я до сих пор не знаю, кто в этом виноват. В любом случае он заслуживает, чтобы его свирепо тяпнули зубами за мясистую часть икры.

Когда я немного пришла в себя, красивая женщина, одетая как издатель, представилась Магистром церемоний – кажется, ее фамилия Джанетти, она ведет передачу по телевизору, – а потом сообщила, что дядя Тэд – Магистр черного юмора, а какая-то женщина рядом с ним тоже пишет забавные книжки, а Мервин Тарлесс, который тоже сидит с ними, знаменит своим остроумием (ну и ну, по первому впечатлению и не скажешь) и все они сейчас будут обсуждать «Чувство юмора в фэнтези».

Надо отдать должное дяде Тэду. Никто не догадался бы, что он понятия не имел, о чем ему предстоит говорить. Он просто взял микрофон и стал про это рассказывать.

– Писать книгу – это работа, как любая другая, – сказал он. Я надеялась, что он сменит пластинку, но он не стал. Вскоре он уже говорил: – Представим себе, что я не пишу книги, а собираю велосипеды – такая у меня работа. Тогда мне сначала пришлось бы продумать раму – назовем это сюжетом, – затем навесить колеса – назовем это персонажами и их мотивами, – а потом уже приладить передачи. Так вот, передачи – это шутки. Надо, чтобы они были идеального размера и конфигурации, иначе крутанешь педали, а цепь – раз! – и соскочит. – На это зал от души рассмеялся. – Поэтому свои хохмы я всегда продумываю заранее и в подробностях, – говорит дядя Тэд. – Вся книга – как механизм, заранее подробно продуманный и тщательно смазанный гладким стилем изложения.

Ну и еще немного в том же духе. Потом воздвигся Мервин Тарлесс и сказал – да, он согласен по всем пунктам, только скорее уподобил бы юмор подбору пряностей для соуса. Затем настала очередь той женщины – она тоже воздвиглась и сказала, что согласна с обоими предыдущими выступающими, все это вопрос исключительно механики, но добавила (как будто ей было очень стыдно это признать), что иногда сама смеется собственным шуткам.

В ответ дядя Тэд снова завладел микрофоном и сказал, что лично он не смеется никогда: это бы все погубило.

А Тарлесс сказал, что это дурной тон – смеяться собственным шуткам.

К этому времени у меня началась настоящая депрессия. Я вспомнила

про волнистые окна дяди Тэда, и мне пришло в голову, что он, наверное, никогда-никогда в них не смотрит и вообще. Будто мало мне было того, что все теперь со мной приветливы исключительно потому, что так сказано в новостном листке, а теперь еще и это. Почему никто не понимает, что нельзя думать обо всем только с той точки зрения, какие приемы действуют и что кому положено?

Надо воздать должное даме-церемониймейстеру: она тоже несколько скисла. И в конце концов спросила:

– А как же этот дополнительный фактор, чудо-ингредиент? Неужели ни у кого из вас шутки не рождаются сами? Вызову огонь на себя: что вы скажете о вдохновении?

– Нет, – говорит дядя Тэд. – Работа есть работа, вкалываешь, и все. Увлечаться ни в коем случае нельзя, иначе книга закусит удила, заживет своей жизнью и, чего доброго, не будет продаваться.

– Я вам больше скажу, – говорит Мервин Тарлесс. – Если там и есть чудо-ингредиент, так это деньги.

– Вот именно! – говорит дядя Тэд. – Вопрос в том, сколько тебе платят за то, что ты применяешь верную формулу.

Я встала и вышла. А если дверь при этом и захлопнулась с грохотом, так я тут ни при чем. У меня было ощущение, что меня просто предали. Механизмы. Велосипеды. Формула! Тьфу!!!

И вот стою я, и внутри меня бушует угрюмая такая гроза, и молнии пляшут в голове, и тут дверь у меня за спиной тихонько щелкает, и оттуда на цыпочках крадется Хлыщ и аккуратноенько закрывает ее за собой. И вид у него, к моему удивлению, такой, будто он чувствует то же самое, что и я.

– Деньги! – говорю я ему. – Велосипеды!

– Да, понимаю, – отвечает он. – Какова цена воображения, не говоря уже о честности перед самим собой? Ради всего святого, не надо так поправлять очки на носу, когда вы на меня смотрите. От этого у меня возникает ощущение, что я должен защищать эту троицу, а я не хочу. Давайте выпьем кофе.

И вот, к еще большему моему удивлению, я сама не заметила, как села пить с ним кофе за стеклянный столик в углу какого-то коридора. Помоему, Хлыщ и сам сильно удивился. Глаза за стеклами в золотой оправе были растерянные. Я уточнила, читал ли он новостной листок, так, на всякий случай. На это глаза стали еще растеряннее, и он спросил:

– А что, здесь ко всему прочему еще и новостной листок выпускают? Стараются как могут, однако.

Тут я успокоилась: он поит меня кофе не из милости, а по доброй воле,

а поскольку я еще вся кипела, то рассказала ему про волнистые окна дяди Тэда.

– И все, что он имеет сказать, – что они повышают ценность дома! – воскликнула я. – Ха! Фу!

– Вероятно, для него это единственный способ убедить себя, что о них стоит говорить, – заметил Хлыщ справедливости ради. – Наверное, они на него как-то воздействуют. Ведь он, даже говоря о деньгах, употребил слово «ценность». Вероятно, ему очень трудно говорить при всех о том, что его поражает, кажется непостижимым и чудесным. Вероятно, он боится, что его сочтут слабохарактерным.

– Мог бы попытаться, – возразила я. – И вы говорили, что не хотите его защищать.

– Это я помню, – сказал он. – Но вот еще что – я знаю, что в моей работе мне ничего не удастся достичь, пока не настанет момент, когда все в голове вдруг, внезапно складывается воедино, и получается такой восхитительный взрыв. Тогда все кажется чудесным и идеи так и бьют ключом. У вашего дяди и его коллег – у них-то наверняка случаются подобные моменты, иначе они не могли бы заниматься своим делом. Но это ужасно трудно описать. Вот они и выдумывают все подряд и говорят то, что люди хотят слышать.

– Достойная попытка, – говорю. – Только у них работа такая – все описывать. По-моему, это говорит о профессиональной непригодности. А кем вы работаете?

– Я? А, я... разрабатываю компьютерные игры.

– Какие? Где надо убивать пришельцев? Пыщ, пыщ? – спросила я. – Мне нравится убивать пришельцев.

– Я так и думал, – говорит он. – Но в моих играх надо делать много всего другого. Они довольно изощренные. Как ни удивительно, многие из них основаны на книгах, которые сейчас продаются здесь, в Торговом зале, как мне сообщили, а я их даже не читал.

– Так прочитайте! – возмутилась я.

Он возразил, что ему вполне хватает выдержек, которые присылают распространители, а я сказала, что так не годится. Когда мы допили кофе, я потащила его в Торговый зал. До этого у меня хватало духу только глотать слюни на пороге. Я понимала, что если хочу питаться чем-то помимо бесплатного завтрака, мне нельзя приближаться ко всем этим книгам. Но если их покупает кто-то другой, все нормально: меня перестает лихорадить, и я могу не покупать ничего себе. Ну, почти. Я заставила Хлыща закупить весь основной список (хотите верьте, хотите нет, а он не

читал даже «Я, робот» и «Властелина Колец»!) и две-три лично мои любимые книги, в том числе новинки троих-четверых авторов, которые мне по-настоящему нравятся. Я делала это с прицелом потом взять у него почитать. Кроме того, мы посмотрели на украшения, драконов и комиксы (у них был старый «Песочный человек»^[16], которого у меня нет, но цену задрали безбожную), а потом стойку с картинами. Цинка Фирон продавала очень красивые штуковины, но там была еще одна стойка с пришельцами – и вот они были просто бе-е-е!

– Напоминает мне свитера вашей тетушки, – заявил Хлыщ. – Она ведь ваша тетушка, да? Та, с заварным кремом на плече.

– Я думала, это яичница, – сказала я. – Да, это наша Жанин.

Тут я вспомнила, что было за завтраком, и попыталась выбить из Хлыща, почему он так смотрел на того двинутого хорвата, который считал, будто это дядя Тэд написал про короля Артура. Но я забыла, какой передо мной непрошибаемый тип.

Он сказал:

– Бедняга. Я вдруг увидел, что делает с людьми война.

Я понимала, что это неправда, но он схлопнулся и больше ничего не говорил. Странно. Почему-то я не могу отделаться от ощущения, что то, как он смотрел на того хорвата, тесно связано с тем, что Ник видел вчера вечером.

В общем, потом мы пошли в «Арт-галерею». К этому времени я думала, что если бы кто-нибудь вчера вечером сказал, что я буду стоять перед картинами и дружески болтать с Хлыщом, я бы уж объяснила ему, что врать нехорошо, и вдобавок навесила фонарь под глазом. По-моему, что-то здесь такое в воздухе, на этом конвенте. И вот стоим мы и обсуждаем очень пикантные картины Цинки Фирон, и тут в зал входит и мчится к нам голландец Кейс. И Хлыщ бросается к нему на полных оборотах, хватая под локоть и говорит:

– Вот вы где! Пойдемте пообедаем втроем, хотите?

«Втроем?!» – думаю я. Нет уж, с Кейсом – ни за что, не говоря уже о том, что у Хлыща есть деньги и он, наверное, думает, что я пойду в дорожный здешний ресторан и сама за себя заплачу. И я удрала в противоположную сторону – со всех ног.

У лифтов я натолкнулась на Ника. Вид у него был как у кота, дорвавшегося до сливок.

– Им понравилась «Бристолия»! – сообщил он. – И новая игра про Вонтчестер! Я там придумал повороты, которые никому раньше в голову не приходили. Говорят, надо сделать из них настоящие компьютерные

игры. Только я не знаю, к кому обратиться.

– А я знаю. Поговори с Хлыщом, – посоветовала я.

Ник только глаза вытаращил.

– Серьезно, – сказала я. – Он говорит, что занимается компьютерными играми. Наверняка все знает про распространителей и производителей.

– Обалдеть! – обрадовался мастер Ник. – Веди меня к нему!

[2]

Из отчета Руперта Венейблза

Как выяснилось, в заметках, которые я вел тогда, час, проведенный с Мари, упомянут лишь мимоходом. Похоже, я только и начирикал, что: «Купил гору книг», а потом: «Ну и проницательность у Мэллори, даже не по себе» – это точно не про ее дядюшку. На круглом столе он нес редкостную чушь. Я имел в виду тот неловкий момент, который возник у меня из-за Мари перед картинами Цинки. Цинка пишет изысканные, нежные картины, на которых изображает людей, страстно обнимающихся со всевозможными перепончатокрылыми созданиями. В основном это расы, которые все чаще встречаешь, когда удаляешься от империи в Дасторону. Хотя рогатых людей, которых она пишет, сам я никогда не видел, с другими крылатыми существами на картинах мне доводилось встречаться, пусть и не в такой интимной обстановке.

Потрясенно глядя на картины, Мари с нарастающим всхлипом в голосе проговорила:

– Такое чувство, что они написаны с натуры!

Я едва сдержался, чтобы не подпрыгнуть:

– У Цинки очень богатое воображение.

На это Мари поправила очки на носу и посмотрела на меня этим своим особым взглядом. Похоже, она интуитивно чувствует, когда я пытаюсь что-то скрыть. Вскоре после этого она исчезла, пока я ловил Корнелиуса Пунта, и я сам не знал, что тогда ощутил – облегчение или огорчение. Вероятно, Пунт ей не понравился. Тут я ее понимаю.

Мне он не то чтобы не понравился – но и не то чтобы понравился. В любом случае при выборе нового магида этого никто не учитывает. Мне нужно было определить, обладает ли он некоторыми необходимыми качествами. Кое-какими этот Кейс – так он просил себя называть – и в самом деле обладал. У него были мозги. Грант на путешествия, который он выиграл, давали за выдающиеся достижения в университете, и Кейс сообщил мне, что его отобрали из нескольких тысяч кандидатов со всей

Голландии. Но я разговорил его далеко не сразу. Он был невероятно взвинченный, наверное, подхватил эту заразу из общей атмосферы на конвенте, и сыпал глупыми шутками.

– Вам придется угостить меня по-голландски, – заявил он первым делом. – У меня нет денег.

– По-голландски – это значит, что каждый платит половину, – поправил я.

– Так и будет! – Он сорвался на восторженный фальцет. – С вас – деньги, с меня – приятная компания!

– Хорошо, годится, – сказал я.

Тогда он бросился заказывать все самое дорогое, что было в меню, а я тем временем пытался его разговорить.

Когда принесли еду, он заявил, заглатывая королевские креветки:

– Я подумал, будет хорошая шутка, если я влюблюсь в Мари Мэллори. Говорят, у нее разбито сердце, так что я ничем не рискую.

Я почувствовал, как кровь приливает к лицу от ярости.

– Я бы не был так уверен, – сказал я.

– А, понимаю. Она меня покусает. Или поцарапает, – весело ответил он. – Но я мазохист, так что это ничего.

Я думал гневно его оборвать, но тут сообразил, что Кейс добивается от меня отклика, поскольку видел, что мы гуляем с Мари. И я убедился в этом, когда он добавил, вскинув глаза, чтобы поглядеть на мою реакцию:

– Яблочко от яблони недалеко падает. Может быть, она переодетый дядюшкин демон.

Я пропустил это мимо ушей, но внутри весь помертвел. Наверное, утром я сделал такие краткие и отрывочные записи по той простой причине, что Мари, которую я сначала списал со счетов, нравилась мне неизмеримо больше остальных кандидатов и чем дальше, тем сильнее это меня раздражало. Если бы она еще говорила со мной без этих подвсхлипываний...

Тем временем Кейс Пунт начал меня бесить. Какой-то профессиональный шут гороховый. Вообще-то, умение сделать так, чтобы тебя никто никогда не воспринимал всерьез, могло бы стать неплохим прикрытием для магида, только Пунт при этом постоянно привлекал к себе внимание – его голос срывался на фальцет всякий раз, когда он надумывал отпустить очередной кошмарный каламбур, – а для магида это не слишком полезно. Стоит людям тебя заметить, и они обычно замечают все остальное. Но Кейс был еще очень молод. Я надеялся, что он это перерастет. Где-то в глубине души он взрослый серьезный мужчина, думал

я, а он тем временем вопил, что у него отменное чувство юмора, а потом фальцетом сообщил мне, что на футболке у него надпись по-эльфийски.

И все равно у меня такое чувство, что я несправедлив к Кейсу, поскольку, пока он беззастенчиво уминал филе вальдшнепа, а я только-только подвел его к беседе о путешествиях, нас обоих отвлекла ссора за столиком у меня за спиной. Тэд Мэллори закричал во весь голос:

– Да с какого перепугу я должен был это отрицать? Он бы пустил идею псу под хвост. А я просто взял ее, развил и улучшил, и мне не стыдно это признать! Книги – общественное достояние, и нечего было так мне хамить, чтоб его!

Бледное лицо Кейса все засветилось, и он поднял руку, чтобы уж точно привлечь мое внимание.

– Я великий сплетник и всюду сую свой нос! – весело заявил он. – А здесь намечается настоящий скандал!

Один из моих знакомых американцев за столиком у него за спиной как раз говорил:

– Ну, если этот крендель считает, что у него украли идею, как он тогда относится к созданию общих вселенных? Там ты сочиняешь интересную штукину, кто-то ее подхватывает, и оглянуться не успеешь, как ее суют во все сюжетные линии. Больше ничего Мэллори и не сделал. А Тарлесс – козел.

Тут до меня донеслись вопли – едва ли не визг – самого Тарлесса с противоположного конца зала:

– Беспардонный плагиат! Я твердо намерен подать на Мэллори в суд!

Я посмотрел на Кейса, на его бледное взволнованное лицо и поднятую руку. Да, у него были яркие способности магида. Я чувствовал, как он повышает громкость всех окружающих звуков, чтобы Тарлесса было во всех подробностях слышно даже издалека.

– Скандал! – ликовал голландец.

Очевидно, мы с Мари рано покинули круглый стол и пропустили самое веселье. Тарлесс внезапно набросился на Мэллори и обвинил его в том, что тот украл все самые смешные эпизоды «Явления тьмы» из романа, который Тарлесс опубликовал годом раньше. Мэллори учтиво признал, что так и было.

– Если мне нужна шестеренка и именно такая валялась под чьим-то халтурно свинченным механизмом, а я ее нашел, то я имею полное право взять ее и применить по назначению! – говорил он у меня за спиной.

Ну что ж. В его философскую концепцию это, безусловно, вписывалось. Однако было очевидно, что на круглом столе разразилась

бурная ссора, а насладиться процессом удалось далеко не всем.

В результате манипуляций Пунта мне было слышно, как распорядитель Тина Джанетти со слезами в голосе жалуется Максиму Хауку:

– Я не смогла их заткнуть! Думала, они сейчас полезут друг на друга с кулаками прямо через меня! И мне не нравится, Максим, когда так выражаются публично!

– Как именно выражаются? – Кейс был в полном восторге. – Просто «сопля голландская» или слова покрепче, букв поменьше? Пожалуйста, пожалуйста, поведайте нам!

Теперь он прямо-таки давил на Тину Джанетти и американцев, чтобы они повторили сказанное и услышанное. Я спросил:

– Кейс, вы всегда так поступаете с людьми?

– Только когда мне нужно узнать что-нибудь! – радостно отвечал он. – Для сплетен, для экзаменов и все такое прочее!

– Это злоупотребление, – сказал я ему.

– Все с вами ясно, вы ханжа, – припечатал он. – Я сразу разглядел. Разве я кому-то делаю плохо?

– Если вы так делаете на экзаменах, это все равно что списывать, – заметил я.

– Все списывают, когда могут, – сказал он. – Было бы что-то серьезное, например парламентские выборы, я бы не стал так делать. Зато какая смачная сплетня!

Тут у меня возникли сильные сомнения в его этическом кодексе. Думаю, он, конечно, и в самом деле никому не желал зла, но из этого не следует, что он и через десять лет будет так же безобиден. Он вообще вызывал у меня сомнения – да такие, что я даже обрадовался, когда он взглянул на часы и сообщил, что ему пора идти работать тыбой для издателей.

– Можете сэкономить на десерте, – обрадовал он меня. – Ведь я такой сладкий! – И ушел.

Я тоже ушел, только сначала поймал официанта и попросил счет. Потом с трудом оторвал от пола четыре мешка книг и двинулся через зал. Тарлесс сидел за столиком у выхода. Я надеялся обработать его следующим, но он явно еще не остыл – судя по тому, как тыкал вилкой в жареную картошку на тарелке. Я прямо видел, как он представляет себе, что это почки и сердце Тэда Мэллори. У него даже борода дергалась от злости. И все равно я был готов остановиться и поговорить с ним, но его сосед по столику при моем приближении поднял глаза и посмотрел мне в лицо. Меня в жизни не награждали таким неприязненным взглядом. Взгляд

исходил из блеклых глаз, которые были желтые в тех местах, где им полагается быть белыми, а пухлые губы в зарослях каштановой с проседью бороды злобно приоткрылись, обнажив зубы.

Я видел этого человека впервые. На значке у него было написано «Грэм Уайт» – что-то смутно знакомое. Это имя упоминала за завтраком Жанин, миссис Мэллори, – вот, собственно, и все. Однако было очевидно, что это очень сильный маг – не слабее Тарлесса. Стоило мне приблизиться, и я ощутил волшебство в них обоих. И он меня ненавидел. И предупреждал, чтобы я сюда не совался. Я просто прошел мимо, будто ничего не заметил. В зеркалах, которые здесь были повсюду, мелькало мое отражение – я прошагал к выходу и толкнул двумя мешками с книгами входную дверь, не моргнув глазом и не дрогнув ни единым мускулом на лице, за что я себя мысленно похвалил. Лишь когда я очутился за порогом, ломая себе голову, почему этот тип так смотрел на меня, я вспомнил, что через спинку кресла этого Грэма Уайта был перекинут серый плащ с капюшоном. Тут все встало на свои места. Это он возглавлял процессию фигур, похожих на монахов, от которых все шарахались в фойе. А поскольку я был так близко, что ощутил характер его магии, то у меня появилась догадка, за что он так на меня ощерился. Он был в числе тех, кто раскрутил этот узел. И должно быть, сообразил, что это я остановил процесс.

Я двинулся напрямик в Торговый зал.

– Грэм Уайт? – спросил я у Цинки.

Она сидела, окруженная зеркальцами, шкатулочками и крылатыми статуэтками, и ела огромный хот-дог.

– Вынуждена тебя огорчить, – ответила она с набитым ртом. – Местный житель. Владеет оружейным заводом в Вонтчестере. Всегда участвует в «ФантазмаКоне» и всегда преподает эзотерику во «Вселенной-три». Не вздумай в него тыкать даже багром, а то и чем подлиннее.

– Спасибо, – сказал я и ушел, чтобы не отвлекать ее от еды.

Затем я двинулся к машине. Вышел через кухню на яркое солнце – день, однако, оказался неожиданно холодным, и снежинки вились в солнечных лучах, будто пыльца, – и сначала сложил свои мешки с книгами в багажник, а потом забрался за руль.

Громкое тиньканье Скарлатти сменилось тихим тиньканьем.

– Явился не запылился! – воскликнул Стэн. – Радиотелефон разрывается, а я, кажется, не сладил с автоответчиком. Приходилось терпеть, пока он звонит.

– Извини, я был занят, – сказал я. – Стэн, где ты раскопал этих кандидатов в маги?

– У старосты магидов, – ответил он. – Список спустили ей Сверху примерно тогда, когда я умирал. А что?

– Из Верхней палаты или еще выше? – уточнил я.

– Ну, к ней список попал через Верхнюю палату, как обычно, – ответил Стэн. – Но все старательно уклонялись от подробностей, поэтому у меня возникло ощущение, что это откуда-то гораздо выше. Положа руку на сердце, мне пришлось потрудиться, чтобы выбить для тебя список с фамилиями и адресами.

– Так я и думал, – кивнул я. – Стэн, мы влипли в Предопределение. И мне это не нравится. Я не понимаю, куда они клонят! Ни один из кандидатов не подходит. Лучше всех Пунт, а для него нет ничего святого – лишь бы посмеяться. Хорват, по-моему, просто ненормальный. Тарлесс с самого начала только и делает, что закатывает сцены, будто примадонна, и, подозреваю, к тому же балуется черной магией. Фиск – сущая катастрофа, а мое мнение о Мэллори тебе известно. Я считаю, что мы должны забыть об этом списке и начать заново.

– Полегче! Мне же не просто так его дали! – возмутился Стэн. – Ты уже со всеми побеседовал?

– С Фиск и Тарлессом – еще нет, – признался я, – и с Габрелисовичем тоже толком не поговорил.

– Значит, у кого-то из них есть скрытые глубины, – сказал Стэн. – Не суди, пока как следует не...

Тут затрезвонил телефон. Это был Дакрос. Голос его доносился не как обычно, а словно издалека, потрескивая, однако звучал радостно.

– Наконец-то пробился к вам, магид! Извините, что беспокою. Я еду на вездеходе к Мировым вратам Талангии. Мы нашли Кнарроса. Кира Александра нашла.

– Да что вы?! – Не просто красotka, вспомнилось мне. – Как ей это удалось?

– Помните, я отправил ее в Талангию? – спросил трескучий голос Дакроса. – На ферму, которую я оставил дяде? Так вот, кира Александра поговорила с моим дядей и его людьми, а дядя случайно упомянул, что на горе милях в десяти оттуда есть поселение какой-то секты, а еще кто-то заметил, что там живут кустопоклонники, той же веры, что и покойный император. Кира Александра кое-что разведала, не привлекая к себе внимания. И оказалось, что там, в поселении, есть дети, по крайней мере молодые люди, но все сказали кире Александре, что тамошний глава не пускает туда никого, только по делу, и не позволяет говорить с детьми, когда кто-то приносит припасы и так далее. Тогда кира Александра стала

расспрашивать дальше. И сегодня один человек сказал ей, что глава поселения – настоящее чудовище, самодур-кентавр по имени Кнаррос. Она тут же вызвала меня.

– Кнаррос – кентавр! – воскликнул я. Значит, в тех рисунках все же была подсказка!

Дакрос радостно рассмеялся сквозь шорох помех:

– Да, неудивительно, что все люди были самозванцы. Как я уже сказал, я еду в Талангию на вездеходе и взял с собой как можно больше солдат. На ферме мы будем завтра к вечеру. Магид, вы сможете присоединиться к нам у подножия горы?

– Признаться, у меня тут довольно срочные дела... – начал я.

– Если он кентавр, без магида не обойтись, – встрял Стэн у второго моего уха. – Соглашайся, а здесь отложи все на час-другой.

– Хорошо, – сказал я Дакросу с легким вздохом. – Сообщите мне координаты и приметы горы. Когда вы меня ждете?

Мы договорились на шесть вечера, и я дал отбой.

– Почему, если он кентавр, без магида не обойтись? – спросил я Стэна.

– Знал бы ты кентавров, сам бы догадался, – сказал Стэн. – Этот кентавр – доверенное лицо, однако о себе не заявил. А значит, либо обещал скрываться, либо, вероятно, должен заявить о себе лишь при определенных условиях. Такие кентавры – ужасные зануды. Тебе придется убеждать их, что все условия соблюдены. К магидам они прислушаются, даже если сомневаются во всех остальных. К тому же он, возможно, и сам умеет колдовать. Это логично, когда живешь в...

– Хорошо, убедил. Я-то не кентавр, – сказал я. – Завтра пойду препираться с Кнарросом. А пока мне нужно здесь кое-что уладить.

Я вылез из машины под колючий снег и снова бросился в Торговый зал. Я не собирался брать пример с Грэма Уайта и оставлять без присмотра процессы, запущенные в таком мощном узле, как здешний, вонтчестерский. Я стянул в гостиницу «Вавилон» линии жизни четырех человек, нет, даже семерых, если считать меня самого и Эндрю, а также, как я сильно подозревал, Мари Мэллори, и распутать все это раньше субботнего вечера нечего и мечтать. Я собирался посвятить этому практически всю неделю.

К этому времени Цинка доела свой хот-дог и пила чай. К счастью, кроме нее, в зале почти никого не было. Я сиплым шепотом, отдуваясь, поведал ей о своих неурядицах.

– Нет, – сказала она. Очень ласково. И при этом я как будто на полной скорости врезался в айсберг. – Руперт, дай империи помариноваться в

собственном соку. Говорят, ей все равно Предопределено распасться. А у меня отпуск. Я тебе говорила.

– Ты же сказала, что в крайнем случае поможешь! – взмолился я.

– Это не крайний случай, – отрезала Цинка. – Это ты пытаешься сделать искусственное дыхание трупам недельной давности. Повторяю – нет.

– Я не могу бросить на произвол судьбы процесс, который сам запустил! – едва ли не взвыл я.

– И не надо, – сказала Цинка. – Или еще кого-нибудь попроси. Чем тебе Стэн не подходит?

– Он умер, – ответил я. – Умер и сидит теперь развоплощенный в моей машине.

– Ой, – сказала она. – Соболезную. Не знала.

По некоторым признакам, айсберг начинал подтаивать, но тут, к несчастью, над нами навис мой кандидат из Хорватии. Так внезапно, что я больше ничего не успел сказать. Его изможденное одержимое лицо вклинилось между нами. Мы с Цинкой разом отпрянули.

– От вас неправильно пахнет, – сказал Габрелисович. Между нами вклинилась еще и огромная багровая рука, вся бугристая и в белых шрамах, сложенная в одну из самых агрессивных мудр против колдовства. – Таких, как вы, – проговорил Габрелисович, – я убивал голыми руками и хоронил в общих могилах в горах моей родины. Много раз. – Он выпрямился и отступил на шаг. – Я чую добычу по запаху, – сказал он. – Берегитесь. Вы – скверна. – И зашагал прочь.

– Фу-у! Ну и дела! – сказала Цинка. – Давненько я не встречала настоящих нюхачей-ведьмолов. Ничего себе у него, наверное, был подход к военным действиям! Ко всему прочему, еще и чокнутый, да?

Я знаю, какой у Цинки дар исцеления, и поэтому с надеждой спросил:

– Вдруг у тебя получится вернуть ему рассудок?

– Нет, – проронила она, глядя, как Габрелисович шагает к выходу. – Исключено. Шансов нет ни малейших, ведь он убивал людей голыми руками. А если я попробую его вылечить, он обрушит свою злобу на меня.

А когда я открыл было рот, чтобы снова попросить ее о помощи с работой, она добавила:

– И на это, Руперт, тоже нет. Я всегда знаю, где во мне нуждаются. Ступай.

И я ушел, не зная, как теперь быть. Напрашивался ответ, что мне надо сначала по возможности завершить все здесь, тем паче что необходимость разговаривать с Габрелисовичем отпала, а потом попросить Уилла,

ближайшего магида из соседних миров, подменить меня, пока я разбираюсь с Кнарросом. Связаться с Уиллом мне сейчас было легче, чем достучаться до кого-нибудь из магидов здесь, на Земле. В такой формулировке представлялось, будто все довольно просто. И я взялся за дело.

Глава тринадцатая

Из директории «Колючка»
на компьютере Мари Мэллори.
Файл номер двадцать шесть

Я пишу это уже поздно ночью, после того, как сбежала с издательских приемов и утащила оттуда Ника, пока он не напился. Один прием еще, похоже, не кончился – издали доносится пьяный гогот, где-то только что загремело битое стекло. Вероятно, кто-то свернул на углу не в ту сторону и хотел пройти сквозь зеркало.

На самом деле я ушла, поскольку: а) моего шикарного скандинава там все равно не было (Венди тоже его выслеживала), б) Руперт на меня разозлился и в) Жанин набросилась на нас, когда я сидела на полу между

Ником и Венди, и устроила нам разнос за то, как мы неприлично себя ведем. Говорить она мастерица. На ней было что-то черное с обернутой вокруг туловища золотой змеей, так что она была похожа на доведенную до логического конца картину Цинки Фирон. Змея была двухголовая, и одной головой она... в общем, я не могла больше этого выносить и ушла.

При этом мне очень хотелось записать, какие невероятные события произошли сегодня днем.

А произошло вот что. Ник рвался поговорить с Рупертом – Хлыща зовут Руперт – про компьютерные игры. Рвался – это еще мягко сказано. Ник не давал мне ничего делать – вынь да положи ему Руперта Венейблза. Понятно, что нашли мы его далеко не сразу. Потом наткнулись на него в баре – в тот самый момент, когда его отловила та жуткая Тэнси-Энн. Он разговаривал с ней лет двести.

Ник все твердил, что нам надо бежать выручать Руперта, что ж мы сидим? Говорил, что он нам еще по гроб жизни благодарен будет. А я ему сказала, что он, в смысле Ник, не представляет себе, что за птица эта Тэнси-Энн. Она способна и нас взять в плен и обратить в рабство. И даже Ник признал, что по виду похоже. Поэтому мы сидели и ждали. Кто-то купил мне Настоящего Эля, поскольку мне бы он явно не повредил (треклятый новостной листок!), а Нику купили колу, которую он не любит. И мы смотрели, как Руперт отказывается от массажа спины, который навязывала ему Тэнси-Энн, и как она мнет ему руки, сунувшись огромным носищем ему в лицо, и говорит, говорит – битый час. Мне уже даже стало жалко Хлыща, но тут мы с Ником отвлеклись примерно на секунду, а потом подняли головы... а Руперт исчез. Тэнси-Энн сидела одна, и вид у нее был ошарашенный.

– Я же говорил, – сказал Ник. Ничего он мне не говорил. – Он совсем как я. Я всегда могу увернуться от человека, если он мне не нравится. Он, скорее всего, в туалете.

Нет. Ник туда сходил и посмотрел. И мы снова принялись носиться по всей гостинице.

На этот раз мы застали Руперта за разговором с Мервином Тарлессом, но перед этим прочесали весь первый этаж и все коридоры и общие залы на втором, не говоря уже о том, что спрашивали всех встречаемых. Мимо нас проскакал Рик Корри и отправил нас на второй этаж. Кто-то другой отправил нас обратно вниз, и там мы повстречали Венди, которая сказала, что не узнала бы Руперта, даже если бы столкнулась с ним нос к носу. Тут великанище с колючей черной бородой, окаймлявшей все лицо, и надписью «Клыки!» на футболке подскочил, налетел на Венди и заключил

в поистине медвежьих объятиях. Поверх плеча Венди великан сказал нам, что Руперт Маг в конференц-зале и ищет Мервина Тарлесса. Мы бросились туда – а там человек в выцветшей солдатской форме, безуспешно строивший глазки рыженькой веснушчатой девушке, устало сообщил нам, что только что заступил на пост, и посоветовал посмотреть в «Прессе». Мы так и сделали. И нам вручили очередной новостной листок, где подробно рассказывалось, как дядя Тэд ворует идеи у Мервина Тарлесса, а Тина Джанетти больше никогда и ни за что не допустит, чтобы они участвовали в одном и том же круглом столе.

– Спорим, он правда воровал у Тарлесса? – сказал Ник, когда прочитал все от и до, пока мы шли по коридору.

– Не сомневаюсь, – ответила я. – Он сам сказал, что не может смотреть, как идеи валяются без дела и не используются по назначению. А такие, как Тарлесс, не используют идею по назначению, даже если она будет дарована на скрижали с небес!

– Тут говорится, что Тарлесс завтра проведет семинар для писателей вместо Венди-Вербены. По-моему, она в этом лучше разбирается – как ты считаешь?

Было уже совсем поздно. Все переодевались в парадные костюмы и платья к вечерним приемам. Мимо нас пробежал Максим Хаук в бархатном лоскутном пиджаке, а при нем две девицы в блестящих платьях, такие тоненькие, что у меня аж зубы свело. А навстречу нам шли две ослепительные красавицы в длинных тугих черных кожаных платьях с красной шнуровкой снизу доверху. Я далеко не сразу узнала в них двух длинноволосых из троицы с младенцем. Волосы были убраны в шикарные прически, а накладные ресницы торчали на добрый дюйм.

А вот Ник узнал их сразу же.

– Ух ты! – воскликнул он.

Красавицы пришли в восторг. Приняли прельстительные позы и дали Нику полюбоваться.

– А куда вы дели младенца? – спросил он.

– Оставили с Ларри, – сказала левая. – То есть с Лореттой.

– С тех пор как она стала Лореттой, в ней проснулся сильный материнский инстинкт, – пояснила правая.

Ник потерял дар речи. Я без особой надежды спросила красавиц, не видели ли они Руперта.

– Руперта Мага? – уточнили они чудесными хрипловатыми голосами.

Одна добавила:

– Ах, как он мне нравится – воплощенная консервативность!

А вторая (или второй) сказал(а), что видела, как Руперт заходил в Зал филка – это вон там. И они удалились, покачивая бедрами, – на обеих были высокие лаковые ботинки на шестидюймовых шпильках. Непонятно, как они вообще умудрялись ходить, еще и в узких черных кожаных юбках.

Ник сказал:

– Так я и знал, что один из них мужчина! Ты догадалась, кто именно?

– Да чтоб меня приподняло и шлепнуло! Не знаю! – ответила я. – Такие красивые... Однако же диковинное детство у их младенца...

– У всех младенцев диковинное детство, – рассеянно проговорил Ник. Он развернул план «ФантазмаКона» и искал на нем Зал филка. – В конце этого коридора.

Это оказалась пустая комната средних размеров, по которой там и сям валялось какое-то оборудование для звукозаписи, в основном витые кабели, которые змеились по полу во все стороны. Стульев в комнате было всего два, и на них сидели Руперт Венейблз и Мервин Тарлесс и увлеченно беседовали. Но когда мы сунули носы в дверь, Тарлесс обернулся и затряс на нас бородкой. А когда увидел, что это я, то просто взбеленился.

– Ты что, решила и эту комнату у меня тоже украсть? – зарычал он. – Убирайся! Иди пляши свои вуду-пляски в другом месте!

Мы поскорее закрыли дверь и сели на пол у стены в рекреации снаружи. Ник сказал:

– Ничего страшного. Перехватим Руперта Мага на выходе.

– Вот тоска! – взвыла я. – А все из-за того, что Рик Корри поселил меня в его номере!

– Ты же не виновата, – сказал Ник.

Мы еще немного посидели. Ника все устраивало. Он достал блокнот и стал совершенствовать свою игру по Вонтчестеру – сказал, что доводит ее до стандартов Бристоллии. Я жутко дергалась. Место было какое-то беспокойное. Дверь, замаскированная зеркалом, то и дело открывалась, в нее туда-сюда сновали официанты и официантки с бокалами и ящиками бутылок для издательских приемов. Все почему-то говорили о музыке. Мимо пробежала та официантка, которая принесла Нику хлопья, со словами:

– Не то чтобы я была против музыки, я только за! Просто хотелось бы понять, откуда она звучит.

А официант, который принес кофе, сказал:

– Что да, то да. Мороз по коже. Музыка из воздуха.

Через несколько минут после того, как они скрылись, я тоже услышала музыку. Она доносилась из-за закрытой комнаты Зала филка. Мне не

показалось, что музыка особенно жуткая, просто едва ли Руперт Венейблз с Мервином Тарлессом ни с того ни с сего вдруг заиграли гитарный дуэт.

– Ник... – сказала я.

Ник поднял голову, прислушался и сказал:

– Только этого не хватало!

К гитарному дуэту присоединился нежный вокал – сопрано.

Мы разом вскочили на ноги, и Ник рывком распахнул дверь в Зал филка. Три женщины – кроме них, в зале никого не было, – испуганно вздрогнули и обернулись.

– Мы тут репетируем, – сказала певица. – Филк-фестиваль начнется только в восемь.

Ник увидел дверь в противоположной стене зала – наверное, это в нее женщины вошли, а Руперт с Тарлессом вышли, – и кинулся туда, бросив:

– Извините. Мы ищем одного человека.

Мы перебежали зал, словно линию фронта – женщины только вытаращились нам вслед, – и выскочили с другой стороны в зачуханный проходик, который вел к черной лестнице. Почему-то Ник был убежден, что Руперт только что поднялся по ней. Он галопом помчался вверх, а я запыхтела за ним, думая, что если Руперт и правда тут побывал, его уже и след простыл. Наверху была пожарная дверь с табличкой «Третий этаж». Ник толкнул дверь, сунулся туда и взволнованно замахал мне рукой – сюда, мол.

Я подоспела за ним, отдуваясь, и увидела впереди длинный коридор, как обычно, с зеркалами на поворотах, и Руперта Венейблза, который как раз сворачивал за угол налево. Мы помчались следом. К этому времени я уже бесилась не меньше Ника. Я потратила на этого Венейблза целый день и теперь была полна решимости его изловить. Мы оказались за углом через считанные секунды после Венейблза – сначала Ник, а сразу за ним и я.

Только пробежав несколько шагов по галерее, которая была вся облицована зеркалами, но почему-то тусклыми и темными, будто отражения отражений, я вдруг отчетливо вспомнила, как выглядел гостиничный коридор, и поняла, что дело нечисто. Тут не было коридоров, которые уходили бы в обе стороны. В этой части здания их и быть не могло. Тут коридор мог вести только направо. Мы никак не могли свернуть налево – врезались бы в стену. Однако же свернули.

Миг спустя это дошло и до Ника.

– Куда мы попали?

– В заварушку, – ответила я. – Беги. Не теряй его из виду.

Руперт Венейблз по-прежнему маячил вдали – преспокойно шагал себе

в полумгле. Я была абсолютно уверена, что если мы его упустим, это уже навсегда. Когда я оборачивалась – а я оборачивалась раз шесть, и с каждым разом мне было все страшнее, – в общем, там была совсем не гостиница. Сплошная туманная непонятность. Ник тоже разок посмотрел. После чего схватил меня за запястье, и мы припустили вперед быстрее прежнего. И вот еще одна странность во всей этой странной истории. Руперт Венейблз – он шагал себе и шагал, этак небрежно, мерно, будто точно знал, куда направляется, и не торопился. А мы мчались со всех ног. Но он все равно оставался далеко впереди.

Я уже хотела напечатать «мы были на волосок от паники», но на самом деле мы впали в самую настоящую панику. Когда бежишь, бежишь, а ничего не меняется, это как в самом страшном сне. Потные, перепуганные, увязшие в кошмаре, мы бежали и бежали. А вскоре все стало в точности как в моих самых страшных снах, потому что совсем рядом показался куст с моей старухой-колючкой, которая то ли в него вселилась, то ли им была, поди разбери. И она ехидно осведомилась:

– Какой тебе резон в этом участвовать?

– Замолчи, а? – огрызнулась я.

Вряд ли Ник слышал ее или знал, что она там. Он проломился сквозь куст там, где ветки перекрывали нам дорогу, и оглушительно заорал:

– Руперт Маг! Стойте!!!

Голос у него был сиплый и ломкий от страха.

Куст возмущенно воздел ветви. Старуха была в ярости. Но мне было все равно, потому что Ник тащил меня за запястье, а Руперт Венейблз шагал вперед и, похоже, не слышал наших воплей.

К этому времени мы, кажется, оказались под открытым небом, на склоне горы, который крутыми уступами уходил куда-то вниз. Но то и дело попадались кошмарные места, где все затуманивалось и скользило, где был почти склон и почти гора, но не совсем, и земля под ногами качалась туда-сюда и голова шла кругом. В таких местах склон над нами съезжал, будто оползень, и приходилось пригибаться, и от головокружения накатывала тошнота, а потом надо было перескакивать туманные оползни под ногами, потому что ни мне, ни Нику не хватало смелости прикоснуться там к земле. Когда мы снова оказывались на травянистом склоне, то вздыхали с таким облегчением, что словами не описать, – но только Руперт все время был чуть-чуть впереди, и нам снова приходилось скакать, орать, пригибаться и прыгать за ним следом. На травянистых участках небо постоянно менялось – то синее, то грозовое, то почти темное, то закатное, то снова синее с белыми облачками. От этого меня мучило.

Кончился этот кошмар погожим весенним деньком. Руперт соскочил вниз впереди, мы соскочили вниз следом за ним – кажется, с каменной изгороди на какой-то проселок. Руперт пересек дорогу наискосок и подошел к облупившимся белым воротам в изгороди напротив. Мы со всех ног припустили за ним.

– Стойте! Подождите! – просипел Ник.

– Помогите! – добавила я.

Руперт уже взялся за засов – но тут развернулся и вытаращился на нас. Я еще никогда не видела его в такой ярости и возмущении, даже когда он прервал наш Ведьмин танец.

– Какого черта вы тут забыли?! – проговорил он. В голосе у него слышалось ледяное клацанье, как будто где-то кололи камни.

Ник струсил.

– Ну... это... я хотел с вами поговорить... – промямлил он.

– Мы попали сюда следом за вами, можно сказать, по ошибке, – извиняющимся тоном подхватила я. – Мы кричали вам, но вы, наверное, не слышали. А отстать от вас мы побоялись.

Руперт промолчал. И проделал прежний фокус – взялся двумя пальцами за левую линзу очков и пригвоздил нас взглядом, будто болезнетворных микробов на приборном стекле с золотой оправой. Тут я жутко разозлилась на саму себя. Помню, как подумала, какое отменно дурацкое это зрелище – мы позорно скукожились, а он свирепо глядит на нас и злится за то, в чем мы не виноваты – мы же ничего не могли поделать, – да еще и на фоне такого пейзажа. На обочине у ворот росли фиалки и примулы, а сбоку – островок крошечных нарциссиков. Я слышала далекие мирные деревенские шумы – блеяние овец, кудахтанье кур и так далее, – поэтому со стороны Руперта было довольно глупо и неуместно стоять и свирепо глядеть на нас и винить нас в том, что мы здесь оказались.

Фокус с очками совершенно сокрушил Ника. Каждый раз, когда об этом думаю, просто диву даюсь. До этого я не видела, чтобы мастера Ника удавалось чем-то сокрушить. Он пролепетал: «Простите!» – вылитый пес, поджавший хвост.

От этого я только сильнее разозлилась и сказала:

– Я тоже прошу прощения, но это вышло случайно. Ник хотел поговорить с вами о компьютерных играх, поэтому мы побежали следом за вами. И нечего за это поджаривать нас через линзу!

Руперт резко втянул воздух. Я прямо видела, что он сейчас припечатает нас так, что от меня мокрое место останется. Однако не успел он ничего сказать, как створка ворот, за которую он успел схватиться, вырвалась из

его руки и распахнулась, и из-за нее высунулся высокий расхристанный дядька деревенского вида в зеленых резиновых сапогах.

– Привет, Руп! – сказал он. – Что это тут делается?

– А... привет, Уилл, – сказал Руперт, утратив нить и заметно сдвувшись. – Похоже, у тебя тут незваные гости, вот что делается. Ник и Мари каким-то образом попали сюда следом за мной.

Некто Уилл солнечно разулыбался. Я понимала, что он прекрасно знает, в какой Руперт ярости.

– Тебя тоже не приглашали, – сказал он, – но это не значит, что я не рад тебя видеть.

– Есть большая разница! – Руперт не топнул ногой и даже не особенно повысил голос, но прозвучало это так, словно он сделал и то и другое, и из этого я почему-то вывела, что Уилл его старший брат и за плечами у него многолетний опыт по выведению Руперта из себя.

– Ваша фамилия тоже Венейблз? – спросила я Уилла, чтобы проверить свою гипотезу.

– Верно. – Он разулыбался еще солнечнее. – Вы хорошо знакомы с моим братом?

– НЕТ! – хором ответили мы с Ником и Рупертом.

– Жаль, – сказал Уилл. – При близком знакомстве с ним зачастую гораздо приятнее иметь дело. Заходите, что вы стоите? – Он гостеприимно распахнул и придержал створку ворот, и мы гуськом просеменили внутрь.

За воротами оказался низкий белый дом, а за ним – распаханный склон холма. На вершине этого холма виднелись крыши довольно большой деревни. Но я не успела толком рассмотреть пейзаж, поскольку садик или что-то в этом роде сразу за воротами кишел разным зверьем. В основном это были пушистые палевые цыплята – они шныряли туда-сюда и пищали, ну точь-в-точь ансамбль мобильных телефонов. Судя по всему, тут были не только цыплята, но еще и утята и птенцы каких-то других домашних пород, поскольку среди взрослых птиц, которые осторожно расхаживали среди птенцов, высоко задирая лапы, были совершенно диковинные куры, удивительные утки и долговязые серые птицы на длинных розовых ногах. Но был тут и павлин – он вспорхнул на голый сук с таким пронзительным криком и хлопаньем крыльев, что Ник подпрыгнул и вцепился в меня. Откуда ни возьмись возникла большая холеная собака и нежно ткнулась носом Руперту в ладонь – а потом быстренько проделала то же самое с Уиллом, а то вдруг обидится, – а за ней подбежали четыре кошки и целый выводок котят. Между тем со склона галопом скакало стадо каких-то белых животных, блея от любопытства, – то ли странные овцы, то ли

экзотические козы. Разглядев их внушительные рога, Ник совсем не обрадовался и быстренько юркнул мне за спину.

Но это были еще пустяки, а добило Ника то, что дверь дома распахнулась, и оттуда с визгом «Руперт! Руперт пришел!» выбежала стайка маленьких девочек (потом я насчитала шесть) – и все они разом напрыгнули на дядю и повисли на нем. Самая маленькая так спешила, что успела напаялить только маечку. Две были растрепаны даже похуже меня. Должно быть, унаследовали волосы Уилла, такие же густые и непослушные. Он стоял и широко улыбался, глядя, какое впечатление произвела на нас его живность, и чуть не расхохотался, когда Ник при виде девчоночьей атаки вскрикнул: «Спасите!» и попятился к воротам.

Я думала, и Руперт сделает что-то в этом духе, но тут он меня удивил: своих племянниц он приветствовал не менее жарко, чем они его. Он охотно позволял, чтобы его хватали, висли на нем и даже тащили куда-то показать новую горку и качельки, и было видно, что он наслаждается каждой секундой. Но его не успели увести и на несколько ярдов, как на пороге дома появилась фантастическая красавица в бриджах для верховой езды и розовых домашних тапочках, размахивая крошечными красными рейтузиками.

– Венделины штанишки! – крикнула она. – Руперт, надень их ей!

Она кинула рейтузики, и Руперт со смехом их поймал. А потом его потащили дальше, распугивая котят, утят и цыплят и сдерживая натиск овцекоз: когда у них под носом промчались Руперт с девочками, неведомые твари замерли как вкопанные. Красавица, улыбаясь, заторопилась к нам по тропе, чтобы узнать, кто мы такие.

– Моя жена Карина, – представил Уилл. Это прозвучало как «а вот мои скипетр и держава».

– Мы Ник и Мари Мэллори, – объяснила я, – и, к сожалению, попали сюда по ошибке.

– Я как раз готовлю ужин, – сказала Карина. – Прошу вас, останьтесь, перекусите с нами!

– Руперт будет против, – сказала я. – Но...

– Придется Руперту смириться, – отрезал Уилл. – Еды на всех хватит, Кари?

– Яиц у нас выше крыши, – отозвалась Карина на полдороге к дому. – Сегодня начали нестись и Монетка, и Кубышка, и все утки в придачу.

– Вот и отлично, – сказал Уилл. – Надеюсь, вы любите яйца.

– Да, и мы не успели пообедать, – сказал Ник.

– Тогда все улажено, – сказал Уилл.

После чего он предельно естественно и непринужденно повел нас с экскурсией по своему хозяйству, попутно выведал у нас, что случилось, а потом все объяснил (от Руперта мы бы этого в жизни не добились). Мне не терпелось поглядеть на экзотических кур, не говоря уже о птицах с длинными розовыми ногами. Уилл топал себе как ни в чем не бывало в огромных сапожищах среди всех этих мельтешащих и пищащих птенцов, иногда брал в руки то одного, то другого и показывал их мне с хвостового торца.

– Квачка, – говорил он. – Видите – девочка. Большинство у нас буктарской породы. Яйценоские. И перо прекрасное. Видите, у этой уже проклюнулись голубые хвостовые перья. Когда оперится, будет вся разных оттенков голубого. Этих мы продаем, а солекурочек оставляем себе. Вот, кстати, солекурочка – а может, и петушок. В таком возрасте трудно определить пол. А вы как считаете?

Я уставилась на заднюю часть смиренного желтого комочка, которую он поднес мне прямо к носу, и вспомнила все, чему меня учили на презренном ветеринарном факультете. И сказала:

– Петушок.

– Пожалуй, вы правы, – согласился Уилл.

Я почувствовала, что заработала несколько очков, поэтому отважилась спросить:

– Я никогда не слышала о такой породе – солекурочки. Это те, похожие на цапель?

– Нет, те – бьюты, – ответил он. – В вашем мире их нет, как и солекурочек. Мясо у них на вкус примерно как у цесарок, но держать их проще – они гораздо спокойнее. Кричат, только если почуют лису. Когда они кричат, мы выпускаем Петру. – Он погладил по голове холеную собаку. – Петра лис на завтрак ест – правда, моя хорошая? А солекурочки похожи на бентамок, но у них еще много мелких рябеньких перышек. И гребешки оранжевые. Пойдемте посмотрим на коз.

Он затопал в ту часть сада, где росли плодовые деревья, а за ним Петра, за Петрой – я, за мной – несколько бьютов, за бьютами – Ник с видом скучающим и истерзанным. Белые рогатые животные Нику не понравились, зато он понравился им. Они толкались и пихались вокруг нас, а потом сосредоточились на Нике и обслюнявили ему джинсы.

– Они очень умные, – заметил Уилл. – Обожают все поперек делать. Они тебя дразнят, Ник. Притворись, что рад им, и они отстанут.

Я просто глаз не могла отвести от этих созданий, поэтому меня они, само собой, сторонились. Они были вылитые овцы, только глаза безумные,

как у коз. Уилл сказал мне, что держат их ради молока и шерсти. Мы поймали одну и запустили руки в шелковистое кудрявое руно – Уилл сказал, что из него получают чудеснейшие свитера. Очень красивые. Для меня это был настоящий отдых – впервые за много лет. Я снова вспомнила, почему вообще решила стать ветеринаром. Здесь это прямо в воздухе витало. Воздух был чудесный, пусть даже и насыщенный запахом коз, – свежий, влажный, легкий. Оттого, что я часы напролет торчала в гостинице, у меня, оказывается, заболела голова, но я заметила это только сейчас, когда от свежего воздуха боль прошла. По-моему, на Ника он подействовал точно так же – а может, причина в том, что до нас доносилось, как дети осаждают Руперта на дальнем конце сада: Нику, похоже, приятно было это слышать, а обо мне и говорить нечего.

В общем, когда мы вышли на огород, где в проволочном вольере сидела добрая сотня кроликов, я сказала Уиллу, что собираюсь стать ветеринаром, а он ответил, что чуть было тоже не пошел учиться на ветеринарный. Сказал, здесь они стараются вести натуральное хозяйство. А потом мы с Ником выложили все про то, как бежали сюда за Рупертом и какой это был кошмар.

– То-то я подумал, что вид у вас какой-то расстроенный, – сказал Уилл. – Переход между мирами – занятие нервное, даже если знаешь, что делаешь. А Руперт не мог слышать ваши крики, да и видеть вас, разве что нарочно всматривался бы. Понимаете, все это время он был на одну вселенную впереди.

– Как это? – с вызовом поинтересовался Ник. – Вы хотите сказать, что иные миры и вправду существуют?

– Бесконечное множество, – бодро ответил Уилл. – Тут, может быть, все и похоже на Англию, а на самом деле не Англия. Эта страна называется Альбион, а мир – ну, местные жители называют его просто Мир, а мы, маги, – Ультима Туле.

– Кто такие маги? – спросила я.

– Значит, Руперт ничего вам не объяснил? – удивился Уилл, открывая ворота в загончик на склоне холма. – Странно. А может, и нет. Земля так далеко в Нет-стороне, что нужно хорошенько думать, кому что рассказывать. Те, кто не поверит, решат, что место тебе в дурдоме, а те, кто все-таки поверит, еще, чего доброго, станут тебя шантажировать. Но мне почему-то казалось, что вам он должен был рассказать. Иногда мой брат слишком буквально понимает правила.

В загоне содержалось ослиное семейство и несколько лошадей. Под разговоры мы бродили между больших серых и гнедых боков, трепали

неподатливые уши, похлопывали по шеям и гладили огромные мясистые носы, время от времени прерываясь, чтобы приласкать Петру, которая считала себя гораздо интереснее каких-то там лошадей. То есть это я так делала, а для Ника и лошади были слишком большие, и ослы какие-то непредсказуемые, так что он довольствовался тем, что гладил Петру.

– Так вот, о магидах, – сказал Уилл. – Я – магид, и Руперт – магид, и наш брат Саймон тоже. На самом деле это уникальная ситуация – чтобы сразу трое в одной семье, но у нас у всех оказались нужные качества, а Стэн, наш поручитель, сказал, что это его не особенно смущает, раз надо заполнить три вакансии, открывшиеся почти одновременно. Понимаете, число магидов должно оставаться постоянным.

– Сколько? – уточнил Ник.

– Хороший вопрос, – ответил Уилл, шаря в карманах старого зеленого плаща в поисках сахарку. – По традиции принято считать, что их то ли тридцать шесть, то ли тридцать восемь, но это было до того, как доказали, что число миров и правда бесконечно. Мы думаем, что магидов столько же, сколько миров. Но я знаю десятка четыре, около того. Руперт, скорее всего, знает немного другие четыре десятка, а Саймон – совсем другие четыре десятка. Это потому, что его мир очень далеко от здешнего.

– Выходит, вас по одному в каждом отдельном мире? – спросила я, гадая, надо ли говорить Уиллу, что золотистая ослица охромела, или он и сам видит.

– Нет, она не хромая, она просто бьет на жалость, чтобы выклянчить сахарок, правда, Милезия? – Он уткнулся лбом в лоб золотистой ослице – похоже, выуживал ее мысли телепатически.

Мне стало совершенно очевидно, что в число магидских способностей входит и телепатия, хотя бы в какой-то степени. Но Уилл одновременно говорил с нами.

– Нет, – сказал он. – Мы живем где хотим, главное – чтобы было удобно добираться туда, где мы нужны. В некоторых мирах живет по десять магидов. На Земле, например, – там уютно. В Ультима Туле – только я. А есть еще Корифонская империя. Там своих магидов вообще нет, и никому она не по душе – все ее одиннадцать миров.

– А чем именно вы занимаетесь? – допытывался Ник.

– Словами так просто не объяснишь. – Уилл скормил Милезии второй кусок сахара. – Нет, девочка моя, больше тебе нельзя. В целом мы – те, кто способен контролировать течения, пронизывающие миры. Течение времени, течение пространства... Мы способны подтолкнуть историю в нужном направлении – и людей, и вещи, если нужно, и, сами понимаете,

мы обязаны подчиняться очень строгим правилам, иначе...

– Вы о чем говорите – о политике? – уточнил Ник с подозрением и не без скептицизма. – Или это все-таки магия?

Уилл немного подумал:

– И то и другое. Но политиков, по-моему, среди нас нет. Очень трудно оставаться честным, если пойдешь в политику. А мы должны быть честными. Нет, в основном мы работаем с магией. На самом деле есть столько разновидностей волшебства, что я далеко не всегда знаю, с чем именно мы работаем. Понимаете, мы довольно редко воздеваем руки к небу и вызываем бурю. Только если нет другого выхода. Чаще всего мы занимаемся чем-нибудь тихим. Если вы увидите, как я работаю, то, скорее всего, будете разочарованы.

– Я видел, как один из вас проходил между мирами, – проговорил Ник. – Это было, прямо скажем, потрясающе.

– И это полагается держать в тайне. Почему? – спросила я. – И кому вы подчиняетесь? Или просто делаете свое дело?

– Земля лежит в стороне, которую мы называем Нет-стороной, – пояснил Уилл, – а это значит, что там принято относиться ко всему скептически – вот как Ник, – никто не любит, когда им пытаются управлять, и все настроены крайне неприязненно ко всему, что можно назвать волшебством. Да, маги на Земле держат свои дела в тайне, хотя довольно много наших именно с Земли, потому что там, чтобы колдовать, надо быть очень сильным. Если мы не будем соблюдать секретность на Земле, то сведем на нет половину собственных начинаний. Что же касается самих наших начинаний – ну, инструкция у нас очень общая: по мере сил обеспечивать, чтобы все шло как положено, и в основном мы работаем по своему усмотрению, но нами руководят. В каждой группе миров есть староста магидов, который следит за порядком среди нас, и они спускают вниз так называемые Предопределения. Предопределения Свыше. – Он показал в нежно-голубое весеннее небо над нами, а потом затопал обратно к воротам загона, избегая недоверчивого взгляда Ника, а может быть, и моего заодно.

Я нагнала Уилла, и лошади тоже – они надеялись на добавку сахарку.

– Слушайте, вы что, серьезно? – спросила я, протолкнувшись между серой и гнедой. – То, что делается Там, Наверху, – оно правда к добру? Мой отец заболел раком. Ни с того ни с сего. Если там и правда кто-то есть, то либо им на нас наплевать, либо они редкостно мерзкие типы.

Уилл остановился у ворот и стал ждать, когда Ник соберется с духом и протолкается через лошадей следом за нами.

– Рак – это наш уровень, – проговорил он. – Уровень людей и животных. Входит в условия существования – как и то, что иногда случайно рвешь парадный пиджак или наступаешь на мышь. Даже Наверху с этим мало что могут поделать, хотя можно попросить и они постараются помочь. Обычно там оперируют более крупными единицами. И в конце концов всегда оказывается, что цели у них благие и добрые. Честное слово.

– А вы откуда знаете? – сердито поинтересовалась я.

– Когда за тебя поручаются и становишься магидом, тебе это объясняют, – ответил Уилл, – и напоминают время от времени. Это часть той мудрости, которую получаешь, когда вступаешь в должность. Клянешься трудиться на благо всех миров, а за это тебе все рассказывают.

– Что – все? – спросил Ник. Он подоспел к нам, протолкавшись бочком вдоль ограды.

На это Уилл только посмеялся:

– Мы называем это страшными тайнами.

– Значит, нам сказать не можете? – Я не могла сдержать презрения и обиды.

– Нет, – сказал Уилл. – Открыто – нет. Но по большей части их и так более или менее знаешь. Если бы я выдал вам некоторые страшные тайны, вы бы только посмеялись, как и я в свое время, поскольку многие тайны наполовину известны в виде каких-то избитых истин или детских глупостей вроде волшебных сказок и считалок. Я не шучу! В наши обязанности входит распространять их и следить, чтобы люди хорошо владели материалом, и тогда можно будет в нужный момент свести все воедино. А некоторые страшные тайны, – он распахнул ворота, – известны только по частям. Это – тайны опасные. Я заучил наизусть части по крайней мере семидесяти. Если у какого-нибудь другого магида возникнет нужда в той или иной детали тайны, он придет и спросит меня, и, если ему и в самом деле очень нужно, я сложу свою деталь с его. Это еще и проверка. Мы так поступаем только в крайнем случае.

– Ваш брат за этим и пришел? Чтобы узнать у вас часть тайны? – спросила я.

Уилл снова посмеялся:

– Скорее уж попросить об одолжении. Узнаю, когда девочки от него отстанут. Пойдемте в дом. Очень хочется чайку.

По-моему, Руперту все-таки удалось перемолвиться словечком с Уиллом во время еды, когда было оченьлюдно и шумно. Я этого не заметила. Была занята, помогала Карине – надо было поставить перед каждой из шести девочек по крайней мере по одному яйцу, а потом мне

пришлось вести шесть бесед одновременно, раздавая при этом хлеб и помидоры. Я наслушалась про свои ногти. Венеция – та, что с львиной гривой, – желала знать, почему они такие длинные. Ванесса – с прямыми волосами – жаждала услышать, почему они отросли такие желтые. Светловолосая Ванда заметила, что я, наверное, сильно царапаю сама себя, когда чешусь, а ее огненно-рыжая близняшка Виола огорчилась, что у нее ногти всегда ломаются, не успев отрасти, и вполтину такие длинные, как у меня. (Да-да, их всех зовут В. Венейблз. Сейчас-то очень мило, но когда они войдут в возраст и начнут получать любовные записочки от мальчиков, не миновать осложнений.) Только Валентина – та, что поменьше и с львиной гривой, – неумолчно вопила, требуя объяснений, зачем мне, собственно, такие ногти.

– От них куча пользы! – заверила я ее. – Сейчас покажу.

И вызвала бурю восхищения, сняв верхушку ее яйца ногтями прямо со скорлупой. Потом, конечно, мне пришлось проделать то же самое еще с пятью яйцами. Кроме того, каждый раз, стоило мне сесть, как я получала на обе коленки по котенку. Теперь мои новые джинсы на бедрах все в затяжках и зацепках.

Все мы примостились за столом в комнате с низким потолком; в окно, уставленное геранями в горшках, лилось предзакатное солнце. Я была просто счастлива, а вот бедный Ник приуныл.

– Скотина без привязи, – с чувством пожаловался он мне. – Коты без привязи, дети без привязи... Хочу в клетку!

Ну, я-то помнила, каково мне жилось в доме у тетки, поэтому прекрасно его понимала.

И как будто нарочно, чтобы я не подумала, будто Карина с Уиллом обитают в какой-то сверхчеловеческой пасторали, они разыграли прямо за чаем короткую перепалку на повышенных тонах. С чего началась ссора, я не знаю, но Карина вдруг как закричит:

– Уилл, опять у тебя эта проклятая самодовольная мина! Прекрати корчить из себя всезнайку! Руперт совершенно прав!

На что Уилл заорал:

– Черт побери, Кари! Он мой брат, а не твой!

Мне было видно Руперта через стол – он старательно делал вид, будто все это не имеет к нему ни малейшего отношения. Ник весь напрягся. Его родители никогда не кричат друг на друга. Но шесть малышей щебетали себе как ни в чем не бывало, не обращая внимания на родителей. Помоему, они привыкли к перепалкам.

Венеция улыбнулась мне и завопила прямо в ухо:

– Ты бы видела, как они бросаются яйцами! Вот веселье! Мы лезем под стол.

Ссора миновала. Потом Руперт встал и сказал, что нам пора обратно в гостиницу. Я заикнулась про то, что, мол, было бы вежливо помочь помыть посуду. Руперт наградил меня своим коронным каменным взглядом. Ник тоже. Для таких, как Ник, придумали посудомоечные машины, но у Карины с Уиллом ее не было, я видела. Уилл самым своим великодушным и благосклонным тоном сообщил, что мыть посуду – его обязанность, а потом соорудил милую трагическую рожу, чтобы я поняла, какой он святой.

Уилл да и Карина изо всех сил старались, чтобы мы не особенно обращали внимание на то, как Руперт откровенно злится на нас. Карина сказала, что чрезвычайно рада знакомству с нами. Поэтому мы втроем миновали сад, где под кустами прятались всевозможные птицы, устраиваясь на ночь, и вышли за ворота с таким видом, будто просто нанесли светский визит. Но на самом деле ни для кого не было секретом, что наше с Ником присутствие бесит Руперта до глубины души.

Вдали на дороге последние лучи солнца словно бы отражались вверх от белой поверхности. Руперт ощерился на нас из сумерек. И сказал – отрывисто и яростно, словно камни колот:

– Даже и не думайте проболтаться об этой прогулке на конvente.

– Забудем, как страшный сон! – отозвалась я.

Он повернул ко мне очки, зеркально отражавшие белый свет. Это было даже хуже, чем смотреть ему в глаза.

– Вот именно, – проговорил он. – Забудете, как страшный сон. А теперь, чтобы обратный путь не оказался таким же опасным по вашей глупости, как дорога сюда, держитесь друг за друга и за меня, будьте любезны.

И протянул Нику руку. Почему-то от этого стало ясно, что прикосновение Ника он еще может хоть как-то вытерпеть, а вот мое – совсем нет.

Мы покорно взялись за руки. Думаю, мы оба понимали, что Руперт в своем праве. Ведь мы, пусть и не нарочно, вторглись в его частную, семейную жизнь. Он повел нас за собой к противоположной обочине, не совсем туда, где мы остановились по пути сюда, – я заметила заросли сияющих первоцветов, которых по дороге сюда не видела, – а потом по склону холма с размытыми участками. Лезть в гору по траве между размытыми пятнами было неимоверно трудно. Мы с Ником пыхтели, оступались и отталкивались моей свободной рукой, чтобы продвигаться

вверх, зато Руперт шел себе и шел, волоча нас за собой как ни в чем не бывало. И почему-то было совсем не так тревожно, как по пути сюда, – даже сравнивать нечего. Туманных оползней между обочинами почти не попадалось, мы могли с легкостью перешагивать со склона на склон. Мне невольно бросилось в глаза, что мы с Ником, наверное, по пути сюда делали что-то неправильно, и я, карабкаясь по склону, все думала, что же такое делает Руперт, чего мы не смогли. Кажется, поняла.

Мы не просто лезли в гору – и по дороге туда тоже не просто бежали под гору. Мы – мы с Ником – что-то делали, чтобы перескакивать из мира в мир, и хотя описать, что именно, я, наверное, не сумею, зато теперь могу повторить. Ведь никогда не забудешь, как свистеть или как ехать на велосипеде, стоит только раз поймать это ощущение. К сожалению, я твердо решила попробовать еще. Ник мне ничего не сказал, но я уверена, что он тоже решил, что бы ни говорил Руперт. Это как с вредными привычками: раз – и ты уже на крючке.

Довольно скоро и довольно неожиданно мы перепрыгнули со склона в коридор с тусклыми зеркалами. Тут меня осенило, и я чуть не остановилась.

– Ой! Колючки-то на этот раз не было! Какая радость!

– Не останавливайтесь! Не отпускайте руку! – зарычал Руперт. – Вы еще совсем в другом месте! В лучшем случае застрянете на всю жизнь! Кажется, вы не понимаете, какую глупость натворили и как это опасно!

– Но сюда-то мы добрались, – пропыхтел Ник. Он терпеть не может, когда его отчитывают.

– Потому что я вас вывел! – возразил Руперт. – Это был крайне идиотский поступок! Больше так не делайте!

– Почему идиотский? – спросил Ник.

– Потому что вы могли пустить под откос несколько миров и вдобавок убиться сами! – рявкнул Руперт. – Если случайно остановишься между двумя мирами, тебя разорвет напополам! Если неправильно совершишь переход, можно ослабить барьер между вселенными! Все, что угодно! Больше я вам ничего говорить не намерен. Верьте на слово.

– Загадки! Тайны! – презрительно пробурчал Ник.

И едва он это пробурчал, как мы вдруг очутились в гостиничном коридоре. Руперт выпустил руку Ника и набросился на него:

– Скажи спасибо, что загадки вообще есть! Они оберегают тебя и твою глупую, невежественную, никчемную жизнь!

Тут я просто вышла из себя. Почувствовала, как поправляю пальцем очки. И процедила:

– Да что вы говорите? А кто следит, чтобы все оставались невежественными? Руперт Венейблз, тайный правитель вселенной!

Наверное, это была непростительная бестактность – то есть я знала, что так может быть, иначе я бы этого не сказала. Руперт словно бы выпрямился. Даже не стал буравить меня взглядом через линзу. Просто стоял. Как ледяная глыба.

– Не знаю, что именно сказал вам Уилл, но вы, как видно, поняли все ровным счетом наоборот!

После чего развернулся и зашагал прочь по коридору.

Спертый, пахучий воздух гостиницы словно сомкнулся вокруг меня, будто хотел утопить. Я смотрела в гневно удаляющуюся спину Руперта и жалела, что не промолчала. А теперь жалею еще больше.

Хей-хо. По-моему, единственное, что меня сейчас заботит, – это рак у толстячка-папы. Я даже из-за Робби не переживаю. Просто хочу, чтобы я была не я. Вот и все.

Глава четырнадцатая

Руперт Венейблз для архива в Ифорионе

Когда я теперь вспоминаю, как все было, то вижу, что меня больше волновало то, что сумели сделать эти двое практически без посторонней помощи и безо всякого обучения, чем то, что мне, похоже, не удастся найти нового магада. Но и сейчас, когда прошло несколько месяцев, при мысли о тогдашних событиях меня мороз продирает по коже. Эта парочка нарушила все правила работы с передвижными объектами, пренебрегла всеми мерами предосторожности, они не представляли себе, что делают, просто пошли за мной – и все. Хуже того, по дороге и туда, и обратно у меня возникло сильнейшее чувство, что кто-то расставил вокруг узла капканы на них. А эта парочка в них попросту не попалась.

Я надеялся, что сказал достаточно много – и достаточно кровожадно, –

чтобы отвести их от дальнейших попыток. Однако в глубине души подозревал, что перегнул палку. Беда в том, что, когда изображаешь гнев и ярость, организм реагирует на позы и жесты и поддельные эмоции становятся настоящими. Я был сильно зол еще до того, как мы очутились среди Уилловых цыплят и утят. Когда за чаем Уилл сообщил мне – с самым своим надменным видом, – что не видел никаких причин не рассказывать им все о магидах, я так подпрыгнул, что едва не стукнулся головой о балки у него под потолком. Ультима Туле – не Земля. Я был рад, что Карина меня поддержала. Со злости я даже пожалел, что успел попросить Уилла приглядеть за делами в гостинице, пока я отправлюсь на переговоры с Кнарросом. Лучше бы я договорился с кем-нибудь другим. Был бы только рад.

Надо было мне тихонечко сесть и подождать, пока интуиция сама разберется, почему я так зол и напуган. Но меня трясло с ног до головы, к тому же я был зол и на Уилла тоже, и эти чувства я спутал с отчаянием и досадой по поводу Фиск и Тарлесса. Вероятно, я из-за этого сбил с толку и Стэна. Но у него интуиция всегда была слабее моей.

Впрочем, со Стэном мне все равно не удалось поговорить до самого утра субботы. Стоило мне заглянуть на служебную стоянку, как там оказывалось по меньшей мере четыре сотрудника гостиницы, которые бродили от машины к машине. Как будто что-то искали. Поскольку я не хотел привлекать внимания к своей незаконно припаркованной машине, то снова уходил в гостиницу. Однако утром в субботу, когда я предпринял очередную попытку, оказалось, что теперь там бродит человек двадцать, включая управляющего.

До меня донесся его голос:

– Нет, понятия не имею, откуда эта чертовщина, знаю только, что это Скарлатти.

Ой-ой-ой, подумал я и юркнул обратно в здание.

У меня ушло двадцать минут, которые я ненавязчиво просидел на старом алюминиевом стуле возле кухонь, чтобы убедить служащих бросить поиски источника музыки и заняться делом. Они были убеждены, что на служебной стоянке завелся призрак. А поскольку они родились на старой Нет-сторонней Земле, то не собирались отступаться, пока всему не будет найдено рациональное объяснение. Я предоставил им объяснение. Я демонстративно вертел его в руках. Я завлекательно им помахивал. А они все равно подозревали, что это призрак, и были совершенно правы.

Пришлось мне потрудиться над самим управляющим – я убедил его, что надо с омерзением махнуть на это рукой и отправить подчиненных

работать. Мимо меня прошел один из поваров со словами:

– Одно могу сказать: если это и в самом деле радио в какой-то машине, почему оно все время играет одно и то же?

Шедший рядом официант поддержал его:

– Ведь уже тридцать шесть часов без остановки. За такое время у любой машины уже сел бы аккумулятор!

Я осторожно прошел к своей машине, которая была замаскирована под старенький «форд», питалась солнечной энергией и испускала тихий, далекий перезвон Скарлатти. Ясно, почему гостиничным служащим было не по себе. Если не знать, откуда доносится музыка, складывалось впечатление, что она отовсюду.

– Стэн... – начал я, открыв дверь.

– Что происходит? Что ищут все эти люди? – поинтересовался он.

– Тебя, – сказал я.

Когда я объяснил, в чем дело, Стэн глубоко оскорбился.

– Ты хочешь сказать, мне теперь придется обходиться даже без музыки? – жалобно протянул он. – А чем мне тут заняться?

– Ты можешь сделать себе какие-нибудь спиритические наушники или что-то в этом роде? – спросил я. – У меня и так забот по горло, не хватало еще, чтобы ты сеял страх среди здешних служащих!

– Мне и в голову не приходило... и верно, спиритические наушники! – задумчиво проговорил Стэн. – Посмотрим, посмотрим...

Я уже собирался ему сказать – довольно кисло, – что он здесь не для того, чтобы выучить наизусть все пятьсот с чем-то сонат Скарлатти, но он вдруг спросил:

– Значит, ты вычеркнешь весь список?

И тут я понял, что он просто дразнится.

– Он сам себя вычеркнул, более или менее, – ответил я. – Фиск массирует мне руки битый час и все это время твердила, что аура у меня – словно серое духовное одеяло, однако, к сожалению, это у нее самой аура серая. Ее заволочло серостью. Она сквозь нее ничего не видит. Не знаю, что она с собой сотворила, но от этого дурно пахнет. Тарлесс тоже. Он...

– Постой. Как это – пахнет? – перебил меня Стэн.

Если спятивший Габрелисович может описать свои впечатления в терминах запахов, значит и я могу, подумал я.

– Стэн, тебе наверняка знакомо это чувство. Это будто кислая отрыжка в душе, будто кто-то проводит по твоему разуму губкой, пропитанной крепким отбеливателем. Оно возникает, когда с тобой заговаривают черные маги. А в самых скверных случаях – когда они на тебя просто

смотрят.

– А, понимаю! – ответил Стэн. – Я это про себя называл мозговой изжогой. От Тарлесса тоже?

– Гораздо сильнее, чем от Фиск, – сказал я. – Я с ним говорил довольно долго, он поведал мне печальную повесть о том, сколько раз его предавали, обманывали, оскорбляли, воровали идеи, убеждали издателей отказываться от его последней книги, – в конце концов я прямо его спросил, не может ли быть такого, что во всем этом виноват он сам. Спросил, не случилось ли ему когда-нибудь прилагать ради кого-то усилия или подумать о ком-то с теплотой. Стэн, он даже не понял, к чему я клоню. А к тому времени эта... мозговая изжога, да?... эта вонь стала такой сильной, что мне подурнело и пришлось уйти. А потом...

– Хорват? – спросил Стэн.

– Сумасшедший, – ответил я. – Клинический. А...

– А Пунт? – спросил Стэн.

– Совершенно безответственный, хуже Мэллори. По-моему, считает себя придворным шутом всего мира. Но давай я сначала расскажу тебе, какой последний фокус отколола эта девица Мэллори.

И я вывалил на него, как отправился повидать Уилла и какой пережил ужас и потрясение, когда у самых его ворот обнаружил, что за мной увязались Мари с братцем:

– Этот мальчишка, Ник, сказал, что у него ко мне было дело. Какое – знать не знаю. Стэн, такой риск невозможно оправдать ничем! Их могло разметать между мирами. Нам с Уиллом потом пришлось бы до ночи собирать их ошметки по пяти разным вселенным!

– Надо думать, они этого просто не знали, – заметил Стэн.

– Да ничего они не знали! – поморщился я. – Только вот Уилл потом по доброте душевной снабдил их полной информацией о магидах. Пришлось изобразить приступ ярости и запретить им рассказывать кому бы то ни было – а что мне еще оставалось?

– Изобразить? – удивился Стэн.

– Да, я и до сих пор зол, – признался я. – И на Уилла тоже.

– Сдается мне, у нашего Уилла были причины все рассказать, – задумчиво проговорил Стэн. – Согласен, он деликатностью никогда не отличался, язык что помело, но наверняка после того, что они сделали, он понял, что перед ним кандидаты в будущие магида. Это девушка сама перенесла обоих или мальчик тоже участвовал?

– Оба, – ответил я. – Мальчик тоже очень одаренный, только не афиширует этого. Но он, во-первых, еще молод, а во-вторых, я в жизни не

видел такого эгоцентричного ребенка. По-моему, Уилл вообще ничего не думал. И да, я намерен вычеркнуть все пункты из списка и начать искать заново, как только разберу все конструкции, которые построил для этого задания.

– Тогда мне тут нужен хороший запас Палестрины и Монтеверди, – заметил Стэн. – Перейду на них. А что задание? Уилл согласился помочь?

– К полудню должен быть здесь, – сказал я. – Встреча с Дакросом у меня около шести, не раньше, а значит, у Уилла будет достаточно времени, чтобы войти в курс дела. А пока – Стэн, мне это самому не нравится, – не мог бы ты всерьез подумать, как слушать Скарлатти, чтобы его вместе с тобой не слушала вся гостиница?

– Попытаюсь, – с сомнением отозвался Стэн. – Будет нелегко, но сделаю, что смогу.

Я оставил его пытаться и вернулся в гостиницу. Днем был назначен круглый стол на тему «Секреты хорошего фэнтези», и я решил, что можно сходить туда и выведать эти секреты, а заодно и скоротать время. А пока я купил кофейник превосходного фирменного кофе «Вавилона» и ушел с ним в главное лобби.

Там было, как всегда, полным-полно народу – кто-то в странных одеяниях, многие – со следами страшного похмелья после вчерашних издательских вечеринок. В углу устроился Тэд Мэллори, и вид у него был похмельнее всех. Его супруга сидела рядом и явно скучала; на ней был очередной новый удивительный свитер. На первый взгляд было похоже, что кто-то выплеснул ей на грудь pintу крови. Не знаю, что это был за красный материал, но блестел он, как свежая рана. Я поспешно отвел глаза и увидел, что в сторонке под одним из узких окон примостились на скамейке Мари и Ник Мэллори. Я направился к ним – и мне вдруг пришло в голову, как странно, что старшие Мэллори почти не обращают внимания на младших. Я, разумеется, еще вчера за завтраком понял, как остро Жанин недолюбливает Мари, но что удивительно, она и от Ника держалась на расстоянии – единственное проявление материнской заботы, которое я видел, это когда она разок намазала ему маслом тост. Вероятно, дело в том, что Ник ей просто не позволяет. Четырнадцатилетние люди обычно очень нервничают, если матери вокруг них суетятся. Однако Ник, похоже, во всем полагался не на мать, а на Мари. И с моей точки зрения, самое удивительное было то, что Жанин это терпела. Между тем в целом она не показалась мне особенно терпеливой.

По-моему, всеми этими размышлениями я пытался скрыть от самого себя то обстоятельство, что хочу с ними поговорить. Я поставил поднос с

кофе на подоконник и услышал собственный голос:

– Хотите кофе? Я взял самый большой кофейник.

Они оба сидели, как в воду опущенные. Я понимаю, что меня просто замучила совесть. Наверное, я хотел извиниться. Было очевидно, что такой унылый вид у них большей частью из-за меня. Они устало посмотрели на меня – чуть ли не с облегчением, что я держусь с ними приветливо, но не уверенные, что не обманулись. Мари слегка порозовела и проговорила:

– Ник накачался кофе еще за завтраком, а я с удовольствием выпью чашечку.

К огромному кофейнику по здешним правилам полагалось четыре чашки. Ник пристально изучил их:

– Я тоже выпью. А кому четвертая?

– Никому, – сказал я.

Мы устроились рядом на скамейке – этакая дружеская компания – и смотрели в зеркала, которыми была зашита противоположная стена.

– Простите, что не сдержался, – сказал я и сам этому удивился.

– И вы меня простите, – отозвалась Мари с явственным всхлипыванием. – Я уже думала, что ляпнула непростительную бестактность.

– Я хотел убедиться, что вы сами в это не верите, – что мы тайно правим миром, – сказал я. Видимо, это была настоящая причина, по которой я хотел с ними поговорить. Неожиданно. – Вы задели меня за живое, поскольку мы и правда часто подталкиваем, направляем и уговариваем, когда нужно. Иногда мы и в самом деле переступаем невероятно тонкую грань между уговорами и приказами.

– Я так и думал, – сказал Ник. – Иначе никак. У вас, наверное, на сей счет есть правила.

– Очень строгие, – заверил я его.

– Вот бы сделать по этому компьютерную игру! – с тоской проговорил он. – Но ведь не получится, спорим? Я пытался в порядке эксперимента сказать про вас Дейву, он тут ведет секцию Игр, но не сумел. Вы что-то сделали, чтобы мы молчали, а не просто грозились, да?

Оказалось, что они увязались за мной по той простой причине, что Ника обуревало страстное желание продать две-три игры собственного изобретения. Мне уже попадались игры, написанные детьми. Откровенно говоря, полный хлам, и у меня не было резонов полагать, что случай Ника чем-то отличается. Но я все равно хотел извиниться. Поэтому дал ему несколько фамилий и адресов, которые он радостно записал.

Пока он строчил, Мари сказала:

– Наверняка иногда бывает так, что вы не можете ничем управлять или знаете, что нельзя. Должно быть, что-то подобное происходило во время мировых войн. Как там у вас все устроено? Никак не могу перестать об этом думать.

– Бывает просто пытка. – Я вспомнил про свои дела с Корифонской империей. – Приходится стоять в стороне. Иногда получаешь указание не вмешиваться, а иногда надо самому сообразить, что ничего не можешь поделать. А иногда приходится вмешаться и все усугубить, зная, что миллионы людей...

Я осекся, потому что она меня больше не слушала. Лицо залилось яркой краской, и она уставилась на что-то у противоположной стены, прижав пальцем очки к переносице. Гул разговоров вокруг нас заметно утих. Послышалось аханье и шепотки. Я проследил направление взгляда Мари, и – признаюсь – у меня отвисла челюсть.

Через лобби шагал Эндрю – как всегда, рассеянно, но целеустремленно; он не смотрел ни вправо, ни влево, однако умудрялся ни обо что не спотыкаться, даже о людей, валявшихся на полу у него на пути и изумленно глазевших на него снизу вверх, и о маленьких детей, которые зигзагами метались под ногами.

– Господи боже мой! – всхлипнула Мари. – Опять этот шикарный скандинав!

Похоже, примерно то же самое сказали или подумали все до единой женщины в зале. Даже Жанин прижала обе руки к окровавленной груди и таранилась на Эндрю вместе со всеми. Вид у Эндрю определенно был лучше, чем в прошлый раз. Цвет лица посвежел, и шагал он пружинисто. Никогда я не мог взять в толк, что делает мужчину привлекательным в глазах женщин. С моей точки зрения, Эндрю был просто мой сосед, которому почему-то захотелось поразвлечься. Я и не знал, что он тоже хочет побывать на конвенте, однако он, очевидно, купил билет при входе. На нем даже был подобающий случаю наряд – более подобающий, чем у меня: вышитый камзол до колен в красно-коричневых тонах и коричневые просторные панталоны – кажется, с чулками, перевязанными крест-накрест. Так или иначе, при каждом его уверенном шаге мелькали какие-то красные ленты, намотанные от колена до щиколотки.

– Он великолепен, – проговорила Мари.

Ник ткнул меня ручкой в плечо:

– Поглядите в зеркало.

Я и поглядел – в зеркала на стене, где отражение Эндрю шагало параллельно своему владельцу через отражения людей в толпе. Ник

заметил то, что я должен был заметить сам. В зеркалах Эндрю был в какой-то темно-синей военной форме, перехваченной на поясе широким белым брезентовым ремнем.

– Вот и вчера так же было, – прошептал Ник. – Только здесь была обычная одежда, а в зеркале – длинное пальто, как у бродяги.

Я оторопел – сразу по нескольким причинам. Рядом Мари простонала:

– Ох, знать бы, кто это!

Я, как и прежде, не хотел говорить ей, но только тут понял, что на сей раз намерен промолчать совсем не по той причине, что раньше. Когда я в первый раз увидел Эндрю здесь, то не хотел выдавать, что мы знакомы, из чистой ревности. А теперь не собирался ничего говорить, поскольку у моего соседа обнаружились серьезные странности, в которых я как магид обязан разобраться. Оба этих соображения, вдруг ставшие ясными как день, привели меня в тупое оцепенение, я только и мог, что глядеть, как Эндрю шагает себе и шагает в дальний конец главного лобби.

И тут меня словно током ударило. Я вскочил и ринулся за ним.

Эндрю нигде не было видно. Я даже не ощущал его присутствия. И так и не узнал секреты хорошего фэнтези. И очень увлекся беготней по гостинице в поисках Эндрю и попытками смириться со своим двойным открытием. И самообвинениями тоже увлекся. Почему я так и не понял, что меня неудержимо влекло к Мари, к ощущению от нее, что именно за этим ощущением я гонялся по всему Бристолу? Потому что она бесила меня идиотскими поступками, которые, сдается мне, не соответствовали моим романтическим представлениям. Из-за этого я пустил насмарку поиски нового магада – сам виноват. В довершение всего Эндрю был моим соседом уже два года и я не заметил в нем ничего особенного. Вот дожили – мне указал на это мальчишка-старшеклассник!

Я так отвлекся, что от всего круглого стола, на который собирался сходить, мне достался лишь один эпизод, да и тот имел к фэнтези лишь косвенное отношение: я бочком протолкался сквозь взволнованную толпу поблизости от вестибюля, которая скопилась вокруг Тины Джанетти.

– Говорю я вам, это мигрень! – вопила Тина. Помнится, вид у нее был совсем больной.

– Глупости, солнышко. В твоём возрасте уже пора понимать, когда у тебя похмелье, – сказал человек в костюме, стоявший рядом с ней, – агент? Любовник? И то и другое? – Прими еще таблетку аспирина.

– Я же тебе объясняю – не могу я сегодня вести этот круглый стол, вообще ничего вести не могу! – визжала Тина. – Все равно эти писаки – ничтожества! Только и способны, что собачиться друг с дружкой!

– Мисс Джанетти, главное – начать, может быть, у вас все получится... – ворковал Максим тем успокоительным тоном, который свидетельствует о крайнем отчаянии.

Я проскользнул дальше. Порыскав по гостинице еще немного, я узнал, что Тина послушалась его совета. В бутербродной я натолкнулся на Кейса Пунта.

– Начать-то она начала, а больше ничего, – сообщил он мне с набитым ртом. – Развалилась в кресле и предоставила все докладчикам. Хорошая получилась шутка: все высказывали и твердили, что единственное хорошее фэнтези в истории человечества – это их книжки, все, кроме великого Тэда Мэллори, который заявил, что ни с кем не собирается соперничать.

– Наверное, у него тоже похмелье, – сказал я.

Не знаю, похмелье ли тому причиной, однако и Тина Джанетти, и Тэд Мэллори по стечению обстоятельств оказались в фойе гостиницы под вечер, когда появился Уилл, который никак не рассчитывал, что его выход окажется таким эффектным.

Глава пятнадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

Я спустился в фойе встретить Уилла, все еще безуспешно переваривая утренние открытия. Собой я был недоволен. Эндрю бесследно исчез, а что касается Мари, я поймал себя на том, что старательно избегаю встречи с ней. Она несколько раз мелькала вдали, и я нарочно уходил в другую сторону. Спускаясь с лестницы, я нервно оглядел фойе – нет ли ее. На первый взгляд в фойе не было ни души, если не считать куклоподобную финскую барышню за стойкой портье – Одиль. За большими стеклянными дверями расстилась просторная рыночная площадь, тоже пустая. Уилл должен был появиться прямо за дверями. Я занял такую позицию, чтобы увидеть его сразу, как только он появится, готовый отвлечь Одиль в том крайне маловероятном случае, если она заметит что-то необычное, а потом глянул в потолок – нет ли нежелательных свидетелей.

И обнаружил их обоих. По одну сторону от меня вжалась в кресло за пальмой в кадке Тина Джанетти – явно пряталась от своего любовника в костюме. И кажется, прижимала ко лбу пакет со льдом. По другую сторону спал за папоротником Тэд Мэллори. При виде Тэда Мэллори я поежился – по ассоциации, – но решил, что они оба не в том состоянии и ничего особенного не заметят. Я расхаживал по фойе, руки в карманы, ждал и не тревожился ни о чем, кроме странностей Эндрю и своих противоречивых чувств к Мари.

Почти сразу же по лестнице в фойе с топотом сбежал многострадальный Максим Хаук, восклицая:

– О’кей, о’кей, Венди, мы сейчас во всем разберемся! Не хочу очередного скандала на весь конвент.

За ним следовала уже знакомая мне корпулентная дама, воинственно скуля:

– Максим, тут не в чем разбираться! Я уже сказала, что сейчас должна вести семинар по женской прозе во «Вселенной-три»!

А за ней шел Мервин Тарлесс и вопил:

– Да плевать мне, что вы решите! Уберите эту жирную бабищу с моего семинара, и дело с концом!

– Максим, я не потерплю оскорблений! – провозгласила Венди.

Тэд Мэллори поднялся и нахмурился. Тина Джанетти вжалась еще глубже в кресло. Максим запустил пятерню в светлые египетские кудри и вклинился между Тарлессом и корпулентной Венди.

– Типичный случай технической накладки! – умоляюще проговорил он, рубя воздух ребрами обеих ладоней для убедительности.

Тут-то за стеклянными дверями и послышался апокалиптический визг тормозов. В следующий миг в двери вломился кто-то огромный и четвероногий, промчался через фойе так быстро, что я не успел его толком разглядеть, взлетел по лестнице и исчез, рассыпая брызги крови. Одиль за стойкой вмиг ожила, но почему-то не как человек, а как робот. Она обернулась, одеревенело тыча пальцем, и стала ритмично выкрикивать: «С конями нельзя! С конями нельзя!»

– Господи, – сказал Тарлесс. – Сюда въехали на коне!

В зеркало над головой я мельком увидел, как Тина Джанетти резко выпрямилась и вытаращила глаза, под которыми набухли темные мешки. В тот же миг кто-то вцепился в меня сзади трясущимися руками. Я развернулся и очутился нос к носу с Тэдом Мэллори, который таранился не хуже Тины Джанетти.

– Дружище, скажите, что у меня не белая горячка! – придушенно

выговорил он. – Скажите, что я не видел, как здесь только что проскакал кентавр!

«Кентавр?!» – подумал я. О господи! В этот же миг я обнаружил, что Венди упала в обморок. Она лежала на полу довольно большой бесформенной грудой, Максим и Тарлесс склонились над ней. И тогда меня от ужаса посетило вдохновение, я вспомнил, что было в сегодняшней программе конвента – сам не знаю, когда успел прочитать ее, – и сказал Тэду Мэллори:

– Сегодня будет карнавал. Кто-то уже надел костюм.

– Но у него хлестала кровь! Мне померещилось, что у него хлещет кровь! – выдавил он.

– Кетчуп, – успокоил я его. – Это кетчуп.

У него за спиной снова загремели стеклянные двери. В них ввалился Уилл, белый как полотно, и жалобно поглядел на меня. За дверями мне был виден его псевдо-«лендровер», кособоко въехавший до половины на пологие ступени крыльца. На один очень неприятный миг я испугался, что Уилл тоже пострадал.

– Ничего-ничего, – сказал я Тэду Мэллори. – Я им помогу. То есть я посмотрю, что это за машина. А вы пойдите успокойте Тину Джанетти и девушку за стойкой. – И подтолкнул его в нужную сторону.

Джанетти к этому моменту заливалась хохотом, похожим на предвестие истерики, а Одиль вся позеленела.

Он нетвердой походкой двинулся прочь. Я бросился к Уиллу.

– Кентавр! – выговорил Уилл. – Руперт, я сбил кентавра! Мы вынырнули в одном и том же месте в одно и то же время – и я наехал на него, Руперт!

– Ничего-ничего, – сказал я. – Я сейчас найду его и посмотрю, серьезно ли он ранен. А ты отгони свой драндулет с глаз долой на служебную стоянку и приходи ко мне в номер – пять-пять-пять.

Уилл потрясенно кивнул и побрел обратно к дверям. Я уклонился от попыток Максима, Тарлесса и Тэда Мэллори вцепиться в меня и потребовать объяснений, которых я дать не мог, и помчался вверх по лестнице.

Выследить кентавра было нетрудно. У него и правда сильно шла кровь. На ковровой дорожке остались маленькие аккуратные вмятины в виде полумесяцев, довольно редкие – кентавр от ужаса пустился в галоп, – а слева параллельно тянулась красная полоса, блестящая, словно свитер Жанин. Я помчался по следу, все искреннее молясь, чтобы у меня оказался подлинный дар целителя, свернул там, где след вильнул, – официант со

столиком на колесах, из-за которого след и вильнул, стоял как вкопанный и смотрел на меня так же жалобно, как Уилл.

– Карнавал. Это кетчуп, – сообщил я ему, обогнул его вместе со столиком – и очутился в главном конференц-зале.

Там был в разгаре круглый стол, а теперь настала полная неразбериха. Я мчался сквозь взбудораженную толпу и думал, как же хорошо, что эти люди, испытанные любители фэнтези, впали не в панику, а в изумление.

– Карнавал, – сказал я здоровяку с надписью «Клыки!» на футболке, который набросился на меня с вопросами. – Небольшая накладка. Лошадь понесла.

– Какой изумительный костюм! – заверещала миниатюрная леди в футболке с надписью «У-ук». – Незабываемо!

«Отлично, одна есть!» – подумал я и выдохнул:

– Хорошо. Прекрасно.

И зигзагами помчался по следу, успокоительно бросая на бегу: «Кетчуп! Карнавал!»

Похоже, остановить кентавра никто не пытался. Вероятно, оно и к лучшему – по крайней мере, никого не залягали. След свернул к дальней двери, рассыпав багровые брызги и оставив на стене небольшой отпечаток ладони, и вывел в коридор за ней. Я свернул по нему налево, пробежал мимо зеркал, свернул направо, еще раз вперед и направо, потом еще за два угла. Слишком много прямых углов. Я выругался. Кто-то опять полез в узел. Наконец я снова выскочил на площадку с лифтами над фойе. На полу у ближайшего лифта виднелись смазанные пятна крови. Двери были закрыты, зеленая стрелка показывала, что лифт занят и движется вверх. Видимо, раненый кентавр решил спрятаться в лифте. Его можно было понять, однако при такой кровопотере нужна срочная помощь. Я вдавил кнопку вызова большим пальцем и магидскими средствами потащил лифт обратно вниз.

Тащить его было очень трудно. От натуги я взмок, а лифт все равно еле полз, но тут подоспел запыхавшийся и совершенно растерянный Уилл.

– Кентавр там? – спросил он.

Я кивнул.

– Давай спускай его, – сказал Уилл. – Они прячутся, когда тяжело ранены, чтобы умереть.

– Тогда помогай, чтоб тебя! – прорычал я.

– Извини, – сказал Уилл. Положил руку – заметно дрожавшую – поверх моей, и мы потянули одновременно.

По всей видимости, кентавр был сильный и опытный волшебник. Нам

пришлось довольно долго налегать до умопомрачения. Потом лифт с грохотом спустился. Двери распахнулись. Мы остолбенели.

Внутри были Мари и Ник Мэллори, поддерживавшие кентавра с двух сторон. К кентаврам я не привык. На миг мне показалось, что наискосок в лифте стоит миниатюрная гнедая лошадь, склонившая шею, так что головы не видно, и машет длинным черным хвостом мне прямо в лицо, а ее наездник сидит у нее на холке и одной бронзовой рукой обнимает Мари за плечи, а за другую его держит Ник. Голова «всадника» покоилась у Ника на груди. На руки Нику ниспадали длинные черные волосы. На фоне рубашки Ника был отчетливо виден человеческий профиль, тонкий, смуглый на индийский манер, и большой темный глаз, миндалевидный, окаймленный длинными черными ресницами и в ужасе скошенный в нашу сторону. Лицо было больше обычного человеческого по всем размерам, но первое, что мне пришло в голову, было: «Какой красивый мальчик!» Два красивых мальчика. Ник был гораздо светлее, но принадлежал к тому же типу смуглых красавцев.

Потом до меня дошло, что происходит. Конь и мальчик слились в одно существо, и я увидел лужу крови на полу лифта. Мари резким движением поправила очки на переносице и вздернула подбородок над согнутой спиной кентавра.

— Я учусь на ветеринара! — заявила она. — Мы хотели отвести его ко мне в номер и оказать первую помощь, а тут вы, два болвана!

— Давайте ко мне, — сказал я. — Это ближе от лифта.

Я втащил Уилла за собой в лифт, и мы примостились с боков от кентавра. Уилл врезал по кнопке с цифрой 5, и мы рванули вверх с нечеловеческой скоростью.

— Уилл сбил его машиной, — объяснил я.

— Значит, у него еще жуткие гематомы, — сказала Мари. — Черт.

Кентавр приподнял голову с груди Ника.

— Меня послал Кнаррос. — Голос у него был приятный, чуть хрипловатый. — Я должен был прибыть сюда, так как император погиб.

— Ничего-ничего, — сказал я. — Я магид и отвечаю за это. Вы пришли по адресу.

Услышав эти слова, кентавр ужасно разволновался. Заднее копыто стукнуло в дверь, хрипловатый голос зазвенел:

— Вы не понимаете! Мне надо привести нужного человека! Кнарросу нельзя ни с кем разговаривать, кроме нужного человека!

— Полегче, полегче! — сказала Мари. В точности как Стэн, когда хочет меня приструнить.

Я сказал:

– Не беспокойтесь. Я условился сегодня же переговорить с Кнарросом.

Больше мы ничего не успели – лифт с лязгом остановился на пятом этаже. Вот уж нам не везло так не везло: на площадке в первый раз за все время собралась целая толпа желающих спуститься. Примерно половина уже переоделась в карнавальные костюмы. Я вытаращился на высоченного пришельца из папье-маше и пластмассы, на придворного эпохи Тюдоров, на двоих юношей, одетых в сапоги и корсеты, а больше почти ни во что, на тоненькую девушку, задрапированную, похоже, в бисерную занавеску, и на сгрудившихся за ними простых смертных.

Мы с Уиллом бочком выбрались из лифта, Ник и Мари осторожными маневрами развернули кентавра, чтобы ему не пришлось пятиться, и тут вся толпа разразилась возгласами и аплодисментами.

– Ве-ли-ко-леп-но! – кричали они. – Фантастический костюм! Жаль, не пришло в голову взять напрокат лошадь!

Наверное, дело в том, что кентавр, когда разворачивался, все время был к ним здоровым боком. Раненым боком он был ко мне. С него свисали фестоны содранной шкуры. Мне тоже стало больно, от сочувствия все тело страшно саднило, к горлу подкатила тошнота. Хорошо хоть кровь остановилась, хотя на полу лифта натекло целое болото. Я захлопнул за нами дверь лифта, запечатал ее по-магидски и сделал так, чтобы лифт не уехал с этого этажа, пока я не освобожусь и не наведу там порядок. Уилл поскорее поднял вместо него другой лифт. К этому времени кентавр был на грани обморока. Ноги у него подкашивались, копыта скользили. Поскольку пестро одетая толпа, прежде чем погрузиться в другой лифт, глазела на него через плечо, Уилл с глуповатой улыбкой заметил:

– Надо бы ему выйти на улицу, потренироваться немного.

– Молодчина, Ник! – сказал пришелец, пригибаясь, чтобы войти в лифт.

Похоже, Ник с кентавром в его сознании слились воедино, хотя стояли рядом. Сунув Мари ключ от номера и поднырнув вместо нее под левую руку кентавра, я подумал, что в жизни не видел более яркого примера того, как человек не поверил своим глазам.

Однако Ник очень разозлился, что его приняли за кентавра. И взорвался:

– Я-то думал, что хотя бы на этом конвенте люди отдадут себе отчет, когда что-то выходит за рамки привычного. А они, оказывается, ничем не лучше других!

Уилл пристально посмотрел на Ника и понял, что Ник потрясен больше его самого. И подхватил кентавра под правую руку:

– У каждого свои недостатки.

– А что они могут поделаться, не у всех же такие супермозги, как у тебя, Ник! – процедила Мари.

Она тщетно оглядывала коридор в поисках хоть каких-то табличек с номерами. Я вспомнил, что, когда бегал по гостинице, свернул за несколько лишних углов. Стиснул зубы и с натугой расставил все как было.

– Что происходит? – спросил Уилл.

– Кто-то тут постоянно мудрит с узлом, – ответил я.

Мари промолчала. Просто одобрительно кивнула, когда к ней подъехала и остановилась дверь с табличкой «555», вставила ключ, отперла дверь и взяла дело в свои руки.

– Прекрасно, – сказала она, – много места. Ник, бегом ко мне в номер, принеси кожаную ветеринарную аптечку. Руперт, пойдите принесите мой чайник и все остальные, какие найдете, и наполните все кипятком... но сначала придумайте, как сделать так, чтобы пациент не падал. Судя по виду, он сейчас упадет, и тогда мне его не поднять.

Несколько секунд спустя мы так и сновали туда-сюда, выполняя приказы Мари. Мы с Уиллом разложили вешалку для брюк, на скорую руку заколдовали ее магидскими чарами и превратили в высокий откидной стол, куда кентавр, которому было трудно сохранять равновесие, мог опереться локтями. Что он с радостью и сделал. Прекрасное меднокожее лицо все исказилось от боли, его била дрожь. Мы с Уиллом принялись удлинять ножки пуфика перед трюмо, а Мари тем временем положила руки на дрожащие плечи кентавра.

– Извини, мой хороший, я не расслышала, как тебя зовут.

– Роббиос, – отвечал тот. – Обычно просто Роб.

– Не было печали! Опять Робби! – воскликнула Мари.

– Роб, – сказал кентавр. – Не Робби.

– Хорошо, – кивнула Мари. – Прослушай, Роб, мне надо как следует осмотреть твой бок. Я очень постараюсь не сделать тебе больно, но обещать не могу. Нет. Выше, – сказала она, когда мы с Уиллом попробовали задвинуть подросший пуфик под конское тело кентавра. – Нельзя, чтобы он упал, если ноги перестанут держать.

Я оставил Уилла дальше удлинять ножки пуфика и помчался за чайниками. В некоторых номерах двери стояли нараспашку, их до сих пор убирала выбившаяся из сил горничная. Я беззастенчиво собрал чайники из всех открытых номеров, где ее на данный момент не было. Мы с Ником вернулись вместе и обнаружили, что Мари сосредоточенно проводит

профессиональный и деликатный осмотр разодранного, окровавленного бока Роба – до того профессиональный и деликатный, что я был просто поражен. Ник увидел, что делается, стал бледнее белого и ринулся в ванную. Я тихонько бродил по номеру и искал, куда включить чайники. Уилл наконец сделал Робу опору из пуфика и осторожно отошел, побледнев не меньше Ника. До меня наконец дошло, почему Уилл в свое время так внезапно отказался от детской мечты стать ветеринаром.

А Мари держалась абсолютно спокойно – закончила осмотр и обошла Роба, чтобы заглянуть ему в лицо. Он уткнулся головой в сложенные руки, разметав по всей заколдованной вешалке для брюк густые иссиня-черные волосы. И приподнялся, чтобы посмотреть на Мари.

– Сначала хорошая новость, – сказала она ему. – Рана не такая тяжелая, как кажется. По большей части просто содрана кожа, но повреждены и мягкие ткани, и в двух-трех местах есть разрывы мышц. Кровь мы остановили еще в лифте, и она текла не из крупных сосудов, так что больше крови ты не потеряешь. Плохая новость в том, что мне придется тебя зашивать. Местной анестезии у меня нет, будет больно.

Роб тихо и коротко застонал, а потом сглотнул:

– Потерплю.

– Давайте его напоим, – предложил я, показав на мини-бар в холодильнике. – Там виски, бренди, водка...

– Гм, – сказала Мари. – Роб, как ты себя ведешь, когда пьяный?

Роб, уткнувшись в руки и закрывшись волосами, приглушенно ответил:

– Нет-нет, мне нельзя. Меня тянет заплакать.

– Ничего страшного! – сказала Мари. – Мне главное, чтобы ты не буянил. Хорошо, Руперт. – Она окинула взглядом Роба с головы до хвоста, оценивая его вес, – наверное, вдвое больше моего, хотя вроде для кентавра Роб был довольно маленький. – Начнем с двух двойных виски. – Потом она отвернулась, подняв обе окровавленные руки, и основательно пнула дверь ванной. – Ник! Ник!!! А ну выходи! Мне надо оттереть кровь и вымыть руки!

В это время Уилл открыл холодильник и передал мне целую кучу разных бутылочек, а Ник показался из ванной, посмотрел на длиннющие ногти Мари, все до единого красные от крови, охнул и схватился за косяк.

– Что ты как размазня?! – одернула его Мари. – Иди сюда, отвинти вот эти мыльницы. Мне они понадобятся, чтобы стерилизовать инструменты.

Роб понюхал открытую бутылочку, которую я ему предложил, и передернулся:

– Нет... не могу.

– Еще как можешь! – приказала Мари из ванной.

– Командир говорит: надо, значит – надо, – сказал ему Уилл. – Давай пей.

Вместе мы уговорили его проглотить полторы бутылочки. Тут появилась Мари, открыла свой кожаный чемоданчик и сказала:

– Да чтоб его. Антибиотик в порошке у меня есть, а антисептика нет. Руперт...

– Уже бегу, – сказал я.

Я догнал горничную, когда она уже укатывала тележку.

– Вам зачем? – Ее любопытство было вполне понятно.

– Сыну почетного гостя нехорошо, – сказал я ей, не покрывив душой.

– Не ему одному! – буркнула горничная. – Тут в половине номеров гости вчера перебрали. Потому-то вам повезло, что вы меня поймали. А еще потому, что Морин увольняется из-за призрака, который играет музыку на служебной стоянке.

– Как, до сих пор?! – взвыл я и, спохватившись, добавил: – Я утром видел, как его все искали.

– Да, – сказала горничная. – До сих пор. То есть если бы это была попса, так было бы ясно, что это просто радио в машине. А тут одна классика. И звенит.

– Тогда это точно призрак – я понимаю вашу логику, – сочувственно выдохнул я, ломая себе голову, как заставить Стэна прекратить безобразие. – Согласен, это слишком.

С охапкой разнообразных дезинфицирующих средств я вернулся в номер, где стоял густой пар от четырех чайников и пахло кровью и лошадьми. Уилл и Ник покорно раскладывали хирургические инструменты и нити в мыльницы, чашки, блюда и крышечку от моего серебряного бритвенного прибора. Перед Робом красовались уже три пустые бутылочки. Вид у него стал немного здоровее, к щекам прилила теплая коричневая краска. Посреди всего этого стояла Мари с ножницами в руках.

Она одарила меня одобрительным кивком:

– Хорошо. Спасибо.

Щелк, сказали ножницы. Щелк, щелк, щелк. По комнате, полной пара, полетели обрезки длинных желтых ногтей.

– Отнесите дезинфицирующие средства в ванную, я вам покажу, как правильно вымыть руки перед операцией. В нашем мире наверняка полно бактерий, к которым организм Роба не привык, и я не собираюсь рисковать.

Я понял, что меня назначили добровольцем на должность

хирургической медсестры. Разумно, если учесть, в каком состоянии до сих пор пребывали Ник и Уилл, но мне удавалось держаться только благодаря тому, что я старательно не смотрел на левый бок Роба, и я совсем не был уверен, что это зрелище мне по силам.

– Живее! – рявкнула Мари, избавившись от последнего ногтя. Щелк!

– Есть, мэм, – сказал я.

Она перехватила мой взгляд и улыбнулась:

– Извините.

В ванной она шепотом призналась:

– Никогда такого не делала. Очень страшно.

– А по вам ничуть не заметно! – заверил ее я.

Она поправила очки и подарила мне самую настоящую улыбку. От этого меня обдало таким же жаром, какой играл на щеках Роба. До меня стало доходить, что добровольческая служба – дело стоящее, если за это Мари станет относиться ко мне чуточку лучше.

Вскоре мы были совсем готовы: Мари – в хирургической маске, которая нашлась у нее в чемоданчике, волосы убраны под мое полотенце, на свеженаманикюренных руках – резиновые перчатки; у меня нос и рот закрыты узорным шейным платком, голова, будто чалмой, обмотана широким кашне, а на руках – запасная пара резиновых перчаток.

Стоило нам придвинуться к Робу и изготавиться к операции, как в дверь постучали.

– Не вздумайте открывать, – проговорил я сквозь шейный платок.

Однако дверь открылась, хотя замок никто не отпирал. В щель просунулась шелковистая каштановая головка Цинки Фирон.

– Ага! – сказала Цинка. – Так и знала, что это не костюм. О, привет, Уилл! Руперт, это у нас начало чрезвычайной ситуации или как?

– Все более или менее под контролем, – ответил я. – Но я буду признателен, если ты наведешь порядок в лифте. Там полно крови, и мне пришлось остановить его на этом этаже, пока не смогу им заняться.

– Это пожалуйста, – бодро ответила Цинка. – Прямо сейчас и сделаю, а то народ уже ропщет. Чем ты его заклинил?

– Просто довольно сильный стасис, – ответил я.

– Считай, чары уже сняты, – сказала Цинка и ушла.

Дверь закрылась, и Мари приступила к работе. Роб поморщился, охнул и, приподняв голову, с такой силой стиснул край вешалки для брюк, что у него побелели пальцы. Уилл и Ник тоже поморщились и поскорее отошли и сели на мою кровать, чтобы не видеть, что именно делает Мари. Там они и просидели практически все время и неохотно вставали с места, только

когда Мари приказывала кому-нибудь из них подать мне блюдо с лигатурами или непонятные штуковины в чашке. Когда Уилл в первый раз сел обратно, то тут же вскочил.

– Спасите-помогите, – сказал он, – я же про них начисто забыл!

Он осторожно пощупал карманы своего брезентового плаща и извлек на свет в горстях два пушистых, тихонько пищущих комочка.

– Это сиротки-квачки, – сообщил он. – Я собирался оставить их дома.

– Печенье возле чайников, – сказал я и подал Мари блюдо.

Ник и Уилл покормили птенчиков крошками у меня на одеяле. Зато Робу наконец-то стало на что посмотреть. Я диву давался, как он терпит такую боль и даже не кричит. И сказал Мари:

– Это пострашнее свитера вашей тетушки.

Мари, сосредоточенно делая крошечные стежки, отозвалась:

– Да. Я сначала испугалась, что она отрезала себе грудь.

Тут мы оба немного опомнились и одновременно сказали:

– Извини, Ник.

– А что? – удивился Ник. – Я тоже подумал, что свитер просто жуть. Не обязан же я восхищаться просто потому, что она моя мать!

Роб гортанно вскрикнул.

– Ник, принеси ему еще виски, – сказала Мари. – А ты, Роб, говори, если можешь. Это тебя отвлечет. Расскажи про этого покойного императора. Мне интересно.

И Роб заговорил. Он налег грудью на вешалку для брюк, то и дело морщась от боли, и говорил, говорил, говорил. Виски, несомненно, развязало ему язык, но мне показалось, что Роб по натуре болтлив. Я так и видел, как он в более счастливые времена гарцует в компании приятелей и трещит, пока кто-нибудь из друзей не скажет ему: «Ой, Роб, да замолчи ты!» Почему-то мне очень живо помнится, как этот молодой хриловатый голос все говорит и говорит, пока Мари работает, и время от времени вскрикивает, когда Мари пристраивает на место очередной лоскут шкуры.

То, что Роб рассказывал, я по большей части знал и сам, да и остальные трое тоже, – по большей части, но не все. Помню, как он говорил:

– Понимаете, у императора три ранга жен. Раньше было только два, верные жены и верховные дамы, и все они жили у императора во дворце, но нынешний император – ну, то есть покойный, все время забываю, – Тимос Девятый, учинил третий ранг, который называется просто «наложницы», и считал, что они не такие уж важные персоны и им не обязательно с ним жить. Кнаррос говорит, что у этого императора просто мания... была просто мания все классифицировать. Он подразделил

верховных дам на дополнительные разряды и оставил несколько запасных разрядов на случай, если найдет других верховных дам, которые будут разрядом выше нынешних. Например, верховных дам восьмого разряда он так и не нашел, зато девятый и десятый у него были. Естественно, если у него рождались от них дети, он их тоже распределял по разрядам. Всем этим заведовал Кнаррос, но он не заведует детьми низших разрядов. Он говорит, что иначе не допустил бы, чтобы тот, которого казнили, написал письмо своей матери. Однако детей наложниц всегда отдают на воспитание людям довольно скромного достатка подальше от Ифориона...

Так вот почему император так легко и просто казнил юного Тимотео, подумал я. Тот был всего-навсего сын наложницы. Расходный материал. Да и потом от него могли быть всякие неприятности, поскольку, строго говоря, он был старший. Я невольно вспомнил тот зал суда, весь в полированных панелях, и как юный Тимотео ушам своим не поверил, услышав смертный приговор. После этого я пропустил существенный кусок рассказа Роба, поэтому не знаю точно, как он перешел к теме поселения в Талангии.

– Кнаррос – мой дядя, – говорил Роб, когда я снова смог включиться. – Вот почему я здесь – мы с Крисом его племянники. Покидать поселение не разрешается никому, кроме нас. Там очень строгая охрана. Мы с Крисом живем по полгода там, а по полгода с остальными родственниками, и нам нельзя упоминать о Кнарросе за границами поселения. Мне на самом деле нельзя всего этого говорить, но... о-ох! Но раз император погиб, теперь, наверное, не важно. В общем, как я говорил, Кнаррос занимается детьми верных жен и знает, как они распределены по разрядам и их настоящие имена и как определить наследника, когда настанет время. Сами дети, естественно, не знают, кто они такие.

Роб разговорился, и теперь перебить его было непросто. Я пытался. Если сам Роб знал, кто есть кто среди императорских детей, а было похоже, что он вполне мог знать, это заметно облегчило бы мне задачу. Однако он говорил и говорил, не обращая внимания на мои попытки его перебить, и прервать поток его речей удалось только Мари – когда она нахмурилась и взяла у меня из рук очередную иголку с ниткой.

– Глупости какие! Ребенку предстоит стать императором, а он даже не представляет себе, кто он на самом деле, и не имеет ни малейшего понятия, как править страной, и даже никогда не покидал этого вашего поселения! Бессмыслица! Твой дядя хотя бы учит наследника искусству управлять государством?

– Нет, конечно! – ответил Роб. – Это было бы небезопасно. А при

нынешнем положении дел он в безопасности. И империя в безопасности – ей не грозит, что сыновья попытаются свергнуть отца или бесчестные люди воспользуются сыновьями, чтобы...

– Ерунда! – сказала Мари. – Ерунда и пропаганда. Ник, у нас ведь кто-то пытался так делать? Оттоманская империя или что-то в этом духе?

– Вот именно! – поддержал ее Ник с моей кровати, очень ловко избегая смотреть в сторону Мари. – Ничего хорошего из этого не выходило. Какая именно это была империя, не помню, но там всех наследников держали взаперти – как в тюрьме, только во дворце. А когда выпускали на волю очередного султана, он понятия не имел, что надо делать, и всего боялся. Из них получались чудовищно слабые правители.

Я вздохнул. Значит, я должен взять и посадить на трон слабого правителя, и тогда империи точно конец. В соответствии с Предопределением. Я не сомневался, что Ник и Мари верно изложили факты. Мне тоже кое-что вспомнилось.

– Кнаррос обучил их нужному нравственному закону! – возразил Роб. – Да и кровь скажется. Новый император – не трус и не будет ничьей марионеткой, вот увидите.

– Вы знаете, кто это? – Мне все-таки удалось вставить вопрос.

– Нет. Это знает только Кнаррос, – ответил Роб. – Я говорю так, во-во-вообще... – Он уронил голову на руки. – Еще... еще долг... долго?..

– Почти все, – сказала Мари.

То, что Роба внезапно оставили последние силы, было понятно и, вероятно, произошло само собой, но я был практически уверен, что он разрешил себе расслабиться, поскольку понял, что наговорил лишнего. Я не стал донимать его расспросами. Мне вскоре предстояло встретиться с Кнарросом лично.

Роб так и не поднимал головы, пока Мари не наложила последний стежок и не сказала:

– Все. Готово.

Тогда стало понятно, что Роб и правда обессилел. Нам пришлось вчетвером вести его к моей кровати – он еле шел на подгибающихся, скользящих ногах – и бережно укладывать на здоровый бок. К счастью, кровать была большая. Он занял ее почти целиком.

Мари склонилась над ним и сказала:

– Как твоя верхняя половина? По-моему, у тебя ребро сломано, но тут я ничего поделать не могу.

Роб что-то пробормотал – мы поняли это так, что ему будет удобнее без рубашки. Точнее, это была облегающая синяя безрукавка. Мы сумели

стащить ее через голову. Роб снова что-то пробормотал – с тревогой.

Мари снова склонилась над ним:

– Я тебя полностью зашила. Кожа вся сохранилась, так что края совпали почти идеально. Если повезет, когда снимем швы, будет совсем не заметно.

– Надеюсь, – проговорил Уилл. – Такой красивый мальчик.

И верно. Без рубашки, с золотым медальоном с имперским гербом на смуглой шее, Роб был практически совершенство. И хотя теперь, когда его голова лежала у меня на подушке, был виден темный круг под глазом от боли и потрясения, хотя один лошадиный бок был весь исчерчен швами и обсыпан серым порошком, кентавр все равно был прекрасен. Юный человеческий торс плавно перетекал в великолепное лошадиное тело.

– Он все слышит. Еще зазнается, – сказала Мари.

Несомненно, Роб все слышал. На его измученном лице заиграла слабая довольная улыбка. Он прекрасно знал, как он хорош. Подозреваю, что когда он метался по гостинице, то больше всего боялся, что его красота погублена навеки. А теперь, убедившись, что все обошлось, он явно расслабился и заснул.

Мы накрыли его одеялом и устало убрали в номере.

– Боже! – сказала Мари. – Я выжата как лимон. Пойду лягу. Ник, пошли со мной, сделаешь мне кофе.

Они удалились, забрав один из чайников. Все выглядело совершенно естественно. А мне и так было о чем подумать. Нам с Уиллом и в голову не пришло заподозрить подвох.

Глава шестнадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

Мы с Уиллом заварили себе «эрл-грея» с картонным привкусом и сели в дальнем углу моего номера, чтобы не беспокоить Роба. Там Уилл скормил своим квачкам все печенье, кроме одного, а из последнего печенья наколдовал себе такой же значок, как у меня, пока я посвящал его в курс дела с линиями судьбы. Поскольку я твердо решил вычеркнуть весь список, нужно было всего-навсего придерживаться линии в нынешнем положении, пока у меня не появится время, чтобы разобраться с непостижимым поведением Эндрю.

— Как-то это очень странно, — заметил Уилл. — Судя по тому, что ты рассказываешь, можно подумать, что он застрял между мирами и его разметало.

— Я об этом тоже подумал, — ответил я. — Только те, кого разметало

между мирами, обычно погибают.

– Не все, – возразил Уилл. – В Ультима Туле был один маг, так он несколько лет разгуливал в двух экземплярах.

– Конечно, но если Ник не ошибся, то Эндрю сейчас как минимум четыре. Двоих я видел собственными глазами, – сказал я. – Нет, по-моему, дело в другом. А в чем – бог его знает. В общем, эту линию держи покрепче, а если обнаружишь, что кто-то снова мудрит с узлом, верни все на место без лишнего шума. По-моему, мудрит некто по имени Грэм Уайт. Завтра, если получится, призову его к порядку.

– Чем раньше, тем лучше, – согласился Уилл. – Он что, маг-любитель? Наверное, не ведает, что творит. Что говорят все гости на конвенте, когда не находят свои номера на прежнем месте?

– Говорят, что планировка у гостиницы очень сложная, – ответил я, – и имеют в виду, что здесь легко заблудиться.

– Потому-то я и не живу на Земле, – сказал Уилл. – Им подавай рациональные научные объяснения, даже если перед тобой такая очевидная несуразица, что хоть криком кричи.

Когда мы встали и собрались уходить, Роб крепко спал. Очередное дело, которым мне предстоит заняться, как только выдастся минутка. А пока, чтобы на него не наткнулась ни одна живая душа в гостинице или с конвента, я наложил на номер самые сильные охранительные чары. Пока что все встречные очень старались найти Робу рациональное научное объяснение, однако теперь это будет трудновато, особенно если кто-нибудь столкнется с ним один на один у меня в номере. Уилл пообещал время от времени заходить его проведать. Маленьких квачек он выпустил побегать на ковер. И сообщил самым что ни на есть невинным тоном, что это, мол, для того, чтобы не забывать заходить. Уилл как он есть. Наверняка он так поступает потому, что знает, как я люблю чистоту и порядок. Впрочем, раз у него есть силы меня бесить, наверное, он понемногу оправляется от аварии с Робом. Это меня порадовало.

Мы поехали вниз на том же лифте, в котором привезли Роба. Цинка, умница, убрала всю кровь, но теперь кабина двигалась вдвое медленнее. Когда мы все-таки добрались до нижнего этажа, я оставил Уилла с фальшивым значком слоняться по главному конференц-залу и разведывать, что и как, а сам отправился на служебную стоянку. Сразу за дверью в гостиницу меня встретил Скарлатти. Звучал он, возможно, потише, зато слышно было повсюду. Сказать, что я разозлился, значит ничего не сказать.

Когда я распахнул дверь машины, соната оборвалась с виноватым

«Дзынь».

– Стэн! – отчеканил я.

– Что? – беспечно отозвался он.

– Сам прекрасно знаешь что! – Я плюхнулся на сиденье и завел мотор. – По-моему, это последняя капля. Ничего не говори. Не вздумай оправдываться. Не заговаривай со мной. Мне только что пришлось помогать врачу, который пришивал шкуру полуосвежеванному кентавру, и я вот-вот сорвусь. Меня сейчас вырвет. Я сейчас закричу. Но поскольку это уже сделали и Ник, и Уилл, каждый по-своему, мне пришлось играть роль того, кто сохраняет здравомыслие. Не жизнь, а просто сказка! Нет, ничего не говори! – заорал я, и мы, завизжав покрышками, рванули на улицу через узкую подворотню.

– Я только хотел спросить, куда мы едем, – кротко поинтересовался Стэн.

– В Талангию, в Корифонскую империю, – ответил я.

Мы уже гнали вовсю. Когда едешь между мирами на машине, такое ощущение, словно катишься по ухабистому проселку с крутой горы.

– Эй, так нельзя! – закричал Стэн. – Верхняя палата не разрешила мне отлучаться никуда, кроме Вонтчестера!

– Плевать мне на Верхнюю палату и на всех заинтересованных лиц Там, Наверху! – отрезал я. – Они в последнее время издеваются надо мной, как могут. Если не желают, чтобы ты поехал со мной в Талангию, пусть явятся за тобой лично. Зато хоть перестанешь терроризировать гостиничных служащих.

– Ты поэтому совершаешь переход на машине? – сказал Стэн. – Я и не знал, что ты умеешь.

– Уилл так всегда делает, – ответил я. – Нет. Я еду на машине, потому что, когда я был в империи в последний раз, в меня стреляли. Если повезет, на этот раз машину выведут из строя и у меня появится прекрасный повод оставить тебя там!

К этому времени мы уже добрались в Талангию. Все-таки на машине гораздо быстрее. Мы выехали под невероятное вечернее небо, и я обнаружил, что слегка ошибся в расчетах. Не привык совершать переход с такой скоростью. Милях в двух впереди виднелся лесистый холм, а наверху – какие-то стены вроде крепостных. Левее ярко отблескивали имперские бронетранспортеры, не меньше двух, – там, очевидно, ждал Дакрос. До транспортеров было, наверное, три с лишним мили по довольно плоской равнине, испещренной лоскутами виноградников. Добраться туда по прямой было невозможно, однако между виноградниками там и сям

виднелись проселочные дороги, и я решил, что рано или поздно попаду на место, если буду закладывать побольше зигзагов. Я покатил по приглянувшемуся проселку, машина медленно тряслась на второй передаче, а позади клубилось облако золотой пыли, так что мне в зеркало заднего вида не было видно почти ничего.

– Ай, перестань, Руперт! – сказал Стэн. – Я же про все это впервые слышу – и про кентавров, и про стрельбу. Давай заключим перемирие и ты объяснишь хоть что-нибудь. Я знаю только, как выглядит эта чертова служебная стоянка при гостинице часами напролет.

Я просто свернул на очередную золотистую дорогу с глубокими колеями, а отвечать не стал.

– Ну пожалуйста! – взмолился Стэн. – Ладно, я прошу прощения за музыку. Годится? Я ведь попытался ее приглушить, но все от нее так переполошились, что было забавно ее распространять и пугать их настоящим. Я понимал, что поступаю нехорошо. Ну пожалуйста!

– Так-то лучше, – буркнул я. – А то я уже подумал, что вместе с тобой умерла и совесть. И что?

– Я больше не буду, – проговорил он с явной неохотой.

– Хорошо, – сказал я и, пока мы виляли с проселка на проселок, а облако пыли за нами росло и росло, рассказал ему обо всем, что произошло в гостинице.

– Интересно, почему Кнаррос решил послать за тобой этого кентавра, – заметил Стэн. – Он ведь, наверное, и так понимает, что все, кто сейчас у власти, только и делают, что отчаянно зовут магида. Может, он просто увидел бронетранспортеры у подножия холма и это его доконало. Даже мне и то от них беспокойно. Огого! Сколько же их тут?

Мы подъехали ближе и обнаружили, что бронетранспортеров по меньшей мере шесть. По земным стандартам это немного, но лишь потому, что у нас нет ничего подобного. Пожалуй, ближайший эквивалент с точки зрения габаритов и боевой силы – это авианосец, только сухопутный, если такое можно себе представить. Но имперские бронетранспортеры еще мощнее и оснащены более разнообразным вооружением. Да и стоят адских денег. Обычно в пределах одного мира их не больше двух. Дакрос пригнал целых шесть, чтобы показать всю серьезность своих намерений. Однако он тщательно проследил, чтобы холм не был полностью оцеплен. Все бронетранспортеры стояли кучно к западу от него – массивные, блестящие, сверкавшие оранжевым в лучах закатного солнца, отраженных от противолозерной брони. Мне было видно, как суетится у их подножия множество черных фигурок и стоят два танка поменьше, всего раза в

четыре крупнее моей машины.

Тут один из танков двинулся мне навстречу, подняв свое облако пыли. Я занервничал, обнаружив, что нахожусь в зоне поражения самых маленьких пушек на бронетранспортерах, и вспомнив, что моя машина не оснащена средствами защиты от них. Я остановился и благоразумно вышел из машины. Танк показал, что меня узнали, – помигал разнообразными фарами в непривычных местах, – и с ревом рванул на меня, взметнув еще больше пыли.

– Не закрывай дверь, – велел Стэн. – Хочу все слышать.

Поэтому я облокотился на открытую дверь и смотрел, как танк приближается, нависает надо мной и останавливается. С него соскочил Дакрос, а за ним – кира Александра с ног до головы в военной форме, которая ей очень шла. Я не на шутку позавидовал Дакросу. Они зашагали ко мне, кира Александра улыбнулась, – и я поймал себя на мысли, что, если верить Робу, она была всего лишь второсортной женой (кстати, интересно, какой разряд ей был присвоен), и на другой мысли – если таков второй сорт, какой, наверное, потрясающей красавицей надо быть, чтобы стать так называемой верной женой. А может быть, верных жен выбирали из политических соображений. А когда речь заходила о верховных дамах, император мог ни в чем себе не отказывать – и, очевидно, не отказывал.

Следующим с башни танка прыгнул юный волхв Джеффрос, которого я не видел с того дня, когда рухнул дворец. Вид у него был ужасный, совсем больной, лицо землистое, словно Джеффрос еще не успел оправиться от раны в руку. Мне сразу стало понятно, какая неразбериха царит в империи. Однако Джеффрос улыбнулся мне – пусть и настороженно. За ним последовали всевозможные военные чины, и все держали руки на толстоствольных лазерных пистолетах на поясе, и у всех были бдительные замкнутые лица.

– На дороге очень пыльно, мы не были уверены, что это именно вы, магид, – сказал Дакрос. Я решил, что он так извиняется за вооруженную охрану. – Вы один?

Мне стало любопытно, что скажет он или даже Джеффрос, если я отвечу: «Нет, у меня тут в машине развоплощенный учитель, большой знаток Скарлатти», но я сдержанно ответил:

– Да, только я. Я приехал на машине, поскольку в прошлый раз в меня стреляли.

Они посмотрели на машину – все одновременно – с легким озадаченным презрением, которое меня несколько рассердило. Однако я не менее сдержанно продолжал:

– Итак, каково нынешнее положение дел? Кнаррос сегодня прислал мне сообщение. Вы уже вели с ним какие-то переговоры?

Дакрос снял брезентовую форменную панаму, которая придавала ему официальный вид, и пригладил пятерней густые спутанные кудри.

– Слава богам, он хоть что-то сделал! Пока что мы в полном тупике. Он не подпускает нас и почти ничего не говорит!

Я смотрел, как он нервно приглаживает пальцами волосы, и вдруг понял, почему я так хочу ему помочь. Дело не в том, что Дакрос доблестно исполнял свои труднейшие обязанности просто потому, что кто-то должен был их исполнять. Дело в том, что он напоминал мне Уилла. Волосы у них были почти одинаковые, разве что у Дакроса – темные и более кудрявые. А когда Уилл только стал магидом, то точно так же не знал, за что хвататься. Уилл со своим бременем свыкся, но я всерьез боялся, что бремя, которое взвалил на себя Дакрос, не по силам никому.

– Кнаррос заявил, что будет разговаривать только с магидом, – пояснила кира Александра. – Вот Пантендрес и сказал ему, что вы скоро будете здесь, а Кнаррос только и ответил, что вы должны будете подняться на холм и доказать это.

«Пантендрес? Какой еще Пантендрес?» – подумал я. А-а... Дакрос, конечно. Дакрос – это ведь фамилия.

Джеффрос сказал:

– Этот треклятый кентавр, наверное, имеет в виду, что только магид может преодолеть защиту, которой он окружил свой холм. Лично я не смог. Я пытался – и не знаю, кому император заказал здешние защитные чары, но этот волхв был гораздо сильнее меня. – И добавил, устало и с досадой: – Они даже лазеры отражают. Это мы тоже пробовали. Откровенно говоря, мы сильно разозлились.

– Это я разозлился, – поправил его Дакрос. – Я сказал ему, что здесь кира Александра и она поможет наследнику войти в курс дела. А он заявил, что кира Александра недостаточно компетентна.

– Вот наглая скотина! – вырвалось у меня.

Кира Александра покраснела и понурилась. Я сказал ей:

– На месте наследника я не мог бы и мечтать о лучшем наставнике.

Она подняла голову и посмотрела на меня, улыбаясь одной половиной лица.

– Спасибо, магид. Я буду очень стараться. – И сокрушенно добавила: – Все равно, кроме меня, никого не осталось.

– Вы прекрасно справитесь, – заверил я. – Ну что, как будем разбираться с этим кентавром? Не понимаю, к чему он клонит. Он же сам

послал за мной.

– Разумеется, он хочет, чтобы вы доказали, что вы есть вы, – сказал Дакрос. – У него инструкции – проявлять крайнюю бдительность и так далее. Джеффрос вам расскажет.

К вершине через лес вела тропинка. Джеффрос пытался подняться по ней, а потом просто пройти между деревьев, но вездесущее волшебство одолело его. Они считали, что у меня получится лучше. И сказали, что если я все-таки доберусь до вершины, и если все-таки попаду за стены поселения, и если все-таки уговорю Кнарроса выдать сына императора, то подам им сигнал и дальше дело за ними; но мне было очевидно, что они не очень сомневаются в успехе. Я чувствовал себя куда менее уверенно. Помоему, Кнаррос вел себя странно. Однако мне пришлось отмахнуться от своих сомнений под натиском их веры в меня, а собственную веру основать на том, что Кнаррос, так или иначе, послал за мной Роба.

Дакрос сказал:

– Если окажется, что наследник находится в другом мире...

– Думаю, это должно нас тревожить меньше всего, – сказал я. – Посланник ясно дал понять, что Кнаррос опекает всех детей от верных жен. Как вы собираетесь поступить с остальными детьми?

Это меня очень беспокоило. Имперская паранойя вполне могла привести к тому, что Дакросу придется казнить детей, чтобы избежать разногласий по поводу престолонаследия. Кира Александра с жаром ответила:

– Мы обеспечим им жизнь, подобающую детям императора, а как же иначе? Здесь их воспитывали как крестьян. У меня от этого прямо кровь кипит!

Дакрос и Джеффрос закивали с тем же жаром – к моему великому облегчению. Я по очереди заглянул им в глаза – по-магидски – и с радостью обнаружил, что они говорят искренне.

– Отлично, – выдохнул я. – Тогда за дело.

Они выдали мне толстоствольный лазерный пистолет, настроенный на стрельбу сигнальными огнями, и показали, как им пользоваться. Я должен был выстрелить один раз, если все получится. Если Кнаррос откажется, я должен был выстрелить дважды. Если я попаду в беду, что, конечно, было маловероятно, то должен выстрелить три раза, и тогда вооруженное подкрепление попытается преодолеть защитные чары и прийти мне на помощь. Я снова заглянул им в глаза. Они верили в меня. У меня появилось ощущение, что мне некуда отступать.

Я подъехал к подножию холма на башне танка, бросив свою машину у

виноградника с распахнутой водительской дверью. Я подумал, что Стэну так больше понравится. Да и едва ли кто-нибудь угонит машину из другого мира, для которой к тому же не годится имперское топливо. Во время этой короткой поездки в облаке пыли кира Александра сидела рядом со мной и рассказывала, как планирует поступать с императорскими детьми.

– Хорошо, что некоторые из них девочки, – сказала она. – Жду не дожусь, когда можно будет их наряжать и дарить всякие безделушки. Но главное, что мне хочется им обеспечить, – это общество других детей того же возраста. Я хочу, чтобы теперь их окружали жизнь и веселье, хотя меня беспокоит, что они очень долго прожили взаперти и внешний мир, возможно, покажется им чересчур большим и страшным. Придется действовать осторожно и приучать их к придворной жизни деликатно и постепенно.

По-моему, она все понимала правильно.

Они высадили меня у тропинки и уехали по дороге, огибавшей холм, чтобы ждать моего сигнала возле бронетранспортеров. Я стоял на дороге в золотых лучах вечернего солнца и задумчиво смотрел на проселок с глубокими колеями, уходивший вверх через лес. Чары на нем были просто жуткие. Я поставил на него ногу и тут же убрал. Мне нечасто приходилось сталкиваться с таким агрессивным волшебством. И я невольно восхитился искусством его создателя. По структуре чар и по следам от колес на дороге я сделал вывод, что всю эту волшебную конструкцию при желании можно включать и отключать, когда захочешь, и это способен сделать даже человек, не сведущий в волшебстве. Нужно просто уметь. Однако отключать защиту, к несчастью, можно было только с территории за стенами на вершине холма. Я сомневался, что дотянусь отсюда. Но чем больше я стоял и продумывал устройство этих чар, тем больше убеждался, что в лесу по сторонам от дороги все эти эмбарго и санкции гораздо слабее. Отошел всего шагов на десять – и там и правда было существенно спокойнее. Тогда я наколдовал себе самую толстую волшебную броню и двинулся вверх через лес.

Склон был очень крутой, но в остальном идти было поначалу одно удовольствие – с поправкой на то, что чуть ли не на каждом шаге приходилось раздвигать очередные волшебные препятствия. Деревья здесь росли хвойные, исчерна-зеленые падубы и разные виды сосен, и золотой свет пронизывал лес пыльными полосами, пахнувшими ладаном и розмарином. Тихо и покойно. Поднимаясь, я понял, что вся эта сегодняшняя история с Робом меня вымотала. У меня эмоциональное истощение. А теперь в довершение всего надо идти спорить с Кнарросом –

как это некстати! Хочу домой. Хочу лечь и отдохнуть и раз и навсегда покончить с империей. А склон становился все круче, сучья все толще, приходилось пригибаться, чтобы пролезть под ними, и я совсем выбился из сил. Пыхтел, как лесоруб. Лазерный пистолет оттягивал карман, волшебная броня была тяжелая, будто рыцарские доспехи. К тому же, когда солнце спустилось к горизонту, стало на удивление холодно. От трудного подъема я совсем не взмок, а, наоборот, начал замерзать.

Холод меня насторожил. Сильные постоянные волшебные конструкции должны черпать откуда-то энергию, а эти чары, в отличие от волшебства на дороге, были постоянные, и их очень ловко настроили, чтобы высасывать энергию незваных гостей, используя против них их собственный метаболизм. Я стоял неподвижно, и колени у меня подкашивались. Зубы стучали. И я увидел, что на самом деле даже не поднимался на холм, а двигался по склону наискосок. Стэн поднял бы меня на смех. Он меня всему такому учил. Я почувствовал, как к щекам приливает краска стыда, — потому что я понял, что никакой дороги поблизости нет, а ворота поселения наверху теперь направо от меня.

Я сказал:

— А засуньте себе эту игру в солдатики знаете куда?! Кнаррос, ты сам меня вызвал!

И попросту проложил себе дорогу к воротам напролом через все эти глупости и сердито потопал по ней. Иногда полезно хорошенько рассердиться. На самом деле холм был не очень крутой, деревья росли гораздо реже, чем мне показалось поначалу. До грубой каменной стены и некрашенных ворот в ней я дошел всего за минуту. Стена была футов двенадцать высотой, ворота сколочены из старых занозистых горбылей в два слоя. Я забарабанил в них:

— Откройте! Это магид!

По ту сторону завозились и зашуршали. Голос, который мне ответил, напоминал голос Роба. Тоже хрипловатый, но моложе, чем у Роба, и на последнем слове пустил петуха.

— Что вам нужно?

— Поговорить с Кнарросом, что же еще? Срочно, по имперским делам!

Другой голос ответил:

— Докажи, что ты магид.

— Тогда разойдитесь там от ворот! — велел я. Снова слышался шорох. — Разошлись? — крикнул я.

— Нет, — ответили хором не меньше трех голосов. Хрипловатый продолжил:

– Кнаррос сказал никого не пускать.

«Тогда с какого перепугу он послал за мной Роба?!» – оторопел я.

По шороху было понятно, что как минимум три подростка наваливаются на створки с той стороны, поэтому я отказался от мысли разнести ворота в щепки и перелетел через верх. Дело чуть не кончилось катастрофой. Я терпеть не могу левитировать (это вообще не самая сильная моя сторона), к тому же над всем поселением раскинулся какой-то волшебный защитный купол – именно он, несомненно, отражал лазеры Дакроса, – и я на него натолкнулся, так что меня чуть не отбросило. Едва успел вцепиться в него ногтями. А потом пришлось, распластавшись на куполе, раздирать его, чтобы пролезть внутрь, – рвать ногтями и пинать ногами, – а трое подростков глядели снизу, разинув рот, как я корячусь в воздухе у них над головой.

Я спрыгнул на землю возле них, не слишком грациозно, и повернулся к ним. Один был юный кентавр, не такой красавчик, как Роб, но по смуглому лицу и орлиному носу было заметно фамильное сходство. Остальные двое – мальчишки-люди лет одиннадцати-двенадцати. Особой красотой они не отличались, впрочем, Тимос IX тоже не отличался красотой. Волосы у обоих были неряшливо завязаны в длинный хвост. На них были серые шерстяные длинные рубахи и большие грубые башмаки, неумело стачанные вручную.

– Как ты это делаешь? – спросил старший. Хрипловатый голос принадлежал ему.

Я коротко поклонился. Ведь передо мной почти наверняка стоял будущий император.

– Левитация. Вы просили меня доказать, что я магид. А теперь пусть кто-нибудь из вас проводит меня к Кнарросу.

– Крис его приведет, – пропищал младший мальчик. – Нам надо стоять здесь на страже.

– По-моему, ничего сторожить вам уже не надо, но как хотите, – сказал я.

Юный кентавр зарысил прочь, по пути наградив меня хмурым взглядом. Я не был расположен смиренно стоять у ворот и ждать, когда мне выпадет счастье лицезреть Кнарроса, – все происходящее меня бесило, – поэтому я двинулся за ним, просто медленнее. Защитные чары, сквозь которые я прорвался, волочились за мной и липли к ботинкам. Мне пришло в голову, что, когда настанет пора палить из сигнального пистолета, эта дрянь, чего доброго, отразит луч обратно мне в лицо, поэтому я на ходу отпινывал ее и сворачивал в рулон перед собой.

Большую часть свободного пространства за стенами занимал мощный двор, брусчатка на котором выгнулась бугром, поскольку двор приходился как раз на вершину холма. Посередине, на самой высокой точке, рос какой-то темный куст и виднелся алтарь. Точно, подумал я, они же поклоняются той кислой богине-кусту. В остальном кругом было голо и убого. У внешней стены стояло несколько каменных домиков – даже каменных лачуг. Был здесь и колодец и стирание белье на веревке, на которую я набросил накопившуюся охапку защитных чар, – вот, собственно, и все. Мое мнение о покойном императоре упало еще ниже, – а я думал, ниже уже некуда.

Я прошел мимо колодца, и тут из одного домика выскочили три девочки и уставились на меня. Одеты они были в точности так же, как и мальчики, только волосы были завязаны не в один хвостик, а в два.

– Что ты делаешь? – спросила младшая.

– Снимаю вашу защиту. Она больше не нужна, – сказал я и перебросил через них оставшуюся часть рулона.

К этому времени он был довольно тяжелый, примерно как скатанный ковер, только очень длинный, гибкий и податливый. Укладывая рулон у девочек за спиной, я невольно подумал, что кире Александре придется с ними повозиться. Две старшие могли бы быть даже миловидными, если их прилично одеть, однако моя йоркширская бабушка называла таких «ни рыба ни мясо». Третья, беленькая чумахая девчушка лет десяти, туповато тарасилась на меня, будто пятилетнее дитя, и у нее текло из носа. Я предположил, что это, вероятно, результат спартанских методов воспитания, но тут же засомневался.

– Скоро вы уедете отсюда, – сказал я.

– Как это уедем? Кнаррос ничего не говорил про уезжать! – воскликнула одна из старших. И тут же утащила остальных обратно в домик, как будто мое заявление уронило меня в их глазах.

Я с трудом побрел дальше, сворачивая обрывки чар в ком и заталкивая их в гору, и наконец добрался до алтарного камня. Это и был обычный камень, небольшой, гладкий, и на нем лежало несколько фруктов и цветков. Куст был просто гадость. Мне он совсем не понравился: сероватый, весь в шипах и колючках, и при моем приближении он закачался и заскрипел, распространяя во все стороны ощущение полуприсутствия какого-то божества – мелкого и неприятного. Я старался не смотреть на него, думая о том, как неудачно, что связь между императором и Кнарросом должна выражаться в чем-то таком убогом и противном.

А Кнаррос уже вышел мне навстречу. Справа от меня со склона холма донесся резкий звон его копыт по камням. Солнце было уже совсем низко. Обернувшись на звук, я различил голубые искры из-под железных подков кентавра. Помню, я еще подумал, что в числе тех торговцев и ремесленников, кого подпускали к воротам по проселку, должен был быть и кузнец. Подковы у Роба и Криса тоже были получше, чем обувь у императорских детей.

Тут Кнаррос выдвинулся на холм прямо передо мной – и я невольно ахнул. Это был настоящий исполин. Он высился надо мной, словно конный полицейский над мятежной толпой. Я перебросил охапку чар за алтарь и куст – пусть катятся себе по двору с другой стороны. Божество из куста сердито замахало ветками, когда я повернулся лицом к Кнарросу. Тут я отметил про себя еще одну черту кентавров, о которой раньше не задумывался: кожа их человеческого торса того же цвета, что и кожа под лошадиной шерстью. Меня сбило с толку, что Роб и Крис были светло-гнедые. А лошадиное тело Кнарроса было темной серо-стальной масти. И лицо, борода, волосы и руки – такие же темно-серые. И серая безрукавка в придачу. В результате я чувствовал себя словно перед огромным ожившим гранитным памятником. Да и выражение лица у него было соответствующее. Мне нечасто доводилось видеть такие неприветливые мины.

– Мне сказали, вы магид, – пророкотал он гулко и сурово.

– Совершенно верно, – сказал я. – А вы, должно быть, Кнаррос.

Гранитная голова склонилась в коротком поклоне.

– Хорошо, – сказал я. – Тогда вам, полагаю, известно, что я прибыл по делам империи. Согласно файлам, которые император оставил в Ифорионе, у вас здесь содержатся дети императора, по крайней мере, насколько я понимаю, дети от верных жен. Как вы наверняка знаете, около полутора месяцев назад император Тимос Девятый пал жертвой покушения, так что теперь я вынужден просить вас выдать нового императора, а также доказательства его происхождения и прав на престол, а также всех остальных детей от верховных дам и низших наложниц с подобными доказательствами, дабы я препоручил их заботам тех, кто временно управляет империей.

Кнаррос просто стоял, как статуя.

– Ох, да перестаньте! – рассердился я. – В записях, которые оставил император, говорится, что у вас есть все сведения обо всех наследниках, в том числе тех, кто помещен в мир под кодовым названием «Вавилон».

При слове «Вавилон» гранитная статуя оживилась. Бок дернулся,

словно от укуса овода. Суровый голос пророкотал:

– Сожалею. Я не могу ничего вам сообщить, пока не удостоверюсь, что вы действительно магид. Я не могу судить о добрых намерениях магидов только по вашим словам. Вынужден потребовать доказательств ваших полномочий.

Что ж, справедливо. С точки зрения кентавра я вполне мог оказаться бродячим магом, ведущим свою игру. Я вспомнил один навык, которым почти не пользуюсь, и создал в воздухе перед нами золотой знак Бесконечности – он тепло мерцал и переливался, словно восьмерка медленно вращалась в нужном направлении. Знак получился очень красивый и в сумерках светился очень ярко.

Кнаррос смотрел на него, не дрогнув ни единым мускулом, только золотой отсвет поблескивал в огромных темных глазах.

– Такое может сотворить и простой волшебник, – пророкотал он. – Если вы действительно магид, то способны на большее.

– Вы что, хотите полную церемонию?! – простонал я.

– О да, – проскрежетал он.

Для меня это было несколько слишком. Лично я никогда не встречал волшебника, тем более простого, который мог бы правильно призвать Бесконечность, однако я был не особо опытен, а Кнарросу и в самом деле предстояло принять весьма ответственное решение. Я вздохнул, жестом подозвал знак Бесконечности, чтобы он сиял у меня над головой, и медленно и старательно начал ритуал, который в последний раз проводил, когда Стэн поручился за меня перед Верхней палатой. Мне пришлось сильно сосредоточиться. Я не повторял ритуал три года. А сейчас меня отвлекал язвительный шелест богини-куста, а также крепнувшее чувство, что все это не просто лишнее, не просто выглядит довольно глупо, но еще и идет не по плану. Что-то сбилось, не сходилось, не вполне совпадало.

Кнаррос просто стоял и смотрел. За все время он подал признак жизни только один раз – раздраженно переступил задним копытом. Наконец я завершил ритуал и поклонился. Тогда Кнаррос снова коротко кивнул.

– Согласен считать вас магидом, – прогудел он. – Что вам нужно?

Я скрипнул зубами и учтиво повторил просьбу: наследники императорского престола, их имена, даты рождения, доказательства происхождения и все то же самое для детей, сосланных в мир под кодовым названием «Вавилон».

– Все это у меня есть, – сообщил Кнаррос. Но я даже не успел вздохнуть с облегчением, когда он все перечеркнул: – Однако у вас несколько неверные сведения. Настоящая наследница – старшая дочь

императора, она человек. Здесь ее нет.

– Когда же она появится? – спросил я.

– На закате, – отвечал Кнаррос. Мы с ним одновременно посмотрели на северо-запад, за куст. Небо все было в красно-золотых полосах – самый пламенный образчик великолепных талангийских закатов. – Императрица будет здесь с минуты на минуту, – сказал Кнаррос. – Если вы подождете, я принесу вам требуемые доказательства.

– Благодарю, – ответил я, а про себя подумал: «Давно бы так!»

Кнаррос повернулся, снова рассыпав искры из-под копыт, и направился вниз к домику в дальней части поселения. Спешить он не стал. У меня было вдоволь времени, чтобы понять, что поперек дороги у него лежит мой рулон защитных чар и пройти сквозь них он, скорее всего, не сможет. Надо было так и оставить. Но мне до смерти надоело здесь торчать. Я бочком подскочил к рулону, взвалил его на плечи, а потом поднял повыше, чтобы Кнаррос прошел под ним. Затем я подбросил рулон и швырнул вниз по склону, на крышу здания, к которому направлялся Кнаррос. У меня мелькнула мысль, что божество из куста мешает мне, но от злости я не обратил на это внимания. И когда я только взвалил рулон на плечи, то готов был поклясться, что по нему что-то ударило, да так, что я пошатнулся. Я решил, что это камень, вырвавшийся из-под копыт Кнарроса, и тоже не обратил внимания. Еще я не обратил внимания на требование Кнарроса стоять на месте – а все от чистой злости и упрямства, признаюсь честно. Вместо этого я побежал назад через вершину холма, мимо алтаря и вниз, к воротам, чтобы спросить мальчиков, кого именно им велели ждать.

Я туда не дошел. Не успел я миновать алтарь, как позади послышалось глуховатое «треск-бум». Я развернулся и бросился мимо куста, бешено махавшего ветвями, к зданию, куда ушел Кнаррос. Ноги бешено молотили по брусчатке. Расшатавшиеся булыжники стукались друг о друга, в сумерках блестели искры. Я понятия не имел, что это за «треск-бум», только было до ужаса похоже на взрыв в каменоломне, и я помню, как удивился, что здание стоит себе целехонькое. По-моему, я подумал – если я вообще о чем-то думал, – что снял защитные чары в тот самый миг, когда Дакрос потерял терпение и открыл огонь.

Это здание было больше и немного лучше остальных, с большим высоким дверным проемом, чтобы кентаврам было удобно. Я ринулся туда – там было практически темно – и едва не упал, споткнувшись обо что-то, лежавшее на пороге. Я выставил вперед руки, чтобы не упасть, и нащупал пальцами грубую теплую шерсть. От этого я отпрянул, налетел на косяк,

замер – и ощутил тепловатый запах дыма и мясной лавки. Тут я вызвал свет – в этом я тоже не очень силен, – и, когда у меня на ладони наконец разгорелся язычок свечного пламени и осветил каменные стены изнутри, я икнул, увидев распростертого на полу Кнарроса с неловко согнутой ногой, которую он сломал, когда падал. Он больше не был похож на гранитный памятник. Лица почти не осталось, а из шеи толчками вытекала красная кровь. У кентавров так бывает, у них же два сердца. Кнаррос был мертв – совершенно точно. Огромная серая рука сжимала револьвер, из которого он застрелился. А в дальнюю стену был вделан незатейливый сейф, где, должно быть, по-прежнему хранились необходимые мне доказательства.

Я глядел на сейф, и на ладони у меня все трепетал язычок пламени, и тут его толстая дверца медленно открылась. Я увидел, что там пусто. И снова опустил глаза и посмотрел на Кнарроса. Из револьвера, тупо подумал я. Прошла целая вечность, прежде чем я сложил два и два. Но на самом деле в такие минуты только кажется, что все кругом замедлилось.

– Господи, – сказал я. И выскочил наружу, на ходу вытаскивая из кармана свой пугач, имперский пистолет с толстым стволом, из которого удобно направлять луч, а не пулю, и тут же, едва очутившись под открытым небом, выстрелил в воздух – раз, и два, и три.

А потом помчался вдоль стены, огибая двор, и только и молился, чтобы не опоздать. На полпути ко мне присоединился юный кентавр Крис, который выскочил из другого дома с большими дверями, – он желал знать, что случилось.

На вид Крису было лет пятнадцать. В принципе он мог и сам застрелить Кнарроса, но мне не верилось, что он взял бы для этого земное оружие.

– Ты не слышал, тут никто не пробежал? – пропыхтел я на ходу.

Он непринужденно рысил рядом.

– С этой стороны – нет. Но я слышал шаги с той стороны двора.

– Вот черт! – простонал я. – Это точно был не я?

– Нет, я одновременно слышал, как ты бежишь там, сзади, – ответил он. – Пожалуйста, объясни, что случилось?

– Кто-то застрелил твоего дядю, – просипел я. – Кнаррос ведь был тебе дядей?

– Я сын его сестры, да, – ответил Крис. – Но... как же... что же?..

– Не хватает дыхания, – проговорил я и мрачно побежал дальше.

Я бы ни за что не допустил, чтобы он сейчас сам поскакал к воротам. А когда сам туда примчался, понял, что был прав. В свете от искр, вылетающих из-под моих ног и его копыт, я различил черный провал в стене – ворота были распахнуты. А внизу в сумерках виднелись два

маленьких светлых бугорка.

– Опоздали! Пропади все пропадом, опоздали! – выдохнул я.

Соскользнул по брусчатке под уклон, рассыпая голубые искры, и перевернул ближайший бугорок. Старший мальчик. Хвостик прилип к огромной резаной ране на горле, когда я его перевернул. Лужа крови под ним хлопнула, от нее слабо пахло. Он был еще теплый. Второй жалкий бугорок я трогать не стал и обернулся к юному кентавру.

– Кто-то вломился в ворота, – сказал я, – кто-то, кого вы все знаете, и они сказали, чтобы вы им не мешали, так ведь?

Крис прижал руки к подбородку. Копыта нервно топотали. Света хватало, чтобы разглядеть, что лицо его мокро от слез.

– Я... я не могу сказать, – пролепетал он. – Я правда не могу!

А потом, едва я успел подумать, что все, что говорил мне Стэн про то, как кентавры держат слово, истинная правда, он перескочил через оба маленьких тела и исчез в темноте за воротами – только бешено простучали копыта.

Я снова пустился бежать, уже вдоль другой стороны двора, и наконец добрался до домика, куда ушли девочки. Внутри было темно и на первый взгляд пусто. Я вломился в дверь, на ходу вызвав свет. Там была одна жалкая комнатуха с тремя узкими кроватями. На пяточке между ними лежало, свернувшись в комочек, тело младшей девочки, длинные потеки ее крови собирались в лужицы в щербинах на полу. Я поглядел на бедного ребенка и выругался. И вздрогнул от неожиданности, когда на звук моего голоса из-под ближайшей кровати высунулась голова старшей девочки. Из-под соседней кровати вылезла вторая.

– Кто это сделал? – спросил я. – Вы видели?

Они только вытаращились на меня – почти как зверьки. Должно быть, от потрясения. Мы смотрели друг на друга, и тут в дверь хлынул поток света, послышался громкий пульсирующий гул. «Здесь лучше разберется кира Александра», – с огромным облегчением подумал я и снова бросился наружу. Во дворе приземлялся легкий вертолет. К моей великой радости, сел он прямехонько на этот гадкий куст. Дакрос выскочил из кабины, перепрыгнув алтарь, и кинулся мне навстречу.

– Кошмар, – сказал я ему. Голос у меня от всего этого ужаса стал сиплый и срывался. – Господи, какой кошмар! В живых остались только две девочки, обе в состоянии шока...

– Из-за чего произошел сбой? – рявкнул Дакрос.

Больно было смотреть, как поникли солдаты, когда я все ему рассказал, как будто им на плечи легло бремя семи с лишним миров. Но все равно

Дакрос прекрасно знал свое дело. Он отрывисто отдал приказ, и тут же несколько вертолетов поднялись в воздух искать юного кентавра. Остальные приземлились, и из них высадились деловитые люди, видимо полиция, и стали разворачивать дуговые прожектора. Мы отправились осматривать место катастрофы при ярком свете, и военные деловито все фотографировали. Кира Александра в экспедиции не участвовала, однако я был рад, когда увидел, что несколько женщин из числа солдат сразу же взяли девочек под опеку, усадили их у стены и уговаривали рассказать все, что они знают. Посреди всего этого расхаживал Дакрос и выслушивал доклады. Я проникся к нему особым уважением за то, что перед лицом полного крушения всех своих надежд Дакрос совсем не собирался ни в чем винить меня. А я бы на его месте винил. Мне было скверно, мне было тошно, и я был бы сейчас только рад любым упрекам. А хуже всего, хотя я понимал, что бросить Дакроса в такой беде подло и недостойно, я собирался так и поступить. Люди, которые это сделали, были с Земли. Помимо всего прочего, меня мучил постыдный страх, что убийцы в эту самую минуту угоняют мою машину.

Минут через пятнадцать я попытался сообщить ему об этом – не сразу, а по частям. Мы стояли возле дома, где до сих пор лежал Кнаррос, и кто-то только что вручил нам по картонному стаканчику крепкого имперского кофе.

– Убийца Кнарроса применил оружие из моего мира, – сказал я, – и, подозреваю, они вернулись туда со всем тем, что взяли в сейфе...

– Прошу прощения, генерал Дакрос. – К нам подошла женщина в военной форме. – Вот что мы нашли зажатым в другой руке Кнарроса. Мы сделали снимки, но капитан считает, что это нужно показать вам немедленно.

Это был уголок официального манускрипта на плотной бумаге, грубо оторванный. Было видно, как его смяли мощные пальцы Кнарроса. Дакрос взял его и торопливо осветил большим фонарем. На бумажке что-то было написано от руки красивым наклонным почерком – так в империи принято оформлять важные документы, – в основном отдельные буквы и цифры, которые мне ничего не говорили. Я сумел разобрать только имя, или часть имени, – «Семпрония Марина Тимоза Е», – сохранившееся на самой широкой части.

Однако для Дакроса все это имело какой-то смысл.

– ДНК, группа крови, скан роговицы, – сказал он. – Вероятно, этого хватит, чтобы установить личность какой-нибудь из этих девочек. Так держать, рядовой. – Он повернулся ко мне, но его тут же отвлек писк рации

– вызывал один из бронетранспортеров. – Когда-когда они от вас убежали? – сурово переспросил он в микрофон. – А, понятно. Нет, тогда все в порядке. Значит, это были просто зеваки. – Он снова повернулся ко мне. – Извините. Сюда постоянно приходят деревенские жители поглазеть. В Талангии бронетранспортеры нечасто увидишь. Я было обрадовался, что мы поймали убийц. Жаль. Так или иначе, Кнаррос, должно быть, сжал в руке этот сертификат, когда понял, что его обманули. Вы тоже так считаете, магид? Вероятно, злоумышленникам пришлось застрелить его, чтобы забрать бумагу. Вероятно, они прикрылись тем, что якобы привезли настоящего наследника, – вы говорите, это девушка, так ведь? Очень странно. Кнарросу это наверняка показалось подозрительным, ведь у него под опекой было двое мальчиков. В империи трон в первую очередь наследуют сыновья. И убийцы, должно быть, пришли пешком на закате, поэтому мы их не заметили, и каким-то образом убедили Кнарроса отложить принятие решения до их появления. Затем они похищают доказательства и получают возможность предоставить нам лженаследника, к тому же обеспечив, чтобы у нас не осталось наследников, кроме их самозванца. Должно быть, их план примерно таков, согласны?

Я стоял во дворе, залитом мертвенно-синим светом, глотал кофе и думал об этом. С моей точки зрения, все было совсем не так. Особенно в общую картину не укладывался тяжелый удар, который я ощутил, когда поднимал рулон защитных чар, чтобы пропустить под ним Кнарроса. Это был выстрел. Это был выстрел из того самого револьвера, из которого убили Кнарроса. Теперь я в этом не сомневался. И едва я это сообразил, мне тут же вспомнился тот случай на окраине Ифориона, когда меня едва не подстрелил снайпер. Какой же я дурак – не сообразил, что это тоже было огнестрельное оружие земного типа! Какой же я дурак! А если проследить эту цепочку насилия в прошлое, стоит задуматься, какова была подлинная природа взрыва, который убил императора.

«Все было спланировано!» – подумал я. Все – от бомбы во дворце и дальше. Тот, кто составлял этот план, исходил из предположения, что мне известно то же, что и Кнарросу. А Кнаррос намеренно меня задерживал – лгал мне! Я думал, кентавры не лгут. Надо будет обязательно спросить об этом Стэна. Но теперь мне было очевидно, что Кнаррос не подпускал к себе Дакроса, пока не появился я, а затем снял волшебное эмбарго с дороги, чтобы убийцы могли пройти. Чепуху с магидской церемонией он затеял исключительно ради того, чтобы основательно отвлечь меня и дать им время занять позицию. Затем Кнаррос подстроил так, чтобы я остался стоять у алтаря, на фоне неба, – идеальная мишень. К счастью для меня,

стрелок не спешил, должно быть, хотел прицелиться как следует, а я совершенно случайно спутал ему карты, потому что бросился поднимать рулон пуленепробиваемых чар и заслонился им. А потом вообще ушел с линии огня – побежал в другую сторону. Видимо, убийца решил навестить упущенное и просто застрелил Кнарроса. Я понятия не имел, собирался ли он с самого начала убивать Кнарроса или нет, но знал, что мне повезло. Очень сильно повезло.

Руки у меня тряслись, когда я отдал картонный стаканчик стоявшему рядом солдату. Более того, дрожь добралась уже до плеч и затронула колени.

– Да, я уверен, что Кнарроса обманули, – сказал я Дакросу. Дрожь слышалась и в голосе. – Однако главное – что убийцы с Земли. Вероятно, они уже вернулись туда. Если вы не возражаете, я бы, наверное, тоже вернулся и отправился на поиски. Можно ли попросить, чтобы меня доставили к машине на вертолете?

Дакрос согласился, и мы, как обычно, договорились, что будем держать связь. Но одно он подчеркнул особо. Он хотел, чтобы убийц доставили в империю, судили и расстреляли. Я тоже хотел. На Земле против них не было никаких улик.

– Возможно, нам придется признать их самозванного императора, – сокрушенно сказал Дакрос. – Если не удастся подтвердить право на трон одной из девочек. Надеюсь, магид, вы сумеете найти оставшуюся часть документа.

Я подумал, что у меня нет ни малейшего шанса, но дал слово постараться и, дрожа, забрался в вертолет. Внутри нейтрально пахло металлом, и от этого ужас понемногу отступил. Я понял, что мне и в самом деле срочно нужно домой. Разоренное поселение было залито ослепительным искусственным светом, и от этого все походило на побег, но когда вертолет перепорхнул через лес на склоне, я увидел более широкую картину – шире, чем мое случайное спасение, и даже шире, чем циничное убийство детей. Я смотрел вниз на деревья и понимал, что найти этих людей – мой долг магида. Во-первых, они слишком много знали обо мне, это нельзя было так оставлять, во-вторых, они считали, что я знаю о них больше, чем на самом деле. Но главное – они сделали из мира в Нет-стороне базу для нападения на мир в Да-стороне, а такое терпеть нельзя.

Глава семнадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

Когда вертолет отлетел от холма и, гудя, поплыл напрямик над равниной, я с удивлением обнаружил, как там все еще светло. Было прекрасно видно и золотистую пыльную почву, и сетку более светлых проселков на ней, и ровные черные линии виноградников на желтой земле. Прожектора вертолетов, охотившихся на юного кентавра, выглядели будто точки, вырезанные из желтого закатного неба. Я сомневался, что они найдут Криса. Те, кто все это спланировал, наверняка поджидали его в лесу. Крис знал, кто убийцы. Странно, что они сразу его не убили. И Роб почти наверняка знает слишком много. Меня охватила острая тревога за него и за Уилла, если Уилл попытается его защитить. И за свою машину. Они могли запросто ее угнать. И за Стэна, разумеется. Это было чревато такими осложнениями, что даже думать не хотелось.

Однако машина оказалась на месте – стояла там, где я ее бросил. При виде нее меня охватило такое облегчение, что я наскоро поблагодарил пилота, соскочил в колкий пыльный смерч, поднявшийся из-под вертолета, и бросился к моему очаровательному, изящному серебристому авто, что твой спринтер.

Дверь, которую я оставил распахнутой, была теперь закрыта. У меня екнуло сердце. Но когда вертолет взмыл в небо и улетел, прихватив с собой гул, до меня донеслось в сумерках тихое тиньканье Скарлатти. Может, все и обошлось. Однако на случай, если нет, я заготовил самый что ни на есть массивный стасис и продолжил бежать, как будто не заметил никакой разницы.

Водительская дверь начала открываться. Я швырнул в нее стасисом. Дверь застряла полуоткрытая – чья-то рука на кромке, чья-то нога высунулась снизу. Скарлатти оборвался на полуфразе. Но когда я преодолел последние ярды и распахнул дверь, то услышал крик Стэна и приготовился сделать кому-то больно.

Из машины боком выпал на землю Ник Мэллори – присевший и согнутый, как был, в позе человека, собиравшегося выйти из машины. Взвилось облако пыли, белой в свете лампочки в салоне, и осело на его и без того грязную одежду. Особенно меня поразило, как от пыльной корки проступили потеки слез у него на щеках. Мне и в голову не приходило, что Ник Мэллори из тех мальчиков, которые умеют плакать.

Тут в мое сознание наконец проникли сиплые вопли Стэна:

– Прах побери, ну и удар! Все хорошо, Руперт! Все хорошо, честное слово! Расколдуй его и выслушай! Тут творятся скверные дела, и творит их не он!

– Откуда ты знаешь? – спросил я.

– Я все видел и слышал, – ответил он. – Быстрее! Расколдуй его!

При нормальных обстоятельствах я бы поверил Стэну на слово, но это были совсем не нормальные обстоятельства. Я остался на месте, держась за дверцу машины и переступив через Ника.

– Сначала скажи, что ты видел и слышал.

– Ну, если ты так... – протянул Стэн. – Ай, да ладно. Я считаю, – с нажимом проговорил он, – что видел, как этот мальчик сюда приехал, наверное, был в той, другой машине, но сначала не придавал этому значения, просто увидел вдали пыльный след и решил, что это кто-то объезжает плантацию. Забеспокоился я только на закате. Красное небо, то-се. На самом верху холма. Два выстрела.

– Два выстрела? – проговорил я. – Спасибо.

Теперь я точно знал, что у меня не паранойя.

– Да, два, – сказал Стэн. – Мне было отчетливо слышно. Потом, примерно через полминуты, с холма ударили три столба красного пламени – наверное, сигнальный пистолет.

– Это был я, – сказал я.

– Так я и подумал, – ответил Стэн. – Тут люди вокруг бронетранспортеров как засуетятся – точь- в-точь растревоженный муравейник, – из башен полетели вертолеты, замигали огни, все забежали. Вертолеты зависли низко в воздухе, загудели, к ним сбегались солдаты, грузились в них – в общем, паника. Целую вечность провозились, но потом поднялись в воздух и полетели на вершину – шуму-то было. Похоже, твой сигнал застал их врасплох.

– Да, – сказал я. – По-моему, они думали, будто я всемогущий. А потом что?

– Некоторое время было тихо, – продолжал Стэн. – А потом стена огня...

– Какая стена огня?!

– Именно что стена, но только на миг – вон там, справа от тебя, у самого леса. Наверное, те, что в бронетранспортерах, ее не заметили. Она была от них по другую сторону холма. Я-то заметил ее только потому, что в нынешнем состоянии смотрю как будто во все стороны сразу. К тому же я был настороже, боялся за тебя, – признался Стэн. – Так обидно, что нельзя выбраться из машины! Я все ломал себе голову, что я могу сделать. Но некоторое время ничего не происходило, а потом случилось сразу все. Сначала этот мальчонка продрался сюда вон из того виноградника, уж так бежал, так бежал, что просто с ног падал, и бросился к машине – вроде обрадовался. Но едва он сюда забрался, как вертолеты ну разлетаться с холма во все стороны, будто горошины из лопнувшего стручка...

– Это когда я сказал Дакросу про юного кентавра. А ты...

– Видел ли я его? Да, видел, – сказал Стэн. – И расскажу тебе об этом, как только ты расколдуешь этого мальчонку. Он и так наверняка весь в синяках, вон как повалился-то, ни к чему дожидаться, пока у него еще и мышцы сведет. Даю тебе честное слово, он ко всему этому непричастен. Руперт, он бежал к машине просить о помощи. Кстати, как его зовут?

– Ник, – ответил я. И окинул взглядом долговязую фигуру Ника, скорчившуюся возле машины.

Стэн говорил дело. У парня все сведет. Я пошел на компромисс. Немного ослабил стасис и левитировал Ника обратно на сиденье – только пыль заскрипела. От напряжения у меня снова задрожали ноги.

– Пока это все. Рассказывай про кентавра, – потребовал я.

– Тогда дай рассказать все по порядку, – ответил Стэн. – Тебе все это нужно знать. Этот Ник по какой-то причине не хочет, чтобы его заметили с вертолетов. Машина стоит здесь, дверь открыта, внутри горит свет – вот как сейчас, – а он, вместо того чтобы забраться внутрь, плюхается на живот и залезает под машину между передних колес. И я думаю: ага-ага! Наверное, думает, что его ищут! Наверное, хочет, чтобы разогретый двигатель замаскировал тепло его тела – вдруг у них тепловые датчики? Ну-ну. Лично я не думаю, что у них есть детекторы, иначе они бы уже нашли юного кентавра, а они еще ищут, как я погляжу.

Я обернулся поглядеть через плечо. Очень далекие огни виднелись на фоне неба ярко-ярко и сновали туда-сюда над темно-синей плоской равниной. Небо тоже стало темно-синее, только на западе еще проступало несколько светлых полос.

– Черт. Нет, еще не нашли. А потом что?

– Тут я немного посвоевольничал, я же знаю, что в империи казнят направо и налево. Я наложил на машину довольно сильное заклятье «Не смотри на меня». Оказалось очень кстати. Скажи мне спасибо, что тебе не прострелили шины. Едва юный Ник успел забраться под машину с глаз долой, как откуда ни возьмись появился этот кентавр – просто как чертик из табакерки. Ну и скорость у него! У них вообще скорость хоть куда. Два сердца, две пары легких. Любой скаковой лошади фору дадут. И только он промчался по этой дороге, как вдруг из-за вон того виноградника вылетает машина – обычная земная машина – и с ревом мчится за кентавром. В машине мужчина и женщина, за рулем женщина. Она видит кентавра, врубает фары, ловит его в пятно света, а мужчина высовывается из окна и стреляет в него из пистолета. Бам, бам, бам! Кентавр скачет туда-сюда, будто коза, а потом перепрыгивает через ограду виноградника на той стороне. По-моему, стрелок промахнулся. Надеюсь. Этот кентавр – он так прыгает, прямо летает!

– Ты разглядел людей в машине? – спросил я.

– Нет, темно, да и фары у них были включены, – сказал Стэн. – Мужчина был с дальней стороны, так что я только мельком его увидел, когда они промчались мимо. Голова, локоть, вспышка, грохот – сам понимаешь. Женщина – вообще только силуэт.

– На ней были очки? – допытывался я. Если Ник здесь, значит это почти наверняка машина Мари.

– Вроде нет, – ответил Стэн. – Да и вообще их уже давно след простыл. Они остановились там, где кентавр перескочил через ограду: вспыхнули

стоп-сигналы, скрежет, пыль – и мужчина хочет выйти. Дверь с его стороны открывается, и я понимаю, что нашу машину он заметил. Они там оба владеют волшебством, так что все равно обязательно разглядели бы ее. Тут я начинаю соображать. Что сделать, чтобы он не пошел сюда, – а то, чего доброго, попортит машину, да еще и Ника найдет? Признаться, особенно ничего. Но тут, к счастью, их заметил один вертолет и с ревом снизился над дорогой – прямо у меня над головой. Я им прямо-таки кричал, чтобы они прожгли тем шины своими лазерами, но таких приказов они не получали и просто зависли в воздухе над той машиной. Мужчина запрыгивает обратно. Женщина трогается с места, и они тут же совершают переход и исчезают – раз, и все. Вертолет еще немного полетал туда-сюда, нашу машину с него не видели, а может, знали, что она твоя, и вообще им нужен был кентавр, но к этому времени они и его тоже упустили. Ну и улетели. Потом, совсем скоро, когда все успокоилось, Ник выползает из-под машины, забирается на водительское сиденье, захлопывает дверь и ревет, можно сказать, как белуга. Он был в таких растрепанных чувствах, что я даже подумал, не заговорить ли с ним.

– А почему не заговорил?

– Он же считал, что его никто не видит, – пояснил Стэн.

– Ясно.

Я посмотрел на Ника, который скорчился на сиденье моей машины, и мне стало немного совестно за свои подозрения.

– Люди в этой машине, – проговорил я, – убили там, наверху, троих детей и еще одного кентавра. Первый выстрел, который ты слышал, был в меня.

– В таком случае ты имеешь полное право на паранойю, – сказал Стэн. – Но, сдается мне, этот мальчик тут ни при чем.

– Возможно, – согласился я и снял стасис.

Поскольку стасис был очень сильный, Ник не знал, что прошло какое-то время. Он продолжил начатое движение и взволнованно выскочил из машины.

– Слава богу, вы вернулись! – Голос у него звенел и срывался от горя и спешки. – Скорее, скорее, ну пожалуйста! Мама взяла и разметала Мари между мирами!

– Что?! Она открыла через нее Мировые врата? Точно? Где? – рявкнул я.

Мне хотелось задать сотню вопросов, но эти были самые важные.

– Да, точно! Я там был и все видел! – Голос у Ника снова сорвался. – Вон на том холме, где лес, на дороге. Вы можете поехать туда прямо

сейчас? Ну пожалуйста!

– Садись в машину, – скомандовал я. – Быстро. Говори куда.

Пока Ник, спотыкаясь, огибал машину и забирался на пассажирское сиденье, я уже очутился за рулем и тронулся, не успев даже двери закрыть. Если кого-то разметало на том самом месте, где произошел переход между двумя мирами, нужно добраться до него как можно скорее, пока два разделенных тела не утратили связь друг с другом. А Мари разметали чуть ли не полчаса назад. Я включил фары и помчался зигзагами через виноградники, слушаясь указаний Ника, а сам ругал себя на чем свет стоит за идиотскую подозрительность, из-за которой упустил столько времени.

– Твоя мать была одна? – спросил я.

– Нет, с одним человеком, его зовут Грэм Уайт, – ответил Ник. – Они меня не видели. Я не показывался им на глаза. Но я ничего не мог поделать! Потом из лесу выскочил мальчик-кентавр и закричал, что они убийцы, и мне ничего не пришло в голову, кроме как добежать до вашей машины, пока они орут друг на друга. Я бросился через виноградники – надеялся, что вы уже там. Здесь опять направо.

Я свернул, подняв целую волну пыли, и покатил по дороге, огибавшей холм у подножия, между черно-зеленым лесом на склоне и черной живой изгородью без листьев, фары бросали синеватый свет на желтую дорогу. Вдали лежало маленькое белое тело – и ошибиться было невозможно.

– Вот! Вот она! – закричал Ник.

Я рванул туда и, завизжав тормозами, остановился – только щебенка раскатилась из-под колес. Мы с Ником выпрыгнули наружу.

– Не подходи! – предостерег я его. – Мне надо посмотреть, где именно открылись ворота.

Он послушался, не задавая вопросов. И на цыпочках последовал за мной, а я осторожно подошел к Мари, держась с той стороны, где над дорогой нависал лесистый склон. Мари лежала ногами к нашим горящим фарам, подложив руку под голову, словно заснула на дороге. Наверное, она инстинктивно выбросила руку перед собой, чтобы защититься, когда ворота открылись.

– Расскажи, где именно они были – те двое, – велел я. – А лучше просто пойди и встань туда, где стояла твоя мать, только в точности, а потом скажи, где мне встать, чтобы я оказался на месте Уайта.

Ник покивал – подбородок у него еле заметно, жалобно дрожал – и легкими шагами, бочком, перешел дорогу почти до голой живой изгороди на противоположной стороне. Он остановился примерно в шаге дальше по дороге от неподвижных белых подметок Мари и шагах в шести сбоку от

нее.

– Грэм был почти точно напротив, – сказал он, – на таком же расстоянии.

– Ты уверен?

– Да, – ответил он. – Я знаю наверняка, потому что вижу отсюда следы, где мы оставили машину Мари, вон там, у леса, рядом с вами. Мари хотела открыть дверь, а они обошли машину сзади.

– А ты где был? – спросил я.

– Примерно там, где сейчас ваша машина, только внутри живой изгороди, – ответил Ник. – Отошел пописать.

– Спасибо, – сказал я.

Он рассказал все очень точно. Хорошо, что уже стемнело. Яркий белый свет фар моей машины отбрасывал тени от каждого камешка, в каждой выемке на дороге и высветил даже очень мелкую прямую бороздку в песке, которая тянулась примерно на ярд в стороны от лодыжек Мари. При дневном свете ее было бы трудно различить. Я опустил на четвереньки и углубил бороздку по всей длине ногтями. И только тогда набрался смелости прикоснуться к Мари – или к тому, что от нее осталось.

Она еще дышала, неглубоко, слабо, редко, но когда я перекатил ее к себе на левую руку, чтобы приподнять под плечи, то почувствовал, что она совсем холодная. Я отчаянно понадеялся, что это она просто долго пролежала на земле после заката. Ночи здесь очень холодные. Воздух был охвачен той ледяной неподвижностью, какая сулит заморозки к полуночи. А Мари – так бывает со всеми, кого разрывает между мирами, – выглядела сейчас так, словно ее уже тронуло морозом. Всклоченные каштановые волосы сделались серебристо-белокурыми. Лицо начисто лишилось красок. Черная кожаная куртка превратилась в серую самого что ни на есть блеклого оттенка, а джинсы, как я убедился, когда подхватил ее другой рукой под колени, из синих стали почти белыми.

Поднять ее было проще простого. Весила она ровно вдвое меньше, чем на самом деле. Я без труда встал на ноги с ней на руках – и оторопел, обнаружив, что в жизни не чувствовал ни к кому такой нежности, как сейчас, когда прижимал ее к себе, легкую, обмякшую, ледяную. А еще я едва не заплакал.

Я не успел положить ее там, где собирался, как над холмом на уровне верхушек деревьев пронесся один из вертолетов Дакроса, поймал меня лучом прожектора, резко снизился и сел сразу за изгородью. Я услышал, как трещат и ломаются толстые зрелые лозы, и у меня мелькнула мысль, сколько же ему придется заплатить владельцу в возмещение ущерба. А

может, владельцем был он сам. Прожектор пронизал изгородь, отбросив на нас с Ником длинные сетчатые тени голых ветвей и практически скрыв мою тщательно процарапанную метку.

– Еще что-то случилось, магид? – послышался усиленный мегафоном голос.

«Убирайся, прошу тебя!» – подумал я. Чтобы определиться с ответом, мне даже не нужно было сиплой подсказки Стэна на ухо: «Ничего ему не говори!»

– Да, но это уже дело моего родного мира! – крикнул я. – У меня все под контролем!

Надрывался я зря. Через поломанные лозы уже пробирался Дакрос. Вскоре он перегнулся через изгородь за Ником. Думаю, его можно понять.

– Что еще? – спросил он.

– Те же убийцы, – ответил я. – Похоже, они разметали эту девушку между мирами, чтобы завладеть ее машиной. Если можно, отключите прожектор. Мне не видно метку.

Дакрос отдал приказ по рации, с любопытством глядя на Ника. Когда яркий луч погас, он спросил:

– Вы, наверное, один из двоих зевак, которые улизнули от Джеффроса?

Откровенничать с Дакросом Нику хотелось не больше моего. Когда я бережно уложил Мари на нужное место вдоль метки, которая снова стала отчетливо различима, Ник сказал:

– Да, прошу прощения. Мы не знали, что это военная операция. Просто последовали сюда за ним... за Рупертом. Это была глупая шутка, нам всего-навсего хотелось погулять. Я все объяснил Джеффросу. И мы думали, что, пока все заняты, мы тихонько убежим. Но... но все пошло не так.

– Да уж пожалуй, – процедил Дакрос. – Вам было приказано держаться возле бронетранспортеров. У магиды и без вас достаточно неприятностей, юноша.

Он остался стоять у изгороди и смотреть, а я отступил на шаг от Мари и выстроил конструкцию, которая приоткрывала крошечную щелку в стенах между вселенными.

Здесь и так было слабое место. То ли Уайт, то ли Жанин запечатали ворота как попало. Они распахнулись – и нам в лицо вырвалась пелена ревающего алого пламени. Дакрос и Ник разом вскрикнули и пригнулись. Даже еле теплое полутело Мари и то дернулось. Я прикрыл рукой опаленное лицо и напрягся, как сумасшедший, чтобы закрыть ворота как следует. Я думал, это будет вечно. Слышал, как шипит и потрескивает

изгородь, слышал жестяной шелест облупляющейся краски на машине, но в конце концов мне все же удалось свести вместе и закрепить разорванные концы Бесконечности. Я еще укрепил соединение для надежности, а потом отошел к изгороди и привалился к ней, чтобы передохнуть минутку.

– Ух ты! – проговорил Дакрос. – А что это?

Над дорогой висел дым и витала серная вонь и резкие запахи паленого. Я затушил ладонью тлеющую подпалину на штанине и ответил:

– Недра вулкана. Такие ошибки совершают глупые дилетанты.

Только я не думал, что это ошибка. По-моему, место, где лежала Мари, было выбрано очень тщательно.

– Выходит, вторая половина Мари... – начал Ник.

– Ее больше нет, – сказал я.

Ник застыл, робко протягивая руку к белым останкам Мари, в таком очевидном потрясении, что я добавил:

– Ничего, Ник, придется придумать другой способ.

Никакого другого способа не было – кроме одного, такого редкого и рискованного, что лучше бы Нику смириться и не задавать вопросов.

– А пока давай отвезем ее домой.

Ник просто повернулся, двинулся к моей машине и открыл заднюю дверцу.

– Я выйду на связь очень скоро, – сказал Дакрос, – и сообщу о новой императрице. Нам предстоит провести серьезные обсуждения. И я по-прежнему хочу, чтобы убийц выдали империи.

– Вы их получите, – заверил я, – даже если это будет последнее, что я сделаю в этой жизни.

Я нагнулся и снова поднял на руки бранные останки Мари. На этот раз я не ощутил ничего, кроме острой грусти. В каком-то смысле она была еще жива, но это ненадолго. Оставшись одна, половина разметанного человека быстро угасает. То, что я держал на руках и нес к задней дверце моей машины, можно было считать трупом. Ник бережно-бережно принял мою ношу и уложил ее на заднем сиденье так заботливо, что я испугался: похоже, он до сих пор думает о Мари как о живой.

Бедный мальчик, подумал я и тут же вспомнил о Робе и о своих опасениях за него. И сказал:

– Поехали.

Ник послушно забрался на пассажирское сиденье. Я помахал Дакросу, и мы укатили по дороге примерно в тот же момент, как вертолет взлетел и направился обратно на вершину.

И тут я промахнулся.

Наверное, я мог бы найти этому оправдание. Мы стартовали с другого места и в другом направлении. После всего случившегося я, несомненно, был потрясен и очень устал. Магиды ведь тоже люди. А те, кто напал на Мари, разметили путь в Вонтчестер точно так же, как отметили место вокруг машины Мари. Думаю, что, раз им не удалось меня застрелить, они решили сделать так, чтобы я не смог вернуться. Однако магидов отбирают за способность делать свое дело, невзирая на трудности – умственные, физические и магические. Вопрос был только в том, насколько точно я нацелюсь туда, куда хочу попасть. Я до сих пор себя ругаю.

В общем, мы катили в Нет-сторону, в гору, и в свете фар клубилась взбаламученная серебристая дымка между мирами, и вдруг со всех сторон нас обступили терновые кусты, все гуще и гуще, и совсем перегородили склон. Последний участок был просто сплошные заросли. Я включил первую передачу и поехал сквозь кусты, уповая на то, что какая-нибудь случайная колючка не пропорет шину. Ветки хрустели и стучали под днищем, скрипели и царапались в дверцы. Колеса мелко трясло на упругих побегах. Наверное, там-то я и отклонился в сторону, и погрешность оказалась значимой. Хорошо хоть мы попали в Вонтчестер, а не куда-нибудь еще. Я чувствовал, что мы там. Я был уверен, что мы на месте, когда увидел тусклый оранжевый отсвет далеких неоновых вывесок, – но по приезде нас встретил жуткий скрежет и лязг с обеих сторон. Оранжевый свет обернулся тусклой рябью над головой. А моя надежная, дорогая, ухоженная машина остановилась, закашлялась и заглохла. И было от чего. Ее заклинило между двумя прочными металлическими ограждениями, промежуток между которыми был практически точно равен ширине машины.

Ограждения стояли вдоль какого-то прохода. Я видел, как он тянется вперед на несколько ярдов. Наверху их соединяла арка из белого рифленого пластика. Я выругался – с изобретательностью, какую придает беспомощная ярость.

Ник уныло заметил:

– Впервые слышу это выражение.

– Что случилось? – всполошился Стэн. – Чтоб нас разорвало, куда мы попали?

– Вроде бы это Уинмурский автовокзал, – предупредительно ответил Ник. – Мы под длинным навесом, где полагается стоять в очереди на автобус.

Разумеется, так и было. Нас заклинило ровно посередине, и хорошего во всем этом было только одно – насколько я мог судить, на автовокзале

было практически пусто. Суббота накануне Пасхи, восемь вечера – в городке вроде Вонтчестера это, скорее всего, означало, что последний автобус уже час как ушел. Но все равно мне показалось, что это уже слишком. Я уткнулся лицом в руль.

– Тогда выйти поскорее у нас не получится, – услышал я голос Стэна. – Мы ведь зажаты так, что двери не открыть, верно?

– Да, – согласился Ник. – А поблизости, похоже, никого. Как вы думаете, если закричать, это поможет?

– Даже не пытайся. Никто не поймет, как мы сюда попали, – одернул его Стэн. – А чтобы нас сдвинуть, потребуется тяжелое оборудование для резки металла. Поскольку в понедельник официальный выходной, не удивлюсь, если мы проторчим здесь до вторника.

– Вы серьезно?! – Ник не успел привыкнуть к черному юмору Стэна. – А разве Руперт не может вернуться в другой мир, а потом снова заехать на Землю, но в нужном месте?

– А вот это никак, сынок, – сказал Стэн. – Чтобы совершить переход, нужно двигаться. А если не двигаться, тебя разметает.

Убийцы, вероятно, именно на это и рассчитывали, подумал я. И выпрямился.

– Вот что мне придется сделать, Ник: я силой разогну эти перила в стороны и растяну крышу вместе с ними, чтобы мы могли проехать.

– Ой, – сказал Ник. – Э-э... Руперт, а кто этот невидимка, который едет с нами?

– Это Стэн, – ответил я. – Стэнли Чарнинг, Ник Мэллори. Ник, Стэн был жокеем-чемпионом и магидом – до развоплощения.

– Э-э-э... – повторил Ник.

Я чувствовал, что он решает, вежливо ли будет уточнить, не следует ли из этого, что Стэн призрак. Он ограничился фразой: «Рад познакомиться».

– И я, – отозвался Стэн. – Привет-привет.

– Ага, а теперь оба замолчите, – велел я, – и дайте поработать над этой автобусной остановкой.

Тут же настала почтительная тишина. Я принялся за работу. Она была трудная, а я еще и устал. Я заложил в секции металлических перил первоосновы роста. Я показал им, как зарождается жизнь в минералах, которые не так уж сильно отличаются от веществ, из которых состоят они сами, как она проклевывается из крошечных зачатков, набирает силу, обретает направление, и наемкнул на то, в какую сторону им стоит расти. Потом проделал то же самое с рифленой пластиковой крышей. А при этом поскольку я работал с ростом, силами и жизнью, то пережил тот самый

момент, который якобы никогда не переживали Тэд Мэллори и его коллеги-писатели с того круглого стола. Идеи, мысли, связи и объяснения обрушились на меня и затопили мне мозг, словно мощная атлантическая волна во время прилива. Они потащили меня плескаться и перекатываться с ними. Сначала я пошел ко дну, а потом выплыл и покатился на волне, охваченный безмерным восторгом, который все нарастал. Все, что я знал о сегодняшних событиях, само сложилось в цельную картину подо мной, словно детали, которые валялись как попало, только и ждали, когда же я их увижу и соберу. Я подумал, что знаю, что происходит и почему. А когда я напомнил безжизненным химикатам в крыше о крошечных зачатках жизни, то понял, что прав.

Ник и Стэн не издавали ни звука, пока я работал и думал, думал и работал, однако, к своему удивлению, когда я намекал пластиковой крыше на лесную листву в вышине, то вдруг услышал, как Мари что-то слабо-слабо проговорила и чуть-чуть пошевелилась. Либо в ней сохранилось больше жизни, чем я думал, либо – скорее всего – я сумел внушить первоосновы жизни и роста и ей тоже.

Наконец все было закончено. Я откинулся на спинку:

– Чтобы все подействовало, нужно примерно полчаса. По-моему, самое время поговорить.

Глава восемнадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

– Сначала Стэн, – сказал я.

– Я? – оторопел Стэн. – Мама дорогая, а почему я-то?

– Потому что ты знаешь все о кентаврах, – ответил я. – Скажи мне, правильно ли я понимаю. Мне говорили, что кентавры – создания, необычайно верные своему слову. Если они поклялись кому-то в дружбе или заключили соглашение, то никогда не подведут.

– Ну-у... – протянул Стэн. – Да. Приблизительно.

– Тогда что бывает, если у них одинаковые обязательства перед кентавром и человеком?

– Кентавр всегда на первом месте, – ответил Стэн. – Расисты, что с них

возьмешь. Ради кентавра продадут с потрохами любого человека. Прошу отметить, что, если вдуматься, мы на их месте поступаем точно так же.

– Хорошо, – кивнул я. – А обязательства между кентаврами?

– Родственники в первую очередь, – уверенно сказал Стэн. – Всеякие цари, вожди и прочее их не интересуют. Да у них ничего подобного и нет. Но ради родственника они на все готовы, и чем ближе родство, тем больше. Все осложняется тем, что у них нет постоянных пар, как у людей, так что всегда трудно отследить, у чьей дочери ребенок от чьего сына, и разобраться, есть ли здесь семейные связи. Если есть, они называют друг друга кузенами и кузинами. Многие полжизни тратят на восстановление генеалогического древа. От этого занудства сдохнуть можно. «С тем мы кузены, а с той не кузены». И все такое прочее.

– А какие связи учитываются в первую очередь?

– Матери и ребенка, – сказал Стэн. – Следующие – мужчины-кентавра с детьми его сестры, затем – женщины-кентавра с детьми ее брата, если она точно знает, что это его дети, а тут, понимаешь, трудно быть уверенным, потом – братья и сестры, а уже потом – кузены и кузины в нашем понимании, то есть двоюродные братья и сестры. Связь отца с детьми, которые точно его, – только на шестом месте. Он всегда заботится в первую очередь о детях сестры, а потом уже о своих.

– Ясно, – сказал я. Пока что все складывалось идеально. – Еще мне всегда говорили, что кентавры никогда не лгут. Это так?

– М-м... – сказал Стэн. – Официально – так. И кентавр никогда не скажет тебе откровенной неправды – ну, что черное – это белое и все в таком роде. Зато все они прекрасно умеют исказить правду, если считают нужным. То есть говорят тебе два факта, которые друг другу противоречат, но так, что они будто бы сходятся, или добавляют какое-нибудь словечко, которого ты не заметишь, но из-за этого словечка то, что они говорят на самом деле, превращается в полную противоположность тому, что ты услышал. Сам много раз сталкивался. Ушлый народ эти кентавры. Никогда не забывай, что даже у глупого кентавра больше мозгов, чем у большинства людей.

– Не забуду, – пообещал я. – Буду помнить, когда придется говорить с Робом – если он, конечно, в состоянии беседовать.

– Куда денется, – ответил Стэн. – И исказить правду он тоже в состоянии. Об этом тебе также нельзя забывать. Кентавры – крепкие орешки. Вы бы две недели провалялись, что ты, что Ник, а они встают и уходят, как ни в чем не бывало.

– Поневоле задумываешься, почему кентавры не правят множественной

Вселенной! – заметил я.

– Ну, во-первых, в половине миров им не выжить, – указал Стэн. – Им жизненно необходимо волшебство. Но на самом деле они просто не жаждут власти. Не видят особого смысла.

– Я об этом тоже думал, – сказал я. – Но это как-то непонятно. Вот поэтому следующее, что я хотел у тебя спросить, – может ли кентавр захотеть стать императором? Насколько мне известно, законы Корифоса этого не запрещают.

– Только если этот кентавр согласен остаться совсем один, отдельно от всех остальных кентавров на свете, – уточнил Стэн. – Блюстители нравов его не одобряют, а остальные посмеются и решат, что он спятил. И будут ему подчиняться, только если связаны с ним семейными обязательствами.

Я вспомнил про Кнарроса, который явно жил в изоляции от большинства остальных кентавров и, что так же несомненно, искажил истину в разговоре со мной. Это наводило на размышления. Но, так или иначе, Кнарроса больше нет. И я не сомневался, что Кнаррос был верен императору, а потом и убийцам императора, и у него были на то свои причины, а не очевидные человеческие. Одна причина – все они поклонялись одной и той же унылой богине в кусте. Надо спросить об этом Стэна. Но вторая причина была куда более веской.

– Стэн, могут ли кентавры скрещиваться с людьми?

При этих словах мне почудилось, что Ник коротко охнул, а может быть, Мари что-то снова прошептала.

– Не очень-то это прилично, – ответил Стэн, – но всякое бывает. Тут, конечно, много физических осложнений. Большинство гибридов рождается мертвыми, а женщина-человек, конечно, не может выносить ребенка-кентавра. Обычно все кончается выкидышем почти сразу. Если доносить жеребенка до срока, он же будет слишком большой, сам понимаешь. Но если наоборот, отец – человек, а мать – кентавр, то такое иногда случается. Я знаю двух-трех таких метисов. Они обычно мелковаты. И чистокровные кентавры с ними так милы и ласковы, что просто тоска берет. На уши встанут, лишь бы показать, что жеребенок ни в чем не виноват – в этом роде.

Понятно, подумал я. Мы имеем дело с сыновьями сестры кентавра. И с их кузенами, само собой.

– Спасибо, Стэн, – сказал я. – Ник. – (Ник рядом со мной виновато вскинулся.) – Ник, какое твое полное имя?

– Николас, – ответил Ник. – Мэллори.

– Правда? А не, например, Никледес Тимос что-то там?

– Нихотодес, – раздраженно ответил Ник. – На самом деле.

Я едва не расхохотался. Никто не любит, когда его имя вечно перевирают. Стэн все же хихикнул, когда я спросил:

– А Мари?

– Она мне никогда не говорила, – надутно отозвался Ник: видимо, его это обижало. – Но я знаю, что Мари – это сокращенное от Марины.

Семпрония Марина Тимоза, подумал я. Имя на окровавленном клочке рукописного документа, зажатого в кулаке кентавра. Лично я охотнее согласился бы на Семпронию.

– А еще? – спросил я.

– Что «еще»? – не понял Ник. – Ничего.

– Ну, например, – проговорил я, – откуда ты знаешь про разметанных людей. Ты мне сказал, что Мари разметало между мирами, и так и есть, но я тебе не говорил об этом ни слова. Я точно помню, что говорил тебе о переходах между мирами, когда пытался внушить вам с Мари, что это опасно, и я уверен, что этого термина не употреблял.

Молчание. Ник ссутулился и уставился вперед, в неоновую дымку, где перила на глазах утончались и выгибались в стороны.

– И еще например, – продолжил я. – Я бы очень хотел узнать, действительно ли ты был в кустах или помогал разметать Мари.

Это подействовало на него как удар током. Он подскочил, развернулся ко мне лицом и вне себя завизжал, закричал, зазвенел:

– Нет! Я был в кустах! Да я и не знаю, как разметывают людей! Идите к черту, мне и так худо, как будто я во всем виноват! Все случилось так быстро!

Последнее слово он пронзительно пропищал – к тому шло. Мне было ясно, что Ник понимает, как глупо все это выглядит, ясно, что он пытается взять себя в руки. Тут я ему посочувствовал. Тоже терпеть не могу глупо выглядеть.

– Если хотите знать, – проговорил он старательно-монотонным голосом, – я был по другую сторону живой изгороди, там, где был тот солдат, который прилетел на вертолете и разговаривал с вами. Мы поспорили. Я не хотел никуда уезжать. Там было так... интересно – эти вездеходы или как их там, а у помощника Джеффроса, который нам все показывал, были крылья! Честно! Мне хотелось узнать побольше. Мы с Мари почти всю дорогу туда проспорили, потому что я хотел остаться. А Мари сказала, нас уже один раз арестовывали, и было ясно, что на холм мы не попадем, потому что на тропе было что-то, что не пропустило даже вас. Поэтому Мари говорила, что нам надо удирать, пока кто-нибудь не сказал

вам, что мы здесь. А я говорил, что Джеффрос и его люди с нами очень приветливы... В общем, я забрался в виноградник и выходить оттуда не спешил, если хотите знать. А Мари сказала, что раз так, то я могу попросить вас подбросить меня домой и она надеется, что вы меня в клочки порвете, и побежала по дороге к своей машине, размахивая ключами. А я двинулся вдоль изгороди с другой стороны, ничего не говорил, только надеялся, что она передумает. Но тут... тут из-за машины вдруг вышла мама с Грэмом Уайтом и что-то такое сказала – кажется: «Ну, Мари, наконец-то!» – и они... они на меня даже не посмотрели! По-моему, даже не заметили меня, честно!

– Да, – сказал я. – Пожалуй, я тебе верю. Удрать в кусты при споре со старшими – очень характерная отменная глупость. А все остальное?

– Нам повезло, что здесь так пыльно, – сказал Ник. – Когда мы увидели, что вы садитесь в машину, то бросились к своей сломя голову, и Мари сказала, что вы бы обязательно нас заметили, если бы за вами не поднялась пыльная буря. Когда вы свернули к бронетранспортерам, мы просто съехали на соседний проселок.

– А еще? – спросил я.

– Потом мы попытались подняться на холм по той дорожке, не смогли и пошли к бронетранспортерам, а оттуда вышли солдаты и сразу нас арестовали, и...

– Нет. Я имею в виду все остальное, – сказал я.

– Какое остальное? А, вы про кентавра! – начал он.

Я оборвал его:

– Попытка засчитана. Нет, я не про кентавра. Я про остальную твою молодую жизнь. Я спрашиваю, чем морочила тебе голову мать все эти годы?

– Мне... в последние года два уже нет, – ответил Ник одновременно горько и вызывающе. – С тех пор, как я сказал, что не верю ни единому слову. Понимаете, это был такой бред, что я даже кое-что использовал в игре про Бристолию.

В его голосе послышалось воодушевление, но он умолк и с надеждой поглядел на меня. Мне стало интересно – он и вправду только о себе и думает или просто еще очень юн? Так или иначе, подкупить его не помешает.

– Хорошо. – Я слегка вздохнул. – Если ты мне расскажешь, что тебе говорили, я взгляну на твою игру про Бристолию и решу, что из нее можно сделать. Пойдет? Ничего больше обещать не могу.

В оранжевом свете я увидел, как лицо Ника залилось краской. От этого

света он на миг сделался серо-голубым.

– Я не имел в виду... то есть я не про это сейчас думаю... Ой, черт! Спасибо. Хорошо, но мне особенно нечего рассказать. Сколько себя помню, мама говорит мне, что Тэд Мэллори мне не отец, и года два назад мне это надоело, и я решил, что все равно буду считать его отцом, потому что папа мне очень нравится, а кто мой настоящий отец, мама не говорит. Говорит только, что он очень важная шишка и я тоже когда-нибудь стану важной шишкой, когда вступлю в права наследования. Противно. То есть это может быть кто угодно, и от этого впору зазнаться, а потом опомнишься и думаешь: а что это я зазнаюсь, а вдруг мой отец – какой-нибудь ходячий кошмар или дурак набитый? Но ведь от этого не отмахнешься. Я бы хотел быть на вашем месте. У вас есть настоящие тайны, и вы вправе зазнаваться.

Стэн подавил смешок. Я сказал:

– Наверняка она тебе еще что-то говорила.

– В основном обо всяких штуках вроде разметывания по мирам и что существуют сотни иных вселенных и в большинстве из них гораздо больше волшебства, – небрежно отозвался Ник. – Когда речь идет про волшебство, она прямо сама не своя. Вечером в пятницу она страшно завелась из-за того, что ей наговорил Грэм Уайт, и все хотела со мной поделиться, но я сказал, что это ерунда и нудятина, и ушел.

Изверг, а не ребенок. У меня возникло искушение пожалеть Жанин, хоть она и убийца. Впрочем, я помнил, что и сам в возрасте Ника был не лучше. Моя мать это как-то пережила.

– Они с Грэмом Уайтом давно знакомы?

Ник нахмурился:

– Да... по-моему. Странно, мы вроде как познакомились только на банкете в пятницу, но за столом он что-то сказал и склонил голову к плечу, и я вдруг понял, что видел его, когда был маленький, и не раз. Он тогда был без бороды. И часто приходил к нам домой. Но папе он, по-моему, не нравился и приходиться перестал.

– Он – то есть Грэм Уайт – говорил тебе то же самое, что и мать? – спросил я и замер, не дыша.

От того, что Ник ответит на этот вопрос, зависело множество моих соображений.

Ник снова нахмурился:

– Ну... не помню. Зато помню, как мама говорила все это при нем – ну, что я стану важной шишкой и про волшебство и все такое, – и он ее никогда не останавливал, не говорил, что это чушь, как всякий нормальный

человек на его месте. Вроде бы. Но я тогда был совсем маленький.

– А Мари? – спросил я. – Что из всего этого Мари...

Меня перебил Стэн:

– Руперт, к сожалению, эта девочка пока еще здесь. Она шевелится. И кажется, даже пытается что-то сказать.

От этого Ник полностью утратил интерес ко мне. Он встал коленями на сиденье, перегнулся через спинку и с тревогой взгляделся в Мари. Я поправил зеркало заднего вида, чтобы тоже взглянуть на нее. Сердце у меня екнуло и упало. Да, мои старания по пробуждению жизни повлияли и на нее, сомнений не оставалось. Она вздрагивала и тихонько, но сердито шевелила руками, головой и коленями. Глаза у нее за отблескивающими полукружьями очков были полуоткрыты, они стали такие же блеклые, как и все остальное, с бесцветных губ срывался еле слышный шепот. Я глядел на нее и с горечью думал, на сколько я продлил такую ее полужизнь. На несколько часов? На день? Еще больше?

– Повтори-ка, – сказал Ник и нагнулся к ней.

С моей стороны это было черствостью, но я воспользовался тем, что он отвлекся, и задал еще один вопрос, который считал важным. Когда все чувства человека сосредоточены на чем-то другом, он отвечает неосознанно и говорит то, о чем предпочел бы молчать.

– Ник, мать никогда не говорила тебе, почему Земля получила кодовое название «Вавилон»?

– Тут разметало кого-то по имени Корис или как-то так. Она считает, это смешно. Говорит, он пытался завоевать Землю, а вместо этого построил Вавилонскую башню, – ответил Ник.

Его мысли были почти полностью поглощены Мари. Он перегнулся на заднее сиденье и медленно и отчетливо проговорил:

– Нет, все нормально. Он выступает только завтра после обеда. Ты ничего не пропустила.

Значит, обошлось. Кодовое название не имело никакого отношения к страшным тайнам. Просто одна из версий легенды о смерти Корифоса. По некоторым данным, он и в самом деле незадолго до смерти собирался захватить Землю.

– Что она говорит? – спросил я Ника.

– Говорит, она обещала посидеть и послушать, как папа произнесет речь почетного гостя, – ответил Ник и снова сел на сиденье и повернулся ко мне – совсем другой мальчик, так и сияет надеждой. – Она же поправится, да? Отрастит себе вторую половину...

Я глядел на него и не знал, как ему сказать. Я сам не ожидал, что мне

будет так больно. Чувства, которых я ни за что не желал признавать, перекрыли мне горло и раздирали грудь. Это была сухая, сильная, физическая боль, как будто кто-то натолкал в меня мелких, острых цементных осколков. Я сомневался, что смогу заговорить, – так меня душило.

За меня ответил Стэн – и я ему безмерно благодарен.

– Нет, сынок. Тут все иначе устроено. Самое лучшее, на что можно рассчитывать, – что иногда очень сильные люди, очень масштабные личности, могут прожить так некоторое время. Твоя сестра очень сильная, вот и все.

– Двоюродная, – машинально поправил Ник. – Некоторое время – это сколько?

– Ни к чему тебя обманывать, – мягко проговорил Стэн. – Иногда они могут протянуть несколько лет.

Ник снова встал коленями на сиденье и свирепо уставился мне в глаза. Оранжевые огни пустого автовокзала отразились в его темных глазах, и в лицо мне смотрели две точки жгучей пытки. Как будто на меня глядела моя собственная боль.

– Вы сказали, что есть другой способ! – закричал Ник. – Чего вы тянете? Начинайте! Немедленно!

– Я не уверен, что... В общем, это страшная тайна, – едва выговорил я.

– Никому ни слова не скажу! – сказал Ник. – Начинайте!

– Не в том дело! – запротестовал я. – Это займет много времени. Может не получиться. Я никогда этого не делал. Мне нужен по меньшей мере еще один магид и кто-то, кто отправится в путь вместе с ней, и я не уверен, что у нас есть...

– Вы не понимаете! – заорал Ник мне в лицо. – Я не смогу жить, пока Мари не вернется к нам живая! С ней все по-другому, она такой человек!

– Да, я знаю, – сказал я. – Но у нас, возможно...

– Руперт, мальчик дело говорит, – сказал Стэн. – Задействуй тайну Вавилона. Ты должен вернуть девочку хотя бы потому, что чем дольше я на нее гляжу, тем больше понимаю, что ей Предопределено стать новым магидом.

Как мне было объяснить ему, что медлю я в основном потому, что сам так сильно этого хочу? Больно мне было наполовину оттого, что я хотел задействовать Вавилон. А страшную тайну нельзя задействовать, если думаешь, что делаешь это только потому, что тебе хочется. А мысль, что можно задействовать ее и все равно ничего не выйдет, была невыносима, почти так же невыносима, как и мысль, что я могу ошибиться именно

потому, что так жажду вернуть Мари. Чтобы немного выпустить пар, я накричал на Стэна:

– Предопределено?! Тогда зачем Тем, Наверху, было столько трудиться, если они именно это и Предопределили? Зачем было меня втягивать?!

– Ты же знаешь, они не могут действовать напрямую, – с упреком ответил Стэн. – Им запрещено. Я дам тебе мою строфу, если надо. Она наверняка не та, что у тебя.

– Надеюсь, вы отдадите себе отчет, о чем просите! – Кажется, голос у меня сорвался, как у Ника. – Вы просите меня построить рискованную рабочую конструкцию, конструкцию, из-за которой могут погибнуть люди, в месте, где я уже наладил другую рабочую конструкцию и где лежит раненый кентавр, скрывающийся от двух убийц, один из которых пытался вмешаться в механизм узла. Причем этот узел такой мощный, что я не уверен, что даже с помощью Уилла смогу сделать все остальное и одновременно держать путь открытым и еще и следить за Мари...

– За Мари буду следить я, – встрял Ник. – Я и так этим занимаюсь.

– ...а есть еще и Эндрю, помимо всего прочего! – договорил я. – Да, Ник, думаю, придется тебе. Я не могу делать все сразу!

– Руперт, ты забываешь, что я тебе постоянно твержу, – сказал Стэн. – Делай все шаг за шагом, по мере поступления. Не нужно взваливать на себя все без разбору. А то штаны с натуги лопнут.

– Я помогу, чем смогу! – заверил меня Ник. – Что угодно сделаю. Честное слово!

– Хорошо, – сказал я. – Хорошо. – И откинувшись на спинку – меня прямо-таки ударило волной облегчения. – Как только выберемся с этого треклятого автовокзала, сразу и приступим.

Мы ждали. Оказалось недолго. Если что-то принялось расти, то оно очень быстро удваивается в размере. Металлические перила стали суставчатые, как бамбук, и изящно выгибались вверх и в стороны, растягивая за собой рифленую, словно свежая листва, пластиковую крышу. Она потемнела, в ней появились почки, из которых вверх выстреливали длинные полупрозрачные побеги. Мы слышали, как они шелестят на ночном ветру. Весь навес очень скоро стал напоминать аркаду из переплетенных деревьев. Я ждал, когда рост прекратится, и руки у меня тряслись на руле. Ник и в самом деле не знал, о чем просит и что это значит и для меня, и для него. А вот Стэн знал. И оттого, что я хотел, чтобы Стэн об этом попросил, я нервничал только сильнее.

– Ну, скоро поедem? – спросил наконец Стэн.

Я снова включил фары и завел машину. Остановка вдруг стала зеленая, причем вся, а не только над головой. Зеленые копьевидные листья проклеывались уже из сочленений на перилах, полупрозрачные в свете фар. Вся эта растительность шелестела, скрипела и раскачивалась, когда машина медленно-медленно проезжала внутри. Я невольно восхитился. Зеленая аркада получилась такая изысканная, что, когда мы выехали из нее и длинные глянцевые листья прошуршали по окнам, я еле заставил себя предложить остановке вернуться в прежнее состояние. Сформулировать это предложение мне пришлось очень точно и сосредоточенно, чтобы на сей раз никак не затронуть Мари.

– Жалко, – заметил Стэн, когда зеленая листва принялась вянуть. – Ну и лица сделались бы у них, когда бы они это увидели, – любо-дорого.

– Ну, теперь-то вы начнете? – спросил Ник.

– В гостинице, в своем номере, – заверил я его. – Первым делом мне нужно поговорить с Уиллом.

Я помчался в гостиницу со всей скоростью, которую допускала здешняя односторонняя система. Моя многострадальная машина дребезжала и словно бы прихрамывала, где-то в шасси клацало. Когда мы продребезжали на рыночную площадь, Ник сказал:

– За стойкой портье держат инвалидное кресло. Прикатить?

Для этого мы остановились у главного входа. Дверь машины со стороны Ника не открывалась. Мне пришлось чуть-чуть поработать помагидски, чтобы отщелкнуть замок, после чего дверь перестала закрываться. Мы прохромали на служебную стоянку с болтающейся дверью и остановились возле псевдо-«лендровера» Уилла. Я был сердечно рад его увидеть. Уилл был мне очень нужен. Я даже не мог объяснить Стэну насколько. Отправил Уиллу настойчивый зов с требованием ждать меня у лифта, а потом заставил открыться остальные двери.

– Тебе нужна моя строфа? – спросил Стэн.

– Если можно, – ответил я, стоя одной ногой на пороге со стороны водительской дверцы. Она открывалась только сильным пинком.

– Ну, вот она. – И хриплый голос Стэна продекламировал:

И как идти мне в Вавилон?

Отсюда – и вперед.

А будет мост и склон крутой?

Все будет в свой черед.

Коль ничто тебя не страшит на пути,

И с одной свечой сумеешь дойти.

– Вот, – повторил он. – Складывается с тем, что у тебя?

– Вполне, – ответил я. – В моей строфе говорится, что все примерно так и есть, только с одной оговоркой. Надеюсь, строфа Уилла восполнит пробелы.

Мне как раз удалось взломать замок задней двери – погнутой, исцарапанной и пропоротой, – и тут появился Ник с креслом-каталкой. Мы с ним осторожно достали Мари с заднего сиденья и устроили в кресле. Было ясно, что мое случайное колдовство все еще действует на нее. Она несколько потяжелела. В кресле она обмякла, стала очень маленькая, бормотала и помахивала руками. Я попросил Ника идти впереди и смотреть, чтобы она не выпала, помахал Стэну и бережно и сосредоточенно покати́л Мари в гостиницу.

Как только мы вошли в фойе, на яркий свет среди вездесущих зеркал, я понял, как дико смотрится наша троица. Ник был весь в золотой пыли, и волосы тоже, с потеками на лице, а на обеих коленках джинсов зияло по прорехе, слегка заляпанной кровью. Я был так же грязен и вдобавок слегка закопчен. Дорогой замшевый пиджак спереди стал черный и поджаристый. Штанины были все в прожженных дырах. Завитки волос на лбу обгорели, лицо было красное и в волдырях, кроме белых кругов там, где очки защитили от жара. А Мари – Мари выглядела как крохотная чокнутая старушенция, на которую кто-то вывалил куль муки.

Потом Ник открыл двери в главное лобби, и там мы полностью слились с толпой. Я совсем забыл про карнавал! Кругом сновали люди во всевозможных нарядах, в том числе большая блестящая гусеница с пятью, а то и больше, парами человеческих ног. Были здесь и викинги, и самые разные пришельцы, и мрачные жнецы, и люди в плащах, несколько окровавленных трупов и уйма сногшибательных девиц в бальных платьях с вырезами на стратегических местах. На некоторые наряды ушло совсем немного ткани. Вслед одной девице, чей костюм состоял в основном из двух кожаных ремней и красных ботфорт до бедра, мы с Ником невольно обернулись. И чуть не потеряли Мари.

Из-за внезапного смеха и суеты толпы вокруг Мари вдруг очень забеспокоилась. Она заерзала в кресле и несколько раз попыталась выбраться из него. А когда мы с Ником отвлеклись на ремни и красные ботфорты, ей это удалось. Ник в ужасе бросился за ней, огибая пришельцев и споткнувшись о шлейф королевы. И поймал Мари возле гусеницы.

Только мы привели ее обратно, уговорили сесть в кресло и поката́ли дальше, как столкнулись лицом к лицу, лицу и лицу с Риком Корри в костюме Рика Корри и двумя юными джентльменами в тугих шелковых

корсетах и кринолинах и с кружевными зонтиками в оборках.

– Ой, какие интересные костюмы! – проворковал один из них в наш адрес.

А другой мощным контртенором осведомился:

– Вы в какую секцию записались?

Ник, который, похоже, хорошо их знал, небрежно ответил:

– Во внеземную, разумеется. Мы жертвы взрыва в шахте на альфе Центавра.

– Ого, – сказал Рик Корри. – Вот, похоже, откуда слухи. Я слышал, Ник, что вы оденетесь кентавром.

– Э-э-э... Я собирался, но ноги плохо слушаются. Пришлось в последнюю минуту соорудить вот это, – нашелся Ник.

Когда мы наконец выкатили Мари в коридор за лобби, Ник обливался потом. Он растер золотую пыль по лицу рукавом и выразил надежду, что больше нам никто не встретится. Естественно, уже за следующим поворотом мы налетели на Тэда Мэллори и Тину Джанетти, которые так и вытаращились на нас.

– Идея прекрасная, а исполнение подкачало, – заявил Тэд Мэллори. – На вас просто смотреть страшно. Мари, что ты с собой сотворила?

Мари его узнала. Что-то пробормотала и заерзала. Я торопливо вмешался:

– Она решила изображать Лунную Вдову из того рассказа Г. С. Бландса.

Мэллори, разумеется, впервые слышал об этом рассказе, но, как я и рассчитывал, виду не подал. Он взял Тину Джанетти под локоток и повел дальше со словами: «Присоединимся к общему веселью, Тина». Однако какие-то подозрения у него остались – он даже повернулся, поглядел на нас через плечо и добавил несколько озадаченно:

– Ник, мне этот костюм нравится даже меньше, чем затея с кентавром. Не жди, что я проголосую за тебя.

Мы свернули за угол к лифтам и поняли, что совершенно выбились из сил. Лифтов не было. Ник вдавил большим пальцем все кнопки вызова.

– Хуже просто не бывает! – говорил он, когда оба лифта спустились одновременно. – Если встречу еще кого-нибудь знакомого, просто не выдержу! – Он оглядел толпу вокруг ангела с арфой, хлынувшую из лифта справа.

В лифте слева оказалась Жанин.

Глава девятнадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

Если Жанин и смутилась, с первого взгляда я этого не заметил. Она стояла в дверях лифта и ласково смотрела на Мари.

– Ах, боже мой! Что случилось с моей племянницей?! – прошептала она.

На ней по-прежнему был тот окровавленный свитер. Я давно заметил, как бросаются в глаза разные мелкие детали в минуты подобных потрясений. Вблизи кровавое пятно оказалось скоплением блестящих, словно влажных, красных клубничин. Я оторвал от них взгляд и посмотрел в лицо Жанин.

– Что именно случилось с Мари, я не знаю, – проговорил я. – Лучше вы мне расскажите.

На лице Жанин заиграла совершенно кошмарная улыбочка, веселая и

тайно злорадная. Она относилась и к моему обожженному лицу, и к выцветшей фигурке Мари.

– Представления не имею, – заявила Жанин. – По-моему, ей надо пойти к себе и лечь.

Очевидно, Жанин была убеждена в собственной безнаказанности. Разумеется, она не знала, что мне известно про ее вояж в Талангию. У меня промелькнула мысль, что сейчас она увидит со мной Ника и обо всем догадается... и тут я понял, какие противоречивые чувства сейчас обуревают Ника. Если даже мне вот так повстречаться с Жанин было тяжело, Нику пришлось наверняка вдесятеро хуже. Я обернулся – его и след простыл. Парень словно в воздухе растаял. Зато в нескольких шагах от нас стоял Уилл и смотрел на Мари с неприкрытым ужасом. А Мари узнала Жанин. Выцветшие руки вяло замахали, она пыталась что-то выговорить.

Жанин, все так же улыбаясь, заботливо склонилась к Мари:

– Что нам хочет сказать наша бедняжечка, как вы думаете?

Когда я увидел неподалеку Уилла, у меня отлегло от сердца. Я хотел обрушиться на Жанин с обвинениями. Хотел показать ей, что знаю, что она сделала. Но ни к чему хорошему это бы не привело. Она не хуже меня понимала: нет никаких земных улик, которые связывали бы ее с состоянием Мари. Поэтому я подался вперед над спинкой кресла и над головой Мари и проговорил:

– Она пытается вам сказать, что кто-то пришел к вашей правой груди шесть пар кроличьих причиндалов.

Жанин мигом вскинула голову. И секунду тарасилась на меня, явно гадая, не ослышалась ли. Потом сочла за лучшее соорудить озадаченную и отстраненную гримаску, повернулась и грациозно удалилась.

Уилл бросился к нам:

– Господи, Руп! Какого...

– Забирайся с нами в лифт, я все расскажу.

Я снова огляделся в поисках Ника, но его по-прежнему нигде не было. В жизни не видел такого ловкого фокуса с исчезновением. Одна надежда, что Ник сам потом объявится. Мы с Уиллом втиснулись в лифт рядом с креслом и его белой обмякшей пассажиркой, и пока мы медленно поднимались вверх, я вкратце изложил Уиллу общую канву событий.

– Боже мой, – сказал он. – Неудивительно, что ты такой потрепанный! И я впервые слышу, чтобы ты грубил малознакомой женщине! Я бы и не подумал... а как же Роб, кентавр?

– Придумаем, как из него это выудить, – сказал я. – По-моему, ты спас

ему жизнь, когда сбил его. Очевидно, предполагалось, что он проведет их за собой в Талангию.

– А как ты поступишь с Жанин и этим Уайтом? – поинтересовался Уилл. – Против них нет никаких улик, кроме показаний Ника, а она его мать!

– Понимаю, – ответил я. – И я собираюсь отправить Ника в Вавилон с Мари, если он объявится, так что мы в любом случае можем ничего больше от него не услышать. – Я бросил взгляд на табло и увидел, что мы минуем четвертый этаж. Почти приехали. – Уилл, расскажи мне свою строфу о Вавилоне. Мне нужно.

– Еще бы, – ответил он. – У меня та, что в середине.

И прочитал скороговоркой:

А путь тяжел ли в Вавилон?

Тяжел он, как беда.

Чего просить, когда приду?

Того, в чем есть нужда.

Коль нужда тебя направляет в пути,

И с одной свечой сумеешь дойти.

Едва он договорил, как дверь открылась. Я вывез Мари из лифта со словами:

– Спасибо. Да. Похоже, она и правда в середине.

В этот самый миг открылся второй лифт, и оттуда вышел Ник. Было видно, что он накрепко отгородился от внешнего мира и ничем делиться не желает, поэтому я ограничился тем, что бросил ему:

– А, вот ты где. Пошли ко мне, я закажу в номер что-нибудь поесть.

– Я не очень голоден, – ответил тот.

– Ты, может, и нет, – бодро заметил Уилл, – а я – да. Слона бы съел.

Похоже, это был правильный подход к Нику. Когда я закатил Мари за первый зеркальный угол и мы поехали по коридору за ним, Ник нас догнал. С узлом снова мудрили. Мы свернули еще за один угол, а до моего номера еще не дошли. Мне подумалось, что это могло произойти, когда Грэм Уайт совершал переход в Талангию или обратно. Я спросил Уилла.

– Не только, – ответил он, – тут еще кто-то поучаствовал. Каждый раз, когда я сюда поднимался, до твоего номера было все дальше и дальше.

На этот раз он был так далеко, что мы сначала миновали номер Ника. Ник сказал, что зайдет за свитером и догонит нас.

– Мы тебя подождем, – сказали мы с Уиллом почти в унисон. Не хватало еще снова его потерять.

– А где номер Мари? – спросил я, пока Ник отпирал замок.

Ник показал на соседнюю дверь:

– Вот. А что?

Мне не хотелось отвечать, что Жанин посоветовала мне отвезти Мари туда.

– Просто хотел кое-что проверить, – сказал я. – Где Мари хранит ключ?

– В правом верхнем кармане куртки, – ответил Ник.

Лицо у него окаменело: он догадался, что это имеет какое-то отношение к его матери.

Весь скривившись, я извлек ключ из поблекшей куртки Мари и проник в гостиничный номер гораздо меньше моего, весь заваленный всевозможным скарбом. Я бы сказал, что по приблизительным оценкам здесь хранилось все движимое имущество Мари. На кровати сидел тощий серый плюшевый медведь, у которого был такой вид, словно его всю жизнь таскали за шею, на груди вещей на полу покоилась ветеринарная аптечка, на столике у зеркала стоял компьютер, а рядом громоздилось несколько коробок зачитанных до дыр книг. И что-то здесь было неладно, как я и подозревал. Совсем неладно, только я не понимал, что и где. Но ощущение было до того скверное, что, когда Уилл, ничего не подозревая, хотел вкатить следом за мной кресло с Мари, я велел ему стоять на месте и следить, чтобы Мари ни в коем случае не оказалась внутри. Тут Уилл тоже почувствовал неладное, кивнул и попятился в коридор. Я пробрался между грудями вещей в поисках сам не знаю чего.

– Посмотрите в компьютере, – сказал с порога Ник. Он закутался в огромный пушистый голубой свитер и весь дрожал, будто только сейчас заметил, как ему холодно от потрясения. – Она в нем часто сидит.

Я перешагнул через коробку с книгами и включил компьютер. Когда экран загорелся, я не задумываясь проделал то же самое, что делаю со своими компьютерами, – запустил антивирус, просто магидский. Результат получился потрясающий. «ДЕЙСТВУЕТ ВИРУС», – сообщил мне экран. Пространство за сообщением заполнили заросли сухих побегов, их становилось все больше и больше, и экран стал похож на густой подлесок, из которого на меня явно кто-то смотрел. На побегах отросли колючки, очень грозного вида, и чем больше их нарастало, тем сильнее вскипали во мне досада, отчаяние, унижение – все скверные чувства, какие я только знал и не знал тоже, особенно унижение. И меня накрыло этой волной.

Я стоял и смотрел на сплетающиеся побеги, корчился от стыда всевозможных сортов и думал, что лучше мне просто поехать домой, лечь и умереть. Все равно от меня никакого проку. И бороться мне не за что –

все, за что я ни берусь, обречено на провал. Все...

Из транса меня вывел возглас Ника. Ник тыкал пальцем в сторону кровати. На ней разрастался призрачный терновый куст. Он злобно пронзал побегами подушку, раздирал шипастыми сучьями одеяло, даже серый плюшевый мишка и тот был прошит колючими ветвями. Мои стыд и отчаяние мгновенно сменились гневом. Вот, значит, почему Жанин настаивала, чтобы Мари легла в постель! Несомненно, поначалу предполагалось оставить Мари на дороге, чтобы Дакрос нашел ее вместе с остальными убитыми наследниками, так что она, Жанин, наверное, была сильно обескуражена, когда обнаружила, что я вернул Мари на Землю. И поэтому предложила ей прилечь, прекрасно зная, что даже призрачные шипы способны прикончить Мари в ее нынешнем состоянии. Особенно меня почему-то разозлило, что шипы пронзают плюшевого мишку, которого Мари наверняка любила.

– Это же Колючка, – сказал Ник. – Мари снились сны про нее. Мы именно из-за этого плясали Ведьмин танец в Бристоле. Чтобы от нее отделаться.

– У вас бы ничего не вышло, – ответил я. – Она же богиня, чтоб ей пусто было. А в компьютер посадили вирус, чтобы манифестации становились сильнее каждый раз, когда Мари его включает.

Узнав, что все это время Мари боролась с таким противником, я стал уважать ее еще сильнее.

– А вы – вы можете от нее отделаться? – спросил Ник.

– Да, могу, только времени потребуется много, – ответил я.

Когда нужно свести на нет всевозможную теургию и ликвидировать конструкции с участием божеств, на это обычно уходят долгие часы кропотливой работы. Иногда приходится обращаться за помощью к другим богам. Я вздохнул. Еще один пункт в длинном списке неотложных дел на завтра.

– Пока просто запрем дверь и не будем сюда заходить.

Так мы и поступили. Я был как выжатый лимон. Колючки оказались очень сильные. Мы прошли дальше по коридору и свернули еще за один угол, и я хотел одного – очутиться у себя в номере, помыться и отдохнуть, прежде чем приступить к следующей задаче. И вот наконец мы до него добрались. Прямо посередине двери, под табличкой, что-то торчало.

– Фу! – сказал Уилл. – В прошлый раз, когда я сюда заходил, этого не было!

Это был мерзейший из мерзких сигиллов – магических знаков. От него меня едва не вырвало по-настоящему. Он был до того мерзкий, что эту

мерзость почувствовал даже Ник – и даже Мари. Ник уже не дрожал, а трясся. Мари придушенно вскрикнула и попыталась закрыть лицо руками. Я не сомневался, что Жанин оставила здесь эту метку совсем недавно, перед тем, как спуститься на лифте. Я скрипнул зубами и подошел, чтобы его снять.

– Нет, тебе не надо. – Уилл оттеснил меня в сторону. – Дурачина, он же предназначен лично тебе! – И он зачерпнул сигил обеими руками – руками, которые привыкли каждый день зачерпывать навоз на удобрения, – и в тот же миг, вскрикнув, бросил пригоршню на ковер и торопливо затоптал тяжелым сапогом. На несколько секунд в коридоре отчетливо завоняло. – Я же говорю – фу! – Уилл с силой обтер руки о плащ.

В моей двери осталась гладкая круглая выемка, но хотя бы чистая. Я открыл дверь, и мы все потянулись внутрь. Уилл оставил свет включенным. Я увидел Роба в своей постели – огромный холм под одеялом, блестящие черные волосы рассыпаны по подушке: как видно, спит. Удостоверившись, что он дышит и мерзость на двери ничего ему не сделала, я подумал и решил оставить его в покое. Просто подкатил Мари в кресле туда, где Роб обнаружит ее, как только соблаговолит приоткрыть тот прекрасный глаз, окаймленный черными ресницами, который сейчас был нам виден, и направился к телефону.

– Всем гамбургеры и чипсы? – спросил я Уилла.

– Мне два чизбургера, – сказал мой брат. Долгие годы доведения Саймона до белого каления не прошли даром – мне не пришлось даже подмигивать. Уилл невинно продолжил: – А что едят кентавры? Они ведь, наверное, вегетарианцы?

– Не знаю, – честно ответил я. – Закажу ему от греха подальше веджибургер и к нему салата.

– В веджибургеры кладут много разных добавок, вредно для желудка, лучше не надо, – горячо возразил Уилл. – С другой стороны, котлеты в гамбургерах часто делают из конины...

Тут Ник включился в происходящее, прыснул и едва не испортил нам всю игру. Мы с Уиллом огрели его сердитыми взглядами. Я торопливо проговорил:

– Тогда ему придется выбирать из двух блюд, которые он все равно не может есть. Наверное, лучше вообще ничего ему не заказывать. Все равно он, кажется, спит.

– Ты знаешь, на Земле ему, возможно, вообще ничего нельзя есть, – подхватил Уилл. – Кофе точно не стоит, да и молоко ему, скорее всего, вредно. Даже в воде полным-полно опасных химикатов.

Тут Роб не выдержал. Он приподнялся на локте – вид у него был на удивление здоровый, если вспомнить, что он перенес, – и воскликнул:

– Ой, пожалуйста, очень есть хочется! Неужели здесь нет совсем-совсем ничего, что мне можно было бы съесть или выпить?

– Это от многого зависит, – сказал я. – Так вы едите мясо?

– Обожаю, – признался Роб. – И сыр, и хлеб, и даже салат иногда. И молоко я пью.

– Хорошо, – сказал я. – Значит, всем чизбургеры, чипсы и кофе.

Я снял телефонную трубку, оставив Роба лицом к лицу с Мари, за спинкой кресла которой стоял Ник и смотрел на Роба – сурово и вопросительно. Заказ я делал не спеша, что было нетрудно, поскольку официант из обслуживания номеров, с которым я говорил, похоже, совсем забегался и постоянно переспрашивал.

– Можете ли вы поручиться, сэр, – спросил он, – что сотрудники гостиницы, которые доставят заказ, не будут оскорблены зрелищем... э-э-э... эксцентричных костюмов?

Я покосился на Роба – тот явно старался не смотреть на Мари и в результате постоянно натывался на взгляд Ника, – и заверил официанта, что в моем номере собрались исключительно нормальные люди.

– А не могли бы вы, сэр, сообщить мне, где именно находится номер пятьсот пятьдесят пять? – продолжал затравленный официант. – Сегодня несколько сотрудников по неизвестным причинам потерялось, и мы хотели бы избежать... нареканий в дальнейшем.

Тут Роб попытался решить свои насущные трудности – снова лег лицом в подушку и с головой накрылся одеялом. Поскольку я не хотел, чтобы к нему вернулось душевное равновесие, то был вынужден обернуться и спросить:

– Роб, а вы сено едите?

– Сено? – ошарашенно вскинулся Роб.

– Одну охапку или две? – уточнил я.

– Что?!! – почти одновременно закричали Роб и официант.

– Простите, – сказал я в трубку. – У нас, гостей конвента, странное чувство юмора. Передайте сотруднику, что, когда мы сейчас шли в номер пятьсот пятьдесят пять, нужно было свернуть за три угла от лифта.

Я отвернулся от телефона и пододвинул себе стул так, чтобы сидеть лицом к Робу рядом с Мари. И сказал:

– Отлично. Еду придется подождать, а пока мы ждем, вы сможете ответить нам на несколько вопросов.

– С большим удовольствием, – осторожно ответил Роб.

– Насчет удовольствия сомневаюсь, – проговорил я. – Я бы хотел, чтобы на каждый вопрос вы отвечали только одним словом. Кто послал вас сюда?

– Кнаррос, – ответил Роб ошарашенно, искренне и не без обиды.

– А кто велел Кнарросу вас послать?

– Признаться, не думаю, что Кнаррос подчиняется чьим бы то ни было...

– Роб, – сказал я. – Одно слово. Кто?

– Не... не могу вам сказать, – выдавил Роб.

Лицо у него побелело, вид стал такой нездоровый, что я, несмотря на все, что говорил Стэн, почувствовал себя просто скотиной.

– Ладно. За кем вас отправили? Одно слово.

– Я... – Голос у Роба сорвался. Кентавр рухнул на подушку.

– Не за мной?

– Нет, – признался Роб, и голос у него снова сорвался. Глаза у него закрылись.

– Может быть, Ник, ты нам скажешь? – проговорил я.

К этому времени Ник лежал на ковре лицом вниз. Приподнялся и скорбно поглядел на меня.

– За Мари. Роб сказал, у его дяди к ней разговор.

– За ней, но не за тобой?

Ник помотал головой:

– Но я же не хотел пропускать такое интересное...

Я подумал, что Жанин, должно быть, плохо знала собственного сына, если полагала, будто сможет удержать его на расстоянии, если просто не пригласит. Однако подобное недомыслие – недостаток большинства матерей. Моя матушка упорно не замечает всех тех диковин, которые я творю как магид, – всех тех диковин, которые творят трое ее сыновей.

– Занятные, должно быть, разговоры вели вы с Робом и Мари в лифте, – процедил я.

Ник и Роб переглянулись. Взгляд этот был одновременно заговорщический и гневный.

– Я думал, вы не заметите, – буркнул Ник.

– Хотите об этом рассказать? – спросил я.

Настала довольно долгая пауза, нарушенная только шепотом Мари. Я расслышал только «говори», но не знал, велит ли она Нику выложить все как есть, или это на самом деле «не говори». Однако это доказывало, что Мари все понимает. Я воспрянул духом. Она оказалась куда крепче, чем я думал, даже с поправкой на мое случайное вмешательство.

В конце концов Роб открыто посмотрел мне прямо в глаза и сказал:

– В общем, я, конечно, сказал Нику, что мы с ним кузены. Но я думал, что сейчас потеряю сознание...

– И у нас не оставалось времени, потому что вы тянули лифт обратно вниз, – поспешно вмешался Ник.

– Роб объяснил, каким образом человек и кентавр могут в принципе оказаться родственниками? – спросил я. – Казалось бы, это маловероятно.

– Естественно, это вопрос договоренности! – воскликнул Роб. Его красивые черты так и источали искренность и невинность. – Мой дядя Кнаррос и мать Ника – названные брат и сестра.

– Когда они об этом договорились? – спросил я.

Меня интересовало не «когда», а «зачем», но я понимал, что этого Роб мне не скажет.

– Пятнадцать лет назад, перед тем, как она покинула империю, – ответил Роб.

– Получается, Жанин – законная гражданка Корифонской империи? – спросил я.

Роб закивал, довольный, что удалось мне угодить:

– Она родилась в Талангии.

В устах кентавра такое утверждение – наверняка истина. Уже кое-что. Однако я понимал, что дальше мы при Нике не продвинемся, особенно если учесть, что я рассчитывал на помощь Ника с Мари. Уилл с тревогой смотрел на меня, явно пытаясь внушить мне ту же самую мысль. Меня вдруг охватила смертельная усталость. Я кивнул Уиллу, показав, что теперь его очередь разговаривать с Робом, и, взяв из комода чистое белье, ушел в ванную помыться и переодеться. От этого мне сразу стало гораздо легче, несмотря на то что челка почти сгорела. Я смазал ожоги мазью и вышел.

Уилл ничего не добился. Это было видно с первого взгляда. Роб по-прежнему сиял искренностью. Ник надулся. Я пошел к мини-бару и добыл себе маленькую синюю бутылочку бренди.

– Хочешь, Уилл?

Уилл никогда не был любителем спиртного.

– Нет, у нас впереди большая работа, – ответил он. – Но тебе-то явно не помешает.

Сделав первый блаженный, согревающий, жгучий глоток, я развернулся к Робу, жалея, что нельзя обрушить на него известие о смерти Кнарроса – хотя рано или поздно сказать придется, – но я решил, что при Нике лучше сначала обрушить на него известие о состоянии Мари.

– Вы знаете, что с ней произошло? – спросил я, показывая на кресло.

Взгляд Роба неохотно переместился на крошечную, скорченную, выцветшую фигурку.

– Ее разметали между мирами, да? Я слышал, от этого белеют.

– Совершенно верно, – ответил я. – Мари разметали между мирами. Более того, ворота открылись в недра вулкана. И это была не случайность. Вторая половина Мари уничтожена.

Я снова отхлебнул из бутылочки, глядя поверх нее на Роба и надеясь, что это поколеблет прочные бастионы его фальшивой невинности. Вероятно, так и было. Он опять нездорово побледнел, но я решил, что теперь он не притворяется.

К сожалению, именно в этот момент с похвальной расторопностью появился официант из обслуживания номеров и вкатил к нам столик на колесах, нагруженный чизбургерами, огромной корзиной чипсов и великанским кофейником с великолепным местным кофе. Я дал официанту щедрые чаевые. Учитывая поведение узла, паренек их заслужил, хотя меня даже слегка перекосило при мысли, сколько денег у меня ушло за эти длинные выходные. На досуге я снова поглядел на Роба – на его смуглые щеки вернулась краска, и лицо сделалось несколько самодовольное, словно он считал, будто выкрутился из неприятного положения.

«Я с тобой еще не закончил, сынок!» – подумал я.

Но до поры до времени мы все занялись едой, даже Ник: как я и рассчитывал, он не смог устоять перед вкусными ароматами и набросился на чипсы. Мари, ко всеобщему ужасу, похоже, есть не могла. Нику все-таки удалось заставить ее проглотить немного сладкого кофе, – он с неожиданным терпением уговаривал и подбадривал ее, склонившись над креслом, пока Уилл и Роб с энтузиазмом уничтожали ее порцию. Роб сидел в постели и уминал чизбургер, и зрелище было то еще: темные глаза так и горят, из-под моего одеяла то и дело показывается то копыто, то еще что-нибудь. Кентавры не просто быстро поправляются, они еще и очень много едят.

Маленькие квачки, судя по всему, тоже. Я начисто забыл о них и совсем растерялся, когда у меня из-под кровати появилось два пушистых комочка. Уилл скормил им кусочек булки от чизбургера и один-два чипса. Однако на Мари они подействовали просто поразительно. Она выпрямилась, подалась вперед и провожала птенцов глазами, словно не могла насмотреться. На ее измученном выцветшем лице даже появилась слабая улыбка. Конечно, вспомнил я, она же училась на ветеринара. Наверняка она выбрала эту профессию, потому что любила маленьких

существ.

Прежде чем она снова погрузилась в бормочущую полужизнь, я смахнул со столика все крошки и кусочки и оставил их на ковре перед креслом-каталкой. Квачки так и набросились на горку угощения, и Мари, нагнувшись, внимательно смотрела на птенцов.

– Хорошо, – сказал я. – Теперь настало время для серьезных дел. Роб, мы сейчас будем работать со страшными тайнами, а вы окажетесь невольным свидетелем. Вынужден просить вас дать клятву никогда ни с кем об этом не говорить.

– Можешь наложить на Роба гейс, – посоветовал Уилл.

– Ах, прошу вас! – воскликнул Роб. – Клянусь никому не говорить ни слова. Если хотите, я могу силой воли погрузить себя в сон.

– Не нужно, вы же клянетесь, – сказал я.

Он очень серьезно и официально поклялся именем Корифоса Великого. Уилл подмигнул мне:

– Свечками запасся, Руперт? А то мои все внизу, в Бороздилке. Сходить?

Подобно Мари, которая, похоже, никогда не расставалась со своей ветеринарной аптечкой, я везде вожу с собой сумку со всем необходимым для магидской работы. Я взял ее с вешалки и проверил. У меня было восемнадцать простых белых свечей и запас жестяных подсвечников.

– Свечей хватит, – сказал я Уиллу. – Я не хочу, чтобы кто-нибудь выходил из комнаты, пока мы не закончим. В гостинице у нас по меньшей мере два сильных противника. Начинай строить самую мощную защиту. А я найду дорогу и расскажу все Нику.

Мы оба встали спиной к двери и сосредоточились. Я чувствовал, как Уилл строит что-то такое толстое и прочное, что у меня возникло ощущение, будто я работаю в бункере. Уилл строил защиту очень тщательно и отгораживал нас от узла надежно и надолго. Я был ему за это благодарен. Это означало, что я могу полностью сосредоточиться на обдумывании своей собственной строфы про Вавилон, моего фрагмента страшной тайны.

А где дорога в Вавилон?

У дома твоего.

Хоть сотню раз пройду по ней?

Не сотню – три всего...

Ник и Роб смотрели на нас с практически одинаковым благоговейным почтением. Внезапно Ник проговорил севшим голосом:

– Мне надо в туалет. Можно?

– Лучше давай сейчас, заранее, – сказал я. – Роб тоже. Бегом.

Ник ринулся в ванную. Роб осторожно спустил на пол все четыре копыта, отбросил одеяло и тяжело поднялся.

– Уй! – Он невольно схватился за бок, там, где Мари наложила многочисленные швы.

Взгляд Мари обратился на него с расфокусированным профессиональным интересом. В ней явно стало больше жизни. Она посмотрела, как Роб, осторожно переставляя копыта, обошел квачек и двинулся в ванную. Я подумал, что там ему едва хватит места. Ник ему поможет. Я вернулся к стихам.

Дорога, естественно, была здесь, в комнате, более или менее у меня под ногами. И всегда будет открыта и для меня, и для кого угодно, поскольку была в некотором смысле самодостаточна. Эта вавилонская конструкция была древним-древним, основополагающим волшебством. Ник, а потом и Роб вышли из ванной, но я, не обратив на них внимания, прошагал по той части дороги, которая лежала внутри комнаты. Она шла странно, наискось. Чтобы не сойти с нее, мне пришлось отодвинуть кресло Мари к самой кровати. Поймав дорогу, я двинулся по ней к двери и через каждые несколько шагов ставил справа свечу в подсвечнике. Между первыми двумя свечами был всего шаг, расстояние между остальными должно было быть больше, а потом еще больше; всего их получилось девять. Затем я прошел в обратном направлении и поставил по свечке напротив каждой из первых девяти, так что у меня получились две параллельные цепочки на расстоянии примерно фут друг от друга, из девяти свечек каждая. Потом я опять вернулся к двери и посмотрел, правильно ли у меня получилось.

Правильно. Хотя я поставил свечи двумя параллельными линиями, с порога, где я стоял, казалось, что передо мной тропинка, которая резко сужается к дальнему концу. От иллюзии перспективы комната вдруг стала вдвое просторнее.

Я поманил Ника к себе.

– Слушай меня внимательно, – сказал я ему. – Вам с Мари предстоит путешествие. Ей придется идти пешком. Вот почему нужно, чтобы ты отправился с ней и помогал ей. О том, что будет по пути, я тебе рассказать не могу, потому что об этом почти ничего не известно. Но я знаю, что будет нелегко. Тебе нужно обязательно провести ее и туда, и обратно, чтобы вышло так на так. Вернуть ее сюда так же важно, как доставить туда. Понимаешь? – (Ник кивнул.) – В конце пути, – продолжал я, – может быть город, или крепость, или что-то совсем другое. Мы не знаем. Но вы сами

поймете, когда там окажетесь. И тогда каждому из вас будет дозволено попросить только о чем-то одном, и это должно быть что-то такое, что вам очень нужно. Проследи, чтобы Мари попросила, чтобы ей восстановили и вернули вторую половину. Постоянно напоминай ей об этом. Себе проси что угодно, но сделай так, чтобы Мари попросила вернуть ей вторую половину, иначе все труды пойдут прахом и виноват будешь ты. Ясно?

Ник снова кивнул – очень серьезно.

– Нам идти туда? – Он показал на двойной ряд незажженных свечей. По голосу было слышно, как он старается не показать, что ему во все это не верится.

– Когда мы зажжем свечи, – сказал я, – ты увидишь дорогу. Надеюсь, что увидишь, но не уверен. Мы такое не каждый день проделываем. И есть еще одна очень важная вещь. Тебе надо пройти весь путь – и туда, и обратно! – за время, пока горят свечи.

– Это же всего несколько часов, – удивился Ник. – Так ведь?

– Я изо всех сил постараюсь, чтобы они горели как можно медленнее, – ответил я. – Но – да, времени расслабляться у вас не будет. Постарайся идти вперед, что бы ни случилось. Все понял? Ты готов?

Ник кивнул. Я подошел к креслу и помог Мари встать – маленькой, едва теплой, такой легкой. Стояла она уверенно. И даже прошла несколько шагов, когда я потянул ее, но шла она медленно, дрожа и шаркая, и голова вяло свесилась на плечо – Мари по-прежнему смотрела на квачек. Ник крепко взял ее за другую руку.

– Идем, Мари, – сказал он. – Нам надо пройтись. Тебе придется бороться. Ты же знаешь, какая ты сильная, когда разозлишься как следует. Разозлись, Мари, ну давай!

Мари на это откликнулась. Голова повернулась к Нику, и я увидел, как губы произнесли что-то вроде «разозлись». Одна рука еле заметно дернулась вверх – хотела поправить очки на носу.

– Получается! – сказал Ник. И повел ее к двери, где начиналась двойная цепочка свечей. – Что нам теперь делать?

– Мы с Уиллом зажжем свечи, – ответил я, – и при этом произнесем нужные слова. Если ты тоже знаешь слова, говори вместе с нами. И как только увидишь остальную дорогу, иди. Готов?

Ник вымученно улыбнулся, Мари так и навалилась на него.

– Готов, не готов – все равно надо идти.

Мы с Уиллом бросились к дальнему концу двойной цепочки свечей. У нас были зажигалки. Зажигать ими свечи неудобно, но когда творишь старое волшебство, огонь полагается высекать сталью по кремню. Мы

зажгли первую пару свечей, тут же перешли ко второй и начали декламировать общеизвестную часть тайны. Как и все старинные заклинания, эта строфа содержит инструкции к самой себе:

До Вавилона сколько миль?
Десятков семь, ей-ей.
А хватит мне одной свечи?
Еще вернешься с ней.
Коли шага не сбавишь в долгом пути,
И с одной свечой сумеешь дойти.

Роб тоже произносил слова — я заметил. Интересно. Мари, кажется, повторяла слова за Ником. Ник читал стихи охотно и вдумчиво, пока до него не дошло — я это увидел, — что ему придется уговаривать Мари пройти семьдесят миль, нет, сто сорок, за время, пока горят свечи. Он запнулся, взглянул на меня с ужасом — но продолжил читать.

Потом я продекламировал свою строфу. Мне показалось, что дальше по порядку идет именно она:

А где дорога в Вавилон?
У дома твоего.
Хоть сотню раз пройду по ней?
Не сотню — три всего.
Коль уверен ты в путнике и в пути,
И с одной свечой сумеешь дойти.

На середине строфы у Ника округлились глаза. Я увидел, что он смотрит на что-то далеко за стенами комнаты. Он потянул Мари, и они медленно пошли вперед между двумя рядами свечей. Мы двинулись к ним, высекая огонь из зажигалок, которые все больше разогревались у нас в руках, — зажгли свечку, двинулись дальше, снова зажгли... Теперь я прочел строфу Стэна:

И как идти мне в Вавилон?
Отсюда — и вперед.
А будет мост и склон крутой?
Все будет в свой черед.
Коль ничто тебя не страшит на пути,
И с одной свечой сумеешь дойти.

Нам остались последние две свечи. Как бы медленно ни ступала Мари, они с Ником уже приближались к стене комнаты. Уилл нажал на кнопку

зажигалки. И обжегся, и лицо его сморщилось от боли, когда он прочитал свою строфу:

А путь тяжел ли в Вавилон?
Тяжел он, как беда.
Чего просить, когда приду?
Того, в чем есть нужда.
Коль нужда тебя направляет в пути,
И с одной свечой сумеешь дойти.

Мы зажгли последнюю пару свечей, скорчившись в тесном пространстве под дверью, и оба еле сдержались, чтобы не охнуть, — зажигалки были раскаленные. И от двери — к моему облегчению и восхищению — было видно дорогу. Извиваясь, уходила она в колеблющееся темное пространство за последними двумя свечами, и была эта дорога то ли вымощена, то ли высвечена неярким серым светом. Кругом намечался сельский пейзаж — непостижимый и удивительный, поскольку находился совсем не на том уровне действительности, что обрамлявшие его ковер и занавески. Как и говорилось в строфе Стэна, тянулся он далеко-далеко — «отсюда — и вперед». У меня отлегло от сердца, поскольку древнее волшебство подействовало — и подействовало, спасибо Уиллу, даже не затронув узел, — а еще — поскольку держать путь открытым гораздо легче, если видишь его. На каком бы уровне действительности ни находился пейзаж за дверью, в его физическом существовании сомнений не было. Сразу за последней парой свечей дорога резко уходила под гору. Ник и Мари спускались туда, и видно было только макушку Мари и выше. Значит, они уже не слышат нас. Это меня обрадовало. Оставалось произнести еще одну строфу, и я надеялся, что они ее не услышат. Когда мы с Уиллом начали ее читать, Роб опять подхватил стихи:

До Вавилона сколько миль?
Десятков, верно, семь.
Ходили многие туда,
Назад пришли не все.
Коль шагаешь проворно и налегке,
Ты вернешься с той же свечой в руке.

Спотыкающиеся ноги Мари никак нельзя было назвать легкими и проворными. Прошла целая вечность, пока Ник и Мари снова показались в темной дали — они медленно поднимались по следующему извику сумрачной серой дороги, высокая темная фигура и маленькая выцветшая, и

высокая поддерживала маленькую так нежно, так заботливо...

– Уф! – Уилл пососал обожженные пальцы. – А как так вышло, что ты тоже знаешь последнюю строфу?

– Это же детский стишок, – отозвался Роб. – Эти две строфы в Талангии знают все.

– Но ты-то наверняка учился на мага, так ведь? – спросил Уилл.

– Да, – признался Роб.

Конечно, подумал я. Иначе Кнаррос не отправил бы его сюда. И я был рад, что у нас, на Земле, известна только одна строфа. Иначе Нику было бы гораздо труднее согласиться.

Глава двадцатая

Продолжение отчета Руперта Венейблза

Я задвинул кресло-каталку в тесное пространство у двери и сел в него, сосредоточившись сначала на том, чтобы дорога никуда не исчезла и была ясно видна, а затем — на том, чтобы замедлить горение свечных фитилей, превратив их в восемнадцать еле тлеющих огоньков. Потом я проверил узел — его никто не трогал — и защиту Уилла, которая тоже никуда не делась и окружала нас, словно каменная стена. На все это ушло некоторое время. Ник и Мари преодолели следующий склон и стали такие маленькие, что в сумерках их было видно с трудом, и только тогда я почувствовал, что можно немного отвлечься. А когда я отвлекся, то обнаружил, что Уилл расположился в мягком кресле, которое мы отодвинули к двери в ванную, а квачки устроили под ним гнездо. Роб весьма художественно спал.

— Роб, — позвал я. — Роб!

Он артистично проснулся:

– Что?

– Роб, у меня осталось два вопроса, которые я не мог обсудить с вами при Нике. Во-первых, к сожалению, ваш дядя Кнаррос погиб...

Тут мне пришлось замолчать. Роб заплакал. Он плакал, как плакал кентавр Крис, слезы ручьем текли по смуглым щекам и изящно очерченным губам, и он переводил жалобный взгляд с меня на Уилла и обратно. Некоторое время он, похоже, не мог говорить. Мы не хотели мешать его скорби. Наконец он дрожащими руками вытер лицо и выдавил:

– Как?..

– Кто-то застрелил его из земного пистолета, – ответил я. – Соболезную. Я должен был это предотвратить, но повел себя глупо. Я не представлял себе, что происходит.

Мне было тошно, ведь Роб, очевидно, любил этот гранитный памятник кентавру. И я не разглядел, в какую опасную сеть интриг попал Кнаррос, даже когда понял, что дети у ворот ждали не меня. В последнее время я портил все, к чему ни прикасался, – со дня суда над Тимотео и до сих пор, – и понадобились слезы кентавра, чтобы я это осознал.

– Сколько тебе лет, Роб? – ласково спросил Уилл.

– Восемнадцать, – ответил Роб, глухо, протяжно всхлипнув.

Значит, уже мог бы вести самостоятельную жизнь, подумал я, если бы не узкий кругозор из-за сурового воспитания в поселении.

– Ты, кажется, упоминал, что у тебя есть другая семья? – спросил Уилл.

Роб кивнул. Было видно, что Уилл ему понравился. Уилл принадлежал к тому типу грубоватых, но чутких и добрых поселян, который кентавры ценили больше всего.

– Моя мать жива, – снова всхлипнув, сказал Роб. – Но... но она так и не оправилась после того, как родила меня.

Мне было видно, что он чувствует себя виноватым. Я вздохнул – и потому, что в этом чувстве вины не было никакого смысла, и потому, что понял, что быть мне на этом допросе злым полицейским. И хотел было заговорить, но Уилл успел первым:

– А твой отец, Роб? Он жив?

У Роба вздернулся подбородок. Рука машинально стиснула медальон на груди, а глаза, по-прежнему полные слез, гордо посмотрели в серьезные глаза Уилла.

– Мой отец мертв. Он был император.

Это меня огорошило. Я думал несколько в другом направлении, и это подорвало все мои теории. Уилл, похоже, растерялся не меньше моего. И

только и мог, что проговорить:

– Значит, твоя мать и Кнаррос из очень хорошей семьи.

– самого знатного рода, – гордо подтвердил Роб.

Некоторое время мы сидели и глядели на этого раненого, всеми покинутого принца-кентавра. Потом я сказал:

– Роб, со смертью вашего дяди связано несколько обстоятельств, которые, думаю, вам следует...

Сзади, за дверью в номер, послышался громкий топот: кто-то не сумел пробиться через защитные чары Уилла и даже постучать в дверь, вот и пришлось ему топтать по ковру на полу коридора. Вскоре послышались и крики – поначалу приглушенные, далекие, а затем все громче и отчетливее: человек за дверью разобрался, как добиться, чтобы голос проникал сквозь слои защиты.

– Венейблз, Венейблз! Венейблз, ты меня слышишь?

Да, я его слышал, и это меня насторожило. Похоже, он протолкнул свой голос окольными путями сквозь конструкцию Уилла и размазал по моим заурядным защитным чарам под ней. Для этого нужно было немалое мастерство и очень много сил. Первой моей мыслью было притвориться, будто я не слышу. Зачастую маг понимает, удалось ли его волшебство, только по реакции окружающих. Я посмотрел на Уилла, затем на Роба и знаком велел им молчать. И мне стало очевидно, что Роб узнал этот голос. Он вскинул голову. И вид у него был такой, словно он чуть было не крикнул в ответ, но передумал.

– Венейблз! – Это был уже оглушительный вопль.

– Кто это? – шепотом спросил Уилл у Роба: он правда не знал.

– Грамос, – ответил Роб. Он был удивлен и озадачен. – Он живет в Талангии. Что он здесь делает?

– Грэм Уайт, – сказал я. – Он и здесь живет, Роб.

– Венейблз! Я знаю, что ты там! Отвечай! – орал Уайт. – Пока не ответишь, не уйду!

– Ответь ему, пусть отвяжется, – прошептал Уилл.

Я спроецировал свой голос наружу и притворился, будто сплю.

– Что? Кто там?

– У тебя там Ник Мэллори! Да? – закричал Уайт.

– Нет, – ответил я, не особенно покривив душой. – А что?

– Его мать волнуется! – завопил Уайт.

Я закричал в ответ – опять же не особенно покривив душой:

– Я не знаю, где Ник! Откуда мне знать, черт побери? Передайте Жанин, что если я увижу Ника, то скажу ему, что Жанин звала!

Уайт мне не поверил. И, понизив голос, пригрозил мне – сказал, что сделает со мной, если я говорю неправду. Потом еще немного постоял под дверью, бормоча. Наконец вроде бы ушел. Я прощупал пространство за защитными чарами, и мне показалось, что он и в самом деле ушел по коридору. Однако я счел за лучшее помалкивать, пока не удостоверился, что его за дверью нет.

– Роб, – сказал я. – Ваш дядя сегодня ждал именно Грэма Уайта? Дети у ворот кого-то дожидались. И Кнаррос пришел говорить со мной только после того, как не спеша снял с дороги все защитные чары.

– Да, – ответил Роб несколько встревоженно. – Грамоса у нас ожидали.

– И Жанин тоже? Мать Ника? – спросил я.

Роб одарил меня своим коронным кристально честным взглядом.

– Ожидали прибытия императрицы Джалейлы, – проговорил он. – Она моя тетя. Грамос – ее брат.

– Но эта императрица – мать Ника, – напирал я.

– Погодите. Что-то до меня не доходит, – сказал Уилл. – В Корифонской империи отродясь не было никаких императриц.

– В случае кончины императора титул переходит к его единственной оставшейся в живых супруге, – сообщил ему Роб, явно цитируя закон.

– Тогда, полагаю, титул должен перейти к верховной даме Александре, – сказал я Робу. – Жанин – Джалейла – всего лишь низшая наложница, верно?

– Я не знал, что эта верховная дама жива! – вывернулся Роб.

– Это так? – не сдавался я. – Жанин, мать Ника, – низшая наложница?

– Да, – ответил Роб. – Но...

– Роб, – сказал я. – Прошу вас. Дослушайте меня. Эти двое проникли в поселение, и один из них тут же перерезал горло двум мальчикам, а потом застрелил девочку, а второй тем временем пытался застрелить меня, а потом убил вашего дядю. Затем...

– А Крис? Он цел? – испугался Роб.

– Его отправили с поручением, – сказал я. Было видно, как Роб перевел дух. Я продолжал: – А когда я обнаружил тела, Крис убежал в лес, где, похоже, наткнулся на Грэма и Жанин сразу после того, как они разметали Мари. Думаю, Крис поднял тревогу...

Роб чуть ли не улыбнулся:

– Да, Крис очень честный. Поэтому никто ему ничего не расска... – Он осекся и встревоженно посмотрел мне в глаза. – А дальше что было?

– После этого видели, как Крис убегает со всех ног от Жанин, которая гналась за ним на машине Мари, а Грэм стрелял в него из окна.

– Как? – Передние копыта Роба ударили в пол, он попытался резко выпрямиться, но на полпути замер – не позволила боль в боку. – Как?! – Глаза его снова наполнились слезами. – Ведь Грамос – отец Криса! Грамос его застрелил?!

– Все обошлось, – ответил я. – Мы считаем, что Крису удалось спастись. Стэн – очевидец – говорит, что он птицей перепорхнул в ближайший виноградник.

Роб медленно опустился обратно на кровать:

– Ох, благодарение всем богам!

– Погодите! До меня опять не доходит! – вмешался Уилл. – Почему ты так беспокоишься за этого Криса? Когда Руперт сказал тебе, что трем детям, с которыми ты вместе рос, перерезали горло, ты и ухом не повел!

– Да и судьба Мари вас не очень тревожит, верно? – сказал я. – Видимо, то, что она вас залатала, для вас ничего не значит.

Прозвучало это гораздо жестче и злее, чем я рассчитывал. А еще мне при этих словах пришлось сглотнуть, чтобы не заплакать. Такого я не ожидал.

Роб тоже такого не ожидал.

– А почему я должен о них думать? – растерялся он. – Они же не нашей крови.

Уилла охватило омерзение, внезапное и всеобъемлющее. Он поднялся, он отпихнул ногой мягкое кресло, он смерил Роба взглядом, полным глубочайшего презрения, и отвернул от него лицо свое. Квачки заразились его настроением и стремглав кинулись прятаться под кресло-каталку. Уилл сказал:

– Да что же... да как же... да я даже не знаю, как это и назвать-то, честное слово!

Роб вытаращился Уиллу в спину. Было заметно, что он с каждой секундой все больше теряется и пугается. Как я и подозревал, Уилл ему очень нравился.

– Вы имеете в виду, – сипловато проговорил кентавр, немного поразмыслив, – что мне, по-вашему, полагается о них думать?

Уилл резко развернулся.

– Конечно полагается, чтоб тебя разорвало! – заорал он. От его голоса задрожали огоньки на свечах. – Как же тебя такого взлелеяли-то, а? Убили троих детей и юную девушку, а ты только и можешь сказать, что они-де не твоей треклятой крови! Черт подери, это ко всему прочему еще и неправда! Император им такой же отец, как и тебе! Роб, это были твои братья и сестры!

Роб покривился и уставился в покрывало. Помолчав еще немного, он проговорил:

– Да, наверное, так и есть.

– Ты только погляди на него! – воскликнул Уилл, обращаясь ко мне. – «Наверное, так и есть»! Это говорит пособник убийц, вот он кто!

Роб весь содрогнулся и вдруг громко всхлипнул.

– Твои слезы гроша ломаного не стоят! – снова завелся Уилл. – Ты...

– Уилл, дай ему передышку, – сказал я. Похоже, мы с Уиллом поменялись ролями и теперь я был добрым полицейским, а Уилл злым. – Насколько я понимаю, его с детства приучили считать родными только детей двух сестер Кнарроса. И, надо полагать, детей Жанин как сестры Уайта, а император всех их связывает. Так, Роб? Ты считаешь, что следующим императором будет Ник?

Роб кивнул. Он явно потерял дар речи.

– Тьфу! – закричал Уилл. – Мало ли к чему его приучили! У него своя голова на плечах. Его учили магии. Это значит, что у него обязана быть своя голова на плечах! Если уж на то пошло, почему он не считает, что сам будет следующим императором? Он же старший из оставшихся в живых сыновей императора – разве нет?

Роб поглядел на него с огромным, неподдельным удивлением:

– Я же кентавр!

– И что? – спросил Уилл. – Или мы не только пособники убийц, но еще и расисты, да?

– Я... – выдавил Роб. И сглотнул – золотой медальон подпрыгнул на гладкой шее. – Я об этом не задумывался. Клянусь.

Его изумительные черты исказились от искреннего горя. Мне было очевидно, что он и вправду до сих пор не задумывался, какова его роль в сегодняшних ужасах. Впрочем, как и я. Я ведь и сам показал себя отнюдь не с лучшей стороны: умудрился держать Дакроса вдали от поселения, чтобы Уайт мог спокойно обстрепывать свои темные дела. Нас с Робом обвели вокруг пальца.

– Лучше расскажи нам, – сказал я, – что именно ты сказал в лифте Нику и Мари.

Роб пожал плечами:

– Разумеется, я сказал, что все мы – дети императора. Ника я узнал, потому что он похож на меня, только кожа у него светлее. И под рубашкой у него был медальон – в доказательство. Мари сказала, что ее медальон где-то среди хлама в ее номере. Она... – Роб несколько повеселел, почуяв возможность ходить вокруг да около, а того, что требуют, не говорить. Я

кашлянул, чтобы напомнить ему, что у него спросили. Он ответил взглядом, в котором, к его чести, читалось понимание и смущение. – Я... я должен был сказать Мари, что Кнаррос ждет ее, – продолжил он, – поскольку она старшее дитя императора и ей предстоит взойти на престол.

– А она что ответила? – Мне было так любопытно, что я не сдержался.

– Сказала, что пойдет и пошлет Кнарроса куда подальше, – отозвался Роб.

В это я охотно поверил.

– Почему? Нет, дай сам догадаюсь. Потому что она собиралась стать ветеринаром.

Роб улыбнулся – чудесной горькой улыбкой, одним уголком губ:

– Нет. Она сказала, что хочет стать магидом.

Мы с Уиллом только вытаращились на него.

– Честно, – сказал он. – Мы как раз об этом спорили, когда вы потянули лифт вниз. Я сказал, что она может быть и магидом, и...

Голова его резко повернулась к дальнему концу вереницы свечей.

Оттуда, издалека, где дорога резко уходила под гору и скрывалась из глаз, доносился какой-то шум. Мы с Уиллом обменялись напряженными удивленными взглядами. Так быстро?! Мы слышали пыхтение, шорох щебенки и торопливые приближающиеся шаги. Кто-то явно спешил сюда. Мы ждали, глядя в точку, где рассчитывали увидеть его голову из-за вершины холма. Мы так увлеклись разговором с Робом, что ничего не заметили раньше, когда этот кто-то бежал по дороге вдаль, хотя, порывшись в памяти, я подумал, что, кажется, уловил там какое-то движение, как раз когда Уилл вспыхнул.

Мы смотрели не туда. И вздрогнули от неожиданности, когда на ковер между рядами свечей выскочил Ник и остановился, согнувшись пополам и пыхтя, как паровоз.

– Что случилось?!

– Что стряслось?!

– Где Мари?!

Закричали мы, кажется, хором, но ответил Ник мне.

– Оста... оставил ее на мосту, – выдавил он. – Сюда и обратно ей... далеко. Она ничего. Даже повеселела. – Он умолк и сипло запыхтел. Когда ему стало легче дышать, он продолжил: – Вон этот мост, и на нем стражники, жуткие такие. Они не пропускали нас, потому что мы... мы не принесли того, что надо. Сказали, чтобы мы вернулись и нашли еще одну строфу. Вот я и пришел.

– Черт! – сказал Уилл. – Еще одну строфу? Сейчас?!

– Цинка! – осенило меня. Я вскочил – к великому негодованию квачек. – Пойду поищу ее.

– Свечи, – сказал Роб.

Ник, скорчившийся между рядами свечей на полу, будто выдохшийся спринтер-олимпиец, эхом повторил:

– Да. Свечи.

И правда. С каждой минутой, пока мы будем искать пропавшую строфу, огарки будут все короче и короче. Но нельзя же гасить их, пока Мари там!

– А если, – проговорил я, – мы задует их все, кроме тех двух, которые ближе всего к дороге? Уилл, как ты считаешь, – этого хватит, чтобы дорога осталась дорогой?

– Может получится, – кивнул Уилл. – Если мы начнем с того конца, который ближе к двери, и каждый раз будем проверять. Я займусь. Иди ищи Цинку.

Я мигом выскочил за дверь и метнулся к лифтам, которые из-за недавней деятельности Уайта под моей дверью теперь стали на четыре угла дальше. Первым приехал тот лифт, в котором мы поднимали Роба. Он еще барахлил. Ехал вниз рывками и окончательно заглох на третьем этаже. Я чувствовал, что Цинка где-то ниже, но работать с лифтом было некогда. И я просто выпрыгнул из него и галопом помчался по лестнице вниз.

На первой же площадке меня оглушил рев голосов и пение. Проскочив мимо запасного выхода и ринувшись вниз еще на пролет, я понял, в чем дело. Праздник был в разгаре. Лестница в фойе была почти напрочь забита народом, веселившимся от души – деятельно, пьяно, шумно, а местами и пылко.

На верхней ступеньке, в стороне от толпы и по соседству со мной, сидел Корнелиус Пунт. При виде меня он торжественно поднял стакан для зубных щеток.

– Вот пытаюсь разобраться, где тут чьи руки-ноги, и не могу, – поведал он мне.

– Да, они сильно переплетены, – согласился я. И поглядел в толпу. А потом – с печалью – сверху вниз на Пунта.

Когда я раздумывал, не получится ли из Пунта магид, один из доводов «за» состоял в том, что он всегда держался особняком от всего остального человечества. А он, оказывается, банальный любитель подглядывать. Это я держался ото всех особняком – однако в этом не было необходимости, более того, это было ошибкой. Наверное, потому я и пустил все насмарку.

– Почему не веселитесь вместе со всеми? – спросил я Пунта.

– Я всегда держусь выше толпы, – отвечал тот. – Хочу поставить мировой рекорд по сидению на возвышенностях.

Цинка была где-то внизу, на лестнице.

– И поставите, – заверил я его.

После чего двинулся вниз по забитой галдящей лестнице. Продвигаться удавалось только по стеночке, внимательно глядя под ноги, чтобы никому ничего не отдавить. Несколько раз из-за меня кто-то вскрикивал от боли. Я неоднократно сбивал с носов очки – и один раз вышиб у кого-то из рук фаянсовую бутылку с самым крепким напитком на свете. От его испарений я задохнулся и закашлялся, однако шесть человек в ближайших окрестностях бутылки как будто ничего и не заметили.

Я извинился и шагнул через две ступеньки – там как раз освободилось местечко. Один из шестерых проговорил:

– Чтоб меня! Тут ковер прожгло!

Из массы развалившихся на лестнице тел выпросталась чья-то рука и протянула мне бокал вина. Я вежливо принял его – и тут обнаружил, что это сизая, испещренная шрамами рука Милана Габрелисовича. Хорошо. И даже отлично. Однако я не мог ручаться, что он не отравит меня, – я же колдун. Я пробрался дальше, через неразборчивое скопление отдыхающих, и небрежно сунул бокал в руку, которая высунулась оттуда и помахала мне. Не исключено, что это была Тэнси-Энн Фиск. Еще ниже по меньшей мере на восьми ступеньках вольготно раскинулся высокий стройный юноша, со всех сторон окруженный барышнями, и, похоже, спал. Барышни разрисовывали его фломастерами. Две рисовали ему на груди солнышко с красно-желтыми лучами визжащих оттенков. Одна рука у него была вся в якорях и сердечках, другая – в графиках и диаграммах. Цинка трудилась над левой ногой – оплетала ее изящными виноградными листьями. На Цинке было струящееся шелковое вечернее платье, отливавшее двумя оттенками нежно-розового и пикантно соскальзывавшее с округлого левого плеча, и она была полностью поглощена рисованием. Я видел, что остальные барышни просто рисуют, а вот виноградные лозы и усики Цинки были деликатно нацелены на то, чтобы завоевать сердце юноши на ближайшую ночь, – но к утру чары должны были развеяться.

Было жаль портить ей веселье, но свечи становились все короче. Я нагнулся и тронул ее за плечо.

– Цинка, прости, что...

Она вскинулась и посмотрела на меня:

– Господи, Руперт, это срочно, да? Это ты меня извини, я же собиралась зайти посмотреть перед... Так и знала, что что-то неладно. Пойдем.

Она встала, взяла меня за руку и потащила вниз. Я бы предпочел наверх, но вниз было ближе и проще. Мы с Цинкой по возможности деликатно пробрались через довольно-таки экстремальную попойку, а потом прорвались через цепочку из десяти людей, которые сидели на нижней ступеньке, раскачивались и пели. После этого осталось всего лишь пройти, спотыкаясь, по ровному слою бокалов и бутылок – и вот мы уже на чистом пространстве у запасного выхода.

– Рассказывай, – велела Цинка.

Я не забыл, что на лестнице сидит Корнелиус Пунт и проделывает свой фокус с усилением наших голосов. Цинка тоже. Она покосилась вверх, потом на меня, нахмурилась – и мы с ней разом наслали на него иллюзию совсем другого разговора, более того, двух совсем других разговоров. Координировать их нам было некогда. Одним лишь Тем, Наверху, ведомо, что вынес Пунт из нашей беседы.

– В общем, примерно так, – сказал я и снабдил Цинку краткой сводкой новостей.

– Вавилон! – проговорила Цинка. – О господи, Руперт! Надо было тебе позвать меня еще днем! Для начала, вот тебе моя строфа...

Дверь запасного выхода рядом с нами резко распахнулась. На площадку выскочил Мервин Тарлесс и замер, глядя на толпу на лестнице с величайшим презрением.

– Какое отвратительное зрелище! – заявил он нам, как будто считал, что это наших рук дело. – И лифты сломались! Какого черта? Как мне теперь попасть наверх?

– Ужасно, – согласился я, вовремя вспомнив, что мне полагается изображать поклонника его таланта.

– Проложите себе дорогу, – весело ответила ему Цинка. – Распинайте всех в стороны. Они пьяные в стельку, никто ничего не заметит. – И потащила меня в противоположную сторону, за дверь запасного выхода, добавив на ходу: – По крайней мере, некоторые. Если повезет, кто-нибудь даст вам сдачи! – К этому времени мы очутились на относительно свободном пятачке возле лифтов. – Ничего-ничего, – сказала Цинка, заметив, что я настороженно обернулся через плечо. – Я внушила Тарлессу мысль, что надо подниматься по лестнице через толпу. А нам, по-моему, все равно нужно сюда, вниз, в кухню. Вот моя строфа:

Что взять с собою в Вавилон?

Возьми воды глоток,

Зерна и соли горсть, свечу

Да козьей шерсти клочок.
Коль с умом ты используешь их в пути,
И с одной свечой сумеешь дойти.

– Ох, ну конечно! – сказал я. – Надо было дать им с собой стихи жизни! Как же я сам не догадался!

– В кухню, – сказала Цинка. И уже на бегу пропыхтела: – Свечей у меня полно. Шерсть – не вопрос. Вода тоже. Труднее всего будет с зерном.

Потыкавшись немного туда-сюда по задворкам гостиницы, мы вломились в стальные двери и оказались в помещении, где повсюду сверкали металлические принадлежности и сильно пахло подогретым жиром, который еще не дошел до кондиции. Там я предоставил бразды правления Цинке. У каждого магида особое чутье ко всему, что касается их личных страшных тайн, и к тому же единственным дежурным в кухне был усталый парень в высоком белом колпаке. Цинке явно было легче договориться с ним, чем мне.

Она мгновенно взяла его в оборот.

– Нам очень нужно найти что-то, в чем есть цельные зерна, – сообщила она. – У вас есть какая-нибудь крупа?

– Мюсли? – предположил оторопевший повар.

– Там слишком много добавок, – сказала Цинка. – Пшеница, овес, ячмень – но в зернах, вот что нам нужно.

Повар, бедняга, расстарался как мог. Сначала он предложил пакет замороженной кукурузы, пакет муки и пачку овсяных хлопьев. Цинка улыбнулась ему, вся розовая и шелковая, и платье соскользнуло с плеча. Покорный ее воле, повар отправился на новый заход и вернулся с бурым рисом.

– На худой конец сойдет, – сказала Цинка. – Но нам бы, если можно, что-нибудь европейское.

Повар ушел и вернулся с кунжутом, канареечным семенем, хлебом из непросеянной муки и пумперникелем. Цинка ласково взяла его за руку и увела куда-то прочь от шкафчиков.

Когда они ушли, я разыскал полиэтиленовые пакеты. На полке у двери стояло, наверное, несколько сотен солонков и перечниц, и я кинулся торопливо сыпать соль в пакет, пока он не наполнился. Потом нашел большой дуршлаг и, ни на миг не забывая о догорающих наверху свечах, принялся яростно просеивать овсяные хлопья. Почти все зерна были расплющены, но мне все же удалось набрать пару унций целых, несмятых зерен овса, и тут появилась Цинка, прижимая к груди жестяную банку. Там

перекатывалась горстка пшеничных зерен – повар мрачно пояснил, что они с чего-то там осыпались.

– О, прекрасно! – воскликнула Цинка, увидев, чем я занимаюсь. – Если возьмем и твои, и мои и досыплем чуть-чуть канареечного семени, кунжута и самую малость риса, наберется как раз примерно две горсти. Спасибо, шеф. Я вас обожаю. Пойдем, Руперт.

Мы бросились в центральную часть гостиницы, сжимая в руках полиэтиленовые пакетики.

– Что случилось со вторым лифтом, сама не понимаю, – пропыхтела Цинка, – но дальний, к сожалению, стоит из-за меня – и из-за тебя. У тебя, Руперт, всегда получается всем стасисам стасис. Снять его до конца мне не удалось.

– А, и всего-то? – Я вздохнул с облегчением.

Мне даже подумать было страшно, что придется пробираться наверх по лестнице – опять сквозь толпу. Когда мы добежали до лифтов, скинуть остатки моего стасиса с того лифта, в котором прятался Роб, и притащить его вниз была пара пустяков. Мы взмыли на лифте на третий этаж, и я остался ждать, а Цинка подобрала розовые юбки и ринулась к себе в номер за свечами.

Ждать было просто пыткой. По часам получалось, что я вышел из номера всего полчаса назад, но я им не верил. Боялся, что они встали. Мне становилось все очевиднее, что что-то не заладилось, но где именно – у меня в номере двумя этажами выше или что-то страшное произошло с Мари, которая ждала, полуживая, в краю теней, – этого я понять не мог. И просто надеялся, что Цинка вернется скоро.

Надо отдать ей должное: она вернулась и вправду скоро. Через две минуты она выбежала с другой стороны с охапкой свечей – из натурального пчелиного воска: на меня повеяло медом, – и, отдуваясь, проговорила, что узел совсем взбесился и до ее номера теперь ближе отсюда. Я рывком втащил ее в лифт, ударил по кнопке, и мы помчались вверх.

Опять кто-то вмешивается в работу узла, подумал я. Снова Грэм Уайт. Тут меня осенило.

– Кстати, как ты думаешь, – спросил я, когда мы проскочили четвертый этаж, – кто из них кого убивал? Я убежден, что замешаны оба. У одного просто не хватило бы времени.

– Женщины редко перерезают горло, – уверенно сказала Цинка. – Значит, она стреляла.

Все сходилось. Тот, кто в меня стрелял, замешкался, как будто не

привык – не привыкла – обращаться с пистолетом, а Грэм Уайт, владелец оружейного завода, должен был быть докой в этом деле.

– Спасибо, – сказал я. – Значит, из них двоих он опаснее.

– Не делай на это больших ставок, – ответила Цинка, когда лифт замедлился. – По-моему, она та еще гадюка.

Двери раздвинулись. Мы выскочили из лифта и побежали. И бежали, и бежали. И все сворачивали и сворачивали за углы на бегу.

И вот наконец показался нужный коридор, а в середине его – открытая дверь моего номера, а возле нее метался Уилл, то и дело спотыкаясь и наклоняясь в напрасных попытках поймать бешено скачущую квачку. А вдали решительно шагали прочь три фигуры – Грэм Уайт и Жанин, а между ними Ник.

Глава двадцать первая

Руперт Венейблз продолжает рассказ

Мы с Цинкой остановились и переглянулись.

— Тут кто-то поработал над чарами, — сказала она. — Я чувствую.

Теперь и я это почувствовал. Вот чем занимался Уайт после того, как покричал у меня под дверью. Конечно, я должен был почувствовать это раньше, когда выходил, но в спешке ничего не заметил. Опять сел в лужу. Я выругался. Чары были настроены так, чтобы вытащить Ника из номера, как только дверь откроется в следующий раз. Уилл рассказал, как все было, когда мы медленно подошли к нему и он выпрямился, красный, запыхавшийся, однако же квачку ему удалось загнать обратно.

— Я думал, эта треклятая дверь заперта, — сказал он, — но ты, наверное, оставил ее приоткрытой.

– Нет, я ее запер, – ответил я. – Это Грэм Уайт над ней поработал.

– Ох! Ну, ясно. – Уилл запустил пятерню в волосы – вылитый Дакрос. – Не сообразил. Квачки, чтоб их, дернули наружу. Мы с Ником выскочили, хотели их загнать, но тут подошли эти двое. И она говорит: «Идем, Ник, ты мне нужен», – а он, похоже, не смог придумать отговорку. Даже возражать не стал – взял и ушел.

Мы смотрели, как Грэм, Ник и Жанин скрываются за углом.

– Ничего не поделаешь, – произнесла Цинка. – Она как-никак его мать, вот в чем беда. Как же нам поступить? У тебя в номере недоделанная масштабная работа. Нельзя ее просто бросить.

– Если вы сможете держать дорогу открытой, я пойду, – сказал я.

Я только об этом и мечтал. И глазам своим не поверил, когда Уилл и Цинка разом сурово помотали головами.

– Это твоя работа, Руперт, – сказала Цинка, а Уилл добавил:

– Руп, нельзя начинать работу снаружи, а потом идти внутрь. Неужели ты забыл? Стэн тебе объяснял. Это азы.

– Много магидов так пропало, – добавила Цинка.

– Роб говорит, он готов идти, – сказал Уилл. – Он все равно хотел вернуться с Ником. Я пытался объяснить ему, как это опасно, если конструкция уже начала действовать, но тут как раз удрали эти треклятые квачки.

– Конструкция и так уже изменилась! – рявкнул я и ринулся в номер.

Вот не было печали.

На многоугольном пятачке между моей кроватью и цепочками свечей примостился Роб, спустив две ноги с кровати и неловко опершись рукой за прикроватный столик. Другой рукой он показывал на дорогу:

– Я не сумел их перехватить! Не успел!

Я посмотрел, куда он показывает. И увидел, что между последней парой свечек, которую мы оставили гореть, с ковра на склон холма соскакивают две маленькие квачки. Признаюсь, первым делом у меня в голове мелькнуло: «Скатертью дорожка!» Зато вторая мысль была тревожная – как это повлияло на конструкцию? Уилл и Цинка протиснулись в номер за мной – и как раз увидели, как квачки семят на темную вершину холма, переваливают за нее и исчезают.

– Караул, – выдохнул Уилл.

Цинка обшарила глазами темный пейзаж, раскинувшийся под неуклюжим углом к остальной комнате. Было видно, что моя работа произвела на нее сильное впечатление. Однако вслух она всего лишь сухо заметила:

– А мы и не думали, что наш мистер Уайт так постарается, верно? Помоему, бегать за ними и возвращать их сюда сейчас не стоит. Что ты собираешься предпринять, Руперт?

– Все равно продолжаем, – сказал я. – Там Мари, она ждет.

– Тогда, – выдавил Роб, – наверное, идти надо мне.

Уилл и Цинка протиснулись мимо мягкого кресла у входа в ванную. Я закрыл дверь в номер, и все мы посмотрели на Роба. Цинка глядела на него с откровенным женским восхищением. Еще бы. Даже больной и бледный, даже со взъерошенной тусклой шерстью, Роб представлял собою роскошное зрелище.

Сам он осторожно встал на все четыре копыта.

– Я перед Мари в долгу, – сказал он. – Одной ей не дойти. А вы показали мне... я вижу, что натворил бед, и должен все исправить, если смогу.

– Он учился на мага, – вставил Уилл.

– Ты же ранен! – возразил я. Кроме всего прочего, я хотел пойти сам.

– Ничего, – сказал Роб. Его прекрасные черты слегка исказились. – Пусть мне будет больно, и поделом, правда?

– Думаю, придется тебе его отправить, – решительно постановила Цинка. – Все сходится.

Больше я спорить не мог. Две свечи, мерцавшие на границе темного пейзажа, сгорали уже на треть. Мы и так потратили много времени впустую.

– Что он должен взять с собой? – спросил я Цинку.

– Воду – это несложно, – ответила она. – Вижу, тут у тебя четыре пустые бутылочки. А что касается козьей шерсти...

– У меня есть кашемировый свитер, – сказал я.

– Распускай, – велела Цинка.

– Что?! – опешил я.

– Общий тон строфы говорит, что нужны необработанные материалы, – объяснила Цинка. – Лучше, если будет клубок. Сам понимаешь.

Уилл появился на пороге ванной, держа в кулаке четыре бутылочки, и прыснул, увидев, какое у меня лицо.

– Не волнуйся! – Он полез в карман плаща, выудил оттуда большой ком пушистой белой козьей шерсти и спросил Цинку: – Годится?

– Идеально! – ответила та.

Остальные торопливые приготовления пришлось проделать при открытой двери и в основном в коридоре. Роб был гораздо габаритнее человека и не помещался в пространство перед началом дороги, если дверь

была закрыта. Пришлось ему перепрыгнуть через первую пару свечей, поморщившись от толчка, выйти за дверь в коридор и там развернуться и ступить в номер передними ногами. Тогда Цинка дала ему свечу, а Уилл – поясную сумку, в которой звякали четыре бутылочки воды, хотя их обложили козьей шерстью.

– Ну, иди, – сказала Цинка, нежно застегнув ремень от сумки вокруг мускулистой талии Роба, а я нетерпеливо переминался рядом с зажигалкой и пакетами зерна и соли. – Давай. Пожалуйста, постарайся вернуться, Роб. Ты такой потрясающий – жаль было бы тебя потерять.

До этого Роб смотрел только вперед, очень решительно и напряженно, но при этих словах тряхнул роскошными черными волосами, склонился к Цинке и спросил:

– Вы правда так думаете?

И вид у него тут же стал влюбленный. У Цинки тоже.

Я чуть не во всеуслышание заскрежетал зубами, но сказать ничего не успел – послышался топот бегущих по ковру ног. Я развернулся. К нам подлетел Ник и был вынужден вцепиться в меня, чтобы остановиться.

– Ох, хорошо, – выдохнул он. – Роб тоже идет.

Мы вытаращились на него.

– Я думала, твоя мать... – начала было Цинка.

– Я сказал ей, что пойду спать, – ответил Ник. – Все равно ей больше ничего не было от меня нужно. Ладно, Роб. Пошли.

Мы с Уиллом переглянулись и улыбнулись, вспомнив, как ловко Ник всю жизнь водил Жанин за нос.

– Давай руку, – велел я, надвигаясь на Ника со своими солью и зерном.

– Обе руки, – поправила Цинка и дала Нику в другую руку свечу.

Я насыпал Нику в ладонь смеси зерна с солью и уже хотел опорожнить пакет с зерном в протянутую руку Роба, но тут мне показалось, что снова послышались шаги. Я опять развернулся. Из-за угла, оттуда же, откуда прибежал Ник, вышел Грэм Уайт. Похоже, он шел за ним следом. Сначала я увидел его отражение в зеркале – и он сунул руку под мышку под плащом, и этот жест означал только одно: он достает пистолет.

Тут все словно замедлилось. Мне вполне хватило времени понять, что если я вижу Грэма Уайта, то и он тоже видит нас всех, в том числе и Роба, и что именно Роба он убьет первым. У меня было вдоволь времени, чтобы аккуратно положить пакеты на пол. У меня оказалось – по ощущениям – добрых полчаса, чтобы поставить толстый волшебный заслон поперек коридора, а потом проверить, не приближается ли с другой стороны Жанин. Нет, Уайт был один.

Он шагнул из-за угла и выстрелил. Думаю, целился он Робу в голову. Грохот взрыва и треск рикошета сотряс пол, стены, воздух – все. Хотя что-то у меня получилось как надо, подумал я, глядя, как внушительный кусок потолка медленно отслаивается и валится на пол – бабах!

– Как ты быстро, – слабым голосом проговорил Уилл.

Второй раз выстрелить Уайт не успел: Цинка зашагала по коридору к нему, растоптав в крошки отвалившуюся штукатурку.

– Грэм Уайт!

Голос ее прогремел громче выстрела. Удаляясь, она не делалась меньше – ее розовая фигурка словно бы выросла. Когда она надвинулась на Уайта, он попятился.

– Грэм Уайт! – сказала Цинка. – Еще раз так сделаешь – и пожалеешь у меня, что родился!

Она была великолепна – но мы, даже Роб, не осмелились ждать, что будет дальше. Я торопливо насыпал Робу в ладонь зерна с солью, а остаток затолкал в поясную сумку вместе с третьей свечой, для Мари, и своей запасной зажигалкой. Тем временем Уилл зажег свечи – сначала Нику, потом Робу. После этого мы с ним бросились в дальний конец номера и принялись зажигать двойную цепочку свечей, одновременно читая стихи. Поскольку и Ник, и Роб видели дорогу, они сразу двинулись в путь. Помню, как между третьей и четвертой парой свечей я поднял голову и увидел, как они проходят мимо – два на удивление похожих профиля, причем похожих не только классической правильностью, но и выражением лиц. Оба были полны решимости – и в обоих случаях возникал вопрос, надолго ли этой решимости хватит. У Робба достанет твердости терпеть боль, но он не устоит перед соблазном, если кто-нибудь предложит ему легкий выход. Ник над этим легким способом только посмеется – но я не доверял бы ему ни на грош, если бы ему предложили пожертвовать чем-то желанным. А у меня было сильное чувство, что там, на еле различимой серой дороге, им и предложат выход, и потребуют жертв.

К этому времени мы уже дочитали строфу Уилла, и тут, к моей радости, вернулась Цинка, с чувством отряхивая руки, – как раз вовремя, чтобы прочесть свою строфу. Она закрыла дверь и прислонилась к ней спиной, и мы хором дочитали стихотворение. К этому времени Ник и Роб были видны далеко вдаль – две темные фигуры, две искорки света у самого подножия следующего холма. Вполне приличная скорость. Мы смотрели, как они поднимаются к вершине, и смотрели и смотрели, пока не стало ясно, что на следующем подъеме мы уже не различим вдаль точек света. Там было совсем темно.

– В общем, так, – произнесла Цинка. – От Уайта я пока что отделалась, а сейчас расскажу, как поступлю дальше. Где-то на этом этаже сейчас в разгаре вечеринка. Я туда не собиралась, потому что меня пригласил Тарлесс, но теперь, пожалуй, пойду. И постараюсь пробыть там по меньшей мере до рассвета, и буду слушать. Если Уайт вернется или случится еще что-нибудь, зайдите за мной или позвоните в номер пятьсот девять. Договорились?

– А можно я тебя попрошу перед уходом основательно проверить комнату Ника? – сказал я. – Меня тревожит, что мать хотела отправить его туда.

– Хорошая мысль, – сказала Цинка. И ушла проверять.

А я сказал Уиллу:

– Я рискну и опять погашу все свечи, кроме последних двух, а потом буду зажигать по паре, как только очередная пара догорит. Тогда они прогорят в девять раз дольше.

Уилл потер лицо и подумал.

– Единственная сложность – раз уж мы знаем, что, если горят только две свечи, дорога все равно сохраняется, – единственная сложность в том, что кому-то придется сидеть на страже и зажигать следующую пару.

– Я все равно собирался сидеть и смотреть, – ответил я.

– В таком случае ты не против, если я немного посплю? – спросил Уилл. – Я встал затемно, коз доил.

– Пожалуйста, – разрешил я.

Тогда Уилл забрался под мое слегка запачканное кровью одеяло и от души зевнул. И почти сразу же заснул. Даже не шелохнулся, когда вернулась Цинка.

– Ты был прав, – сообщила она. – А я еще думала, у тебя паранойя. Беру свои мысли назад. В номере были очень сильные чары порабощения. Сильные – это еще мягко сказано: примерно в десять раз сильнее, чем все, что ты вытворял с лифтом. Пять минут в комнате с чарами, и даже такой своенравный юноша, как Ник, и глазом бы не моргнул – сделал бы все, что от него хотят. Я их порушила, но сделала так, чтобы казалось, будто они на месте. Ты именно этого хотел?

– Да, – ответил я. – Спасибо, Цинка. Только... у него есть компьютер?

– Симпатичный маленький ноутбук, – сказала она. – Но я в компьютерах не разбираюсь.

– Завтра на него взгляну, – устало сказал я.

После всего, что проделали с компьютером Мари, не оставалось никаких сомнений, что с компьютером Ника тоже неладно. Список

неотложных дел на завтра растянулся, словно чек из супермаркета.

Когда Цинка ушла, я поставил мягкое кресло спинкой к двери, а кресло-каталку сложил. Мне пришло в голову, что кресло-каталка, конечно, удобнее, но если кто-то, например Цинка, для которой замков не существовало, вдруг войдет, оно может случайно вклиниться между цепочками свечей. И тогда я волей-неволей окажусь в самой середине конструкции, внутрь которой мне было нельзя. Уилл и Цинка совершенно справедливо предостерегали меня – это очень опасно. Не будь там Мари, я бы ни за что на свете не вызвался идти туда.

Я выключил свет и сел в мягкое кресло. Горели всего две свечи – да и то еле-еле мерцали, – и далекий пейзаж стало лучше видно. Как будто на черной бумаге серой краской из баллончика, светящейся слабее некуда, нарисовали удаляющуюся череду пустынных холмов и наметили петляющую среди них дорогу. Далеко-далеко, за горизонтом, вроде бы высилось что-то другое. Но мне было не различить. И пойти туда я не мог. Нечего даже и пытаться домысливать, что сейчас происходит с тремя нашими странниками в этом краю. Все, что я могу, – держать дорогу и следить за свечами.

Через некоторое время из коридора из-за двери донесся гвалт и музыка с той самой вечеринки, приглушенные моими защитными чарами. Это меня порадовало – я успел до того погрязнуть в тех самых мыслях, которые сам себе запрещал, что посторонний шум был только кстати. Он напомнил мне, что за пределами номера есть жизнь. Я думал о Робе, о пылком, хрупком юном кентавре с характером, типичным для тех, кто вырос в рабстве, вот почему он вечно ноет и жалуется, когда что-то идет не так. «Я не виноват! Я нечаянно!» Роб все время ждет нагоняя от взрослых. Я подозревал, что он предпочитает нагоняй, лишь бы не брать на себя вину и не ругать самого себя, но никогда не упускает возможности увильнуть и от того и от другого. С кристально честной улыбкой, разумеется. Его же растила эта царственная гранитная статуя, Кнаррос, – вот, должно быть, и результат. Уилл пристыдил Роба и заставил вести себя прилично, но Уилл трудился над Робом всего около часа, а Кнаррос нависал над ним всю жизнь. Если путь окажется таким трудным, как говорится в стихах, Роб сломается первым – в этом я не сомневался.

Потом я подумал о Нике. Мне казалось, что Ник как личность глубже, сильнее и гораздо сложнее Роба. Когда Ник от чего-то увиливал, то, в отличие от Роба, не намекал на это заранее. А просто испарялся. Я подозревал, что тут он не знал жалости – как не знал жалости, если речь заходила о том, чего хотел он сам. А чего хотел сам Ник, я, честно говоря,

понятия не имел, хотя был убежден, что уж точно не править империей. У Ника было непроницаемое внутреннее ядро. Возможно, он и сам не знал, что там. Но его скудных знаний хватало, чтобы испаряться, как только этому ядру что-то грозило. И если что, он испарится. Я это понимал. У Ника с Робом глубоко в генах засел общий мощнейший эгоизм. Тот самый эгоизм, из-за которого их отец и заварил всю эту кашу.

Однако Мари, как мне думалось, к счастью, не унаследовала этот эгоизм. Именно это мне в ней нравилось – в числе прочего. В числе многого прочего. Если бы я смел хотя бы надеяться, что и ей во мне что-то нравится! Но я даже не мог себе представить, что бы это могло быть. И вместо этого я думал о Мари – о том, какой же она яростный, забавный, несчастный маленький боец. Как глубоко она все видит. Правда, мне было неясно, насколько глубоко она заглядывает в себя саму. Возможно, в этом смысле эгоизма ей даже не доставало. Те, кто считает себя божеством, вроде Ника или его отца-императора, понимают, за что стоит бороться, а за что нет. Понимает ли это Мари, я сомневался. Она вполне может ринуться там в какую-нибудь бессмысленную битву – и проиграть. И с той же вероятностью может проиграть, потому что не станет защищаться, когда будет нужно. А поскольку от нее осталась только половина, проигрыш грозит ей гибелью...

Как я уже упоминал, я был рад, что меня постоянно отвлекали сиплый гвалт и далекая музыка, доносившиеся с вечеринки. Но даже несмотря на шум, мне пришлось сделать над собой усилие, чтобы направить мысли в другую сторону.

Я стал думать о Жанин и о ее брате Грэме Уайте – и о том, каковы их намерения. Должно быть, Жанин давным-давно каким-то образом убедила Тимоса IX отпустить ее в добровольную ссылку в чужой мир, чтобы она опекала там собственного сына и Мари. Очутившись в этом мире, Жанин, судя по всему, очень быстро вышла замуж за Тэда Мэллори и так же быстро устроила, чтобы Мари усыновил брат Тэда Дерек. Император ее отпустил. Она была всего лишь низшей наложницей, а такой параноик, как Тимос, наверняка заподозрил, что у нее честолюбивые планы. Более того, и сын Жанин, и Мари (чья мать, насколько я мог заключить, тоже была низшей наложницей) были старше детей от верных жен, а это вызывало определенную неловкость. Наверное, император вздохнул с облегчением, отправив их от греха подальше в Нет-сторону. Когда сам Тимос IX принял меры, чтобы стать зятем Кнарроса и тем самым заручиться верностью кентавра, он не предвидел, что три года спустя то же самое проделает Грэм Уайт. Рождение кентавра Криса заставило Кнарроса принимать участие в

делах маленькой династии и взять на себя новые обязательства – на сей раз перед Жанин. Нет, очевидно, император ничего не знал, – иначе не поручил бы Кнарросу заботу об остальных детях.

Что же произошло потом? Жанин, судя по всему, дожидалась, когда Ник повзрослеет и сможет претендовать на трон (однако же, резонно предположить, повзрослеет не настолько, чтобы перестать слушаться матери), а Уайт тем временем учился изготавливать и применять огнестрельное оружие. До этого он, должно быть, учился на мага. Брат и сестра поддерживали постоянную связь с доверенными людьми в Корифонской империи и сидели в засаде, пока не сумели организовать взрыв во дворце. А когда настало время...

Тут я вслух охнул: «О господи!» Это я показал им, что настало время! Это я довел ситуацию до обострения. Я начал искать Мари. Я сказал двум невесткам Жанин, что ищу Мари, чтобы передать ей наследство. Та, у которой куча детей, сама позвонила Жанин и сказала ей об этом – при мне. Мало того, я написал Мари письмо и сообщил обо всем Жанин! Она наверняка с первого взгляда распознала во мне мага. Уроженцы Дастороны всегда это чувствуют. Могу представить себе, каким ударом это было для Жанин: «наследство» – читай «право на престол». Магид разыскивает Мари, поскольку Мари теперь старшая из детей императора. Это я приблизил взрыв, это я стал причиной гибели трех детей, не говоря уже о бесчисленных жертвах по всей империи!

Я застонал, точнее, взвыл, так громко, что Уилл закричал во сне и перевернулся на другой бок.

Я был готов издавать всевозможные звуки и дальше, но, к счастью, вспомнил, что все это с самого начала сильно отдавало Предопределением. Иными словами, горько подумал я, эти бессердечные скоты из Верхней палаты хотели, чтобы в Корифонской империи произошли определенные события. Вот и запустили две взаимосвязанные цепочки событий, а отвечать за обе поставили именно того мага, которого знали как мелкого самонадеянного растяпу. Меня. Р. Венейблза. Которого всякий дурак за нос водит. Любые ляпы и ошибки, готовые и на заказ. Тьфу.

Вопрос в том, что именно Предопределено Верхней палатой? Они что, в самом деле хотели, чтобы следующим императором Корифонской империи стал Грэм Уайт? Между тем его они теперь и получают. Жанин будет править как императрица-регентша, но недолго. Уайт займет место ее незаменимого советника, пока к нему не привыкнут и не станут считать чем-то само собой разумеющимся. После этого даже не нужно устраивать несчастный случай Жанин. Достаточно устроить его Нику. Дело в шляпе.

Грамос I. Или я должен это предотвратить?

Я впервые перестал нервничать из-за того, что так необдуманно – правда, заручившись помощью ни много ни мало как двух живых магидов и одного развоплощенного – отправил в Вавилон всех трех оставшихся наследников. В том, что это были все оставшиеся наследники, я не сомневался. Уайт не оставил бы в живых тех двух девочек, если бы они представляли собой угрозу. Он хорошо знал, что делает, этот Уайт. Разметав Мари между мирами, он отправился убивать Роба. Он выманил Ника из моего номера, чтобы Роб вышел за ним – и подставился под пулю. Наверняка Жанин сказала ему, что Роб у меня. А ей сказал Тэд Мэллори. Половина гостей на конвенте могла ей об этом сказать. Какой, однако, ловкач этот Уайт! Уж получше, чем наш Р. Венейблз.

Получалось, что я пусть и случайно, но все же отправил Мари, Ника и Роба в самое безопасное место на нынешний момент. Вот только они могут не вернуться. Моя волшебная конструкция постоянно менялась и искажалась, и теперь у них осталось вдвое меньше шансов на возвращение. Как там напроказили две квачки – одному богу ведомо.

Даже если все прошло хорошо... Тут я увидел, что две свечи вот-вот погаснут. Едва успел зажечь следующую пару. Поскольку мне ни в коем случае нельзя было ступать на дорогу, отмеченную цепочками свечей, то, чтобы зажечь свечи, мне пришлось в числе прочего бешено промчаться с одной стороны, чтобы зажечь первую свечу, потом вернуться в темноту, протиснуться за мягким креслом и промчаться с другой стороны, чтобы зажечь вторую. Симпатичная аллегория моей нынешней деятельности в целом, подумал я. И все равно было большим облегчением обнаружить, что темный пустынный пейзаж по-прежнему на месте. Однако теперь, когда первая пара свечей погасла, пейзаж приблизился. Каменистая тропа и крутой склон холма на два шага вдвинулись в номер.

Гм, подумал я. Протиснулся к чайнику и чуть ли не на ощупь заварил себе кофе.

Пока догорала вторая пара свечей, я думал в основном о том, что же, черт побери, сказать Дакросу, когда он утром в воскресенье пробьется ко мне по телефону в машине. Похоже, подводить Дакроса – моя профессия. Я так и не придумал, что сказать ему, когда зажег третью пару свечей и заварил себе еще кофе.

Примерно тогда же, когда я зажег четвертую пару, у вечеринки неподалеку открылось второе дыхание. Я услышал, как из соседнего номера кто-то вышел и заорал, требуя тишины. Не помогло. Каменистая тропа теперь доходила до середины комнаты, черная как ночь и еле

заметно светящаяся, и я был только рад отвлечься на что угодно. Я размышлял о своих несовершенствах. Ничего приятного в этом не было. Похоже, в моих магидских способностях немалая самоуверенность и предельная гордыня сочетаются с довольно-таки жалкой склонностью полагаться на других, начиная хотя бы с Уилла и Стэна. Я даже не мог решить, когда сильнее ошибаюсь – когда слушаюсь чужих советов или когда сам иду напролом со своей наглой самоуверенностью. «Бывшая» мама Мари миссис Наттел говорила обо мне чистую правду, пусть и приняла меня за другого.

Мне всю жизнь хотелось больше общаться с людьми. Но я их неизменно подводил. Меня это бесило.

Пятую пару свечей я зажег немного заранее, чтобы не спешить. Подобные мысли не дают сидеть на месте – постоянно дергаешься туда-сюда. К этому времени веселье в коридоре улеглось, доносилось лишь приглушенное бормотание.

Я снова сел и невольно задумался о трех убитых детях, и это было ужасно. Ведь я мог все предотвратить. Да, я отвлекся, мне надо было разрушить одни чары и наслать другие, но как раз отвлекаться мне и не следовало. А если это было Предопределено – что ж, тогда мое мнение о Верхней палате упало еще ниже. Перед глазами так и мелькали грубые сандалии детей и не слишком чистые волосы, так сурово стянутые в хвосты. Я видел их напряженные, озадаченные, невежественные лица. За этими лицами таился разум, которому ни разу в жизни не представилась возможность поработать. Было ясно, что их умам жилось так же холодно, несвободно и неуютно, как и самим детям в этом поселении, куда их сослали. Двойная тюрьма. Едва ли детям хоть раз давали возможность даже представить себе что-нибудь яркое, теплое, незаурядное за пределами мира-загона – единственного, что они знали. Как Тэд Мэллори, дядюшка Мари, со своими волнистыми стеклами – тут я невольно улыбнулся, вспомнив, с каким гневом Мари мне об этом рассказывала у прилавков с книгами, – но только эти дети не по своей воле видели лишь неровное старое стекло. У них не было ничего, кроме старого стекла. И как раз тогда, когда у них появилась возможность заглянуть за него, им пришел конец.

Тут, признаюсь, я расплакался, как Роб.

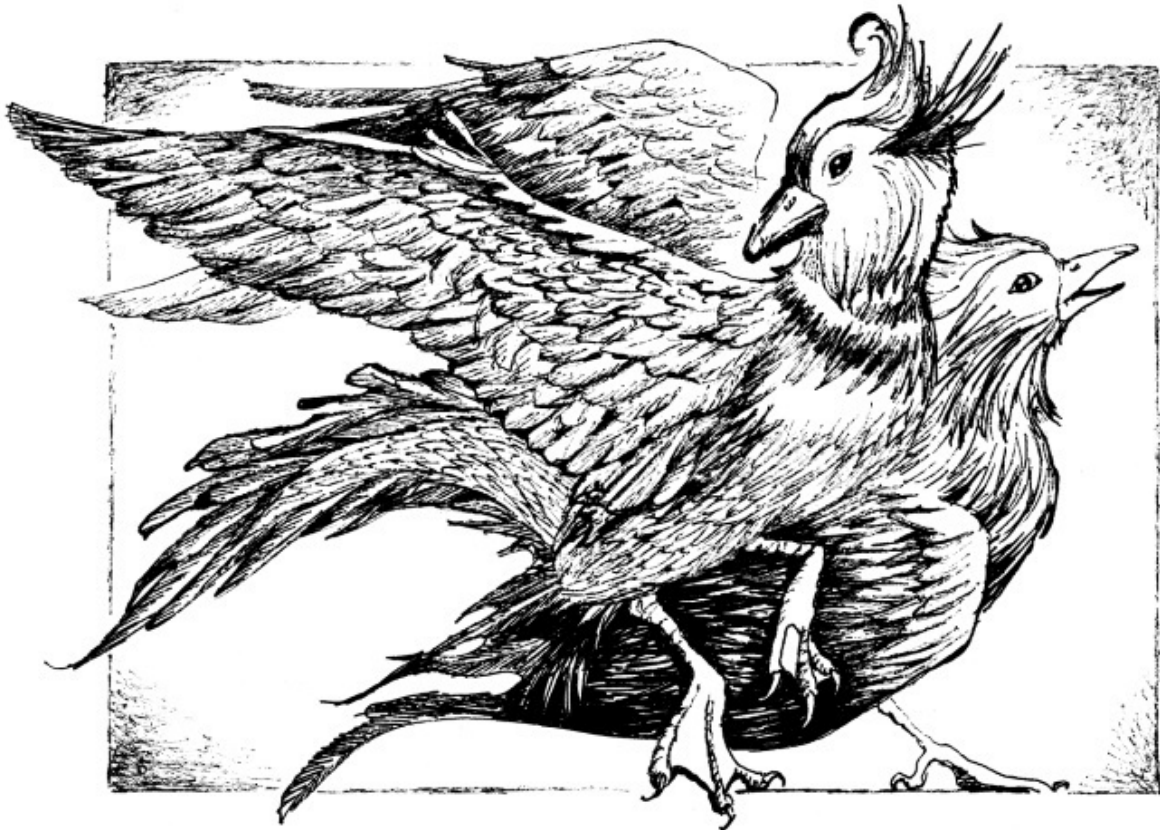
Но потом я подумал, что Мари хотя бы не упустила возможность заглянуть за стекло. Это меня обрадовало. Мысли о ней вообще утешали меня, и я надеялся, что она меня за это простит. Если она вернется – если, если, если, – что-то обязательно произойдет: Мари заглянула за стекло.

Такой она была человек. Она ногтями продрала бы себе путь за стекло, разозлилась бы и продрала. И ее тоже держали в заточении – какая-то унылая богиня-куст, – но Мари – боец и сумела это преодолеть. Я надеялся, что теперь ее жизнь станет лучше. У меня ныло сердце – так я хотел обеспечить ей эту лучшую жизнь. Я никогда и ничего так не ждал, как ее возвращения. Никогда и ничего.

Но шли часы. Пятая пара свечей догорела, а никто так и не вернулся.

Должно быть, я заснул в мягком кресле, когда вдруг услышал какой-то шум.

Глава двадцать вторая

Продолжение рассказа Руперта Венейблза

Шумели здесь, в номере. Я услышал топоток, резкое клацанье, перестук катящегося камешка. И подпрыгнул в кресле, мгновенно проснувшись.

Шестая пара свечей уже сгорела наполовину, но светила еще ровно. При ее свете я отчетливо видел тянущуюся через комнату тропу, а за ней – гребень холма, мучительно манящий в темном конце между рядами догоревших свечей. Мне были ясно видны темные просторы за холмом. Я жадно вгляделся в ту точку, где тропа уходила вниз, вцепился в подлокотники, уперся в пол ногами, готовый вскочить.

Снова топоток – размеренный, спокойный. И тут, к моему крайнему изумлению, на гребне холма появились две птицы и остановились, чтобы осмотреться яркими сапфировыми глазами. Увидев номер, они с явным удовлетворением переглянулись. И нежно потерлись массивными

голубыми клювами. После чего снова повернулись и торжественно двинулись ко мне. Они были большие, как гуси. Мне было видно, что лапы у них крупные и перепончатые, значит, это были водоплавающие птицы, но неведомой мне породы. Я откровенно не понимал, что они тут делают, пока они не вышли на яркий свет шестой пары свечей. Тогда я разглядел синее оперение – блестящее и темное на крыльях, сияющее нежно-лазоревое на груди. Это были ульtima-тульские квачки – только великанских размеров. Я в жизни не видел, чтобы квачки были такие огромные, такие ухоженные, такие очевидно разумные.

Они подошли прямо ко мне, после чего каждая торжественно отерла клюв о мою штанину в зарок дружбы, а потом подняли головы и посмотрели на меня ясными круглыми глазами, в которых отчетливо светился юмор. «Ну, как тебе?» – словно говорили они.

– Боже мой! – придушенно воскликнул я. – Как это мне?!.

Уилл тут же проснулся. Все равно уже наверняка было пора доить коз.

– Что? – заплетающимся языком выговорил он. – Венделу опять вырвало?

Я засмеялся:

– Нет. Квачки вернулись. Посмотри.

Уилл приподнялся, посмотрел, протер глаза, с хрустом провел ладонями по щетинистым щекам, снова посмотрел.

– Не может быть! – проговорил он. – Как они так выросли?!

Он встал и подошел поближе. Квачки повернулись к нему и наклонили головы – как будто кивнули.

– А как лоснятся-то! – восхитился Уилл. – Красотки! Да и умные с виду. Наверное, придется держать их дома. Не продавать же – рука не поднимется!

– Нет, я бы забрал их себе, – сказал я. – Можно, Уилл? Пожалуйста!

Возвращение квачек и их чудесное преображение показались мне самым что ни на есть добрым знамением. Поэтому я и решил оставить их себе, а еще потому, что они признали во мне друга. А если это не знамение – все равно оставлю их себе. Они очень красивые.

– Это же не земной вид, – засомневался Уилл. – Правда, это пара – самец и самочка. И ты им, кажется, по душе. Почему бы и нет? – Он взгляделся в темный пейзаж. – Там никого больше не видно?

– Нет, – ответил я.

Он пристально оглядел сначала меня, потом оставшиеся свечи.

– Тебе бы поспать, – посоветовал он. – Краше в гроб кладут. А свечей здесь осталось часов на шесть. Ну или почти. Зря ты жег их так ярко.

Спать мне не хотелось. И не хотелось признаваться, что я из суеверных соображений давал свечам гореть в полную силу – надеялся, что это поможет тем, кто идет из темноты. Ничего мне не хотелось. От страха и недосыпа меня мутило.

– Давай! – сказал Уилл. – Я послежу.

Я неохотно встал из кресла и занял нагретое место Уилла в кровати. Квачки, к вящей моей радости, просеменили за мной и устроились на одеяле.

– Так-то лучше, – сказал Уилл. – Ничего, если я возьму последний пакетик чая?

Потом я некоторое время ничего не слышал.

Когда я проснулся, за окном светало. Уилл задернул занавески, чтобы было лучше видно дорогу и пейзаж. Номер показался мне неудобным и совсем незнакомым: из-за занавесок падали косые лучи, тускло мерцали крошечные огоньки седьмой пары свечей, светилась серым туманным светом каменная тропинка, протянувшаяся уже больше чем на две трети до двери. При дневном свете пейзаж оставался ничуть не менее темным, но жутковато перекосялся и словно бы плавал под углом к остальной комнате. Квачки спали, уткнув голову под крыло.

– Я тебя разбудил, потому что вроде бы там что-то виднеется, – напряженным голосом проговорил Уилл. Он весь подался вперед и уставился в темноту.

Я поспешно вскочил, обошел свечи и пристроился рядом с ним. Отсюда пейзаж был ровнее и как-то реальнее. Но ничего живого я там не разглядел.

– Вон там. – Уилл показал пальцем, чтобы мне было точнее видно. – На спуске с холма.

Там что-то мерцало. Господи, там что-то мерцало и явно двигалось в нашу сторону! Я глядел, как это что-то огибает извилину на дороге, – а потом ринулся сначала в ванную, потом к чайнику, где обнаружил, что Уилл выпил и остатки кофе тоже. Я не стал на него обижаться. Когда я вернулся к мягкому креслу, мерцание уже скрылось из виду.

– Приближается, и довольно быстро, – проговорил Уилл. – Уже скоро.

Мы ждали. Пять минут переросли в десять. В пятнадцать. Наконец до нас донеслось медленное шарканье вверх по холму. Мне пришлось ухватиться за плечо Уилла – иначе я бы бросился по проходу между свечей и заглянул за гребень холма. Прошла еще минута – и, кроме шагов, мы слышали еще тяжелое дыхание и перестук камешков. И вот над кромкой холма появилась темная голова. Вынырнула высокая фигура. И превратилась в Ника – грязно-серый от усталости, он пробежал,

спотыкаясь, несколько шагов между свечами. Он не сводил глаз с горящей свечи у себя в руке и так сосредоточился на ней и на пути, что не сразу понял, что путь окончен. И ошарашенно заозирался, когда мы с Уиллом завопили:

– Ник!

Я посмотрел на пустой гребень холма у него за спиной. Больше никаких шагов не слышалось.

– Ник, – выдавил я. – Что случилось?

Ник устало ссутулился.

– Теперь ее можно погасить? – спросил он, приподняв свечу.

– Сначала выйди сюда, к креслу, – сказал Уилл. – Вот. Хочешь сесть? Нет? Ладно. – Он ловко, будто овцу, подтолкнул Ника в пространство у кровати, а по пути выразительно посмотрел на меня – мол, Ник с ног валится. – А теперь рассказывай. Что случилось? – спросил он мягко-мягко.

Что до меня, то я ничего не мог ни сказать, ни сделать. Я был в полном отчаянии.

– Мы туда пришли, – начал Ник. – Мы с Мари. Роба мы потеряли. Ну, на последнем участке. Не знаю, что стряслось – в смысле, с Робом. А кстати, Руперт, перед этим мы встретили вашего друга. Того, которого Мари называла шикарным и еще скандинавом. Он просил передать вам, куда он делся.

Тут Ник осекся и замер, уставясь на ковер. Уилл произнес:

– А дальше?

– Мы туда пришли, – повторил Ник. И вдруг с внезапным приливом сил добавил: – Вы себе даже не представляете, что отмочила Мари! Когда мы пришли... пришли... в общем, очутились в нужном месте, и полагалось попросить о чем-то одном и только одном. Я ушам своим не поверил! Она взяла и попросила, чтобы ее отец вылечился от рака!

Я не мог даже смотреть на Уилла, хотя и чувствовал, что он смотрит на меня.

– А что было потом? – с усилием выговорил я.

– Что? Ну, мне пришлось просить за нее, как же иначе? – с ноткой раздражения ответил Ник. – Пришлось израсходовать свое желание, и теперь я никогда не стану... – Он решительно стиснул зубы, чтобы не проболтаться о своих неведомых честолюбивых устремлениях, а также, подозреваю, чтобы не дать воли слезам по этому поводу. – Я попросил, как вы велели, – добавил он. – Слово в слово. Я старался.

– Молодец, – кивнул Уилл. – И что, не получилось?

Ник явно удивился:

– Получилось, конечно!

– Тогда где Мари? – наконец решился я спросить.

Ник сгорбился еще сильнее:

– Откуда я знаю? Она что, не идет?

– Насколько мы видим, нет, – сказал Уилл.

– Ну, я не знаю. Я боялся смотреть, – ответил Ник. – Вспомнил все эти легенды – как человек спускался в преисподнюю, чтобы забрать ту девушку, ну, сами знаете, и я думал, что слышу, как она идет за мной, но боялся смотреть, чтобы... чтобы...

– И здесь ты молодец, – поспешно вставил я. – Может быть, про это даже есть строфа, только мы ее не знаем. Я уверен, Мари скоро появится.

– Можно я лягу? – спросил Ник. – Устал ужасно.

– Конечно, – сказали мы и сгрузили его на кровать.

Готов спорить, он заснул раньше, чем мы его уложили. Ник был мальчик крупный и очень тяжелый. Нам даже вдвоем было трудно водрузить его на постель, после чего он лежал неподвижно, как бревно.

– Какие выводы? – прошептал Уилл.

– Типичная Мари, – ответил я. – Но не типичный Ник. Не знал, что он на такое способен.

– Вот и я точно так же подумал, – сказал Уилл. – При такой мамаше, казалось бы... ну...

Он заметил, как я тщетно вглядываюсь в пейзаж, который становился все более и более туманным. На улице светлело с каждой минутой. Я надеялся, что именно поэтому пейзаж залила мертвенная серость, но очень боялся, что на самом деле это дорога выцветает.

– Она придет, – пообещал Уилл. – Он попросил о чем нужно и не оглядывался, хотя слышал ее. Он слышал ее, Руп. И какой умница, что не стал смотреть! Не удивлюсь, если ты прав и у Сая или еще у кого-нибудь есть еще одна строфа, где об этом говорится, или вообще у какого-нибудь магада, которого мы не знаем. Идти далеко, она маленькая. Ножки коротенькие. Придет, никуда не денется. Давай-ка ты сходишь раздобудешь нам еще кофейку. Я останусь и послежу, чтобы свечи не гасли. Я ловко наострился делать так, чтобы они едва тлели.

Какой Уилл все-таки славный. Нашел отличный предлог меня выставить. Он же видел, что к этому времени я уже не мог находиться в номере. Я был уверен, что Ник нам соврал. И понимал, что Уилл тоже так думает. Ник соврал не о том, что попросила Мари, это явно была правда, а о том, что попросил он сам. Я не мог представить себе, чтобы Ник

пожертвовал тем, чего всерьез хотел, даже ради Мари, даже если рак на горе свистнет. По пути к двери я попытался изобразить улыбку, но вышло лишь ощериться. И проговорил почти что нормальным голосом:

– Кофе. Да. А заодно, раз уж я все равно иду вниз, введу Стэна в курс дела и поговорю с Дакросом. Буду примерно через полчаса. Хорошо?

Тут нервы у меня сдали, и я пустился бежать. И бежал, пока не очутился у лестницы. В замкнутом пространстве лифта мне было бы не выдержать. По лестнице я спустился медленно, ступенька за ступенькой – «Роба нет, Мари пропала» на каждый шаг. В голове у меня грохотало. Во рту стоял пакостный вкус. Без кофе не обойтись. Роба нет, Мари пропала – все ниже и ниже. Больше я ни о чем особенно не думал, разве что несколько удивился, когда очутился на пролете, где вчера была вечеринка, и обнаружил, что там почти не осталось следов, разве что ниточка мишуры, окурок-другой, запах разгоряченных тел и пролитой выпивки – примерно так же было у меня в голове. Роба нет, Мари пропала...

Я решил, что мне срочно необходим свежий воздух. Даже кофе подождет.

Толкнул дверь запасного выхода – та прогремела: «Роба нет, Мари пропала» – и шагнул в запах мастики для пола и приглушенные шорохи уборки. Дело прежде всего. Удивительное место гостиница: Армагеддон на носу, а завтрак подают с восьми до десяти. Издалека доносился аромат тостов, от которого меня едва не вырвало. Пришлось мне срезать напрямик через фойе – там точно не пахло съестным – и уже оттуда двинуться на стоянку. Я не стал сворачивать к столовой, а побежал по ступеням к большим стеклянным дверям.

Посреди фойе меня поджидал Грэм Уайт в длинном плаще и с посохом.

Время в очередной раз замедлилось и растянулось – как всегда в таких случаях. Помню, как внутренний голос позорно завопил: «Что, даже не позавтракав?!» – и я понял, что поддался колдовскому зову в тот самый миг, когда решил, что мне нужен свежий воздух. И снова Р. Венейблз во всей красе! Еще у меня было время оглядеть мирное, украшенное пальмами просторное фойе и заметить в зеркалах над головой, что помимо фигуры Уайта посередине – в плаще, вид сверху, – на своем рабочем месте за стойкой сидит еще и иностранка-портье Одиль. В воскресенье! Эксплуататоры! Однако это подсказало мне, что Уайт задумал что-то такое, что можно проделать очень быстро, а непосвященный ничего не заметит. Что-то такое, что он отлично умел. Это натолкнуло меня на мысль, что именно.

По-моему, я даже не приостановился. Сбежал по ступенькам и ринулся

на него.

Это его огорошило. Он попытался было открыть ворота мне навстречу, но бежал я так быстро, что он не успел. Я поймал ворота, когда они открывались, и обеими руками стянул края. Уайт взвыл от ярости и ненависти и хотел было открыть их снова. Между нами бушевало пламя, зеркала над головой почернели от копоти. Я был прав. Он опять открыл ворота в недра вулкана. На несколько нескончаемых секунд мы замерли на краю, объятые пламенем, – силы были равны.

Между тем магический узел окончательно взбесился.

Я бился сразу на трех фронтах – нужно было закрыть все, что открыл Уайт, и при этом не сгореть заживо, и при этом одолеть Уайта, – но по краям поля зрения мелькало фойе, оно вертелось вокруг нас, будто спятившая карусель, пальмы в кадрах, стеклянные двери, стойка портье, за которой съежилась Одиль, до того перепуганная, что даже визжать не могла, и все это наматывало круги в безумном смерче. Но в основном я видел только Уайта, тяжелый взгляд его блеклых глаз, обрюзгшее бородатое лицо, – он без устали проделывал передо мной пассы посохом, плел свою паутину, полный презрения и ненависти. Ненавидел он магидов как класс, это было ясно. Но еще было ясно, что он ненавидел меня лично, прицельно, и не только за то, что я мешаюсь под ногами, – нет, еще и физически, за то, что я – это я. И я ненавидел его точно так же. И глубоко презирал за мелодраматическую манеру колдовать, размахивая посохом, чтобы не замарать рук, и за этот его идиотский плащ.

А еще я злился – я в жизни так не злился. Этот прирожденный разрушитель со своими безумными амбициями, вероятно, погубил Мари. Едва не застрелил собственного сына-кентавра. Убил троих невинных детей, покушался на жизнь Роба. Я хотел его уничтожить. Как я жалел – едва не визжал от досады! – что магидам нельзя убивать. А Уайту этого никто не запрещал. Он отступил в вертящееся фойе и запустил в меня отравой из своего посоха. Собирался насрать на меня рак. Я смыл его. И при этом заметил, что Уайт уже проделывал тот же фокус не так давно. И подумал: «Ты устроил то же самое Дереку Мэллори, верно?» И гнев мой вспыхнул не слабее огненной стены.

Я хлестнул его громоподобным разрядом боли, нешуточной и жестокой, – хотя бы это мне было дозволено, – а когда он вскрикнул, скривился и пошатнулся, наслал поверх еще и сильнейший стасис.

Все застыло где было, слегка перекосившись, со скособоченным Грэмом Уайтом в самой середине. Надо было сразу так сделать, подумал я. Стасис успокоил узел, однако ворота остались приоткрытыми – извилистая

дымящаяся щель. Я закрыл их и накрепко запечатал. Отмыл зеркала на потолке. Восстановил оплавившийся мрамор под ногами. Одна пальма в кадке упала. Я поднял ее. Потом оглянулся на Одиль – она тоже была в стасисе. Освободил ее, и она пошевелилась и поглядела на меня так, будто не сомневалась, что я спятил.

– Послушайте меня внимательно, – велел я. – Сейчас мне придется наложить на этого человека гейс. После этого все кончится.

– Вам нужно подать жалобу управляющему, – отвечала Одиль.

Ну что ты с ней будешь делать, а?

– Непременно, – пообещал я.

Беда в том, что гейс нужно произносить вслух, чтобы объект его слышал. Едва ли мне удастся найти время и место, чтобы получить Грэма Уайта в свое распоряжение, – только здесь и сейчас, при Одиль. Ну что ж. Интересно, как это все будет выглядеть с ее точки зрения, подумал я, поднялся на ступени, заняв тактически выгодную позицию, и снял с Уайта стасис – не целиком, но так, чтобы он имел возможность выпрямиться и слышал, что я скажу. И сказал:

– Грэм Уайт, этими словами я налагаю на тебя гейс: отныне и впредь я запрещаю тебе применять волшебство любого рода к любому предмету или существу, живому или мертвому, неодушевленному, развоплощенному или в промежуточном состоянии. С этой минуты любое колдовство от тебя далеко, как солнце от нашего мира, а любая попытка приблизиться к нему – немедленная смерть. Более того, если ты призовешь или применишь магию или другие силы, подвластные твоей богине-кусту или любому другому божеству, это для тебя немедленная смерть: такой гейс налагаю я на тебя. За злоупотребление силами, оказавшимися в твоём распоряжении, налагаю я на тебя этот гейс, и ты обязан повиноваться ему под страхом немедленной смерти.

Договорив, я полностью снял стасис. Уайт поднял голову и посмотрел на меня глазами, полными ненависти.

– Тоже мне умник нашелся, – процедил он, повернулся и вышел за стеклянные двери.

Кто-то у меня за спиной рассмеялся:

– Какая убедительная речь!

Оказалось, что на лестничной площадке столпился народ – должно быть, все шли завтракать. Там была Венди, воздевшая руки, словно беззвучно аплодировала, а рядом с ней Корнелиус с широченной лихорадочной ухмылкой – так его радовало услышанное – и Тэнси-Энн Фиск, глядевшая на меня с состраданием. Несомненно, она в этот миг

старалась простить меня, что я так цепляюсь за серое психическое одеяло. За ее спиной виднелась перепуганная Тина Джанетти и ее любовник в костюме, очевидно полагавший, что это чья-то очередная неуместная выходка, а за ним – Рик Корри и Максим Хаук, с таким видом, будто изо всех сил надеются, что мое выступление не сулит неприятностей для организационного комитета. Еще там были самые разные люди, которых я не знал по имени. Кто-то спросил меня:

– Это что, магический поединок? Вы репетируете для сегодняшнего турнира по «Мечу и магии»?

– Хорошая мысль, – слабым голосом проговорил я, – но Грэм Уайт, скорее всего, не примет вызов.

На это все выразили мне шумное одобрение на разные голоса и потянулись по галерее к столовой, а я остался нос к носу с Тэдом Мэллори – должно быть, он стоял в задних рядах толпы.

– Вижу, вы водите знакомство с моим глубокоуважаемым шурином, – сказал Тэд Мэллори. – Тот еще паршивец, правда?

Я кивнул. А Тэд рассудительно продолжил:

– Между тем мне очень понравилось, что вы ему сказали. Не возражаете, если я попрошу у вас экземпляр? Идеально подходит для моей новой книги.

Я подумал о Мари и волнистом стекле. И решил, что я у Мари в долгу:

– То, что я сейчас сказал, – необычайно сильный гейс. Но вы-то в такое не верите.

Тэд разразился громким веселым смехом:

– Дружище! Я человек рациональный! Может, я и пишу о всяких странностях, но всему есть предел, знаете ли, всему есть предел!

– Гейс – это магический запрет, – сказал я.

Секунду Мэллори выжидательно смотрел на меня:

– Я в курсе. Я знаю свое ремесло. Ну что ж, не хотите дать мне экземпляр – осмелюсь заметить, я и по памяти могу записать. – И бодро зашагал в столовую, а я поглядел ему вслед и мысленно махнул на него рукой. Хуже Одиль.

После этого я понял, что сам ни за что на свете не пойду в эту их столовую. Нашел служебный выход за одним из зеркал и задними коридорами вышел на стоянку. На душе было прескверно. Когда я добрал до своей несчастной побитой машины, меня трясло с ног до головы – еле дверь открыл.

Нежное тиньканье Скарлатти внутри стихло.

– Ну а теперь что стряслось, сынок? – спросил Стэн.

– Последствия, – ответил я. – Наверное.

Плюхнулся на водительское сиденье и все ему выложил.

– Ох, нехорошо, – сказал он. – Ох, нехорошо. Лучше не стало, верно? Как жалко ту девушку... и кентавра. Но в бочке дегтя есть ложка меда – если Верхняя палата и правда Предопределила, что Грэм Уайт будет следующим корифонским императором, ты хотя бы добился, чтобы он не стал императором-магом. От них ничего хорошего не жди. Правда, по твоим рассказам выходит, что и рядовой император из этого типа хуже некуда. Кстати, телефон у тебя раскалился. Сдается мне, тебя требует Дакрос.

– Еще бы, – сказал я. – Пожалуй, тянуть не стоит.

Я прозвонился Дакросу, по-прежнему не представляя себе, что ему сказать.

– Венейблз на связи.

– А, магид, – ответил Дакрос. – Я как раз собирался снова вам звонить. Подождите полсекунды, я закроюсь в кабине. – Очевидно, он был в бронетранспортере. Мне были слышны гул двигателя и далекие отрывистые приказы. Потом все резко стихло. – Ну вот, – сказал Дакрос. – Вы приняли меры безопасности, чтобы наш разговор никто не слышал? Речь пойдет о серьезных вещах.

– Да, – сказал я. – Послушайте...

– Отлично, – оборвал меня Дакрос. – Теперь слушайте меня внимательно, магид. Мы наконец нашли юного кентавра. Славный, наивный пятнадцатилетний мальчик по имени Кристефос, запуганный до потери сознания, прятался в штабелях подпорок для лоз. У нас с Александрой и Джеффросом была с ним долгая беседа.

– Какое облегчение! – вырвалось у меня. – Он цел?

– Да, – сказал Дакрос, – и для вас, магид, это и в самом деле облегчение. Если бы не показания этого кентавра, я бы так и не узнал, что вы явились в поселение исключительно по собственной инициативе.

– Что? – растерялся я. – Нет, послушайте!..

– А теперь, – продолжал Дакрос, – у меня есть Кристефос, который утверждает, что низшая наложница Джалейла, которую все мы считали мертвой, и Грамос Альбек также были в поселении, а целый экипаж вертолета свидетельствует, что эти двое преследовали Кристефоса на транспорте земного образца. Расчеты времени убедительно показывают, по крайней мере, что это были именно Джалейла и Грамос, а не те двое, которых я обнаружил при вас на дороге. Поэтому обвинить вас, магид, я могу разве лишь в том, что вы не были со мной до конца откровенны.

– Нет, послушайте... – снова попытался я вклиниться.

– Не были со мной до конца откровенны, – повторил Дакрос. – Утаивали улики, если угодно. Однако я уважаю магидов и их законы и осведомлен, что, если что-то Предопределено, магид практически бессилён. Но мне, магид, нужно установить мир и покой в целой империи, и никакие Предопределения меня не волнуют.

– Что-то я не уловил вашу мысль, – в отчаянии проговорил я.

– Уловите, – отвечал Дакрос, – когда я вам скажу, что Джеффрос, которого отнюдь нельзя назвать дураком, вчера битый час провел с юношей и девицей, которых вы привели...

– Я их не приводил! – сдавленно возразил я. – Я не знал, что они там! Их потребовал к себе Кнаррос, по крайней мере, Мари...

– А, – отозвался Дакрос. – Этого вы мне вчера не сказали, магид. Вы оставили меня в убеждении, что они были с вами. А еще я должен сообщить вам, что уцелевшие девочки из поселения... короче говоря, забудьте о них. Анализ крови и так далее показывают, что они не имеют никаких родственных связей с императором, а Кристефос утверждает, что они были просто служанками при младшей девочке.

– Так я, в общем-то, и думал, – пробормотал я.

– Разумеется, – согласился Дакрос, – поскольку вы знали – а я нет, – что юноша, на которого я смотрел, пока стоял у изгороди и беседовал с вами, был Нихотодес, наш следующий император.

Запахло жареным.

– Я не знал! Я только заподозрил! – сказал я.

– И проследили, чтобы я остался в неведении, – ответил Дакрос. – Ладно, магид, с меня довольно. Я хочу от вас двух вещей – и требую, чтобы это было сделано сегодня же. Во-первых, я хочу, чтобы мне доставили Нихотодеса, целого и невредимого и готового к коронации. Во-вторых, я хочу, чтобы мне доставили Грамоса и Джалейлу Альбек, также целых и невредимых, готовых к свершению правосудия. Времени я вам, магид, даю до обеда. Сегодня к обеду вы доставите мне этих троих, невзирая на все Предопределения, а иначе я перейду к решительным действиям. Вам все понятно, магид?

– Да, – еле выдавил я.

Он повесил трубку. Я сидел и глядел на телефон и думал, что мне, похоже, надо сказать спасибо, что Дакрос не обвинил меня в убийстве. Ясно, что это приходило ему в голову. Наконец я проговорил:

– Стэн, когда в этой растреклятой империи сядутся обедать?

– А? – оторопел Стэн. – Ну, часов так в шесть, иначе это называется

полдник или типа того.

– В шесть, – повторил я. – В шесть. Тогда у меня есть примерно десять часов, чтобы что-нибудь придумать. Спасибо, Стэн. До скорого.

Я выбрался из машины и запер ее, двигаясь как сомнамбула. Я представления не имел, что теперь делать. Точнее признаться, что делать с Ником. Выдать Жанин и Уайта я был бы только рад. Вопрос только в том как. Но Ник... Не то чтобы я прямо обожал Ника – ведь он бросил Мари в Вавилоне. Роль императора подходила ему несравненно больше, чем этим несчастным погибшим детям. Они попали бы из совершеннейшей пустоты в самую гущу событий, а Ник нес в себе земную культуру во всей ее полноте, и ему осталось бы лишь приспособиться к придворному церемониалу. А мальчики-подростки – мастера приспосабливаться, хотя, по-моему, ему это едва ли пришлось бы по душе. Но в тот момент я, признаться, был так зол на него, что едва не решил, что он того заслуживает.

Только вот заслуживает ли даже самый эгоистичный мальчик на свете оказаться в положении, из-за которого Дакрос половины волос лишился, а Джеффрос до сих пор еле ходит, не оправившись от ранения?

Но на самом деле вопрос был в том, Предопределено ли Нику стать следующим корифонским императором. Обычно, если что-то Предопределено, это очень сильно чувствуется – и очень сильно чувствуется, если наоборот. А я в тот момент вообще ничего не чувствовал. Внутри была лишь пустота и усталость.

А катись оно все, думал я, вызвав лифт. Ник был дорог Мари. Достаточно было увидеть, как она заботилась о нем за завтраком, чтобы понять, как он ей дорог. Я немного подумал об этом. Мари и Ник не знали, конечно, что они единокровные брат и сестра, но все равно были большие друзья. И Мари, разумеется, не хотела бы, чтобы Ника обрекли на неизбежную безвременную смерть, когда империя развалится у него в руках. Значит, таково будет и мое решение. Что бы там ни было Предопределено, я должен уважать желание Мари. Жаль только, я понятия не имею, как этого добиться, думал я, когда лифт остановился на пятом этаже.

Только тут я понял, что поехал не туда. Ну и ладно, спускаться обратно ни к чему. Закажу себе кофе в номер. Скандал, который я недавно учинил внутри узла, похоже, привел к тому, что все снова стало примерно как в четверг. Номер 555 оказался теперь совсем недалеко по коридору. Я пошел туда.

Когда я открыл дверь, на меня пахнуло густым ароматом кофе. Горела

уже восьмая пара свечей. Перекошенный пейзаж в дальней дали, куда они вели, был серый и пасмурный и совсем туманный – однако же он был. На полу у ванной расположились Уилл и Цинка, как раз собравшиеся плотно позавтракать.

– По части заказать еду в номер Цинка просто виртуоз, – сообщил Уилл с набитым ртом – он только что откусил большой кусок круассана. – Раздобыла нам всякой всячины, которой даже в меню нет.

– Я заказала тебе оладьи и бекон, – сказала Цинка. – Садись, ешь и рассказывай. Кто-то опять полез в узел. И все? Говори.

Я сел и жадно принялся за еду и питье – и все им рассказал. В разгар всего этого проснулись мои квачки. Они вынули из-под крыльев великолепные головки почти что цвета индиго, увидели меня, увидели пищу, расправили темно-синие крылья и спорхнули на ковер. А потом весьма и весьма осмотрительно обошли дорогу по стеночке у двери и учтиво подошли за своей порцией круассана.

– Какие умные эти птицы, – с уважением произнесла Цинка. – Ну да, ведь они побывали в Вавилоне. Не знаю, Руперт, что тебе посоветовать по поводу Ника. – (Тут все мы в очередной раз покосились в сторону постели, но Ник спал себе и спал – сейчас он лежал на спине и тихонько посапывал.) – Вряд ли он добьется успехов на троне.

Мы снова внимательно рассмотрели спящего Ника. Цинка и Уилл разом тихонько покачали головами. Похоже, они знали, что это невозможно, хотя бы благодаря своим прорицательским способностям. Цинка нахмурилась и щедро намазала мармеладом тост с корицей.

– Не знаю, как вы, – проговорила она, – но у меня предчувствие, что у Ника на самом деле совсем иное призвание.

– Хорошо, что хотя бы ты так думаешь, – мрачно отозвался я.

Цинка скормила тост квачкам, и те приняли угощение, всячески выразив восторг.

– Можно опередить Дакроса и наложить на Ника гейс, – предложил Уилл.

– Ой, да ладно тебе, Уилл! – поморщилась Цинка. – Ничего хорошего из этого не выйдет – только настроим против Руперта всю Верхнюю палату.

Я-то считал, что ничего лучше никто пока не предложил. Но промолчал – и сказал только:

– Дакросу все равно кто-то нужен.

– Ну так пусть сам и правит, – сказал Уилл. – У него большой опыт. Если не оставить ему альтернативы...

– Он больше не захочет иметь со мной дела, – сказал я.

– Ой, а лицо-то какое у тебя стало довольное! – рассмеялась Цинка. – Бедный Руперт. Никто не хочет отвечать за Корифонскую империю. Но Корифонская империя хочет получить Жанин и Грэма – и я за то, чтобы получила. Давайте составим план.

Ближайшие полчаса мы посвятили планированию. И разработали – как нам казалось – идеальный, надежный план, как выдать Дакросу эту парочку к шести. Потом Цинка сказала, что ей надо поспать. Уилл сказал, что сходит в свой «лендровер» позвонить Карине и предупредить, что он задержится здесь по крайней мере до вечера. Меня оставили одного. Я сел в мягкое кресло – на каждом колене по общительной квачке – и стал ждать. По-моему, я больше уже ни о чем не думал. По-моему, я больше ни на что не рассчитывал. Я сидел и глядел на пейзаж, который все сильнее заволакивало туманом, в конце двух рядов из огарков. И ждал.

Уилл не спешил возвращаться. Говорит, что тогда его вдруг охватило непреодолимое желание размяться и он пошел погулять к реке. Восьмая пара свечей уже почти догорела, а его все не было. Я смотрел на них в тревоге. С порога тянуло легким сквозняком, и одна свеча, что бы я ни делал, горела быстрее другой. Семнадцатую свечу придется зажечь гораздо раньше последней, и одному богу известно, что из-за этого будет! Чтобы уберечь ту свечу, которая горела быстрее, я нагнулся, прикрыл огонек ладонью и применил все известные мне чары, чтобы замедлить горение. И так сосредоточился, что не услышал шаги. И вообще ничего не услышал. Просто поднял голову и увидел, как на гребне холма показалась Мари.

Это была прежняя Мари – во всем. Она снова стала нужного цвета, только бледная, и волосы у нее опять были каштановые и даже, наверное, стали еще растрепаннее. И словно бы гуще – они обрамляли ее маленькое серьезное личико пышной копной, торчали в стороны крупными локонами и мелкими завитками, а она шла себе, напряженно склонившись над крошечным горящим огарком в руке. И еще в одном она была прежняя Мари: почему-то сейчас на ней была та самая ужасная лоскутная юбка и кофта, в которых я увидел ее в первый раз, и большие мягкие башмаки, напомнившие мне тех детей на холме. И даже ногти у нее снова отросли длинные и острые. Она держала ими огарок за самый кончик.

И при всем при том это была совершенно новая Мари. Трудно сказать, в чем дело, но я тут же понял, что с Мари произошла та же перемена, что и с квачками. Нет, она не стала старше. И не стала ни больше, ни крупнее. Нет – но возникало такое чувство, словно раньше она не заполняла собственные контуры. А теперь заполняла. И еще крошечная-крошечная

перемена состояла в том, что теперь она была в своих ужасных обносках очень красивая. Поразительно красивая.

Когда я увидел все это, Мари подняла глаза и увидела меня. И по лицу ее разлилось выражение, которого я прежде никогда у нее не видел, – чистая радость. Наверное, до этого она ни разу в жизни не была по-настоящему счастлива. А теперь была – потому что увидела меня.

Я забыл об осторожности. Я забыл, как опасно вторгаться в собственную волшебную конструкцию. Квачки, возмущенно заклохотав, слетели у меня с колен, когда я с низкого старта бросился вперед между рядами свечей. Я обхватил Мари обеими руками, прижал ее к себе, как бешеный, крепко-крепко и закружил по комнате. Ее огарок погас и улетел куда-то в сторону. Я услышал, как она смеется. Все остальное было не важно. Темный пейзаж мгновенно исчез – между двумя безумными оборотами. Когда я поставил Мари на пол, осталось лишь два ряда подсвечников в потеках воска. Свечи у двери тоже погасли.

Лицо-сердечко Мари так и сияло восторгом. Она посмотрела на меня снизу вверх и спросила:

– Правда?

– Да, – ответил я. – Правда.

Тут она отступила на шаг и воинственно, как всегда, поправила пальцем очки на носу.

– Я не слишком выгодное приобретение, – заявила она со своим обычным всхлипом в голосе. Как я скучал по этому всхлипу! – Сразу предупреждаю.

– Я тоже, – ответил я. – Подожди, еще сама убедишься.

– Вот и хорошо, – сказала она. – Но это тебе придется подождать. Я с ног валюсь. Мне надо поспать. – При этих словах она пошатнулась, и я едва успел вытянуть руку и подхватить ее. – Надо поспать, – повторила она.

– Иди сюда, – сказал я и повел ее к кровати, где лежал Ник.

Мари бросилась в постель. И со всей силы пихнула Ника кулачком в плечо.

– Подвинься, дубина!

Что Ник и сделал, не просыпаясь. Сопротивляться такой Мари было бессмысленно. Я решил, что она, как и Ник, заснула мгновенно. Но только отвернулся – еще пять минут назад я и мечтать не мог, что на душе станет так легко-легко, ведь Ник не соврал мне, все будет хорошо, все трудности остались позади, – как рука Мари вскинулась вверх, сжимая очки:

– Положи куда-нибудь. И пожалуйста, разбуди меня, чтобы я успела на

речь дяди Тэда. Я дала ему слово.

Глава двадцать третья

Продолжение рассказа Руперта Венейблза

Мы разбудили Мари и Ника в два часа без малого. Мари, посмотрев на Ника, который так и не открыл глаза, заподозрила, что нам надо было поднять их раньше.

– Нет, к трем он точно не оживет, а мне еще надо пойти переодеться! Эти тряпки – просто жуть какая-то! – воскликнула она.

Цинка тут же вызвалась принести Мари одежду. Мы пока еще не хотели, чтобы Мари заходила к себе в номер. Я все утро выводил блох из ее компьютера и из ноутбука Ника. С ноутбуком было проще, достаточно было стереть программу порабощения, а вот компьютер Мари сплошь заполонили голые колючие побеги этой проклятой богини-куста. Я уже решил, что надо его выбросить, а взамен предложить Мари какой-нибудь

из моих, только вот не мог придумать, как это сделать, чтобы Мари не догадалась, что я заглядывал в ее файлы. В последних было довольно много обо мне – и все нелестное.

Однако Ник удивил Мари – открыл оба глаза и съел ленч, который мы ему принесли. Потом он тоже сказал, что ему надо переодеться. Я впервые оглядел его внимательно и обнаружил, что одежда на нем такая же обтрепанная, как и на Мари, очень короткая и тесная, как будто он из всего вырос, а башмаки просят каши и из них торчат пальцы. Очевидно, это имело какое-то отношение к Вавилону, хотя ни Ник, ни Мари ничего не объяснили. Более того, они держались так, словно на них наложили запрет рассказывать, что с ними произошло на этих темных холмах. Когда я попытался выяснить, почему Мари так сильно отстала от Ника, они только переглянулись с понимающим видом, но ничего не сказали.

Мы с Уиллом и Цинкой тоже переглянулись, взяли себя в руки и больше ни о чем не спрашивали.

Когда мы уже собирались идти слушать речь Тэда Мэллори, Мари попросила разрешения позвонить по моему телефону, чтобы узнать, как там Дерек Мэллори. Она называла его «мой толстячок-папа», да так, что я ломал себе голову, знает ли она, что он ей не отец, не говоря уже о том, кто ее настоящий отец и что с ней из-за него произошло. По правде говоря, не думаю, что она помнит, как ее разметало между мирами. Но кое-какие другие подробности она, должно быть, знала. Поговорив по телефону, она повернулась к нам – лицо-сердечко так и сияло восторгом – и посмотрела на Ника крайне многозначительно.

– От опухоли уже почти ничего не осталось! – сказала она.

Вид у Ника был кисловатый – что ж, его можно понять. Он-то принес самую настоящую жертву, и хотя мы и не знали, в чем она состояла, рана была еще свежа. Я ему сочувствовал. И чуть было не пожалел, что у Ника не хватило эгоизма попросить то, что он хотел. Что именно, я понятия не имел, но не сомневался, что это прямо противоречило планам Дакроса, а поскольку это была страшная вавилонская тайна, Дакрос точно не получил бы желаемого. Теперь мне надо было что-то придумать. Пока я чистил компьютеры, то пришел к выводу, что остановить Дакроса можно, наверное, лишь одним способом – послушаться совета Уилла и наложить на Ника гейс. Но это на крайний случай, решил я. Может, все-таки есть и другие средства.

К трем мы все прихорошились, кроме Уилла, который чувствует себя нормально только в самой старой одежде. Я наконец-то улучил минутку побриться. Цинка принесла Мари переодеться, после чего сама облачилась

в струящееся зеленое бархатное платье и стала самой элегантной в нашей компании – с большим отрывом. Мы вышли из номера гурьбой. И теперь, когда я вспоминаю, как все было, то вижу, что это был последний момент, когда я мог хоть как-то повлиять на происходящее.

В коридоре у моего номера собралась большая толпа, все взволнованные и озабоченные. Среди них выделялся мистер Альфред Дуглас, директор гостиницы, а также Рик Корри. Остальные, похоже, представляли собой организационный комитет конвента в полном составе, за исключением Максима Хаука. Когда мы вышли из номера, мистер Дуглас как раз показывал на большое коричневое шершавое пятно обнажившейся кладки на потолке, где пуля Грэма Уайта, отразившись от моего заслона, отколола кусок штукатурки. Кто-то из оргкомитета пыхтел: «Разумеется, мы за это заплатим, если вы можете доказать, что это кто-то из участников конвента. Откровенно говоря, я не понимаю, как...»

– Ой-ой-ой, – проговорила Цинка. – Дайте-ка я все улажу. Идите, я догоню.

Она взяла Рика Корри под локоть. Когда мы бочком протиснулись мимо к лифту, Цинка говорила:

– А лучше пошлите счет Грэму Уайту. Это он выпалил из пистолета. Я видела. Хотите, я побеседую с директором вместо вас?

А Корри затравленно ответил:

– Нет, только этого ему не говорите! Он больше никогда не согласится проводить здесь конвент!

– Доверьтесь мне, – сказала Цинка и, потупясь, подплыла к мистеру Дугласу.

Вот уж не знаю, что она ему наговорила, но уверен, что она могла бы убедить его в чем угодно – тут я в ее способностях не сомневался. Мы двинулись дальше без нее.

Когда мы дошли до главного конференц-зала, Цинка нас еще не догнала. Там было не протолкнуться – все места по ту сторону прохода, что дальше от двери, заняты. Я увидел там толстушку Венди и еще двух-трех знакомых, однако на удивление многие либо прятались под серыми капюшонами, либо облачились в доспехи. Преобладали кольчуги и рогатые шлемы, но были и латы всех мыслимых исторических эпох. Я услышал, как Ник объясняет Уиллу – оба поглядывали на костюмы не без зависти, – что много народу приехало только на воскресенье, чтобы побывать на турнире. Может, и так, – в любом случае все веселились от души. Почти у всех в руках были пивные кружки или бутылки, а иногда, словно болельщики на стадионе, по очереди, волной, поднимались и садились,

сопровождая это громкими выкриками и размахивая длинным белым транспарантом с намалеванными на нем словами «Меч и магия».

Ближняя сторона зала тоже была битком набита, в основном теми, с кем я познакомился в первый же день или чуть позже. Я увидел женщину в футболке «У-ук», компанию своих американских друзей с общими вселенными, певиц, которые нарушили мой тет-а-тет с Тарлессом, и троицу с младенцем, для разнообразия одетую неприметно – в джинсы. Пустые места остались с этой стороны только в первом ряду. Интересно, почему никто не любит садиться в первый ряд. Там никого не было, кроме Тины Джанетти с любовником, занявших места у прохода. Похоже, Тина держала клятву никогда не вести никаких мероприятий с участием Тэда Мэллори.

Я заметил Корнелиуса Пунта – тот поднялся с места где-то в середине зала, дабы уставиться на нас жадным взором и проследить, как мы гуськом усаживаемся в пустой первый ряд, но это было настолько в его манере, что я не обратил внимания. Кроме того, я ощущал, что публика в доспехах генерирует силу, но так бывает с любой разгоряченной толпой. На это я тоже не обратил внимания, только проследил, чтобы мы были окружены обычными защитными чарами. В основном меня занимала полушутливая перепалка с Мари. Нас с ней переполняло счастье – столько всего происходило между нами под видом перепалки.

Пока мы усаживались, почти все в рогатых шлемах завели негромкую мелодичную песню. Кто-то из трех леди-и-джентльменов с младенцем заметил:

– Теперь они уже не замолчат. Мне кажется, это помогает им не падать духом.

Я улыбнулся ему (а может, ей) и сказал Мари:

– У меня же за домом большой сад. Им будет где гулять.

– Им нужно плавать, – возразила Мари. – Водоплавающим птицам вредно не плавать.

– Вот что! – ответил я. – У Эндрю, моего соседа, в саду есть пруд – в двух шагах от меня. Не сомневаюсь, он пустит квачек.

– Пруд они и без него отыщут, – заметила Мари. – Он чистый?

– Хороший вопрос, – сказал я. – Поскольку Эндрю изобретатель и самый рассеянный среди моих знакомых, скорее всего, нет. Попрошу, чтобы он позвал кого-нибудь вычистить пруд. Или нам с ним лучше поменяться домами?

– Все-таки я считаю, что тебе надо выкопать пруд прямо в кухне, – заявила Мари. – Когда заводишь домашних животных, приходится идти на

жертвы.

– А можно я вместо этого просто буду стоять на часах у Эндрю в пруду? Круглосуточно, разумеется.

– Конечно! – ответила Мари. – В элегантном костюме и зеленых сапогах Уилла.

Мы посмеялись этой картинке – а потом подняли головы и обнаружили, что над нами висится Жанин в новом свитере, из-за которого казалось, будто ее пожирает кочан салата. На левом плече, словно гусеницы, копошились мелкие зеленые бусины.

– Как ты сюда попала? – спросила она Мари.

Мари посмотрела на нее снизу вверх и поправила очки на носу. С ее лица стерлось всякое выражение.

– Я побывала в Вавилоне, – проговорила она спокойным ровным тоном. – Только попробуй еще раз отколоть со мной такую штуку.

– Ладно, – ответила Жанин. – Есть другие способы. А ты – ты только попробуй перебежать дорогу Нику. Я тебе не позволю.

– А я и не собираюсь перебегать ему дорогу, – сказала Мари. – Просто хочу сделать так, чтобы и ты ему не мешала.

Мы с Уиллом оторопело глядели на них, пораженные тем, насколько между ними, оказывается, все ясно и очевидно, и тут Жанин отвернулась от Мари, сладко улыбнулась и проворковала Нику:

– Идем, дорогой. Mamочка хочет, чтобы ты для разнообразия посидел рядом с ней. Это звездный час твоего отца, и мы его не подведем, правда?

– Сейчас иду, – покладисто отозвался Ник. – Только сначала выясню у Руперта еще кое-что о компьютерных играх.

Жанин полоснула по мне взглядом, словно серпом.

– Постарайся недолго, дорогой. – И грациозно удалилась в первый ряд по другую сторону от прохода, поблескивая на ходу зелеными бусинами.

Ник перегнулся ко мне через голову Мари:

– Вы ведь посмотрели игры, да?

Я кивнул. Они преобладали среди файлов, которые я вычистил утром.

– Тогда поговорим про них, – сказал он. – Подольше и поподробнее.

– Ну, должен признать, определенный потенциал в них есть, – начал я. – В игре «Бристалия» мне особенно понравилось...

В это время на сцену перед нами вышел Максим Хаук, а за ним – Тэд Мэллори. Викингская песня, которая начала уже меня раздражать, стихла, все захлопали. Ник откинулся на стуле, весь сияя самодовольством. Он увильнул от Жанин и к тому же понимал, что я не стал бы притворяться и хвалю его игры искренне. Ник перехватил взгляд Тэда Мэллори, и они

улыбнулись друг другу.

Тэд Мэллори был жизнерадостен и деловит. Я бы и не заподозрил, как он нервничает, если бы Мари мне не сказала. Но я увидел, как он ищет глазами Мари. Мари серьезно и напряженно подалась вперед и так и сидела, пока дядя ее не увидел. И еле заметно кивнула, когда их глаза встретились. Тэд Мэллори, кажется, вздохнул с облегчением. Улыбнулся Мари и деловито пошуршал разложенными на столе бумажками. Наконец-то все было хорошо.

И казалось, что все хорошо, пока Максим Хаук убирал за уши светлые египетские кудри, кашлял в микрофон и представлял почетного гостя, «который не нуждается в моих представлениях, поскольку перед нами лучший из ныне живых авторов настоящей комедии ужасов...»

Да, казалось, что все хорошо, но я ощущал, как кругом набирает силу враждебное колдовство. Оно накатывало на меня холодными волнами, все сильнее и сильнее, и каждая волна не спешила отступать, стискивала сердце, сдавливала легкие, обращала почки в обломки льда. Колдовство было такое мощное, а его цель так хитроумно скрыта, что с минуту я ломал себе голову, не эгоизм ли это – считать, будто оно направлено в основном на меня. К этому времени мне стало очень трудно дышать. Я покосился на Уилла и обнаружил, что он глядит на меня с тревогой. Значит, не эгоизм: колдовство и правда нацелено именно на меня.

Я резко отразил заклятие, жалея, что Цинка где-то застряла и ее здесь нет. Да, это были сильные чары. А наслала их – или уж не знаю, как это назвать, – та самая компания в плащах с капюшонами. Поглядев на них, я обнаружил, что они слегка раскачиваются в такт. Но при этом они задействовали силу, которую, сами того не зная, нагнетали люди в доспехах, – то есть я уповал на то, что сами того не зная. Черт побери! Да тут все заранее организовано! Я внимательно посмотрел в ту сторону. К дальней двери позади фигур в плащах прислонился Грэм Уайт. Он перехватил мой взгляд. Когда Тэд Мэллори поднялся и заговорил, Уайт любезно показал мне пустые ладони. Смотри, мол, руки-то у меня чистые. Он всего-навсего поручил доброй сотне людей сделать за него всю грязную работу.

К сожалению, речь Тэда Мэллори я толком не услышал. Я бился с холодными волнами – все чаще, все сильнее – и думал. Ведь Уайт не может колдовать! По условиям гейса он бы умер, даже если бы попытался организовать что-то в этом роде! Что происходит? Краем уха я слышал, как Мэллори начинает со своего коронного заявления – что писать книгу «такая же работа, как и любая другая», – на что Мари резко втянула воздух

и от досады клацнула зубами; некоторые вводные фразы, очевидно, были забавные – помню, как за спиной смеялись и хлопали. Однако по другую сторону прохода никто не смеялся, даже те, что в доспехах. Те, что в плащах, тихонько раскачивались – включая, к моему великому огорчению, толстушку Венди, – и меня заливали волны сковывающей, удушающей злобы. К этому времени Уилл подключился и начал мне помогать, так что я сумел продержаться еще немного – достаточно, чтобы сообразить, как быть.

«Да чтоб ему пусто было, этому Уайту! Поручил кому-то сделать все за него!» – подумал я. Наплел кому-то про меня с три короба, и тот по своей воле все и организовал. Тогда лучше всего найти этого человека. Я попробовал наслать в его направлении мощный стасис.

Получилось попросту ужасно. Что-то тут же поглотило весь мой стасис. Никакого эффекта. Хуже того, чем больше я вкладывал в стасис, тем быстрее он исчезал – и мои силы вместе с ним. Будто вода уходила в воронку. Это меня едва не обескуражило. Насылать стасис я умею чуть ли не лучше всего. Я впал в полную панику, а рядом не было Стэна, и некому было меня успокоить, и обнаружил, что меня засасывает в сторону того, что пьет мою силу. Тогда Уилл положил мне руку на плечо – и благодарение богу за это. Я сразу немного успокоился и понял, что по направлению, куда меня засасывает, могу определить, что это такое.

Это оказалась Тэнси-Энн Фиск. Точнее, серое психическое одеяло, в ношении которого она обвиняла всех подряд. Обширная пелена черной колдовской силы, и впитать она была способна сколько угодно – я мог швыряться в нее стасисом до скончания веков. Теперь, поняв, что передо мной, я даже сумел разобраться, что по этому поводу думала сама Фиск. Кто-то сказал ей, что я намерен захватить власть над миром. Да, все сходится. Как уже заметила Мари, магида производят именно такое впечатление, если мало про них знаешь.

– Не надо толкать, построим стену, – просипел я Уиллу.

И мы ее построили. Стены – конек Уилла. Но тех, в плащах, было так много, и были они так сильны, что это оказался тяжелый труд. Мы оба взмокли. Зато холодные волны немного отхлынули.

Тут, к нашему огромному раздражению, в проход выскочил Корнелиус Пунт и с жаром замахал руками тем, в плащах. Тэд Мэллори, продолжая говорить, удивленно посмотрел сначала на него, потом на них и нахмурился. Тогда Корнелиус плавно развернулся и дирижерским жестом помахал нам с Уиллом.

– Да я ему шею сверну! – прорычал Уилл. – Это же не игра!

Корнелиус, однако, думал иначе. Для него все было игрой. Я отмахнулся от мимолетной мысли, что Корнелиус – подручный Уайта, пошарил среди серых плащей и нащупал настоящего подручного. Ему там было самое место.

К этому времени Мари и Ник тоже поняли, что положение очень скверное.

– Чем помочь? – шепнула Мари, не сводя пристального взгляда с дяди.

– Возьми меня за руку и Ника тоже и вместе мысленно нагнетайте силу, – прохрипел я.

Ее маленькие крепкие пальцы тут же сплелись с моими. Я услышал ее шепот: «Ник, налегай!» – и с радостью ощутил результат: я получил источник энергии, а Мари – удовольствие оттого, что смогла помочь. Сила, которую я получал от Ника, была наэлектризована волнением. Он понимал, что это самый настоящий магический поединок, и это заводило его не меньше, чем Пунта, просто он умел сдерживаться.

Корнелиус заметил, что у нас подкрепление. И снова стал дирижировать теми, за проходом. Грэм Уайт хохотал. Его все это искренне забавляло. Его подручному было не так весело. Заручившись помощью Мари и Ника, мы с Уиллом собрались с силами и выстроили прочный, как камень, защитный купол из тех, которые так хорошо удавались Уиллу. Подручный волей-неволей встал и выкрикнул людям в доспехах какой-то приказ. Они стали раскачиваться на стульях – клац, лязг, клац – и что-то глухо, гортанно напевать.

Зараза, подумал я. Это же песня силы.

Тэд Мэллори прервал свою речь и покашлял в микрофон:

– Прошу прощения!..

Глухой напев утих до шепота, но не смолк. Как и шорох и клацанье раскачивающихся тел в доспехах. Тэд пожал плечами и с раздраженной гримасой продолжил:

– Представим себе, что в созвездии Орион обитают...

С этой секунды все стало совсем скверно. Пока Тэд Мэллори излагал свои фантазии по поводу Ориона – что нам с Уиллом было совсем не по душе: он балансировал на грани страшной магидской тайны и не давал нам сосредоточиться, – подручный обрушился на нас всей мощью. Напев и лязг нагнетали такую силу, что меня хватало только на поддержание своей стороны защитного купола и редкие выпады в сторону фигуры в сером плаще – я пытался выяснить, кто же это и каковы его слабые места. Его подчиненные, в основном дилетанты, не справились с наплывом мощи и отчасти упустили ее. Начались физические манифестации. Сначала –

гнусная вонь, потом – едкий зеленый дым. Когда над головой запорхали полупрозрачные твари наподобие китайских драконов, младенец у меня за спиной разрыдался, и его пришлось вынести из зала. Примерно тогда же к выходу потянулось довольно много народу, и я их понимал. Вскоре по металлу доспехов забегали голубые искры. Я увидел, как силуэты в рогатых шлемах вскакивали с мест и хлопали по ним, словно отбивались от комаров. Они перестали нагнетать силу – и я как раз успел сделать выпад против подручного, отчего серый капюшон свалился у него с головы. Это был Тарлесс.

Как же я сам не догадался, сокрушенно подумал я.

Корнелиус Пунт пришел от манифестаций в полнейший восторг. Он скакал по проходу и подбадривал обе стороны. Тогда Мэллори это окончательно взбесило. Похоже, вонь и полупрозрачных тварей он еще мог вытерпеть, но скачущего по проходу человека – уже нет.

– Будьте любезны, сядьте! – рявкнул он.

Пунт, не слишком сконфуженный, вернулся на свое место и сел, но все равно ерзал и подскакивал.

К этому времени я уже понял, что единственное спасение для нас – встать и уйти. Тарлесс обладал колдовскими способностями, достойными кандидата в маги, и к тому же, очевидно, учился у Уайта. А тут еще и Фиск. И даже с ними мы бы совладали, если бы не помощь целой толпы и если бы Фиск не впитывала весь наш стасис, как бы мы ни старались. Я шепнул об этом остальным. Ник и Уилл с жаром согласились, но Мари сказала:

– Бедный дядя Тэд! Я обещала ему выслушать все до последнего слова!

Уйти и бросить ее одну с Жанин и Уайтом я не мог. И беспомощно пожал плечами. Может, удастся протянуть еще немного...

– Руп, не дури! – сказал Уилл. – Хватай ее и уноси. Или я сам унесу! – И он встал, схватил Мари и поднял с сиденья. Она только взвизгнула от неожиданности.

Тэд Мэллори с раздраженным видом повернулся к Уиллу – но тут же посмотрел в другую сторону: в первом ряду за проходом вскочила с места Жанин и выпрямилась в полный рост. Нет, Жанин не могла допустить, чтобы Мари увели. Она запрокинула голову и протяжно взвыла:

– Аглая-Юоалайя!

Я узнал имя ее противной богини-куста. Тарлесс, очевидно, тоже. Он обернулся, кивнул Жанин, обернулся в другую сторону и помахал помощникам. Они хором подхватили:

– Аглая-Юоалайя!

Словно собачья свора. Сильно повеяло озоном – значит, накопившаяся сила вышла на новый уровень.

– Жанин, ты что?! – перекрывая вопли, воскликнул с укором Тэд Мэллори.

– Тихо, Тэд! – оборвала его Жанин. – Неужели ты не видишь, что это гораздо важнее твоей дурацкой речи?

Она двинулась на нас по площадке перед сценой. А вместе с ней надвигались буйные, стремительно заполнявшие зал заросли сухого колючего кустарника. Мы тоже вышли на площадку и приготовились отступить, но кусты проросли и за нами, пронзили стулья, с которых мы только что встали, и нам с Уиллом оставалось только стоять на месте и бросить все силы на защитный купол, чтобы он стал вдвое прочнее. Вопли сторонников Уайта вывели растительность за грань реальности. Побег шуршали и трещали от буйного роста, перегородили проход, где мелькнула Тина Джанетти – она в полном ужасе пятилась к выходу, волоча своего скептика-любовника за воротник костюма, – а потом пронзили и стол, за которым сидели ведущие, когда Жанин прошла мимо. Максим в отчаянной попытке восстановить порядок потянулся к микрофону – и обнаружил, что сухие побеги прорастают у него прямо из руки и пронзают предплечье. Он отдернул руку, лихорадочно захлопал по ней, разинув рот и запрокинув голову от боли и отчаяния. Тэд Мэллори вскочил и попятился. Лицо у него стало бледное с прозеленью.

Боль и отчаяние несла с собой богиня. Вид у Жанин был такой же, как у Максима. Когда она дошла до нашего защитного купола, то уже почти превратилась в куст.

– Ведьмин танец, Ник, скорей! – Мари вывернулась из рук Уилла. – И вы тоже пляшите, живо!

И она щелкнула пальцами, встала в позу и принялась отплясывать тот самый нелепый танец, который так сильно разозлил меня в прошлые два раза. Ник – хотя он стал такой же бледный с прозеленью, как Тэд, и его ощутимо трясло – тут же присоединился. И средство оказалось действенное. При первом же идиотском «раз, раз, раз» пальцами кусты прекратили надвигаться. Мы очутились на крошечной круглой поляне, где хватало места только нам четверым, а сухие серые колючки прижимались к невидимой стене. Мы с Уиллом не стали медлить и тоже пустились в пляс. «Убирайся, сглаз!» – распевали мы хором. Раз, раз, раз. Глупости, конечно, но было даже весело.

Однако на втором туре я краем глаза заметил в просвет между кустами, как люди в доспехах встают с мест и обнажают мечи. Первым был

Габрелисович, оскаленный, втиснутый в доспехи, которые были ему малы. Остальные последовали за ним. Делали они это неохотно и с недоумением, но все же делали – обнажили клинки и двинулись на нас. Их послал Тарлесс на подмогу Жанин. Помню, как мы с Уиллом растерянно переглянулись. Все это затеяли, чтобы убить и меня, и Мари. Без нас у Дакроса не останется никаких улик против Жанин и Уайта, и ему, вероятно, придется короновать Жанин – больше некого.

Мы плясали и плясали – нелепо и отчаянно. Нам с Уиллом было, конечно, не выстоять против колючей богини и в придачу отряда из шестидесяти с лишним человек с мечами. Правда, пока что воины всего только шли вперед и размахивали мечами. Но каждое наше «раз, раз, раз» разворачивало меня лицом к ним, и я видел, что люди в доспехах все ближе и машут мечами все увереннее – большими, тяжелыми, до омерзения практичными мечами. Во главе воинов стоял Габрелисович – он высился в чужих доспехах, словно башня. С каждым разом, как я его видел, он вращал мечом все яростнее и, очевидно, все больше переполнялся неподдельной боевой яростью. От одного взгляда на его лицо меня прошибал холодный никчемный пот. А каждый раз, когда я поворачивался к зарослям и видел Жанин, она все больше напоминала богиню. Я видел, как вокруг силуэта Жанин в гуще кустарника и над ней все отчетливее проступают черты язвительной старухи. Она непринужденно прислонилась к нашему защитному куполу, дожидаясь, когда воплотится в должной мере, пронзит его своими шипами и не даст нам больше плясать.

И купол уже поддавался. Сухие серые побеги уже пробивались к нам, но тут вся серая чащоба вдруг вспыхнула трескучим пламенем. На миг огонь охватил наш купол, ослепил и обжег нас. Мы остановились и закашлялись.

Когда я снова обрел зрение и слух, от сухих зарослей не осталось ничего, кроме широкой черной полосы, тянувшейся через белую скатерть на столе президиума, через первый ряд и дальше по проходу. В самой середине черноты лежало тело Жанин. Волос у нее не осталось, лицо обгорело до неузнаваемости.

Странно, подумал я. Так выглядят жертвы имперских лазеров.

Глава двадцать четвертая

Окончание рассказа Руперта Венейблза

В зал хлынули солдаты в синей с серым форме. Часть из них ловко согнала людей в доспехах и тех, в плащах, в две кучки среди раскиданных стульев, и к каждой приставили по двое стражей. Часть встала на часах у всех выходов. У меня мелькнула мысль, сколько углов пришлось обогнуть солдатам у дальних дверей, чтобы сюда попасть. Я чувствовал, как бешено вертится узел вокруг нас. Первым делом я его замедлил. Больше я ничего не мог – сил не осталось. Потом я заозирался в поисках Дакроса. Он был совсем рядом и не спеша убирал в кобуру пистолет, который, несомненно, спас нашу шкуру.

– Господи боже мой! – проговорил я. – Так у вас обедают в середине дня!

Он ответил мне взглядом, полным такого сарказма, что впору богине-кусту.

– Разумеется. Когда же еще? Где Грамос Альбек?

Я показал:

– Вон у той стены. То есть только что был.

Уайта и след простыл.

Дакрос отстегнул рацию и что-то коротко туда сказал, по-прежнему подняв бровь и не сводя с меня саркастического взгляда. Капитан на другом конце зала помахал ему – понял, мол, – и небольшой отряд двинулся вдоль стены, пробираясь между стульев, с ружьями наготове. Дакрос повернулся ко мне:

– Ну что ж, магид, я обещал перейти к решительным действиям и сдержал слово. Поскольку вы не вышли на связь со мной, я привел сюда, в Нет-сторону, военное подразделение, как только Джеффрос сумел открыть ворота. И не говорите мне, что это не было Предопределено. Слышать не желаю.

– Я очень рад вас видеть, – пристыженно проговорил я.

– Да уж пожалуй, – согласился он. Сверкнул глазами на Уилла, распознал в нем магида, потом посмотрел на Ника и Мари.

На Ника он глядел с явным удовольствием. Я прямо видел, как он думает, какой отличный наследник получится из Ника – высокий, красивый.

– Полагаю, – проговорил Дакрос, – что я обращаюсь к их императорским высочествам Нихотодесу и Семпронии.

Ник только кивнул и снова опустил голову и уставился на тело Жанин. Со стороны могло показаться, что лицо его ничего не выражает, только в уголках глаз собрались морщинки, будто у старика. Мари от смущения залилась густой оранжево-красной краской.

– Прошу вас! – выдавила она. – Называйте меня хотя бы Марина!

– С превеликим удовольствием, ваше высочество, – отвечал Дакрос. – Я очень рад видеть вас снова в добром здравии. Наш транспортер готов доставить вас домой, туда, где все принадлежит вам по праву. Принц Нихотодес, вы ведь понимаете, что вскоре будете коронованы и станете императором?

– Хорошо, – отозвался Ник. – Как скажете.

Ну вот, подумал я. Наверное, так и должно было случиться. Я даже чуть было не поверил Нику сначала. Но потом вспомнил, как изящно он трижды увиливал от Жанин на моих глазах, и сообразил, что он просто собирается снова проделать тот же трюк. Только на сей раз увильнуть от целой империи. Его выдал мирный, покладистый тон. Как именно он собирался выкручиваться – один бог знает. Скорее всего, он и сам еще не

придумал. Но я почему-то знал, что, когда дело дойдет до коронации нового императора, Ника просто не найдут. А когда Мари подошла и предостерегающе стиснула мне локоть, это лишь подтвердило мою догадку. Мари тоже все поняла.

Я понимал, что мы с Мари можем поссориться, но все же рискнул. Страхнул ее руку. И сказал Нику:

– Так же нельзя!

– Я понимаю, магид: вы не считаете, что ему Предопределено стать нашим новым императором, – проговорил Дакрос, – однако в моем распоряжении больше не осталось наследников мужского пола, и я его корону, хоть трава не расти!

– Нет, мой брат не это имел в виду, – вмешался Уилл. – Правда, Ник?

– А что? – растерялся Ник.

– Вы с ним родственные души, – ответил Уилл. – Когда Руперту было столько же лет, сколько тебе, мы называли его Гудини.

– Простите, не улавливаю... – начал было Дакрос не без досады, но договорить ему не дали: одновременно произошли два события.

В дальнем конце зала рыкнул и полыхнул лазерный пистолет – думаю, целились в воздух, для устрашения, – и послышались крики. Там солдаты выволакивали из-под стульев кого-то в сером плаще, а он отбивался. Дакросу едва хватило времени на удовлетворенное «Ага!» – и тут он столкнулся нос к носу с Тэдом Мэллори.

– Вы! – процедил Мэллори. Был он по-прежнему бледен, но зол и непреклонен. – Да, вы, сэр! Кто вам позволил убивать мою жену?

– Это было необходимо, – ответил Дакрос.

– Ничего себе! Да вы чистосердечно признаетесь в убийстве?! – воскликнул Мэллори.

– Эта женщина была убийца, – объяснил Дакрос, – и колдунья.

– Я свидетель, – сказал я.

Тэд Мэллори только вытаращился на нас. Мне стало интересно, что он сейчас скажет, но тут Мари схватила дядю за руку.

– Ты же сам знаешь! Ну правда, дядя Тэд! Она тебе даже не нравилась! Будь честен сам с собой, ты же видел, как она... Будь честен сам с собой, хотя бы раз в жизни, дядя Тэд! Давай!

Мэллори посмотрел на нее сверху вниз.

– Честен сам с собой... – проговорил он. – Ай, ладно! Да, я буду честен сам с собой и признаюсь, что, кажется, видел, как Жанин была пренеприятным... как она превратилась в часть пренеприятного куста, вот.

– Bravo! – сказала Мари. – Молодец, дядя Тэд. Ник, после всего этого

тебе придется о нем заботиться.

– Я же не смогу, если стану этим, как его, императором! – оторопел Ник.

– Я имею в виду – забереешь его с собой, – ответила Мари.

– Он там спятит, – сказал Ник.

Я бы, пожалуй, согласился с Ником, но в очередной раз не нашелся что сказать, и тут появились солдаты со своим отбивавшимся пленником. Борода у него дергалась. Плащ наполовину сполз с плеч, и солдаты примотали им руки пленника к телу. Пленник визжал:

– Говорю я вам, я не Грэм Уайт! Вы не имеете права прикасаться ко мне! Немедленно отпустите! Я выдающийся писатель!

Признаться, я был только рад, что Мервину Тарлессу пришлось несладко, хотя и было очевидно, что Грэм Уайт на скорую руку нашел себе замену в качестве прелюдии к побегу – тоже на скорую руку.

Мы с Уиллом переглянулись. Поскольку все входы-выходы охраняются, Уайт должен быть где-то в зале. Вероятно, прибег к старинному трюку – спрятался среди тех, кто был в такой же одежде. Мы побежали к ближайшей серой кучке. Тарлесс завопил нам вслед:

– Держите их! Держите, говорю я вам! Они хотят захватить мир!

Повсюду валялись стулья и метались испуганные люди. Мы с Уиллом едва успели добраться до центрального прохода, как за спиной у нас затрубила труба. Это были мощные фанфары, невероятно громкие, и ликующие, и церемониальные. Полные смысла. Несущие важную весть. Мы развернулись. И все развернулись – и жители Земли, и корифонские солдаты. И все застыли.

Трубачом был Роб.

Значит, он все-таки жив – и даже более чем жив, жив буйно и победоносно. Глаза у него так же сияли, а шкура так же лоснилась, как перья у моих квачек, когда они вернулись, и поза была такой же горделивой, и все тело так же источало жизнь и здоровье. Более того, и от него возникало ощущение, что он наконец-то заполняет собственные контуры, как и Мари и даже Ник. И в случае Роба это были, бесспорно, контуры принца. Густые смоляные волосы были тщательно заплетены в косу. На нем был ярко-синий мундир, расшитый золотом, явно позаимствованный у кого-то из высших чинов, но сидел он на Робе воистину по-царски. Роб был великолепен. Насколько я видел, на боку не осталось ни следа от раны.

Протрубив фанфары, Роб по-военному опустил правую руку с трубой по шву.

– Требую тишины! – воскликнул он. – Требую тишины! Сюда идет император Корифос Великий!

Легко забыть, какие у кентавров легкие. Звонкий голос Роба пресек все шепотки и движения – только несокрушимый Корнелиус Пунт обхватил себя руками и пробормотал:

– Еще и кентавр! Кентавр! Ну, теперь я и в самом деле видел все!

Следом за Робом в зал вошел еще один отряд солдат. Они были в форме, которую я знал как форму почетной императорской гвардии, – такой же ярко-синей с золотом, что и у Роба, – и держались очень уверенно и официально. Я услышал, как кто-то из солдат, державших Тарлесса, прошептал:

– Они из тридцать девятого! А я-то думал, мы оставили их удерживать Ифорион!

За солдатами шли четверо в потрясающих нарядах. Во-первых, Цинка в зеленом бархате. Рядом с ней – кира Александра в полном придворном туалете со шлейфом, веером, диадемой и всем прочим, а рядом – Джеффрос в полном облачении имперского волхва и в развевающемся плаще, на котором сиял золотой знак Бесконечности. Четвертым был магид в церемониальной мантии – белая парча, лиловые ленты и все, что положено. На груди у него тоже сиял знак Бесконечности. Мы с Уиллом разом ахнули: это был наш брат Саймон.

А следом вошел император.

Сомнений не оставалось – это был Корифос Великий. Он был точь-в-точь как все статуи, которые я видел, и во дворце, и по всему Ифориону. Еще не оставалось сомнений, что это мой сосед Эндрю. Может, волосы у него больше отливали золотом, а лицо было чуть-чуть смуглее, однако я был потрясен, что раньше не заметил этого сходства. Должно быть, меня сбили с толку рассеянность Эндрю и его непритязательная манера держаться. Теперь не оставалось никаких сомнений, что он и вправду император. Он тоже был в мундире с чужого плеча, как и Роб, и даже вид у него был, как всегда, отсутствующий и скромный. И одного взгляда на него было достаточно, чтобы понять, что прежде ты никогда не видел подлинного величия. Ведь жители Земли особенно отвыкли от настоящих королей. А этот король был до того настоящий, что перехватывало горло.

По меньшей мере три четверти находившихся в зале почтили его царственность поклоном. Я увидел, как толстушка Венди плюхнулась на колени, предприняв самую что ни на есть искреннюю попытку сделать реверанс. И очень смутилась, что все испортила и наделала шуму.

Мой бывший сосед остановился и окинул взором поваленные стулья и

подпалины от лазеров.

– Я ищу верховного главнокомандующего Дакроса, – сказал он.

Дакрос поспешил к нему между искривленными рядами стульев, а когда дошел до свободного пространства между Робом и почетной гвардией, опустился на одно колено. Вышло это у него совершенно естественно.

– Я здесь, сир, – сказал он. – Простите меня. Я бы никогда не заставил вас отправиться в Нет-сторону, если бы я...

– Факты я слышал. Вы были нужны здесь, – сказал Корифос. – Я же подтверждаю правомочность ваших действий и возвращаю вас на пост главнокомандующего империи. Однако время не ждет. Мне нужна вторая коронация, генерал. А этот кентавр – мой наследник. Его статус также необходимо подтвердить. Поэтому, прошу вас, встаньте и расскажите мне, нашли ли вы преступников, за которыми явились.

Дакрос поспешно поднялся.

– Джалейла найдена и казнена, – ответил он, – однако Грамос Альбек, вероятно, скрывается...

Новый император легким жестом остановил его:

– Спасибо. Где Грамос Альбек?

Он поглядел поверх потрясенных людей, рассыпанных по залу кучками, и сила этого взгляда буквально выволокла Грэма Уайта из убежища. Я в жизни не видел ничего подобного. Мне бы как магиду хотя бы половину этой силы. Грэм Уайт выполз из своей норы под последним рядом, неуклюже опрокидывая стулья и явно против своей воли, – но все же выполз. Волоча ноги, он плелся вдоль рядов, среди людей, которые все до одного шарахались от него, плелся, нагнув голову, и каждая черточка его тела протестовала, но не повиноваться воле Корифоса он не мог. Примерно на полпути он сумел сунуть руку под плащ, за пистолетом. Корифос просто еле заметно помотал головой. Лицо Уайта сморщилось от ярости, но руку он убрал. И так и плелся, нехотя, спотыкаясь, пока не поравнялся со мной. И тогда – с усилием, от которого у него набухли жилы возле глаз, – он остановился и поглядел на меня исподлобья.

Я понимал, о чем он думает. И сказал:

– Не вздумайте!

Наверное, Уайту было нечего терять. Дрожа от напряжения, которое требовалось, чтобы просто стоять и не идти к Корифосу, он снова попробовал открыть ворота и разметать меня. Гейс подействовал мгновенно. Думаю, это был обширный инфаркт. Лицо Уайта – и губы, и все остальное, – стало иссиня-лиловым, руки задержались, потом он схватился

за грудь, словно от боли не смог сдержаться. И слегка ссутулился. Но все же не сводил с меня взгляда, насмешливого и злого. «Видишь? – говорил этот взгляд. – Видишь, до чего ты меня довел?!» Он рассчитывал, что я буду долгие годы нести на себе бремя вины за его смерть. Иногда это бремя давит на меня и приходится очень стараться, чтобы его не чувствовать. Но ведь Уайт все сделал сам. Кроме того, я заметил, что Корифос не стал ему препятствовать. Это тоже была своего рода казнь.

Уайт рухнул к моим ногам. И когда я глядел на него, дивясь, как ничтожно и как непоправимо живое отличается от мертвого, то услышал слова императора:

– Доставьте оба тела на дальний транспортер и кремируйте. Я займу ближний транспортер, чтобы побеседовать с нужными людьми. Руперт.

Я вскинулся и обнаружил, что мой бывший сосед глядит на меня с той же учтивостью, с какой просил у меня займы сахара, с одним лишь отличием, огромным, как множественная Вселенная: это была вежливость такой силы, что сбивала с ног.

– Я хочу встретиться с вами очень скоро, – сказал он. – А пока всего лишь благодарю.

Он повернулся и ушел. Без него в зале стало темнее. За ним последовали все остальные, в том числе и Дакрос, а Роб прикоснулся к моему плечу и тихо проговорил: «И я благодарю». Я представить себе не мог, за какие такие мои дела, земные и нездешние, они меня благодарят. Я только и делал что грубые ляпсусы. В конце концов я решил, что Корифос имеет в виду мои шоферские услуги.

Прошло два часа, а могущество Корифоса по-прежнему проявлялось во всем. Конвент – вероятно – шел своим чередом. По крайней мере, люди в доспехах вместе с Фиск и Тарлессом разбежались по разным мероприятиям, указанным в программе, – к моей великой радости. Однако все те, кто так или иначе имел отношение к империи, сами по себе стянулись в фойе, где все так же трудилась Одиль, опустив белокурую головку и старательно не обращая внимания на происходившие вокруг странности.

В фойе было не так светло, как обычно, поскольку снаружи высилась сверкающая громада бронетранспортера. За ней едва виднелся второй, в котором прибыл Корифос. Но теперь Корифос был в ближнем транспортере, а фойе превратилось в его приемную. Все мы сидели и стояли там и сям. Почти все время здесь была и кира Александра – она работала личным секретарем Корифоса, успокаивала тех, кому казалось,

что он ждет уже очень долго, объясняла, что происходит, или просто ходила по фойе и разговаривала с Тиной Джанетти. Судя по тому, что я подслушал, они искренне и с жаром делились впечатлениями, каково, оказывается, быть публичной персоной. Между тем Джеффрос, Цинка и Саймон в роли вторых секретарей провожали посетителей в бронетранспортер и обратно.

Цинка улучила минутку и склонилась над нами с Уиллом.

– Простите меня, пожалуйста, что не пришла помогать! – сказала она. – Только я отвязалась от управляющего, как мне по мобильному дозвонился Сай и говорит, что у него тут кентавр и кто-то – наверняка Корифос – просит о помощи и что, если я немедленно не прибегу в Ифорион разбираться, ему грозит страшная опасность не сдержаться и завизжать. Мне, конечно, пришлось мчаться туда. А потом была сплошная суета.

– Как они очутились в Ифорионе? – уточнил Уилл.

– Самой интересно! – ответила Цинка и убежала.

Мы с Уиллом остались сидеть в фойе. Туда то и дело наведывались различные гостиничные служащие поглазеть сквозь стеклянные двери на транспортер.

– Это НЛО? – спрашивали меня почти все. Никакого разнообразия.

– Да, можно и так выразиться, – отвечал я.

От этого им сразу становилось веселее.

После седьмого-восьмого раза я спросил Уилла:

– Почему так получается, что, если человек видит что-то и не знает, что это такое, а я ему говорю, что это неопознанный летающий объект, он уходит совершенно удовлетворенный?

Ник рассмеялся:

– Все знают, что такое НЛО!

Это было вскоре после того, как из транспортера вышел Тэд Мэллори с совершенно ошарашенным видом и сказал:

– Ничего не понимаю. Мне только что предоставили возможность поселиться в этой их империи, а я даже не знаю, где это и что это. Я, естественно, ответил, что не могу. Мне ведь надо заботиться о Нике – теперь... когда все так сложилось.

При этих его словах Ник заметно приободрился. Он говорил с Корифосом в числе первых, сразу после Мари, и по его радости после слов Мэллори я заключил, что Ник тоже не пожелал жить в империи и теперь не знал, как ему быть, если Тэд Мэллори от него откажется.

Мари, сидевшая между нами с Уиллом, держалась тихо-тихо. Просто сидела и все, мятежно выпятив подбородок.

Вскоре после этого Уилла позвали к Корифосу. Из транспортера сквозь стеклянные двери вышел Максим Хаук с рукой на перевязи и плюхнулся на стул рядом со мной.

— Что за люди! — проговорил он. — Вы себе не представляете! Оргкомитет Саутгемптонского конвента только что спросил у меня, где я нанял солдат и бронетранспортеры! Хотят то же самое на свой конвент! А этот идиот Пунт постоянно пробирается на оба транспортера, а его оттуда выставляют. Вреда от него, конечно, нет. Но такого крикуна свет не видывал! Так и останется в моей памяти как деталь конвента, который я в жизни не забуду.

— Плохие воспоминания? — спросил я.

Мне подумалось, что я и за это в ответе, особенно за его руку.

— Ну, — задумчиво протянул Максим, — раньше на моих глазах никто не умирал. Наверное, один раз надо это увидеть. Ведь это тоже жизнь, в конце концов. Но если бы вы неделю назад сказали мне, что такое может произойти на конвенте, я бы рассмеялся вам в лицо.

— Неделю назад я ничего не знал! — возразил я.

Тут подошел мой брат Саймон и сказал, что меня требуют. Я встал и следом за ним вышел в стеклянные двери и поднялся по огромному лязгавшему трапу к входу в передней части бронетранспортера. Внутри все было как в подводной лодке. Много узких металлических коридоров с лаконичными пометками из букв и цифр на каждом углу — пометки были разноцветные, и я решил, что это какой-то цветовой код. Саймон провел меня по красным пометкам глубоко в урчащее чрево огромной машины, а потом в крошечную стальную каморку за дверцей в стене коридора. Мы сели там на узкую стальную скамейку. Мне подумалось, что скамья нарочно сконструирована так, чтобы часовые не спали. Она была просто на диво неудобная.

— Еще одна приемная? — спросил я.

— В некотором роде, — ответил мой брат, вытянул ноги и расправил полы парадного одеяния. Такого непоседы, как Саймон, я в жизни не видел. Он больше похож на Уилла, чем на меня, — высокий, крепкий, — но волосы у него светлее, чем у нас, и скулы резкие. — Я хотел сначала поговорить с тобой, поскольку, похоже, угодил в гущу событий, разбираться с которыми полагалось тебе.

— Как тебя угораздило? — удивился я.

— Вчера посреди ночи мне позвонила Цинка, — сказал Саймон. — И вообще у меня было такое чувство, что то ли у тебя, то ли у Уилла неприятности. Ну, и поскольку она все равно меня разбудила, я решил, что

с тем же успехом наведуясь сюда и погляжу, что можно сделать. А по пути, во время перехода, когда я миновал империю, мне повстречался кентавр и некто, в котором я сразу узнал Корифоса Великого, – они хотели попасть в империю, но не знали дороги и блуждали по склону холма. С тех пор как Корифос был там в последний раз, многое изменилось. Тогда я взял их на буксир и провел в Ифорион, а там нежданно-негаданно оказалось, что мне придется организовывать возвращение Корифоса на имперский престол.

– Как и было Предопределено, – проговорил я.

– К сожалению, да, – сказал Сай, разминая ноги и расправляя одеяние. – Вот об этом мне и надо с тобой поговорить. Судя по всему, твою должность в Корифонской империи перепоручили мне. Извини. Корифос объяснит тебе, как так получилось. Однако нет никаких сомнений, что и это тоже Предопределено. С нами связались из Верхней палаты. В ближайшее время ты получишь подтверждение от старосты магидов. Она подтвердит и это, и то, что ты избрал новым магидом Мари Мэллори.

– Честно говоря, я еще не вполне... – начал было я.

– Похоже, в Верхней палате убеждены, что ты все решил, – возразил Сай. – Они говорят, ты можешь поручиться за нее, но хотят, чтобы она на время поселилась в империи: тогда я смогу обучать ее.

Сердце у меня упало.

– Иначе говоря, – мрачно процедил я, – меня освободили ото всех обязанностей и грядет дисциплинарное взыскание. За некомпетентность или еще за что-то?

– Нет, не совсем. – Саймон поднялся на ноги: он и так просидел на месте дольше обычного. – Поговори с ними сам, все поймешь. – Он стал расхаживать передо мной туда-сюда. – Думаю, им сейчас несколько неловко – они даже обсуждали, не дать ли тебе после этого какое-нибудь задание полегче.

– Да-да, какой-нибудь мир в Нет-сторону отсюда, где всем заправляет наука, – горько отозвался я.

Саймон перестал расхаживать и начал теребить резиновую прокладку на двери в каморку. Но прокладка была надежно закреплена, и он бросил эту затею и снова принялся расхаживать. Я знал, что если бы ему удалось отодрать прокладку, он бы играл с ней битый час, а потом вплеп бы ее в решетку на потолке. Сай как он есть.

– Нет. Не говори глупостей, – сказал он. – Видишь ли, что происходит: было Предопределено довести империю до той точки, когда по всем пророчествам должен вернуться Корифос, а для этого, по мнению палаты,

ее надо было сначала более или менее уничтожить. Корифос насчет последнего не согласен, но что есть, то есть. Верхняя палата иногда так поступает. В общем, и Уилл, и Роб говорят, что это ты считал, будто Предопределено, что империю возглавит юный император и она рухнет у него в руках. Роб уверен, что тебя это тревожило и что ты не подпускал Дакроса к Нику именно потому, что тебя это так тревожило. Но на самом деле, Руперт, Верхняя палата считала, что юным императором станешь ты сам. Империя должна была рухнуть в руках у тебя.

– Вот уж спасибо так спасибо! – выдохнул я.

– Ну, ты же успел побыть магидом только года два, – сказал Сай. – По-моему, ты показал себя просто молодцом, особенно если учесть, что Верхняя палата постоянно ставила тебе палки в колеса. По-моему, если бы ты не поддерживал Дакроса, Корифосу нечем было бы сейчас править.

– Ничего себе молодцом! – Я фыркнул. – Прямо слышу, какой крик поднимется, если меня теперь назначат магидом в какой-нибудь мир: «Не надо! Только не Р. Венейблз! Кто угодно, только не Р. Венейблз! Из-за него погибло столько народу! Из-за него детей зарезали!»

– Это было Предопределено, – ответил мой брат. – Сам знаешь, какие Те, Наверху, бывают жестокие. Но они не будут винить в этом тебя и порочить твою репутацию. Они жестокие, но справедливые. Думаю, они на самом деле довольны твоей работой.

– Тогда почему мне не позволяют обучать Мари? – спросил я.

– А, это совсем другое дело. – Саймон подошел и плюхнулся обратно на скамью. – Они и мне не разрешили обучать Цинку – правда, Цинка говорит, что я все равно сбиваю ее с толку длинными объяснениями. В Верхней палате не допускают, чтобы магида обучали собственных жен и мужей, а поскольку там уверены, что ты женишься на Мари...

– Постой! – Я оторопел. – Ты что, женат на Цинке?!

– Вот уже три года, – разулыбался Сай. – У нас все очень славно.

– Но... – выдавил я в оцепенении.

– Знаю, о чем ты подумал, – сказал он. – Даже если она рисует любовные сцены с разной нежностью, я слежу, чтобы это не выходило за рамки высокого искусства.

– Естественно, – промямлил я, хотя подумал совсем не об этом.

К счастью, именно в этот момент по коридору к нам прошагал Уилл и шумно прислонился к косяку двери в каморку.

– Семейная встреча, – заметил он. – Ничего себе была беседа – каждая минута за час! Похоже, Корифос считает, будто мое воспитание в два счета преобразило Роба.

– Да, ты вбил юноше в голову кое-какие прописные истины. И это пошло ему на пользу, – сказал я и нервно поднялся. – Ну что, со мной еще хотят поговорить? Или уже нет?

– Еще как хотят, – ответил Уилл. – Проводи его, Сай. Я тут подожду.

Саймон провел меня по остатку короткого коридора к стальной двери, густо исписанной красным. Она отодвинулась, пропуская меня, задвинулась обратно у меня за спиной, и я очутился в стальной коробке один на один со своим бывшим соседом, от которого веяло такой силой, что я еле устоял на ногах.

Он сидел на скамье – примерно такой же, с какой я только что встал, – однако поднялся мне навстречу.

– Простите, Руперт, что заставил так долго ждать. Я хотел сначала решить все мелкие дела, чтобы нашему разговору ничего не мешало.

Ему удавалось сдерживать собственную царственность, снизив ее уровень до уютного и домашнего, но при этом остаться человеком незаурядным. Помните, иногда над грозowymi тучами возникают такие сияющие белые башни, насыщенные энергией? Вот примерно это он мне и показывал – небольшое средоточие силы, под которым бурлит сила гораздо более могучая. Когда окажешься в одной камерке с грозовой тучей, такое не забывается.

Мне казалось, что меня теснят со всех сторон. Я сказал:

– Спасибо.

Он улыбнулся мне – той улыбкой, которая меня всегда изумляет. На сей раз она изумила меня тем, что от нее я снова почувствовал себя достойным уважения.

– Я хочу поблагодарить вас, – сказал он.

– Не понимаю, за что, – ответил я. – За то, что иногда я возил вас? За банку фасоли и пачку сахару?

– Да, однако, видите ли, все эти любезности вы оказывали существу, которое по грубым прикидкам составляло примерно одну двадцатую часть меня, – сказал он. – Обычные люди на вашем месте не стали бы связываться со мной – сочли бы попросту сумасшедшим. Позвольте, я объясню. В конце моего последнего правления я оказался в вашем мире, в городе под названием Вавилон, которого больше нет, – хотел заключить мирный договор с тамошним правителем. Правитель не соглашался на перемирие, поэтому я решил отправиться восвояси. Когда мы со свитой покидали Вавилон, местные жители напали на нас, и наш магид попытался открыть нам врата, но поспешил. И открыл их прямо через меня.

Я порадовался, что не один я среди магидов делаю ошибки.

– Вас разметало?

Он кивнул:

– К тому же по обе стороны врат меня сочли мертвым и похоронили. Как вам известно, в тех краях находится крупное скопление волшебных узлов. Врата открыли в одном из них. Меня разметало с огромной силой, я пришел в себя лишь через много лет. И тогда я обнаружил, что стал неотъемлемой частью вашей вавилонской тайны. В мирах по обе стороны произошли перемены, они делились и множились. А поскольку меня похоронили в месте, где разделились два мира, я тоже умножился. – Он усмехнулся, отчего воздух в комнате замерцал. – Меня стало десять в обычной Бесконечности и еще десять в виде антивещества. Все это время я провел в попытках соединить все свои ипостаси.

– Не понимаю, как вы... – начал я. Корифос еле заметно мотнул головой, и я осекся.

– Тут на сцену вышли вы, – сказал он. – Мне всегда хотелось жить поближе к какому-нибудь магиду, хотя я не понимал зачем. У меня было ощущение, что магида знают об узлах что-то такое, чего не знаю я, и что мне, чтобы снова собраться воедино, нужен узел. Вы просто не представляете себе, сколько раз – и в этом мире, и в других, – стоило мне наконец поселиться по соседству с магидом, как этот магид замечал, что со мной что-то неладно, и тут же перебирался от меня подальше.

– Я переехал в Уиверс-Энд после вас, – напомнил я. – Вы прожили там полгода, когда я купил свой дом. Просто удачное стечение обстоятельств.

– Возможно, – сказал он, – однако вашу неизменную доброту и любезность стечением обстоятельств не назовешь. Вы возили меня от узла к узлу, хотя мы с вами оба не отдавали себе отчета, что делаем, пока вы не доставили меня в необычайно мощный узел – сюда, в Вонтчестер. И я бы не понял, как применить этот узел – как и все остальные, – если бы вы случайно не включили меня в свою конструкцию из линий судьбы.

– Но как же так вышло? – спросил я.

– Я почувствовал ее, – ответил он. – Я всегда ощущал мощные волшебные конструкции, тянулся к ним, словно голодный зверь, сам не зная, что мне нужно. До вас все магида сразу же прогоняли меня. А вы позволили остаться. И я неосознанно вплел в вашу работу свою линию судьбы. Честное слово, это было настоящее откровение. Я внезапно ощутил себя вчетверо лучше прежнего, понял, что знаю вчетверо больше. Я понял, что мне нужно приехать сюда, в этот мощный узел, и знал, что мне делать, когда я здесь окажусь. Почти три дня я собирал остальные части себя. К сожалению, при этом я несколько нарушил деятельность

узла.

– Да, было дело, – сказал я. – Но к этому причастны и другие. Вы собрали все части?

– Нет, – ответил он. – Какие-то из них погибли, а те, которые превратились в антивещество, на этом плане Бесконечности недостижимы. Выяснилось, что, если я хочу воплотиться полностью, мне придется выйти за пределы материальных планов и попасть в места, также составляющие вашу вавилонскую тайну. Это, несомненно, было Предопределено. Ведь на пути туда я повстречал троих наследников империи и в общих чертах узнал, что там происходит. Со мной был Роб. Понимаете, он спросил о своем наследном праве на престол. И сказал, что вы с братом пристыдили его за то, что он даже не думал заявить о себе как о наследнике. На обратном пути он много рассказал мне.

Я не сдержал улыбки:

– Наш Роб любит поговорить. То есть вы хотите, чтобы вас на престоле сменила династия кентавров? Отличная мысль. До сих пор кентаврам не отводили достойного места в истории Вселенной.

– Рад, что вы тоже так думаете, – сказал Корифос. – Но мне представляется, что я помешал вам исполнять должностные обязанности. На обратном пути мы с Робом заблудились. Мы попытались сделать две взаимоисключающие вещи – попасть домой и найти вас. И вместо вас нашли вашего брата. Высшие силы тут же сделали его нашим советником вместо вас.

– Сай гораздо профессиональнее меня, – сокрушенно вздохнул я. – По моему, он мгновенно распознал в вас императора.

– Безусловно, он знал, что делает, – сказал Корифос. – И он говорит, что ему Предопределено отныне и впредь занимать должность магида империи. Однако я предпочел бы вас. Меня нервирует манера вашего брата постоянно расхаживать туда-сюда и все терзать.

– То есть даже вы не можете заставить его сидеть спокойно?! – воскликнул я.

– Едва ли это в силах человеческих, – признался Корифос. – Видимо, так уж устроен его организм.

Я снова не сдержал улыбки. Нет в жизни совершенства. Конечно, Корифос был человек незаурядный – и все равно... все равно одна деталь его истории казалась мне попросту невероятной.

– Как так вышло, – спросил я его, – что вас столько разметывало между мирами, а между тем прошло больше двух тысяч лет, а вы еще живы?

Он посмотрел на меня с этой своей кривоватой улыбкой, склонив к

плечу златовласую голову. В такой позе он был точь-в-точь как статуя самого себя. И ответил вопросом, который потряс меня до глубины души:

– Сколько членов в Верхней палате?

– Вы же знаете, я не могу вам ответить! – оторопел я. – Вы не должны были даже слышать о Верхней палате!

– Вот именно, – проронил он. – Тогда я сам вам скажу. Сейчас их ровно семьдесят один. Должно быть семьдесят два, но одного не хватает, потому что нет меня.

– Ой! – вырвалось у меня. Только архон мог обладать такой жизненной силой, как у Корифоса, – и только архон, если уж на то пошло, мог избрать себе в наследники кентавра. – Тогда приветствую вас, великий архон.

– И я вас приветствую, магид, – отвечал он. – Мне пришлось явиться сюда, чтобы не позволить Бесконечности полностью сместиться в Нет-сторону. Для этого и нужна была империя. Однако я не успел все наладить, когда меня разметало. Теперь мне нужно довершить начатое. А потому – если можно – у меня к вам две просьбы.

– Наверное, можно, – сказал я. – Просьбы как к соседу или как к магиду?

– Одна такая, другая сякая, – сказал он. – К несчастью, мне придется покинуть дом и бросить изобретательство. Согласитесь ли вы, магид, вступить во владение моим домом и либо содержать его в порядке, либо продать – на свое усмотрение?

Я вспомнил про квачек и как Мари предлагала мне поселиться у Эндрю в пруду – и внутри потеплело от радости. К тому же его дом просторней моего.

– С удовольствием. А вторая просьба?

– Я бы хотел, если вам не слишком трудно, чтобы вы, когда будете составлять отчет для Верхней палаты, передали экземпляр и мне, в архив, который я собираюсь учредить в Ифорионе.

Я взвесил его слова. Эта просьба была куда более неоднозначная. И по тому, с какой надеждой он глядел на меня – склонив, разумеется, голову к плечу, – мне было ясно, что он это прекрасно понимает. Дело не в том, что Верхняя палата не приветствует утечку магидских отчетов, – дело в том, что там принимают меры, чтобы утечек не было. Чтобы обойти их привычные методы, придется хитрить и изворачиваться. К тому же придется добавить много разъяснений для непосвященных читателей. Однако в принципе это возможно. Можно считать это интересной задачей.

– Да, хорошо, – ответил я. – Только не очень сердитесь на меня, если вы его не получите.

– Я в вас верю, – сказал он.

На этом наша беседа завершилась. Император попрощался со мной сильным, наэлектризованным рукопожатием, и я снова пустился в странствия по металлическим коридорам. Уилла с Саймоном в той камерке уже не оказалось. Я шел и шел, слыша, как стальные стены тихонько резонируют кругом, и в конце концов очутился у выхода и спустился по огромному трапу. Обратно в гостиницу мне не хотелось. Поэтому я двинулся на служебную стоянку, размышляя, как рассказать обо всем этом Стэну.

Я открыл водительскую дверцу – меня встретило еле слышное тиньканье Скарлатти – и позвал:

– Стэн!..

Ничего. И никого. Магнитола все играла, но в машине ничего не ощущалось. Стэна больше не было. Верхняя палата с типичной для нее бесцеремонностью решила, что Стэн сделал свое дело, и отозвала его. Я прижался лбом к крыше машины, еле сдерживая слезы.

– Даже не знаю, какой машине хуже пришлось, твоей или моей, – сказала Мари, и в ее голосе яснее обычного послышался мрачный всхлип. – Если думаешь, что ее помяло, взгляни, что Жанин сделала с моей.

Я поднял голову и увидел, что она стоит, положив подбородок на крышу с другой стороны.

– Я думал, ты уже в империи!

– Еще нет. И буду там не все время, – ответила она. – Я добились, чтобы мне разрешили ходить туда на занятия два раза в неделю, а до ближайших выходных твой, ну, другой брат все равно будет занят, и нам с ним не встретиться. И я раз и навсегда дала понять, что это не должно помешать мне учиться на ветеринара. Ни в коем случае. Иначе...

– А что иначе? – спросил я.

– У нас вся эта неделя, а потом будет еще куча времени помимо занятий, – сказала она.

– Да, – сказал я. – И правда.

Мне сразу стало гораздо легче.

Глава двадцать пятая

Файл Upperroom.doc^[17] Ника Мэллори
Копия для Р. Венейблза

[1]

Руперт хотел, чтобы я это написал. Сказал, это пойдет в какую-то Верхнюю палату. Сказал, там требуют полный отчет и ему самому тоже придется составлять и не буду ли я против. Даже там не знают о Вавилоне того, что знаю я. Хотели, чтобы это попало в их архив. Разбор полетов, сказал он.

Мне не особенно-то и хотелось. Писать я не люблю, а когда задумываюсь про Вавилон, мне почему-то кажется, что я не знаю, что случилось. Первым делом я попробовал подстроить, чтобы Руперт меня подкупил. Я знаю, что его перевели на проект в другой группе миров, и это

просто фантастика, и я сказал, что напишу ему отчет, если он мне расскажет, чем теперь занимается. Но он отказался. Ну, попытка не пытка. Он сказал, чтобы я все равно написал.

В общем, я сел писать. Сначала было трудно, но потом меня словно прорвало и стало совсем легко. Тот кусок есть на этой же дискете. А эту часть я добавляю на ту дискету, которую отдам Руперту и сделаю копию для Мари, чтобы она передала ее Корифосу. Похоже, Корифосу и правда очень нужно.

Когда я дописал отчет, то скопировал на все дискеты, которые у меня были. У меня их много. Никак не могу привыкнуть, что у меня столько денег. Делаю глупости – вот, например, купил сто форматированных дискет, а что мне на самом деле нужен модем, забыл. Деньги у меня потому, что мать не оставила завещания, а я считаю ее ближайшим родственником, а Грамос Альбек, наоборот, оставил завещание и отписал все маме. Поэтому у меня теперь сразу и торговля одеждой, и оружейный завод. Завод я пока не получил. Руперт с папой все крутят так и этак, хотят учредить для него трастовый фонд, а одежный магазин продали миссис Фир, которая и так там всем управляла, и теперь я получаю пособие на почте и у меня здоровенная доля в каком-то строительном кооперативе и еще куча денег, чтобы пускать на ветер. Я сказал, что это, по-моему, нечестно по отношению к Мари и папе, но папа говорит, что ему гордость не позволяет, да и с продажи книжек понемножку капает. Мари говорит, что ни за какие коврижки не дотронется до имущества этой парочки даже багром длиной с башню Кабота^[18]. Но я думаю, с деньгами у Мари порядок. Корифос подарил ей там, у себя, какое-то поместье. Она говорит, им с Рупертом очень весело отмывать денежки, чтобы можно было платить ими на Земле.

Мы уговорили папу, что можем позволить себе нанять кого-нибудь готовить. Мари не умеет, папа не собирается учиться, а я умею только спагетти. Ну, папа взял и нанял Ивонну, сестру миссис Фир, потому что она была последней, кого мама уволила из магазина. Благотворительность – дело хорошее, но это все-таки перебор. Ивонна готовит хуже Мари. В результате я трачу сто фунтов в неделю на еду, которая мне нравится. В общем, это я к тому, что деньги у меня есть. Вот я и купил форматированных дискет. Записал на все свой отчет и попрятал их в разных тайниках перед тем, как Мари отвезла меня к Руперту на своей новой машине.

Дом у Руперта не очень большой, но внутри хорошо. Полная комната компьютеров и стереосистема в гостиной – это надо видеть! Они все

уговаривают моего дядю Дерек (Мари теперь называет его «будто-бы-папа») переехать туда. Мари и Руперт хотят поселиться в доме побольше, соседнем, где пруд, как только Мари получит диплом, но это еще не скоро, и она хочет, чтобы Руперт пока взял моего будто-бы-дядю к себе. По-моему, дядя Дерек не согласится – он человек независимый. Если он останется в Лондоне, я сам куплю себе дом Руперта. Мне он очень нравится.

Когда мы приехали, как раз вылупилась последняя кладка квачек. В кухню не зайти – страшно наступить на птенцов. Леди Квачка всегда делает себе гнездо у раковины. Лорд Квак приходит к ней через кошачью дверцу, которую Руперт сделал им в задней двери, а потом удирает обратно, потому что все птенцы бросаются на него. Когда мы ели ленч в гостиной, он пришел посидеть с нами. Руперт готовит просто отлично. Вот бы он дал Ивонне несколько уроков.

Когда мы поели, Руперт сказал: «Ну как, готовы?» – а когда мы ответили «да», велел мне достать распечатку и держать прямо в руке. А потом сказал:

– Ник, тебе может показаться что угодно, но помни, что на самом деле ты не будешь покидать эту комнату.

До сих пор не понимаю, зачем он это сказал. Иногда мне кажется, что ему положено говорить такое непосвященным, то есть мне. И по-моему, это неправда. Похоже, магидам часто приходится врать. Лично мне это нравится. Точно знаю, что все это заняло несколько часов, и ноги у меня болели, потому что пришлось все время стоять. Но все началось с того, что мы сидели себе в трех креслах лицом к книжным шкафам и стереосистеме.

Потом, хотя ничего вроде бы не изменилось, Руперт сказал: «Ладно», встал и подошел к книжному шкафу. И открыл целую секцию, будто дверь. За ней была лестница, вся в тумане.

– За мной, – сказал Руперт и пошел наверх.

Лестница была деревянная и скрипела. Мари пошла следом. Она очень волновалась. Когда Мари волнуется, это сразу заметно: лицо у нее становится еще мрачнее и свирепее, и она все время поправляет очки и моргает. Я шел последним и тогда еще вообще не волновался.

Лестница вела по спирали все вверх и вверх, шли мы довольно долго. Примерно на полпути я сообразил, что мы уже давно поднялись гораздо выше дома Руперта. Тут мне стало прямо очень интересно. И чем выше мы поднимались, тем туманнее было на лестнице, и в конце концов все стало молочное, вроде засвеченной пленки, но ступеньки были все равно деревянные. И скрипели. Я чувствовал их пыльный деревянный запах и

точно знал, что они такие же настоящие, как я сам. И еще было тепло, и от этого дерево пахло сильнее.

Когда мы, по моим расчетам, поднялись на высоту колокольни в соседней деревне, а может, и выше, то вдруг оказались в открытых дверях с полукруглым верхом, на полу из широких досок, которые скрипели хуже лестницы. И я увидел, что мы в Верхней палате. Комната была довольно большая, но насколько именно, я так и не понял, хотя видел стены и видел, что они гладкие и беленые, потому что кругом была та же молочная засвеченная белизна, что и на лестнице. И люди были такие же. Их было много. Половина сидела у стены на скамейках, вроде бы встроенных, а другая половина – вокруг огромного деревянного стола, занимавшего почти всю комнату. Он будто уходил за горизонт. Я видел, как те, кто сидел на дальнем конце, подались вперед или откинулись на спинки, чтобы лучше разглядеть нас.

Странные они были, вот что. Возникало такое чувство, будто они все из разных мест и времен, хотя одеты одинаково. У некоторых были лица, какие встречаются только на очень старых картинах. И еще они были двух видов. Не могу объяснить, как я это понял. Дело не в том, как они сидели и как выглядели. Просто я понял, что одни когда-то были живыми, а другие – никогда.

Они все сидели, кроме одного – человечка с большой лысиной и очень кривыми ногами, который вприпрыжку подбежал к Руперту, весь сияя. Он был такой же настоящий, как все остальное. Руперт нагнулся и обнял его, а потом расцеловал в обе щеки, будто европейский политик. Я решил, что человечек то ли русский, то ли француз. Потом он заговорил, и я узнал его сиплый голос. Это был тот призрак из машины Руперта. Но я даже тогда не заволновался, хотя Мари нервничала все сильнее и сильнее. Очень уж здесь было тепло и спокойно.

– Я уже дал показания, сынок, – просипел человечек. – Побуду тут, чтобы подтвердить твои.

– Отлично, – сказал Руперт. Я решил, что он тоже немного нервничает. – Я боялся, что больше не увижу тебя. Ты ведь помнишь Ника и Мари? Это Стэн.

Мы пожали друг другу руки. Все было нормально, кроме того, что Стэн просипел:

– Рад личной встрече, если вы понимаете, о чем я.

Тут Руперт прямо-таки толкнул нас вперед, к концу стола. На этом конце никто не сидел. Нам хватило места, чтобы встать там бок о бок. Даже в молочной пелене я разглядел, что стол был массивный, из черного

дуба, а под ногами, там, где мы стояли, в половицах была протоптана борозда – столько народу стояло там до нас.

Вот тогда-то я вдруг занервничал. Столько лиц, и все смотрят. Я видел, что Мари прямо трясется. Стэн похлопал меня по руке. Я посмотрел сверху вниз на его макушку – половина лысая, другая половина в седых кудрях, – и мне стало немного легче. Но лица... Некоторые были – ну, как Корифос. И даже нормальные выглядели как судьи по телевизору, когда они без париков. Сами знаете – у них такие рты, что сразу видно, что они не умеют улыбаться, как все нормальные люди. И их было плохо видно в молочной пелене, и от этого становилось еще хуже.

Руперт сказал:

– Магиды и архоны Верхней палаты, позвольте представить вам Семпронию Марину Тимозу Еранивай Корифоидес и поручиться за нее как за магида, который восполнит наши ряды.

Теперь я понял, почему Мари так волнуется. Я давно заметил, что она нарядно одета, что бы ни говорила, но думал, что это перед встречей с Рупертом. Для него она всегда наряжается. Я и не знал, что ей сегодня предстоит вступить в магиды. Она поклонилась.

Кто-то ближе к середине стола – мужчина с суховатым голосом – спросил ее, готова ли она стать магидом, и она поправила очки и прямо-таки рявкнула:

– Готовее уже не буду!

Потом ей задавали разные вопросы. Настоящий устный экзамен. И я не могу ничего сказать про эти вопросы. Тогда я слышал их очень хорошо, но они, наверное, были так устроены, чтобы в голове у меня все затуманивалось, как только я задумаюсь, что именно спрашивали, – наверное, примерно то же самое случилось и со всей этой историей с Вавилоном. Но Мари отвечала хорошо. Вопросы задавали все, но в основном те, кто сидел ближе к середине стола по обе стороны. Наверное, там сидели самые главные.

Про то, что было дальше, я тоже ничего сказать не могу, потому что если проболтаюсь, Мари меня убьет. Между прочим, я уверен, что она по-настоящему может меня убить, но она говорит, что как именно – страшная тайна. Она разрешила написать, что после этого ей надо было провести волшебную церемонию, вроде японской чайной церемонии, а больше ничего. Дело в том, что в середине она сбилась. И ей пришлось вернуться на три этапа назад и проделать все заново с того места. Но то, что она, оказывается, умеет, вызывает уважение. И зависть. Я вот не могу сделать так, чтобы в воздухе у меня над головой плавал светящийся знак

Бесконечности. Я пробовал.

В конце концов у нее все получилось. Один из тех, кто сидел на скамьях, подошел и дал ей свернутый плащ, такой же, как на них на всех, и она надела его и стала такая же молочно-засвеченная, как все остальные. Я испугался. Было почти как тогда, когда ее разметало. Стэн это заметил и снова похлопал меня по руке. Потом Мари опять назвали полным именем и сказали, что теперь она магид. Мари сразу перестала волноваться и просияла – белая и туманная.

Потом настала очередь Руперта. Вот уж кто разволновался. У него все лицо стало натянутое. Один из тех, кто с середины стола, спросил, составил ли он полный отчет «о Корифосе, наследниках Корифоса и сопутствующих обстоятельствах». Руперт сказал, что да. И положил на конец стола толстую кипу бумаг. Я не удержался и хотел подсмотреть, что там на первой странице, но в молочной пелене разобрал только первую строчку. Она гласила: «Около года назад меня вызвали в столицу империи Ифорион на судебное разбирательство». Думаю, он поступил как я и кое-что дописал потом.

Все лица обратились к бумагам. Настала пауза – долгая-долгая и такая задумчивая. Вообще-то, это был полный ужас. Руперт достал носовой платок и вытер все лицо.

Тут вдруг оказалось, что они уже знают, что он написал в отчете, и начались вопросы. Очень трудные вопросы. Знал ли Руперт, что император собирается убить Тимотео лазером? Подозревал ли? Почему он так небрежно относился к империи и ее делам? Был ли он знаком с природой богини-куста? Справлялся ли о ней в магидской базе данных? И так далее – без конца.

Руперт каждый раз подробно и старательно объяснял, что он сделал и по каким соображениям. Иногда он даже защищался, но в этом ему до меня было как до небес. Я все время придумывал оправдания за него. Два раза даже выступил в его защиту. Мы с Мари вмешались, когда у него спросили, как он допустил, чтобы мы последовали за ним в Ультима Туле, а потом в Талангию. На второй раз Мари всерьез рассвирепела.

– Мы постарались, чтобы он об этом не подозревал, – сказала она. – И последовали за ним только потому, что Роб был ранен и не мог нас провести. А как бы мы еще нашли дорогу, черт побери? Ну вы даете – сидите тут и обвиняете его в том, что сделали мы!

Я уж думал, они на нее рассердятся, но они держались очень вежливо. Кто-то у дальнего конца стола, кого я толком не разглядел, сказал:

– Душенька, не надо так горячиться. Мы этого магада ни в чем не

обвиняем. Просто стареемся установить, как и почему все на самом деле произошло.

– А по первому впечатлению и не скажешь! – ответила Мари.

Кое-кто даже засмеялся.

Но вопросы не прекратились.

Через некоторое время я понял, почему Руперт не оправдывается. Каждый раз, когда он говорил по-настоящему правдиво, чтобы снять все вопросы, вопросы действительно снимались: страницы, к которым они относились, словно бы таяли и исчезали со стола. В первый раз я это заметил, когда Стэн прокаркал что-то про советы, которые давал Руперту. Когда он договорил, пропала целая кipa листов. Но если слушатели оставались недовольны, страницы никуда не девались. Иногда они даже сами собой выкладывались в ряд на краю стола. Так было, когда у Руперта спросили, почему он не предотвратил убийство детей на холме. И я начал понимать, что если не говорить этим людям, что произошло и почему, по-настоящему честно, придется стоять тут сутками напролет, а то и неделями, пока не скажешь. Примерно тогда же я засомневался, так ли здорово быть магидом, как я думал.

А еще раз страницы разложились по столу, когда спросили про Вавилон. Тут слушателям стало по-настоящему интересно. И вопросы задавали серьезные, как полагается, например, почему Руперт отправил в Вавилон всех троих наследников престола разом (представляете, мне это и в голову не приходило!) и вообще, думал ли он, что делает? Он знал, как редко оттуда возвращаются? Он внимательно вслушался в стихи – ведь там об этом говорится?

И вдруг Руперт дал слабину.

– Ни о чем я не думал! – сказал он. То есть чуть ли не закричал. – Я не знал другого способа вернуть Мари! Между прочим, у меня было такое чувство, будто меня самого разметали!

Никто ничего не сказал. Только страницы сами собой сложились обратно в стопку, а Руперту стали задавать другие вопросы, гораздо спокойнее, ну, по мелочам. Я даже не ожидал, что их такое интересуется. Исчез ли клочок козьей шерсти? Руперт снова успокоился и ответил, что да, как и бутылочки с водой и наша одежда. А может ли он подробнее описать, как выглядел пейзаж? Он сказал, что нет. Тогда у него спросили про квачек. Квачками они очень заинтересовались. Такого раньше не бывало, сказали они, и не объяснит ли Руперт, как так вышло, что квачки вернулись взрослыми птицами. Он ответил, что нет, не объяснит, но они были не просто взрослые, а еще и умные. Вообще-то, квачки – довольно глупые

птицы, сказал он. Тогда слово взяла Мари и сказала, что лично она думает, что квачки смутно сознавали, что глупые, и им это не нравилось. Кто-то со скамей пожелал узнать, как же квачки сумели попросить, что им нужно.

Мари сказала:

– Понятия не имеем. Они попали туда гораздо раньше нас. И я не знаю, как это получилось, точно так же как не знаю, почему я вернулась настолько позже Ника.

На это растаяла толстая пачка листов, но постепенно, как будто слушатели жалели, что не узнают больше, и они перешли к последней части и спросили, что было, когда появился Дакрос. Я не знал, что Руперт так волновался за меня. Я бы сказал ему, что не надо. Я почти все могу пережить.

Потом исчезли все страницы. Руперт снова занервничал. Одна дама у ближнего конца стола сказала:

– А вы разве не знали, что Чарльз Доджсон^[19] был магидом? Мне казалось, это общеизвестно.

Руперт хотел что-то ей ответить, но тут человек, сидевший немного дальше, помахал ему, чтобы привлечь внимание, и сказал:

– Честно говоря, вы не совсем правы в том, что касается римских авгуров. В целом они были невеликого ума. На самом деле я был главным землеустроителем, и мне частенько было очень трудно убедить богодухновенных авгуров позволить мне ставить лагерь на узле. По крайней мере трижды лагерь из-за них оказывался в другом месте. До сих пор досадно. Мне бы хотелось, чтобы вы знали, что я не виноват.

Руперт засмеялся и сказал:

– Спасибо!

Потом вроде бы настала пауза, только шуршали одеяния и скрипели скамьи. Затем тот, с суховатым голосом, подался вперед на своем месте ближе к середине стола и спросил:

– Как вы сами оцениваете свою работу, магид?

– Честно говоря, ужас, – ответил Руперт. – Если было где ошибиться, я не упускал случая. А иногда, по-моему, изобретал принципиально новые ошибки. И наверное, я никогда не прощу себе гибели тех детей.

Долгое молчание.

Потом издалека донесся голос – чей именно, видно не было. Однако голос был из тех, что не скоро забудешь. Он произнес:

– Все не так уж плохо, магид. До нынешнего дня вы были самым юным из нас, и это мы повинны в том, что бросили вас в эпицентр нашего самого запутанного и самого опасного Предопределения. По правде говоря, мы

думали, что вы не выдержите. Мы вправе винить вас лишь в том, что иногда вы бывали слишком довольны собственной работой, если она вам удавалась, но не всегда помнили, зачем за нее взялись. В свое время подобные чувства были знакомы каждому из нас. Всем нам, и людям, и архонам, когда-то приходилось привыкать к своим обязанностям. А теперь мы надеемся, что в ближайшие несколько лет вы будете брать на себя менее сложные задачи, которые будут вам полезны и помогут усвоить все, чему вы научились в этот раз.

– Я тоже надеюсь, – сказал Руперт. Было видно, что он говорит искренне.

Потом настала моя очередь. Руперт заранее предупредил меня, что, поскольку я не магид, мне придется читать отчет вслух. До сих пор не понимаю почему. Он сказал, что Верхняя палата уважает независимость моей личности, или как-то так. В общем, все лица обратились ко мне. Я взял распечатку и собрался читать. И у меня совсем пропал голос. Если удавалось что-то выдать, получалось еще более сипло, чем у Стэна, да и для этого надо было напрягаться всем телом. Пришлось как следует прокашляться. Колени у меня затряслись. Листки бумаги затрепыхались по краям, будто бешеные бабочки.

– Давай, сынок. Никто тебя не съест, – сказал Стэн.

– Точно-точно, – кивнула Мари. – Они только что сожрали Руперта. И больше не хотят.

– Э-э... Гхм! – начал я. И почувствовал себя полным идиотом. А потом все-таки прочитал отчет.

[2]

Первый участок пути оказался даже ничего. Мы бы прошли его довольно быстро, но Мари была совсем слабая и двигалась медленно. Мне приходилось держать ее под локоть и тащить за собой. Дорогу было хорошо видно. Она была очень каменистая, и все камни отблескивали с одной стороны, как будто на них откуда-то светила луна, но когда я поглядел в ту сторону, откуда падал свет, там ничего не было. Небо было мертвое, серо-черное. Пейзаж вокруг я толком не различал. Зато много слышал. Похоже, там все поросло мертвой травой, потому что она все время тихонько шуршала – порывами, как будто на ветру, только никакого ветра там не было. Стояла такая мертвая теплая тишь, от которой обливаешься потом. И со всех сторон доносился запах, как будто кругом целые акры торфяных болот.

Когда я стоял в гостиничном номере и смотрел на дорогу, мне казалось,

что идти будет просто, но стоило на нее выйти, выяснилось, что там сплошные горки. Вести Мари была та еще задачка. Мы перевалили через первый высокий холм, спустились в долину за ним, и тут я начал уставать. Тяжело, когда ничего не видишь, кроме вьющейся впереди дороги, и не слышишь, кроме всего этого шелеста безо всякого ветра. А потом, на дне долины, дорога вдруг кончилась. Раз – и впереди одни камни и валуны с острыми углами и краями. Думаю, это было пересохшее русло реки. Воды не было, но я различал по обе стороны сухую канаву, перегороженную этими большими битыми булыжниками. А слева от нас были квадратные каменные глыбы и остатки какого-то свода, вроде развалин древнего моста. Что-то его разрушило. Нам пришлось карабкаться вверх, чтобы выбраться на дорогу рядом с мостом.

Пока мы там возились, я вдруг заметил, как Мари воодушевилась. Она прямо рвалась вперед. Я не знал, как с ней быть. Я подозревал, что ей не терпится добраться до места, но наверняка не знал, и тут вдруг на меня все будто навалилось и захотелось кричать. Она была как умственно отсталая. А мне пришло в голову, что дорога дальше еще больше разбита и вдруг то, что ее разбило, теперь поджидает нас, а кроме меня, некому оберегать Мари и доставить ее до места, и я боялся, что не смогу. Мне никогда еще не приходилось так заботиться о другом человеке. К тому же мы были совсем- совсем одни. Я понял, что не жду от этого путешествия ничего хорошего.

Но мне нужно было как-то довести Мари до конца, поэтому я прямо силой взял себя в руки – собрал волю в кулак – и потащил Мари дальше, и мы перебрались через мертвую реку и все-таки взобрались на следующий холм.

Потом нам полегчало, в основном потому, что Мари стала больше похожа на человека. Она еще не очень хорошо говорила, но после нескольких подъемов и спусков вдруг запела: «В гору да под гору до самого Лондона. Шажок да другой – Вавилон за горой». А когда я спросил, что это значит, она ответила: «Стишок для скакалки. На „горой“ – скачок с разворотом». Я понятия не имел, о чем это она. А потом она как спросит:

– У тебя в Бристолии такое есть?

Я ответил:

– Немного похоже на Неоформленные земли.

– Рассказывай, – говорит она.

Вот я и рассказывал про Бристолию весь следующий участок, и мне стало гораздо легче, и тут мы вдруг спустились по длинному склону к другой реке.

Там была вода. Я видел, как она блестит. В остальном река была мертвая и черная. И невероятно широкая, а судя по тому, как блестела рябь, еще и очень быстрая. Через нее был перекинут огромный длинный мост. Было видно, что мост чуть-чуть светится, как остальная дорога, выгибается и теряется вдаль. На ближнем конце стояли по обе стороны такие высоченные столбы – даже не столбы, а резные статуи. Когда мы подошли поближе, я только и сумел разглядеть, что это какие-то крылатые существа. Но подробно так и не рассмотрел. Едва мы подошли совсем близко и что-то стало видно, как на ворота и дорогу перед мостом упала черная тень, и все в ней утонуло.

Мы ступили в тень – там было холодно, – и тут левая статуя заговорила. Я так испугался, что даже подумал – в обморок упаду. Голос у нее был густой, гулкий, такой бывает, если кричать в молочную бутылку, и он сказал:

– Стойте! Именем создателя форм!

Потом заговорила статуя справа.

– Стойте! Именем создателя сил! – сказала она.

И сначала я подумал, что они развернули по крылу и перегородили вход на мост. Но когда я пригляделся, оказалось, что это скорее решетка – такая перистая и паутинистая, вроде кристаллов, какие бывают внутри камней. Я подергал за нее – она была холодная, как смерть, и не поддавалась.

Потом подошел еще кто-то и поглядел на нас сквозь середину решетки. Я его не рассмотрел, но страшный он был – просто жуть. Он спросил резким холодным голосом:

– Что это вы здесь делаете?

К этому времени у меня уже зубы стучали. Я стиснул их и ответил:

– Нам надо в Вавилон. – И поскорее попятился.

Он сказал:

– Так, как сейчас, вас в Вавилон не пустят. Поворачивайте.

– Нет, – говорю, – я не могу вернуться из-за Мари. Что нужно, чтобы вы нас пропустили?

Честное слово, он улыбнулся. И сказал – этак весело:

– Гораздо меньше, чем у вас уже есть, или немного больше.

Мне-то казалось, у нас всего так мало, что меньше просто не бывает, поэтому я спросил:

– Чего именно больше и насколько?

– Вам надо вернуться и спросить об этом тех, кто послал вас, – ответил он.

– Боже мой! – сказал я. – Послушайте, а может, есть надежда, что вы пропустите нас за ворота как есть?

– Нет, – ответил он. – Вернитесь и попросите еще строфу.

– Ладно, – сказал я. Мне было обидно и очень страшно, потому что свечи-то горят, а Мари ходит так медленно. – Тогда мне придется оставить здесь Мари, пока я хожу туда-обратно, – сказал я, – иначе мы и к утру не обернемся. Вы ведь не тронете ее, пока меня нет?

Оттого что я подумал, будто он может навредить Мари, он пришел в бешенство – я это почувствовал: его ярость обдала меня сквозь решетку, словно холодный ветер.

– Никто и ничто не коснется ее, – презрительно ответил он. – Уходи.

Тогда я усадил Мари на самом краю тени, где было теплее, и потратил кучу времени на то, чтобы втолковать ей, что она должна сидеть здесь и никуда не уходить, а потом еще и вытащил из нее честное слово, что она не сдвинется с места. В конце концов она сказала:

– Беги. Со мной все будет хорошо.

Как будто все-таки поняла меня.

Тогда я повернулся и побежал. Эта часть – когда я бегал обратно – была ужасная. Мне было тошно, что я совсем один, и до полусмерти страшно, что Мари куда-нибудь уйдет, и я все думал, как сильно прогорят свечи за это время, и боялся, что не увижу гостиничный номер или проскочу мимо и вообще. Я бежал со всех ног, но потом подвернул ногу на дне мертвой реки, и пришлось замедлиться. В каком-то смысле путь назад был бесконечный – вот что мне запомнилось. Но при этом я добрался довольно быстро. На самом деле прошло всего несколько минут, когда я увидел за вершиной холма мерцающее зарево, а когда я спустился с этого холма, то понял, что это был свет двух свечей. Оттуда они казались очень большими.

Я взбежал на этот холм, окончательно запыхавшись, и – раз! – очутился прямо в номере.

Когда они меня увидели, то прямо оцепенели. Мне стало ясно, что Руперт сначала подумал, будто мы уже побывали в Вавилоне и Мари не вернулась. Ну, я и рассказал им, что нас не пропустили через мост и нужно что-то еще. Когда Руперт понял, что дело только в этом, то весь обмяк от облегчения.

Он хочет, чтобы я рассказал, что было, пока он ходил искать Цинку.

Сначала ничего особенного. Я прошел в угол у кровати. Я хотел посидеть рядом с Робом, но так разнервничался, что только ходил туда-сюда, трогал и переставлял бутылки на холодильнике и так далее. Роб приподнялся на локте и встревоженно поглядел на меня. Уилл велел мне

сесть – я пугал маленьких квачек, – но я не мог. Тогда они забежали вокруг меня и запищали, и Роб, наверное, тоже заразился беспокойством: он сел, спустил на пол передние копыта и спросил меня, как оно там.

С Робом я могу нормально поговорить. Вообще-то, я мало с кем, не считая Мари, могу по-настоящему разговаривать, но с Робом, наверное, у меня тоже получится. После всего этого мы часто видимся и успели поговорить обо всем на свете. (Роб хочет побывать у меня в Бристоле, но мы понимаем, что это будет сенсация.) На тот раз я рассказал ему кое-что из этого отчета, в основном про то, как шел по камням на дне мертвой реки, потому что это было хуже всего. Я рассказал не очень много. Мне было ясно, что Уилл думает: «Ох, ну и тяжело же там», зато Роб прекрасно понимает, как это – когда ты совсем один с Мари, которая ведет себя странно, и к тому же ничего кругом не видишь!

И тут Роб раз – и встал с кровати. И сказал «Уйеooo!», потому что бок у него болел, и затопал копытами и сморщился по-всякому. Лицо у него стало белое и перекошенное. Потом он нашел рубашку и оделся.

Уилл спросил:

– Роб, что это ты затеял?

Роб ответил:

– Собираюсь с Ником в Вавилон. Надо им помочь.

– Да ты сбрендил! – говорит Уилл. – У тебя один бок заштопан! Дорога трудная! Швы разойдутся! Да и других опасностей там полно!

Роб гордо вскинул голову – волосы прямо взметнулись – и говорит:

– Плевать мне на опасности!

И сказал, что в долгу перед Мари. Она его зашила, а он за это заманил ее туда, где ее разметали. А Уилл сказал – на самом деле я подумал, что это он здорово схитрил, – что да, Роб одним махом скакнул из червей в герои, так, может, перестать рисоваться и лечь? А Роб как взревет: «Ничего я не рисуюсь!» После этого они прямо-таки орали друг на друга, и квачки совсем перепугались.

Я ничего не говорил. Я хотел, чтобы Роб пошел со мной. Было таким облегчением думать, что я буду не один, – только бы Роб выдержал. И было ясно, что рана у него уже не так болит – он же орал и топал копытами. В разгар всего этого Роб развернулся ко мне и спросил, нет ли у меня какой-нибудь бечевки. Я нашел в кармане аптечную резинку. Роб взял ее и стянул волосы. На миг стало очень похоже на конскую гриву, но тут резинка порвалась, и волосы снова рассыпались вокруг лица.

Роб мрачно дергал в руках порванную резинку.

– Кентавры всегда убирают волосы назад перед битвой, – сказал он.

Уилл рассмеялся. От этого Роб так разозлился, что развернулся и лег обратно в кровать. Меня словно придавило, захотелось стукнуть Уилла, только он по всем габаритам больше меня, но тут Уилл увидел, что дверь открылась и квачки удрали в коридор. Уилл выскочил за ними, ругаясь по-страшному, и закричал мне, чтобы я помог их загнать. Тогда я перешагнул через свечки и вышел в коридор.

Квачки просто голову потеряли от страха. Они метались по коридору как очумелые, и я был бы готов поспорить, что их стало штук двадцать, не меньше, если бы не знал, что их ровно две. А когда гоняешься за кем-то таким малюсеньким, приходится бегать внаклонку, растопырив руки, будто бабуин. Ну вот я и бегал – а потом наткнулся на Грэма Уайта. Бум! Я поднял голову и увидел, что с ним мама.

Помню, как я подумал: «С кем это она разгуливает? Еще не хватало!» Красивой пары из них не получилось.

Мама сказала:

– Ах, Ник, наконец-то я тебя нашла! Идем со мной, сейчас же!

Я загнал одну квачку в дверь и ответил:

– Ладно.

Я подмигнул Уиллу из-под руки, чтобы подать знак, что я ненадолго, но не знаю, видел ли он. Он очень увлекся погоней за квачками. А я ушел по коридору с мамой и Грэмом.

Понимаете, когда будто-бы-родители Мари забрали ее в Лондон, я остался один, и мне пришлось самому разрабатывать методы обращения с мамой. Я понимаю, что это как-то бессердечно. Но мне было некуда деваться. Сначала я часто сидел и ругал себя за это, а потом шел и продолжал работу над методами – с холодным сердцем. Через неделю после отъезда Мари я обнаружил, что иначе я сам себе не хозяин, даже в мыслях. Мама хотела, чтобы я все делал вместе с ней, – занимался ее делами, а не своими, – и рассказывал ей все, о чем думаю. Она шарила в моих карманах и читала файлы в моем компьютере и мои школьные тетрадки. А еще у мамы есть такая черта – она обожает, когда с ней ссорятся. Мари постоянно на это нарывалась, когда ссорилась с мамой. Маму хлебом не корми – дай тебя подмять. А если с ней соглашаются – то есть я имел в виду «обожала» и «соглашались», постоянно забываю, – если с ней соглашались, ей становилось скучно, а еще скучнее ей становилось, если расскажешь ей кучу своих мыслей и всего прочего, что не совпадало с ее представлениями.

Первая моя холодная мысль после отъезда Мари была такая: сам я маму не интересую, ее интересуется то, что я ей принадлежу. И тогда я придумал

Бристолию. От этого маме становилось все скучнее и скучнее, а я увлекался все больше и больше. Глупо вышло, конечно. Я придумал Бристолию только для того, чтобы прикрывать разное другое, о чем мне хотелось подумать. Я набил Бристолией компьютер – и маме скоро надоело туда смотреть. Потом я придумал, как с ней не ссориться. Каждый раз, когда она хотела, чтобы я что-то делал вместе с ней, я всего-навсего мирно говорил: «Ладно» и ждал, когда она отвлечется, а потом просто уходил. Она почти никогда не проверяла, чем я занят. Ей было неинтересно.

Точно так же я поступил тем вечером. Только они маршировали по обе стороны от меня, будто полицейский конвой, и свечи догорали, и Мари ждала далеко-далеко, и мне было по-прежнему страшно, как бы она не ушла, поэтому я решил немного поторопить события. И спросил:

– А зачем я тебе понадобился?

Надеюсь, Грэм Уайт решил проследить за мной не из-за этих слов. Все-таки это было для меня нехарактерно. Обычно, раз уж мама меня нашла, я терпеливо жду, когда она отдаст приказ. Но Руперт считает, что Грэму был нужен Роб. Не исключено. Когда Роб появился в гостинице, то наделал такого шума и оставил такой кровавый след, что всем и каждому было известно, что здесь кентавр, хотя большинство, кажется, было уверено, будто это переодетый я.

Мне было ясно, что мама не придумала никаких приказов. Она просто хотела, чтобы я был на глазах. Грэм Уайт сказал:

– Молодой человек, нам не нравится, что вы водите компанию с людьми из этого номера. Это неподходящее знакомство.

Я сказал, что они безобидные, просто скучные. И зевнул.

Тогда мама сказала:

– Иди спать, милый. Ляг сегодня пораньше. Вчера мы засиделись допоздна.

Ну, я и сказал, что пойду лягу (и ведь лег в конце концов, правда?), и поплелся прочь нога за ногу. Я столько тащил Мари на себе и с такой скоростью бежал потом обратно, что притвориться усталым было несложно. Они стояли и смотрели мне вслед. Мне пришлось свернуть за все углы на верхнем этаже. Семь прямых углов. Как только я скрылся из виду, то побежал, но все равно еле успел добежать до номера Руперта: они уже собирались послать Робя без меня. Руперт говорит, чтобы вернуться, мне пришлось разрушить мощную порабощающую колдовскую конструкцию, но я ничего не заметил. Наверное, я просто привык разрушать порабощающие чары, которые на меня насылали.

И для меня, конечно, было жутким потрясением, когда из-за угла вдруг вышел Грэм Уайт и выстрелил в Роба. Для Роба тоже. С нами ничего подобного еще не случалось. После этого нам не терпелось набрать в горсти зерна и зажечь свечи. А потом мы бросились бежать. Я знал, что дверь номера так и осталась открытой у нас за спиной, и все ждал, что в нее войдет Грэм Уайт и выстрелит в нас. И не мог расслабиться, пока мы не спустились с первого холма.

Теперь, со свечами, все было совсем иначе. Дорогу было гораздо лучше видно. Можно было даже различить расплывчатую дрожащую траву по обе стороны. И было похоже, что не важно, с какой скоростью мы движемся. Свечи не гасли. Не было никакого ветра, даже от движения. Пламя держалось вертикально, и все. Роб шел быстрым шагом, а я почти что трусцой бежал. И мы оглянуться не успели, как перешли мертвую реку и спустились к мосту, откуда меня завернули обратно. Я спросил Роба, показалось ли ему, что было далеко, и он сказал, что нет. Он немного прихрамывал, но не сильно. Сказал, в основном просто тянет швы.

Когда мы спустились к мосту, сердце у меня повело себя странно – сначала будто прыгнуло мне прямо в горло, а потом ухнуло обратно на место, зато забилося, будто бешеное, – потому что я не увидел Мари. Но она была на месте. Она сидела в темной тени у ворот, вцепившись пальцами в решетку, и разговаривала со стражником по ту сторону.

– Все дело в постоянной досаде и раздражении, – донесся до меня ее голос. – В последнее время все идет наперекосяк. – Тут она услышала топот копыт Роба и медленно обернулась, словно не поверила своим ушам. – Роб! – сказала она. – И свечи! Проворней, Джек, ловчее, Джек, скачи через подсвечник, Джек! Они нужны? – После этого она говорила почти нормально, просто почти все, что она говорила, было неожиданно.

– Свечи, вода и горсть зерна с солью, – сказал Роб.

– А воздух? – спросила Мари.

– Наше собственное дыхание, – ответил Роб. Его учили волшебству, и он, наверное, лучше меня понимал, о чем говорит Мари.

Мы хотели дать ей ее долю зерна и свечу, но она потребовала, чтобы сначала Роб показал ей бок. Сказала, что хорошо бы он не перенапрягался. Но в конце концов мы заставили ее сунуть бутылочку с водой в карман куртки – я тоже запасся – и взять зерно и свечу. Когда мы зажгли ее свечу, стало жутко. Мари вдруг побелела и слегка засветилась, будто свеча освещала ее не снаружи, а изнутри.

Когда мы смогли отвести глаза от Мари, оказалось, что поперек моста нет никакой решетки и вообще никого нет. Даже тех двух статуй. Мы

переглянулись, пожали плечами и пошли через мост. Копыта Роба стучали там совсем не так громко. И вообще была почти полная тишина. Внизу бурлила огромная полноводная река – и от нее не доносилось ни звука. Мост был широкий, как автотрасса, и выгибался крутой дугой, и нам казалось, что все просто, пока мы не перевалили через верхнюю точку и не начали спускаться.

Тут все стало очень странно.

Во-первых, мост, похоже, существовал только там, где его освещали свечи. После этого все было так. Через некоторое время мы привыкли, что несем с собой свой освещенный клочок реальности – так уж здесь все устроено, – но сначала все-таки перепугались: мы ведь раньше такого не видели. Поднимаешь голову – и впереди у тебя несколько шагов отличной дороги, а потом черное ничто. Нужно было не сводить глаз с освещенного участка. Но прямо вниз тоже нельзя было смотреть. Свечи отбрасывали возле ног кружок тени, а тени тоже были черное ничто. Хуже всего получалось под телом Роба. Он будто бы шел по овалу пустоты. Когда он это заметил, то уперся в землю всеми четырьмя копытами и застыл, трясаясь от страха. Хвост у него так и хлестал по бокам. Но и мы с Мари тоже были хороши.

– Нам... нам надо идти дальше, – сказал наконец Роб.

– Дорога вдаль и вдаль ведет, – сказала Мари.

И мы пошли – по шажку – дальше, на каждом шагу боясь рухнуть в пустоту.

Мало того: было такое чувство, что пустота затаилась под освещенной частью и только и ждет, когда мы провалимся. Это была такая живая пустота. Я не могу это описать, хотя и знаю, что она была черная и когтистая, – хуже всех папиных демонов. Все мы понимали, что она живая. Мы слышали, как она елозит и скрипит, и ощущали ее ледяное дыхание снизу. Она ползла за нами прямо у нас под ногами.

Роб пробирался вперед, будто по стеночке, и проговорил сквозь стиснутые зубы:

– По-моему, мне в жизни не было так страшно.

– Отлично, – сказала Мари. – Мне тоже до смерти хотелось в этом признаться.

Я не мог выдать ни слова.

Потом стало еще хуже, потому что мост стал трескаться, и чем ближе к той стороне, тем сильнее. Он разваливался на куски вроде льдин. А между льдинами таилась пустота и ждала, когда мы провалимся. А следующий кусок было видно, только если поднести к нему свечу и осветить. Иногда

особенно трудно приходилось нам с Мари – например, когда до следующего куска нужно было сделать длинный шаг, а у нас обе руки были заняты и мы не могли даже держаться друг за друга для равновесия. Тут уж закрываешь глаза, делаешь длинный-длинный шаг и надеешься, что обойдется. Иногда особенно трудно приходилось Робу – например, когда куски были маленькие и расставлены неравномерно. Ему оставалось только идти на цыпочках, переставляя копыта по одному. Два-три раза он закатывал глаза, и я боялся, что он сейчас взбесится. Но мы все-таки перешли мост – льдинка за льдинкой, – и нам казалось, что мы прошли много-много миль, но потом мы увидели на конце моста резные колонны. Прошли между ними – и поскорей выбежали на твердую землю.

Там было не лучше, просто по-другому.

Дорога, которую освещали наши свечи, была всего лишь тропинкой, отчасти заросшей то ли терновником, то ли ежевикой, то ли еще чем-то, и кусты были выше Роба. А колючки очень острые. Робу пришлось плохо, потому что он не мог повернуться боком, как мы с Мари. К тому же там, где среди кустов были прогалины, гулял жуткий ветер. Огоньки свечей на нем отклонялись под прямым углом. Но свечи все равно не гасли. Через некоторое время мы даже бросили прикрывать огоньки руками. Да и неудобно это – прикрывать свечу рукой, в которой зажата горсть зерна. И вообще всем нам этот кулак был нужен, чтобы расталкивать колючие ветки.

Не помню, когда у нас исчезла одежда, но в какой-то момент ее не стало – и обуви тоже. Сначала я просто смертельно замерз. Потом огромная мерзкая колючая ветка расцарапала мне весь живот, и я понял, что на мне ничего нет. Мари тоже была голая – она шла передо мной и светилась ярче прежнего, – а когда я обернулся, то увидел, что на Робе нет рубашки. К этому времени я продрог до костей. Было слышно, как у Роба стучат зубы. Мари все причитала: «Вот ведь стыдоба какая, вот ведь стыдоба какая!» – но по мне так самое неприятное было остаться без ботинок. Камни на тропе были острее шипов, да и сухих шипов там тоже хватало. Я, честно говоря, даже всерьез задумался, не повернуть ли назад. Но мост я тоже помнил.

Прошла целая вечность, и тропа прошла через что-то вроде полянки в кустах, где ветер был еще сильнее. Там виднелось что-то светлое, оно билось и металось впереди, будто хотело напасть на нас. Мы увидели его одновременно. Я заорал. Мари остановилась. Роб еле выговорил: «Это еще что?» Выглядело оно демонически.

– Как будто нас хочет убить бельевая веревка после большой стирки! –

сказала Мари. – Ой! – После чего ринулась вперед, прямо к этому бьющемуся непонятному, крича: – Нынче в ночь, нынче в ночь!...^[20]

– Это еще что? – повторил Роб, он весь дрожал.

– Дом и очаг, и горит свеча! – крикнула Мари впереди. – Сюда, болваны, это же одежда!

Мы двинулись туда, и оказалось – да, я понимаю, место, куда мы попали, обычным не назовешь, но я все равно глазам своим не поверил, – оказалось, что развешанная по кустам одежда – это старая юбка и кофта Мари, а еще джинсы и флиски, которые я ей отдал, чтобы она отнесла их в благотворительный магазин. Тут я крепко задумался. Дальше на тропе валялось довольно много старой обуви. Размышлять, как она сюда попала, было бессмысленно. Мы воткнули свечки в землю и стали одной рукой рыться в этом хламе. Я острым камнем проделал дырки в носках самой большой пары кроссовок. Это было так неудобно, что мне стало плевать на стихи и заклинания. Я ссыпал зерно в карман, чтобы дырявить кроссовки обеими руками. Тут до меня дошло, что бутылка с водой пропала вместе с той, другой одеждой. Я обернулся, чтобы сказать об этом Робу – а он стоял, трясясь всем телом и обхватив верхнюю половину руками, а на кустах не было никакой одежды, чтобы согреть его.

– Ты что, никогда не раздавал старую одежду? – спросила его Мари.

– Нет, – дрожа, проговорил он. – Кнаррос заставлял нас донашивать все, пока не развалится.

– Твоя сумка при тебе? – спросил я. – То есть сумка Уилла.

Я хотел сказать, что если сумки у него нет, значит мы потеряли всю воду, но он поглядел на меня, как будто я только что совершил открытие века, и сказал:

– Конечно! Спасибо!

Роб открыл сумку, запихнул туда свою горсть зерна и вытащил клочок козьей шерсти. Дал мне подержать свечу, ярко разгоревшуюся на ветру, и отделил часть клок. Потом принялся теребить и растягивать тот клочок, что поменьше. Шерсти становилось все больше и больше, и вот клочок стал уже такой большой, что затрепетал на ветру, но Роб поймал его за концы и стал растягивать дальше.

– А, попона! – догадалась Мари.

Получилось даже больше попоны – нежное пушистое покрывало, вроде мохера. Роб завязал его концы на шее. Мари велела мне расправить покрывало по всей его спине до самого хвоста. Так я и сделал, и оно не съезжало. Это была такая отличная мысль, что я взял половину остатка шерсти и сделал из нее что-то вроде шали. Мари сказала, что ей тепло, но

когда я ее потрогал, оказалось, что она холодная, как ледышка. Я сделал шаль и ей. Мы обвязали ими шею и двинулись дальше. Мне заметно полегчало, просто не сравнить, но Роб и Мари после этого явно начали уставать.

А участок с колючками тянулся и тянулся. По-моему, мы все время шли в гору, но сами понимаете, как трудно определить, когда ничего не видишь, кроме крошечного кружочка света, в котором идешь. Но когда мы наконец добрались до конца колючек, тропа перед нами уж точно круто шла вверх. Это был голый камень, весь выветрившийся – сплошные острые гребни, уступы и выступы, будто ножи торчат во все стороны. Я думал, Робу здесь не подняться, но он сказал, тут есть на что опереться. Труднее всех пришлось Мари. Она еле ползла. В конце концов Роб остановился и сказал, что так мы никогда не заберемся и лучше пусть Мари поедет на нем верхом.

– Тебе же будет больно! – разом сказали мы с Мари.

Роб это прекрасно понимал. И ответил – зло и обиженно, как говоришь, когда знаешь, что придется сделать что-то ужасно неприятное:

– Подсади ее на меня, и нечего спорить!

Пока я грузил Мари на него, он держал все три свечи. Хорошо, что она стала такая легкая. Ее обычный вес я бы ни за что не поднял. И Робу правда было больно. Он топал, морщился и разозлился пуще прежнего. Мари легла ему на спину лицом вниз – похоже, тогда ему было не так больно. И пока у меня обе руки были свободны, я достал из сумки Роба запасную бутылочку с водой и сунул себе в карман. Потом я очень радовался, что подумал об этом.

Затем мы пошли дальше и карабкались по острым выступам, и вдруг Роб как закричит, и все копыта у него заскользили. Я подумал, что у него разошлись швы на боку, но оказалось, что нет. На краю света, по другую сторону от Роба, так что я не сразу увидел, стояли трое детей. Мне трудно было их разглядеть – только белые острые лица. Они просто стояли, ну и смотрели не мигая – два маленьких мальчика и девочка. И ничего не делали, но Роб чуть с ума не сошел.

– Ой, не надо, не надо, не надо! – кричал он. – Вы мне нравились!

Мы смотрели на детей, и тут из темноты на нас полетели птицы. Вы себе представить не можете, как это страшно, когда большие, тяжелые птицы летят тебе в лицо, хлопая крыльями и шурша перьями. Птицы были черные и белые. Сначала они спикировали на нас. Мы кричали и отбивались, и тогда они отстали от нас и решили расклевать тех трех детей. Дети, кажется, растерялись.

Мари закричала:
– Скорей, скорей! Зерно, зерно!

И свесилась с Роба и рассыпала часть своей горсти по камням у ног детей.

Птицы тут же слетелись туда и стали драться за зерно. Они вели себя так, будто и правда умирали с голоду. Я хотел достать свое зерно из кармана, но тут Роб взял полиэтиленовый мешочек со своим зерном и высыпал все разом на землю перед собой. Птицы кинулись и туда тоже. Черные – при свечах было видно, что на самом деле они бурые и рябые, – отбрасывали зерна и клевали соль, а светлые хватали зерно.

– Бегите. Бегите, пока они заняты! – сказала Мари трем детям.

Они только смотрели на нее, будто ничего не понимали, но потом все-таки попятились в темноту. По-моему, они вообще во все это не включились.

Мы двинулись дальше, пока птицы не заинтересовались нами снова. Мари сказала:

– Надо было остаться и помочь этим бедным глупым малышам!

Роб сказал:

– Никто из нас ничем не может им помочь.

Говорил он так горько, что Мари больше ничего не спросила.

Потом прошло, наверное, лет пятьдесят, а мы все карабкались и соскальзывали. Хорошо хоть ветер немного унялся, но иногда все равно дул резкими холодными порывами. Жарко никому из нас не было. Наконец мы выбрались куда-то – вроде бы на плоскую вершину холма. На несколько блаженных секунд нам показалось, что мы на месте. Повсюду были развалины каких-то зданий. Потом Роб поднес свечу к ближайшим развалинам, и мы увидели, что на самом деле это была просто такая жуткая остроконечная каменная скала. Черная-черная. Одни камни были низенькие, по колено, другие высились, будто колокольни. И все были разной диковинной формы. То и дело тропа обрывалась и мы все думали, что наконец пришли, но потом какая-нибудь свечка высвечивала белую полосу, уходившую дальше в скалы.

Робу было трудно там протискиваться. Мари слезла, чтобы ему было легче. Она сказала, что отдохнула, хотя мне было ясно, что она совсем слабенькая. Но она шагала вперед, высоко держа свечку, и ветер мотал пламя туда-сюда, и были видны черные скалы со всех сторон. От ветра в скалах странно свистело. Сначала мы решили, что только от ветра, и все. Потом среди свиста послышались отчетливые голоса.

В основном они шептали и бормотали. Это была полная жуть. Иногда вроде бы даже на непонятных языках. Но я едва из штанов не выпрыгнул, когда кто-то прямо у меня за спиной произнес: «Тебе это с рук не сойдет.

Буду ждать тебя во дворе после школы». Звучало как настоящая угроза. Только рядом никого не было.

После этого мы все слышали голоса, но, по-моему, каждый слышал свое. Не знаю, что слышал Роб, но он все время зажимал уши. Он пачкал волосы воском и иногда даже подпаливал их, и они шипели, но явно было все равно, только бы не слушать. Мари шла вперед, и из-под очков у нее лились слезы. Я сначала перепугался, а потом просто все больше и больше злился. Там был один голос, который все повторял – занудно и самодовольно: «Не надо так волноваться. Все будет сделано». Он меня прямо достал. Хуже всего, что это был, кажется, мой собственный голос. Я даже прикрикнул на него раза два. Крикнул: «Да заткнись ты! Я иногда бываю вежливым!» Но голос не замолчал. В результате меня это так достало, что я закричал Робу, чтобы тот рассказал, что говорят ему голоса.

Он обернулся и посмотрел на меня, будто на спасителя. И крикнул в ответ: ему говорят, что если он пойдет дальше, то лишится своей красоты.

– Говорят, мне стоит всего лишь протиснуться в следующий проход по эту сторону, и я попаду домой, – сказал он.

То есть мне так послышалось: мои голоса заглушали его и путали мне все мысли.

Весь этот сумасшедший дом продолжался, пока мы не пролезли между двумя последними каменными башнями и голоса раз! – и смолкли вместе с ветром.

Потом был длинный-длинный прямой участок. Робу и Мари он дался легко, они шли рядышком и разговаривали. Представляете, Роб не знал, что попросить в Вавилоне! Сказал, Уилл показал ему, что ему очень-очень нужно что-то попросить, но что именно, он не понимает. И пересказал Мари кое-что из того, что говорил ему Уилл.

Пока они разговаривали, меня снова накрыло. Просто и спереди, и сзади, и по бокам была сплошная тьма. Можно сказать, со всех сторон. Как будто я шел по узенькой ленточке земли, а кругом пустота. Та самая холодная, голодная пустота с острыми углами, которая сидела под мостом. Мари как раз говорила Робу: «Такое чувство, как будто тебе надо попросить новую душу», когда я подошел к краю дороги и посветил туда свечой, чтобы посмотреть, что там.

Там не было ничего. Правда. Обрыв и бездонная пропасть. Я, как дурак, перебежал на другую сторону дороги и посветил туда. И там было то же самое. Другая пропасть. Мы и правда шли по узкой ленточке посреди ничего.

Мари с Робом продолжали разговор, но я после этого ни слова не

слышал. Они шли себе и шли и всерьез обсуждали душу Роба, а я тащился следом, и у меня все внутри и снаружи посинело и заледенело от страха и тряслось. Мне было так страшно, что хоть становись на четвереньки и ползи – обратно я и правда полз, – но мне было стыдно ползать при Робе и Мари: они-то ни капельки не боялись. Мне полегчало, только когда мы дошли до висячих садов.

Мы почти сразу назвали их висячими садами – наверное, и правильно, – хотя они были совсем не похожи. Сначала мы заметили, что ступаем по чему-то упругому, вроде мха, и оно покачивается под ногами и пахнет лимоном.

– Лимонная вербена! – сказала Мари. – Отлично!

Мшистый склон поднимался довольно круто и все сильнее раскачивался под ногами, а потом наши свечи высветили какую-то башню, полузаросшую всякой зеленью. Башня была похожа на шахматную ладью, только размером с хороший дом. Чуть дальше по другую сторону показалась еще одна башня, на этот раз – вроде фарфоровой пагоды. Отовсюду свисала растительность. При свечах было видно цветы, они пахли густо и сладко – хуже парфюмерного магазина. После этого мы увидели очередную башню по ближнюю сторону, похожую на ступенчатую пирамиду, а может быть, и не сразу после этого, а позже, под конец. В общем, после первых трех башен тропа пошла прямо-таки по вертикали, а цветущая ароматная земля не то что раскачивалась – ее вообще мотало туда-сюда. К этому времени мы как-то догадались, что все эти башни высокие, будто маяки, и их основания уходят глубоко-глубоко в бездну, а сады висят между башнями высоко в воздухе. И как только до нас это дошло, качающаяся земля стала ужасно ненадежной.

Мари впала в панику и застыла. После этого мне пришлось вцепиться в нее и тащить волоком. Роб был мне не помощник. Если бы у него не было рук, чтобы цепляться и подтягиваться, там бы мы и застряли. Мало того, иногда передние копыта у него стояли на одном раскачивающемся куске, а задние на другом, его растягивало – и ни назад, ни вперед. Скоро стало понятно, что мне надо помогать не только Мари, но и Робу. Я снял шаль и обвязал ее вокруг пояса. Потом я делал так: тащил Мари вверх, пока она не начинала плакать и умолять меня остановиться. Старался усадить ее поближе к какой-нибудь башне, где земля не так раскачивалась, и возвращался за Робом. И так много-много раз, с одной рукой – в другой я высоко держал свечу, чтобы видеть, куда ступаю и куда ставит копыта Роб. Цветочные запахи сменяли друг друга – такие сладкие, такие пряные, такие травяные. От них я вспотел и разозлился. Когда мне надо было упереться в

землю ногами, чтобы тащить Роба, я давил цветы, а сколько нам попало башен и какой красивой они были формы, даже не знаю, сбился со счета. Мрачно лазал вверх и вниз – и все: дотащить Мари, посадить ее, вернуться за Робом, – и так пока я совсем не выбился из сил.

Мы добрались до более открытого участка – сплошные холмики и блеклый мох. Очень блеклый: было даже видно, как он расстилается во все стороны, будто до бесконечности. И вот он раскачивался гораздо сильнее прежнего. Несмотря на качку, Мари сразу повеселела, но Робу было очень трудно. Отчасти дело в том, что ему было лучше видно – и видно, как у него разъезжаются копыта. Но в основном просто потому, что все раскачивалось.

Один раз его особенно сильно растянуло, и когда я подал ему руку, передние копыта оказались у меня прямо под подбородком, а задние далеко позади, как будто он встал на дыбы, и тут весь склон как закачается!

– Из-за чего это? – завопил Роб.

Наверное, не стоило ему говорить. Но я тоже перепугался. Я посмотрел вниз, мимо Роба, и увидел, что листья под нами освещены еще чьей-то свечой и стали того ядовито-зеленого цвета, какой бывает, когда плохо настроишь яркость в телевизоре. Кто-то неведомый поднимался оттуда к нам – быстро, большими скачками, подтягиваясь на лианах, и именно из-за него все раскачивалось.

– Сюда идет кто-то еще, – сказал я Робу.

Роб выругался и напрягся. Мы оба были уверены, что это наверняка враг. Роб поглядел через плечо и тоже увидел свет.

– Так тебе от меня никакого проку! – закричал он и хотел прыгнуть. Задняя часть его присела и оттолкнулась, но из-за раны ему было больно и трудно шевелиться, и от приседания его только еще сильнее растянуло. А потом задние копыта поскользнулись на мху, и все лошадиное тело провалилось вниз. Раз! – и он болтается над пропастью. Свечу он выронил и схватился за клочок мха. Я увидел, как свеча падает под мох, падает, падает, падает... Тогда-то я и сообразил, что лучше не выпускать его вторую руку. Я сел на его передние копыта, чтобы придержать их, будто якорь, хотя ему было больно, и вцепился ему в руку как безумный. Это было ужасно. Я и без того так устал, что руки были будто натянутые пружины.

Мари была выше нас на целый дом. Она завизжала и полезла, соскальзывая, вниз. А тот, внизу, как закричит:

– В чем дело?

– Он провалился! – завизжала Мари. – Помогите!

– Держитесь! – крикнул в ответ тот человек. И помчался к нам, будто поезд, отчего все эти мхи закачались хуже прежнего.

К этому времени мне было наплевать, кто он такой, друг или враг и вообще. Мы с Робом глядели друг на друга при свете моей свечи, которую я воткнул в мох, чтобы держать его обеими руками, и я только и мечтал, чтобы тот человек добрался до нас поскорее.

Потом он появился – и оказалось, это тот самый странный человек, который в зеркалах отражался в другой одежде. Мне и на это было наплевать. Я просто радовался, что он такой сильный. Он только взглянул на Роба, воткнул свою свечу в мох рядом с моей, нагнулся и взял Роба под мышки.

– Налегай тоже, – сказал он мне. – Раз, два, три!

Я уже и налегать-то не мог. Тот человек, по сути, все сделал сам, тянул и тянул, пока не лег на спину на склон, а Роб медленно-медленно залез вверх по мху, потом забуксовал задними копытами, нащупал опору и оттолкнулся. И выбрался на вершину.

Некоторое время мы все сидели, согнувшись, у двух свечей и отдувались. У Роба по лицу текли слезы, а Мари сидела над нами и твердила без конца:

– Спасибо! Ой, спасибо!

– Даже и не скажешь, что не за что. Пришлось потрудиться, – ответил тот человек, когда отдышался. – Но я рад, что оказался здесь. Для кентавра тут настоящая ловушка.

– Бывало и получше, – согласился Роб. Он достал запасную свечу, которую дала нам Цинка, и зажег запасной зажигалкой Руперта.

Я сказал:

– Я вас видел. В гостинице «Вавилон».

Мари сказала:

– И я.

Я вспомнил, что она называла его шикарным, и поглядел на нее снизу вверх – вдруг она сейчас в обморок упадет и вообще. Нет. Она смотрела на него озадаченно, но при этом как будто с пониманием.

– Вы кто? – спросила она. – Руперт Венейблз вас знает.

– Я еще не разобрался, кто я, – ответил он, и было видно, что ему неловко. – Но я и правда был ближайшим соседом Руперта Венейблза. Вы с ним знакомы, да?

– Познакомилась полтора месяца назад. Возненавидела. Снова встретилась с ним в гостинице – и почувствовала, что знаю его всю

жизнь, – сказала Мари.

Я сказал:

– Да, мы все неплохо с ним знакомы.

– Тогда, если вы увидите с ним раньше меня, передайте, что я скоро с ним свяжусь, – сказал тот человек. Встал и сокрушенно поглядел на ладонь. – Три зернышка осталось, – сказал он. – Остальное упало туда, куда чуть не упал ты, кентавр. – Он осторожно спрятал зерна в карман.

– Мы вам дадим еще, – сказал Роб.

– Должно хватить и трех, – ответил тот и протянул Робу руку. – Вставай. Я помогу тебе добраться до места, а те двое пусть помогают друг другу.

Мы его послушались. Робу было гораздо легче, когда рядом все время был кто-то, кто помогал ему и говорил, например: «Не тянись. Встань на эту кочку, она больше. Теперь прыгай сюда, но покрепче упрись копытами». Только Мари совсем устала, а я был слабый, как котенок. Роб с тем человеком уходили все дальше и дальше вперед. Потом, когда их свечки превратились в крошечные мерцающие искорки в вышине, они крикнули, что подождут нас на вершине.

Больше мы их не видели. Тогда мы ужасно огорчились. Но когда мы вернулись в гостиницу, то потом, уже в транспорте, Корифос объяснил мне, что они и в самом деле хотели нас дождаться, только вершина была устроена так, что это было невозможно. Хоть иди, хоть стой, все равно идешь туда, куда идешь. А возвращались они, оказывается, другой дорогой.

«Честное слово, было куда хуже, чем по пути туда, – сказал Корифос. – Счастье, что Роб вернулся живым».

Все потому, что на вершине висячих садов и был Вавилон. Мы – мы с Мари – поняли это, как только попали туда. Только я, наверное, не смогу ничего описать. Отчасти потому, что там было все сразу – непонятно как. То я помню, что это была плоская темная вершина горы, то – что огромная-преогромная башня и что мы были одновременно и внутри, и снаружи, а иногда помню, что просто стоял там в луче невероятно яркого света. Но стоит мне подумать, что это был свет, как я сразу думаю – нет, в нем были разные цвета, в том числе такие, каких больше нигде не увидишь и не подберешь названия, и они рябили и переливались, будто северное сияние, а еще это были какие-то движущиеся знаки. Потом я думаю – нет, при чем тут рябь, это были колонны. На самом деле я просто не знаю. А самое странное – и от этого вспомнить Вавилон даже труднее, чем из-за того, что у цветов нет названий, – самое странное, что там было как минимум в два

раза больше направлений во все стороны, чем в нормальной жизни. То есть когда я думаю о Вавилоне как о башне, то знаю, что в ней было десять-двенадцать прямых углов, и не только по кругу, но и сверху и снизу, точь-в-точь как в гостинице, но в этой башне я прямо видел все эти направления, и это было совсем непонятно и непривычно. И не только это.

Мари даже этого не помнит. В ее памяти сохранился только последний участок пути: мы с ней оба помним, как очутились у чего-то вроде каменного корыта, только оно было тоже очень странное, потому что из-за других направлений и измерений форма у него была диковатая для корыта. Мы остановились и немного подумали. Я сказал:

– Нельзя же просто взять и спросить. Нам сначала должны разрешить.

Мари сказала:

– Дай бутылку с водой.

У меня осталась только одна, но я отдал ее, и Мари осторожно вылила воду в корыто – тут без осторожности было никак, потому что вода тоже текла по всем направлениям сразу и прицелиться было трудно. Потом Мари вернула мне бутылку и сказала:

– Теперь ты тоже лей. А потом посыпь зерна.

Я так и сделал, и с зерном было даже труднее. Оно рассыпалось во все стороны, по всем углам, и в корыто попало только несколько зернышек. Но как только зерна упали в воду, она вся вспенилась и вроде как вздыбилась и поднялась до самых краев корыта, будто река.

Тут – я так думаю – послышался голос. Но я не уверен: это, конечно, был голос, но произносил он не слова, а скорее ноты, вроде напева. И мне показалось, что он сказал нам: пусть первой просит Мари, ведь ей нужнее.

Я пихнул Мари. Она прямо подпрыгнула. Я шепнул ей, что надо говорить. Она радостно закивала, и я решил, что она все поняла. Поправила очки на носу и сказала:

– Я хочу, чтобы мой толстячок-папочка вылечился от рака.

Я просто ушам своим не поверил. Все насмарку. И понял, что мне придется вместо собственного желания просить вторую половину Мари, и чуть не закричал с досады. Теперь, если я не попрошу за нее, ее невозможно будет вернуть, и получится, что из-за меня все зря старались. По-моему, я даже заплакал – так жалко мне было тратить желание. Но глупо было пройти такой путь и не попросить того, за чем мы шли. Вот я и попросил за Мари.

И снова послышалось пение. Мари вдруг стала правильного цвета. И даже потяжелела на вид. И разум к ней вернулся окончательно. И даже лицо у нее снова стало правильной формы. И я, наверное, обрадовался. Да,

конечно, я обрадовался.

Потом послышался другой напев, он означал, что нам пора уходить. Но мне кажется, в нем был намек для меня. В общем, я вспомнил все истории про Орфея и прочих и больше не смотрел на Мари. Повернулся и пошел обратно.

Не знаю, почему я настолько ее опередил. Мари тоже не знает. Она считает, что ей почти все время было видно огонек моей свечи. Я все время слышал позади ее шаги. Слышал, как она скользит за мной по мху, чувствовал, как он раскачивается под ней. Слышал ее шаги, пока полз по каменной ленте с обрывами с обеих сторон. Так что просто не понимаю, и все.

Обратная дорога была сплошной кошмар. Хуже всего было точно знать, что тебя ждет. Изменилось только одно – это когда я спускался по скалам, похожим на ножи. Я не видел там ни детей, ни птиц. Но остальное было по-прежнему и дожидалось нас. Правда, сейчас мне пришло в голову, что и в колючих кустах тоже кое-что изменилось. Я подозревал, что одежда опять исчезнет, а она осталась на мне. Исчезла только шаль, которую я сделал из козьей шерсти. А когда я перешел через мост, на той стороне ничего не было – ни ворот, ни статуй. Но к этому времени я так устал, что ничего толком не замечал. Только обрадовался, что никто не собирается меня останавливать, и потопал дальше. Я так устал, что даже не сразу понял, что можно остановиться, когда попал обратно в номер Руперта.

[3]

Все слушали, как я читаю, подавшись вперед, ловя каждое слово. Я так сосредоточился на чтении, что не сразу заметил, что листы бумаги словно тают, когда я их дочитываю. Почти каждый раз, когда я дочитывал очередной лист и убирал его под стопку бумаги, он исчезал. В результате у меня в руках осталось три листа. Я посмотрел на них. На верхнем было про птиц и детей.

Кто-то на дальнем конце стола спросил:

– Ты знаешь, кто были эти дети?

Я сказал:

– Да. Скорее всего, это были другие дети императора, которых убили.

– А птицы – как ты думаешь, что это было? – спросил другой далекий голос.

– Не знаю, – ответил я. – Думал, может, вы знаете.

– Если бы, – сказал кто-то совсем рядом со мной, на ближнем конце. – Нам это так же непонятно, как и вам.

После этого у меня осталось всего две страницы. Теперь на верхней был кусок про то, как я вернулся и мы гонялись за маленькими квачками. У меня внутри похолодело.

Об этом меня спросила одна старушка, сидевшая на скамейке у стены. Она была древняя-древняя, с запавшими щеками. А спросила она вот что:

– Как ты теперь относишься к матери?

Я не мог ничего ответить. Не знал – и все, хотя и пытался разобраться в этом с тех самых пор, как мы с папой и Мари вернулись в Бристоль.

Старушка сказала:

– Постарайся ответить. Поможет.

Я не видел другого способа ответить, кроме как заговорить о чем-то другом. И сказал:

– В прошлом году у меня на шее вскочил нарыв. Было очень зрелищно. Он все рос и рос и стал красно-лилового цвета. И пока он рос, он был такой восхитительно аккуратненький, красиво очерченный, совершенно круглый, выпуклый, правильный, со смешной ямочкой точно посередине. Когда я на него смотрел, то думал, какой он совершенной формы – будто полноправная часть моего тела, будто так и полагается, чтобы он торчал у меня на шее. Потом нарыв разболелся, тупо, но все сильнее, и мне приходилось все время держать голову на сторону. В конце концов папа потащил меня к врачу. Врач только глянул – и одним махом вскрыл нарыв. Было противно, грязно – и в десять раз больнее. Когда я вернулся домой, стало еще противнее. Нарыв стал некрасивый, никакой не круглый, сочился и жутко болел, но эта боль была другая, гораздо лучше прежней, хотя и прошла не скоро и у меня до сих пор остался шрам.

– Что ж, это честно, – сказала старушка.

После этого у меня остался только один лист. Я посмотрел – и весь сжался. Это был последний лист, а я уж точно не собирался рассказывать им, о чем хотел попросить. Но не был уверен, что меня не заставят.

Кто-то с середины стола проговорил:

– Ты не упомянул о своих мотивах. Не сказал, чего ради ты пошел на все это.

– Что вы имеете в виду? – спросил я, решив обороняться до последнего.

– Я имею в виду, – произнес он, – что ты хорошо объяснил, зачем тебе нужен был кентавр и почему ты попросил вернуть сестре ее вторую половину, однако по крайней мере один раз у тебя возникло искушение повернуть назад, и из твоего отчета следует, что ты вполне мог поддаться ему. Почему ты двинулся дальше?

– А, – сказал я, постаравшись не показать, какое это для меня

облегчение. – Конечно, дело в том, что мне было интересно. Мне хотелось посмотреть, что будет.

По-моему, это всех повеселило. По комнате прокатилась волна смешков, а когда она стихла, бумаг у меня в руках не осталось. Похоже, Руперт решил, что тут-то и можно уходить, но вопросы еще не кончились. Один из тех, суровых, с середины стола, спросил меня:

– Минуточку. В этом отчете о Вавилоне содержатся существенные сведения о магидской страшной тайне под названием «Вавилон». По этой причине мы будем вынуждены вычеркнуть из вашей памяти все до единого воспоминания о произошедшем. Пожалуйста, отнеситесь к этому с пониманием и простите за это наше собрание. Это необходимая мера.

Ну, они, конечно, попытались. Я и в самом деле вообще ничего не помнил, очень удивился, что Мари снова стала нужного цвета, и не мог понять почему, пока не вернулся домой и не нашел записку, которую оставил сам себе: «Поищи дискеты». Я и поискал и нашел около двадцати из сотни дискет, которые сам же и попрятал. Остальные пропали, файл с моего винчестера тоже стерся. Только Верхняя палата, похоже, не разгадала мою главную хитрость.

Понимаете, после того как Руперт сказал мне, что издателям компьютерных игр не понравилась моя «Бристолия» – слишком сложная, видите ли! – я решил разработать игру про Вавилон. А пошли они со своими страшными тайнами! Руперт и Мари все равно говорят, что главное в работе магида – постепенно, по капельке выдавать все особые знания. А кроме того, я хочу все вспомнить. Мне кажется, это отличный способ заставить Верхнюю палату сделать меня магидом. Я ведь именно об этом и хотел попросить – а пришлось просить за Мари. Зато теперь я добьюсь, чтобы следующую вакансию отдали мне.

Примечания

1

1 фут – примерно 30,5 см, то есть рост Стэна – всего 1,5 м. Жokeи обычно и бывают невысокими и худыми – небольшой вес дает им преимущество над соперниками. (*Здесь и далее примеч. ред.*)

2

Английская пинта – примерно 0,5 л.

3

Фунт – мера веса, равная приблизительно 450 гр.

4

Эпоха Регентства – период британской истории с 1811 по 1820 год. В это время королем был тяжело больной Георг III, и страной вместо него правил сын, принц-регент, после смерти отца ставший королем Георгом IV.

5

Имеется в виду пароход «Великобритания», спущенный на воду в 1843 году, – на тот момент самое большое судно в мире, первый трансатлантический пароход, соединивший преимущества металлического корпуса и гребного винта. В 1970 году пароход вернулся к месту

постройки, в Бристоль, где был переоборудован в музей. Его создатель Изамбард Кингдом Брюнель (1806–1859) – один из самых талантливых британских инженеров XIX века, построивший первый туннель под Темзой, Большую западную железную дорогу и несколько кораблей-гигантов.

6

Ярд – приблизительно 0,91 см.

7

Так же звали английского поэта и переводчика с весьма неоднозначной репутацией Альфреда Брюса Дугласа (1870–1945).

8

Филк, филк-музыка – жанр, объединяющий музыкальное творчество поклонников фэнтези, вдохновленное любимыми книгами.

9

Дюйм – приблизительно 2,5 см.

10

Фарлонг – примерно 200 м.

11

«*Честер*» – это искаженное латинское слово «castrum», означающее

«форт». В Британии довольно много городов, в названии которых есть этот суффикс, – Честер, Манчестер, Чичестер, Винчестер и т. д.

12

«Оксфам» – неправительственная международная организация, целью которой является борьба с бедностью. Содержит сеть благотворительных магазинов.

13

Здесь и далее стихи в переводе А. Сагаловой.

14

Меандр – тип орнамента, в котором линии изгибаются под прямым углом.

15

Бармецид – принц из сказок «Тысячи и одной ночи», который вместо угощения предложил нищим пустые тарелки.

16

Серия комиксов по сценарию Нила Геймана.

17

Upper room – Верхняя палата (англ.).

18

Башия Кабота – одна из самых заметных достопримечательностей Бристоля. Ее построили в 1897 году, в честь четырехсотой годовщины плавания Джона Кабота (ок. 1450–1499), который первым из европейцев после Лейфа Эрикссона и его викингов достиг Североамериканского континента. В свое знаменитое путешествие Кабот отправился именно из бристольского порта, и местные жители убеждены, что «настоящую» Америку открыл не Колумб, а Кабот, и Бристоль имеет к этому открытию самое прямое отношение.

19

Чарльз Лютвидж Доджсон – настоящее имя Льюиса Кэрролла, автора книг «Алиса в Стране чудес» и «Алиса в Зазеркалье».

20

Первая строчка старинной английской песни, в которой говорится о странствиях души, покинувшей тело. «Дом и очаг, и горит свеча» (ниже) – тоже из этой песни. Дальше в ней поется о том, что тот, кто жертвовал старую одежду, сможет облачиться в нее в потустороннем мире.